

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 1(56) 2025

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 1(56) 2025

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 34121.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминова** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клубукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index in the United catalog "Press of Russia" is 34121.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogytkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Ханнанова Д.М.</i> Валентность связочных глаголов.....	7
<i>Баркалова А.К.</i> Система языка во времени и пространстве: взгляд из XXI века.....	16
<i>Цырельчук К.А.</i> Герменевтика как искусство интерпретации (теоретико-исторический очерк сквозь призму православной теологии).....	25
<i>Орехова Е.Е., Вязовская В.В.</i> Бессоюзные сложные предложения в русском языке как предмет изучения носителями китайского языка.....	33
<i>Солодилова И.А., Волкова Е.А.</i> Дискурсообразующие и дискурсоприобретенные черты интернет-фольклора (на материале анекдотов о COVID-19).....	43
<i>Кудрина Е.В.</i> Медицинская лексика в метафорическом использовании в поэзии: с начала XX века до времен ковид-пандемии на примере лексем «вирус» и «маска» (на материале Национального корпуса русского языка и ковидных стихотворных сборников).....	50
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Тернова Т.А.</i> Осмысление метатекста в гуманитарных науках.....	57
<i>Воронова Т.А.</i> Личные имена в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь».....	65
<i>Наумцев И.И.</i> Особенности онейрического пространства в творчестве Е. Блажеевского.....	71
<i>Бугакова Н.Б.</i> Реализация дихотомической оппозиции душа / тело в романе А. Платонова «Счастливая Москва».....	80
<i>Хлебус М.А.</i> Между словом и молчанием: онтология коммуникации в романе Ю. Буйды «Дар речи»....	86
<i>Скуридина С.А.</i> Методология М.С. Альтмана в исследованиях Воронежской ономастической школы...	97
Лингвокультурология	
<i>Верховых Л.Н.</i> Тенденции переименования географических объектов как отражение истории и культуры региона (на примере урбанонимии города Борисоглебска Воронежской области).....	104
<i>Снигирёва Н.А.</i> Лингвокультурологическое своеобразие наименований контактных зон в современном белорусском языке.....	110
Межкультурная коммуникация	
<i>Молчанова В.А.</i> Параллельные образные сравнения с компонентом «как» / «comme» / «comme» в русском и французском языках и возможности их использования в практике преподавания РКИ.....	120
<i>Катермина В.В., Шершинева Н.Б.</i> Принцип аналогии в англоязычном неологическом дискурсе.....	125
Концептология	
<i>Хамитов И.С., Байрамгулова Г.Р., Кулуева Ю.А., Исхакова Г.С.</i> Лингвокультурологический анализ концепта «БӘХЕТ» в башкирском языке (на материале художественного текста «БӘХЕТ КОШО ЮЛЫНАН» Т. Киекбаевой).....	133
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Маслова Е.С.</i> Экономическая тематика в массовом бесплатном издании «Городская газета» (Томск, 2009-2013).....	140
<i>Бузальская Е.В.</i> «Новостная заметка интернет-платформы» как речевой жанр.....	150
Язык СМИ	
<i>Селеменева О.А.</i> «Горизонты открытий»: итеронимы в тревел-медиадискурсе.....	155
<i>Мифтахова О.В.</i> Особенности современного политического дискурса Германии. Когнитивный аспект.....	164
<i>Цзян Л.</i> Цитаты в заголовках современной российской прессы.....	171
<i>Кузьминых Е.О., Сабина М.А.</i> Вербальный способ формирования медиаобраза российских студенческих отрядов.....	179
События, обзоры, рецензии	
<i>Морзунова А.Н., Давыдова Р.С.</i> Семантические и грамматические процессы в синхронии: региональный методологический семинар научной школы профессора Е.П. Иванян.....	186
<i>Скуридина С.А., Бугакова Н.Б.</i> «Дух, душа и тело в мировой культуре»: константы и метаморфозы.....	195
Правила оформления статей	203

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Khannanova D.M.</i> Valience of link verbs.....	7
<i>Barkalova A.K.</i> System of language in time and space: a view from the 21 st century.....	16
<i>Tsyrelchuk K.A.</i> Hermeneutics as the art of interpretation (theoretical and historical essay through the prism of Orthodox theology).....	25
<i>Orekhova E.E., Vyazovskaya V.V.</i> Russian conjunctionless complex sentence as a subject of study by native Chinese speakers.....	33
<i>Solodilova I.A., Volkova E.A.</i> Discourse-forming and discourse-acquired features of Internet folklore (based on jokes about COVID-19).....	43
<i>Kudrina E.V.</i> Medical vocabulary in metaphorical use in poetry: from the beginning of the 20th century to the times of the covid pandemic on the example of the lexemes "virus" and "mask" (based on the National Corpus of the Russian language and covid poetry collections).....	50
Literary text: aspects of study	
<i>Ternova T.A.</i> Understanding metatext in the humanities.....	57
<i>Voronova T.A.</i> Personal names in the novel «The last song» by I.V. Golovkina.....	65
<i>Naumtsev I.I.</i> Features of the oneiric space in the works of E. Blazhevsky.....	71
<i>Bugakova N.B.</i> Implementation of the dichotomous opposition soul/ body in A. Platonov's novel «Happy Moscow».....	80
<i>Khlebus M.A.</i> Between word and silence: ontology of communication in Y. Buida's novel "The gift of speech".....	86
<i>Skuridina S.A.</i> Methodology of M.S. Altman in the research of the Voronezh onomastic school.....	97
Language and culture studies	
<i>Verkhovyykh L.N.</i> Trends in renaming geographical objects as a reflection of the history and culture of the region (on the example of urbannymy of the city of Borisoglebsk, Voronezh region).....	104
<i>Snigiriyova N.A.</i> Linguoculturological originality of the names of contact zones in the modern Belarusian language.....	110
Intercultural communication	
<i>Molchanova V.A.</i> Parallel figurative comparisons with the component "like" / "comme" / "comme" in the Russian and French languages and the possibilities of their use in the practice of teaching Russian as a foreign language.....	120
<i>Katermina V.V., Shershneva N.B.</i> The principle of analogy in English neological discourse.....	125
Concept studies	
<i>Khamitov I.S., Bayramgulova G.R., Kulueva Y.A., Iskhakova G.S.</i> Linguoculturological analysis of the concept "БӘХЕТ" in the Bashkir language (based on the material of the literary text "БӘХЕТ КОШО ЮЛЫНАН" by T. Kiekbaeva).....	133
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Maslova E.S.</i> Economic topics in the free mass edition "City newspaper" (Tomsk, 2009-2013).....	140
<i>Buzalskaia E.V.</i> «A news note from Internet platforms» as a speech genre.....	150
Language of mass media	
<i>Selemeneva O.A.</i> "Horizons of discovery": interonyms in travel media discourse.....	155
<i>Miftakhova O.V.</i> Features of modern political discourse in Germany. Cognitive aspect.....	164
<i>Jiang L.</i> Quotes in the headlines of the modern Russian press.....	171
<i>Kuzminykh E.O., Sabinina M.A.</i> Verbal way of forming the media image of Russian student brigades.....	179
Events and reviews	
<i>Morgunova A.N., Davydova R.S.</i> Semantic and grammatical processes in synchrony: regional methodological seminar of the scientific school of professor E.P. Ivanyan.....	186
<i>Skuridina S.A., Bugakova N.B.</i> «Spirit, soul and body in world culture»: constants and metamorphoses.....	195
Layout of the articles	203

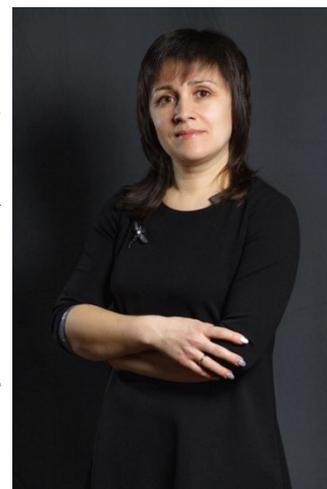
Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей пятьдесят шестой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Концептология», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 25 научных работ. Раздел «Лингвистика» включает статьи, описывающие валентность связочных глаголов (*Д.М. Ханнанова*), представляющие изменения в системе языка во времени и пространстве (*А.К. Баркалова*), анализирующие теоретико-исторический очерк сквозь призму православной теологии в рамках герменевтики (*К.А. Цырельчук*), рассматривающие бессоюзные сложные предложения в русском языке как предмет изучения носителями китайского языка (*Е.Е. Орехова, В.В. Вязовская*), выявляющие дискурсообразующие и дискурсоприобретенные черты интернет-фольклора (на материале анекдотов о COVID-19) (*И.А. Солодилова, Е.А. Волкова*) и медицинскую лексику в метафорическом использовании в поэзии (*Е.В. Кудрина*). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, авторы которых обращаются к осмыслению метатекста в гуманитарных науках (*Т.А. Тернова*), личных имен в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь» (*Т.А. Воронова*), особенностей онейрического пространства в творчестве Е. Блажеевского (*И.И. Наумцев*), дихотомической оппозиции душа/тело в романе А. Платонова «Счастливая Москва» (*Н.Б. Бугакова*), коммуникации в романе Ю. Буйды «Дар речи» (*М.А. Хлебус*), методологии М.С. Альтмана, используемой в исследованиях Воронежской ономастической школы (*С.А. Скуридина*). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, описывающие тенденции переименования географических объектов как отражение истории и культуры региона (*Л.Н. Верховых*), и рассматривающие лингвокультурологическое своеобразие наименований контактных зон в современном белорусском языке (*Н.А. Снигирёва*). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлены параллельные образные сравнения с компонентом «как» / «comme» / «comme» в русском и французском языках и возможности их использования в практике преподавания РКИ (*В.А. Молчанова*). В разделе «Концептология» авторы осуществляют лингвокультурологический анализ концепта «БЭХЕТ» в башкирском языке (*И.С. Хамитов, Г.Р. Байрамгулова, Ю.А. Кулуева, Г.С. Исхакова*). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» рассматриваются экономическая тематика в бесплатном издании «Городская газета» (Томск, 2009-2013) (*Е.С. Маслова*) и «новостная заметка интернет-платформы» как речевой жанр (*Е.В. Бузальская*). В разделе «Язык СМИ» анализируются итеронимы в тревел-медиадискурсе (*О.А. Селеменева*), выявляются особенности современного политического дискурса Германии (*О.В. Мифтахова*), рассматриваются цитаты в заголовках современной российской прессы (*Л. Цзян*) и вербальный способ формирования медиаобраза российских студенческих отрядов (*Е.О. Кузьминых, М.А. Сабина*). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги регионального методологического семинара научной школы профессора Е.П. Иванян (*А.Н. Моргунова, Р.С. Давыдова*) и III научно-практической конференции «Дух, душа и тело в мировой культуре» (*С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова*).

Содержащиеся в выпуске 1 (56) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.001

Университет управления «ТИСБИ», филиал
в г. Альметьевск
кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Ханнанова Д.М.
Россия, г. Альметьевск,
тел. +79872609310
e-mail: val_dina@mail.ru

University of Management "TISBI",
branch in Almet'yevsk
The chair of Humanities, Associate Professor,
Candidate of Philological Sciences
Khannanova D.M.
Russia, Almet'yevsk,
tel. +79872609310
e-mail: val_dina@mail.ru

Д.М. Ханнанова

ВАЛЕНТНОСТЬ СВЯЗОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье рассматривается вопрос об описании валентности связочных глаголов. Анализ проводится с позиции вербоцентрического подхода, когда глагол является центральным и главным структурным элементом предложения, валентность которого будет определять количество и характер других компонентов основной синтаксической единицы. Исследованию подвергались немецкие глаголы-связки, со значением «изменение состояния/появление нового признака»: *sich färben, sich verfärben, sich machen, sich saugen, sterben, sich verwandeln in A, sich entwickeln zu D, sich erneuern zu D, verschmelzen zu D*. Для раскрытия валентностного потенциала этих глаголов первоначально был проведен анализ их лексического значения, на основе чего был выявлен набор семантических актантов, составивших их семантическую валентность. Затем эти связки были рассмотрены в процессе своего функционирования в предложении, в результате чего были выявлены их синтаксические актанты. Таким образом, было установлено, что в валентностную структуру рассматриваемых связочных глаголов входят субъект, объект, атрибутив, локатив, медиатив и темпоратив. Некоторые из семантических актантов были продублированы синтаксически, другие оказались новыми, не входившими ранее в семантическую структуру, вследствие чего был сделан вывод о том, что синтаксическая валентность оказывается шире семантической и тем самым дополняет валентность семантическую, что впоследствии может быть отражено в словарных дефинициях глаголов.

Ключевые слова: связочный глагол, валентность, семантическая валентность, синтаксическая валентность, вербоцентрический подход, актант

D.M. Khannanova

VALENCE OF LINK VERBS

The article considers the question of describing the valence of link verbs. The analysis is carried out from the position of a verbocentric approach, when the verb is the central and main structural element of a sentence, the valence of which will determine the number and nature of other components of the basic syntactic unit. German link verbs with the meaning "change of state/appearance of a new feature" were studied: *sich färben, sich verfärben, sich machen, sich saugen, sterben, sich verwandeln in A, sich entwickeln zu D, sich erneuern zu D, verschmelzen zu D*. To reveal the valence potential of these verbs, an analysis of their lexical meaning was initially carried out, on the basis of which a set of semantic actants was identified that made up their semantic valence. Then these link verbs were considered in the process of their functioning in the sentence, as a result of which their syntactic actants were revealed. In this way, it was found that the valence structure of the considered verbs includes subject, object, attributive, locative, mediative and temporative. Some of the semantic actants were duplicated by syntactic ones, others turned out to be new, which were not previously included in the semantic structure, as a result of which it was concluded that the syntactic valence turns out to be wider than the semantic one and thereby complements the semantic valence, which can later be reflected in the dictionary definitions of verbs.

Keywords: link verb, valence, semantic valence, syntactic valence, verbocentric approach, actant

Изучение глагольной валентности в языкознании, как известно, берет свое начало с идеи Л. Теньера о том, что глаголы, наподобие с атомами, которые притягивают к себе определенное количество других атомов для образования молекулы, могут присоединять к себе слова, число которых и составляет их валентность [1]. Эта теория получила признание в лингвистике и успешно разрабатывается на протяжении уже нескольких десятилетий. В ее рамках сформировалось два основных направления. С одной стороны, валентность глагола рассматривается как явление семантическое, когда участники ситуации, которую называет глагол, могут быть выделены из толкования глагольной лексемы, с другой – в грамматическом плане, то есть как конкретная реализация открытых для заполнения «мест» или «гнезд» соответствующими категориальным признакам «гнезда» словами [2; с. 88]. Таким образом, лексическое значение глагола демонстрирует потенциальные возможности языковой единицы связываться с актантами различного порядка и образует его семантическую валентность, в то время как взаимодействие со средой в составе предложения в процессе ее функционирования формирует результативный аспект и представляет собой валентность синтаксическую. Однако, все чаще эти два типа валентности рассматриваются в тесной взаимосвязи, поскольку на практике одно оказывается неотделимым от другого, и семантические актанты глагольных лексем находятся с синтаксическими в отношении взаимно-однозначного соответствия [3], что позволяет говорить о семантико-грамматической валентности.

Повышенный интерес к изучению глагольной валентности вызван тем, что глагол является центральным и главным компонентом структурной модели простого предложения, и именно его семантика и валентностные свойства определяют набор других компонентов в составе синтаксической структуры всего предложения. На сегодняшний день основной принцип теории глагольной валентности признается и используется в исследованиях как зарубежных, так и отечественных лингвистов. Разногласия при разработке проблемы касаются преимущественно типологии актантов, терминологии, подходов, с позиции которых ведутся исследования [4; с. 118], частных случаев реализации глаголом валентностного потенциала [5; с. 21].

Валентностные свойства глаголов, основанные на их семантике, рассматриваются, как правило, в структуре модели предложения с глагольным сказуемым. Цель настоящей статьи – методами анализа, описания и сопоставления рассмотреть валентностный потенциал немецких связочных глаголов со значением «изменение состояния, приобретение нового признака». Глаголы названной семантики выявлены методом сплошной выборки из художественных произведений немецких и австрийских писателей в рамках концепции преобразования исходного именного сказуемого со связочным глаголом *sein/быть* [6; с. 16] или его фазисным эквивалентом – глаголом *werden/стать, становиться* с приращенным значением «окончание одного состояния и начало другого»: *Ich bin Student. Ich schloß Student zu sein. Ich wurde „nicht Student“ – Lehrer*. Таким образом, к связочным глаголам, представляющим собой результаты семантического преобразования последнего и образующим группу связочных глаголов изменения состояния в немецком языке относятся глаголы: *sich färben* (окрашиваться), *sich verfärben* (менять окраску), *sich machen* (делаться/сделаться), *sich saugen* (впитываться/пропитываться), *sterben* (умирать), *sich verwandeln in A* (превращаться во ч-л., к-л.), *sich entwickeln zu D* (развиваться/развиться во ч-л., к-л., *sich erneuern zu D* (обновляться во ч-л., к-л.), *verschmelzen zu D* (сливать воедино, сплачивать, сливаться). Указанная группа глаголов ранее не являлась предметом специального исследования в аспекте описания их валентностных возможностей, в чем видится новизна предпринятого анализа. Помимо этого, результаты работы могут внести вклад в раскрытие особенностей функционирования глагольных связок не только рассматриваемой группы, но и связочных глаголов с другим значением, а также обогатить знания о функционировании глагольной лексики в целом.

Как говорилось выше, валентность все чаще рассматривается как семантико-грамматическая категория, когда валентностный потенциал словарной единицы раскрывается не только на основе его лексического значения, но и дополняется сведениями о способности присоединять другие слова, полученными в процессе ее функционирования в предложении, взаимодействия со своим окружением. Учитывая тот факт, что форма именного сказуемого *V+Adjektiv/Substantiv* изначально предполагает сочетание связочного глагола с именем прилагательным и существительным, приписывая признак субъекту, заключенному в подлежащем или описывая его состояние, уже на этом этапе анализа у глагольной связки можно предполагать наличия трех валентностных позиций: субъекта, атрибутива и объекта.

Определим набор семантических актантов у выделенных для анализа глаголов-связок, опираясь на их словарные дефиниции, более подробно:

werden – *eine bestimmte Eigenschaft bekommen: alt, gesund, müde, reich, zornig werden; etwas entwickelt sich zu etwas* [7; с. 1129];

sich färben – *etwas nimmt eine bestimmte Farbe, Färbung an* [там же; с. 325];

sich verfärben – *etwas bekommt eine andere Farbe* [там же; с. 1061];

sich machen – *jemand/etwas entwickelt sich positiv* [там же; с. 63], *sich in bestimmter, meist positiver Weise entwickeln* [8];

sich saugen – *(Flüssigkeit) in sich aufnehmen, in sich hineinziehen* [там же];

sterben – *aufhören zu leben* [22. С. 93], *aufhören zu leben, sein Leben beschließen* [там же];

sich verwandeln in A – *zu jemandem, etwas anderem werden* [там же];

sich entwickeln zu D – *über längere Zeit zu etwas werden* [7; с. 289]; *allmählich unter bestimmten Bedingungen zu etwas anderem, Neuem werden* [там же];

sich erneuern zu D – *[von innen heraus] neu werden, neue Kraft gewinnen* [8]; *etwas wird aus sich heraus/aus eigener Kraftwieder neu* [9; с. 301];

verschmelzen zu D – *durch Schmelzen und Zusammenfließen zu einer Einheit werden (D) zwei oder mehrere Materialien schmelzen und bilden so eine Einheit* [там же; с. 1079].

Семантика анализируемых глаголов, таким образом, позволяет выявить следующие семантические актанты: как и предполагалось, их валентностную структуру образуют субъект (*jemand, etwas, zwei oder mehrere Materialien*), объект (*sein Leben, neue Kraft, eine Einheit*), атрибутив (*eine bestimmte Eigenschaft, eine bestimmte Farbe, Färbung, eine andere Farbe, alt, gesund, müde, reich, zornig, positiver Weise, positiv, neu*; а также локатив: (*von innen heraus*), медиатив (*durch Schmelzen und Zusammenfließen*) и темпоратив (*über längere Zeit, allmählich*).

Таблица 1

Семантическая валентность связочных глаголов изменения состояния

Семантический актант	werden (zu D)	s. färben	s. verfärben	s. machen	s. saugen	sterben	s. verwandeln in A	s. entwickeln zu D	s. erneuern zu D	verschmelzen zu D
Субъект	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+
Объект	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+
Атрибутив	+	+	+	+	-	-	-	-	+	-
Локатив	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Медиатив	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Темпоратив	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-

Как видим из таблицы, актант-субъект входит в семантическую валентность глаголов *werden*, *sich färben*, *sich verfärben*, *sich machen*, *sich erneuern*, *verschmelzen*. Семантическая структура значения указанных связок за исключением глаголов *sich färben*, *sich verfärben*, *sich machen*, имеет актант-объект. Семантический актант-атрибутив представлен у глаголов *werden*, *sich färben*, *sich verfärben*, *sich machen* и *sich erneuern*. У глагола *werden* валентностная структура содержит актант-атрибутив с общей признаковой характеристикой, в то время как у остальных глаголов он является инкорпорированным: у глаголов *sich färben* и *sich verfärben* – окрашивание, у глагола *sich machen* подразумевается только позитивное развитие событий, у глагола *sich erneuern* – обновление. Помимо этого, к семантической валентности глагола *sich erneuern* относится актант-локатив, обозначающий место, откуда запускается процесс обновления (*von innen heraus*). Актант-медиатив наблюдаем в семантической валентности глагола *verschmelzen zu*, указывающий на то, каким способом образуется новое единство, и, наконец, актант-темпоратив входит в семантическую валентность одного единственного глагола *sich entwickeln*, выражающий постепенность, долговременность развития какого-либо действия (*über längere Zeit*, *allmählich*).

Анализ научной литературы по проблеме синтаксической валентности связочных глаголов показал, что глагольная связка рассматривается преимущественно в рамках вербоцентрической теории глагольных предложений, когда сочетание связочного глагола с именным компонентом представляется глаголом неполной знаменательности [10; с. 174], требующего обязательного распространения именем [11; с. 11]. Глагольные связки понимаются как слова неполной номинации и характеризуются некоторой семантической пустотой, недостаточной семантической насыщенностью, вследствие которой требуют обязательного наличия других слов для восполнения смысла [12; с. 9]. Неполная номинация представляет собой частичное, неполное обозначение отношений, свойств, качеств, процессов, состояний, в которых находится, пребывает данное лицо или предмет, то есть, такое соотнесение слова с референтом, которое требует конкретизации в виде дополнительных слов, словосочетаний [12; с. 5-6].

По мнению А.А. Уфимцевой, такие глаголы представляют собой тип лексических единиц с широкой понятийной основой, у которых «сигнификативная, образующая понятие функция превалирует над номинативной. В основе значений слов этого типа лежит сигнификат в виде общего признака, неполного и далеко не очерченного понятия» [13; с. 109], нуждающегося в уточнении и конкретизации признака. Широкозначность и абстрактное представление признака подобных глаголов проявляется в том, что они имеют самое общее процессуальное значение, заключающее в себе обобщенное указание на действие или состояние. «Конкретизация же значения глагола, наполнение его реальным признаковым содержанием осуществляется в соединении с другим словом (словами)» [13; с. 109]. Несколько иную необходимость распространения значения можно встретить у связочных глаголов типа *klingen*, *riechen*, *duften*, *schmecken*, *aussehen*, которая вызвана их своеобразной семантической структурой, когда в значении глагольных связок встроен модуль, указывающий на способ восприятия сходства между предметами на слух, по запаху, по вкусу и внешнему сходству, вследствие чего возникает потребность в конкретизации соответствующего модуля за счет грамматического объекта. Такие глаголы являются двухвалентными и употребляются в окружении двух облигаторных актантов: грамматического субъекта – темы и грамматического объекта – эталона [14; с. 46-53].

Аналогичным образом высказывается и С.М. Кибардина, которая полагает, что некоторые глаголы *sich benehmen*, *sich führen* и *aussehen* предполагают своей семантикой «место» со значением качественной характеристики, которое обязательно заполняется в предложении [15; с. 45]. Такой компонент, по ее мнению, обычно относят к валентности глагола, руководствуясь его структурной обязательностью. Вместе с тем при описании валентности представляется необходимым учитывать случаи, когда компонент со значением качественной характеристики является структурно факультативным, но, тем не менее, предполагается семан-

тикой глагола. Например, в употреблении *Er lebt elend*, глагол *leben* является двухвалентным; если опустить элемент *elend*, то значение глагола изменяется: *Er lebt* означает, что некто жив, не мертв, значение качественной характеристики не восстанавливается из контекста. Подобные случаи можно определить, как атрибутивную валентность, выделив ее как особый тип валентности» [15; с. 45]. Сравните также следующее высказывание: «Назовем способность слова сочетаться с прилагательным атрибутивной валентностью. Далее, сделаем допущение, что связочность есть не что иное как атрибутивная валентность глагола» [16; с. 149]. Так и Н.А. Чубарова, анализируя немецкие глаголы *sich halten, sich verhalten, sich nehmen, aussehen, sich fühlen*, которые также относятся к связочным, называет их глаголами с атрибутивной валентностью, поскольку их семантическая валентностная структура содержит актанта-атрибут с признаковым описанием, указывающим при этом на некую общую качественную характеристику действия, процесса или состояния и поэтому предполагающим вариативность заполнения этого актанта: «лексикографическое толкование глагола *sich verhalten* (вести себя, держать себя) содержит лишь указание на какое-то поведение: ***sich verhalten*** – *in bestimmter Weise auf jemanden, etwas in einer Situation o.Ä. reagieren*; т.е. предполагает вариативность заполнения данного актанта: *sich ruhig, still, abwartend, vorsichtig verhalten* [4; с. 119].

В работе Н.А. Бондаренко содержится более обширный список глаголов с атрибутивной валентностью, которые также способны выступать в роли связочных. К ним относятся глаголы истинного поведения: *sich aufführen, auftreten, sich benehmen, sich betragen, sich führen, sich verhalten* и глаголы восприятия, которые подразделяются на глаголы состояния *sich aussehen, sich fühlen, sich anfühlen*, сомнения *erscheinen, scheinen, vorkommen, wirken* и утверждения: *sich darstellen, sich erweisen, sich herausstellen, sich zeigen*. В словарной дефиниции перечисленных глаголов содержится указание на некую качественную, точнее оценочную характеристику состояния [17; с. 8]. Семантическая первичность глагола по отношению к атрибуту усматривается в следующем высказывании ученого: «семантика глагола накладывает определенные ограничения на семантику актанта-атрибута» [17; с. 8]. Валентность связочных глаголов в рамках вербоцентрического подхода определяют как активную, то есть глагол способен присоединять зависимый элемент или распространяться зависимыми словами; обязательную – существует необходимость в заполнении позиций до и после ввиду семантической недостаточности для самостоятельного употребления; двухвалентную – определяется по числу актантов: субъекта и атрибута, и предикативную – по синтаксической функции дополняющего члена комплемента [12; с. 16].

Об атрибутивной валентности стилистически нейтральных глаголов движения *gehen, fahren, laufen* в немецком языке говорит также А.Э. Тульцева [18; с. 56], ссылаясь на словарь языкового употребления слов и выражений Э. Агриколы и словарь Дудена, которые могут использоваться в сочетании с прилагательными, например: *aufrecht, gerade, krumm, langsam, barfuß gehen* [19; с. 256]; *rückwärts, schnell fahren* [там же; с. 218]; *schwer, unsicher, eilig, rasch laufen* [там же; с. 285], в том числе глаголы с выраженной стилистической окраской, например: *schleppen, schlendern: ich schleppte mich mühsam ins Haus* [там же; с. 541]; *gemächlich schlendern* [9; с. 1328]. При этом отмечается, что словари и справочники по ее наблюдениям практически не отражают атрибутивную характеристику этих глаголов, а их валентностные компоненты обнаруживаются, главным образом, на синтаксическом уровне, что в очередной раз доказывает необходимость описания глагольных слов в структуре предложения.

Проследим, как семантические актаны анализируемых в настоящей работе глагольных связок реализуются в синтаксических актантах с вербоцентрической позиции. Синтаксический актанта-субъект, испытывающий появление нового признака или состояния, присутствует у всех исследуемых глаголов и актуализируется именем существительным, в том числе распространенным, личным именем или местоимением: *Sein Gesicht wurde erst im Singen weicher* (W. Strube), *Die Flüssigkeit färbte sich nach und nach dunkelgrau* (W. Strube), *Indessen ver-*

färbte sich das Gesicht krebsrot (R. Schneider), *Auch Josy und Nicoletta machten sich niedlich* (K. Mann), *Der Schwamm hat sich voll Wasser gesaugt* [8]. *Seine Nasenwurzel verwandelte sich in eine Hautkerbe* (E. Strittmatter), *Die Stadt hat sich zu einem kulturellen Zentrum entwickelt* [9; с. 289], *Ihre hochgehaltenen Hände verschmelzen wieder zu einem Brückenbogen* (E. Strittmatter), *Er starb als gläubiger Christ* [8], *Deutschland würde sich zur wahren Volksgemeinschaft wunderbar erneuern* (K. Mann).

В синтаксическую валентность глаголов *werden*, *sich verwandeln*, *sich entwickeln*, *sich erneuern*, *verschmelzen* входит актант-объект, присоединяющийся посредством предлога: *Das Grinsen im Gesicht des jungen Mannes wurde zur Grimasse* (K. Fruhauf), *Er hatte sich in einen frühen Kirchgänger verwandelt* (A. Seghers) или *Das kleine Mädchen hat sich inzwischen in eine junge Dame verwandelt* [8], *Japan hat sich zu einer Industriemacht entwickelt* [8] или *Er hatte sich zum Sonderling entwickelt* (K. Mann), *Deutschland würde sich zur wahren Volksgemeinschaft wunderbar erneuern* (K. Mann), *Musik und Bewegung verschmolzen zu einem Ganzen* [8]. У глагола *sterben* актант-объект вводится частицей *als*: *Er starb als gläubiger Christ* [там же]. В беспредложном употреблении глагола *werden*, как и у глаголов *sich färben*, *sich verfärben*, *sich saugen* и *sterben* актуализируется актант-атрибутив: *Ihr Herz wurde nur noch wärmer* (R. Schneider), *Meine Finger färbten sich blutig* (A. Zweig), *Seine Lippen verfärbten sich grau* (E. Neutsch), *Das blonde Haar saugt sich dunkel* (R. Schneider) или *Das Löschblatt sog sich voll Tinte*, *Doch er starb unbekannt* (O. Levett). У глагола *sich machen* включенный инкорпорированный семантический атрибутив со значением позитивной оценки в синтаксической валентности выносится во внешнюю структуру и становится актантом-атрибутом не обязательно с положительной признаковой характеристикой, но и допускающей вариативность семантического заполнения позиции, сравните: *Das Wetter macht sich wieder (wird wieder besser)* (D), *Ich glaube, das Wetter macht sich heute noch (wird heute besser)* [7; с. 638], *Früher war er nicht sehr fleißig, aber jetzt macht er sich (wurde fleißiger)* [там же] и *Er machte sich bucklig* (K. Mann), *Auch Josy und Nicoletta machten sich niedlich* (K. Mann), у этого же глагола в синтаксическом употреблении, как видно из примеров, появляется и актант-темпоратив, выраженный словами *heute* и *früher*.

В синтаксической валентностной структуре глагола *werden* имеется также актант-локатив *Sein Gesicht wurde erst im Singen weicher* (W. Strube) и актант-темпоратив, отсутствующий в структуре его семантической валентности: *Das Gesicht, das erst weiß und dann rot wurde* (W. Schmidli). То же самое можно сказать и о глаголе *sich färben*: *Die Flüssigkeit färbte sich nach und nach dunkelgrau* (W. Schmidli) или *Im Herbst färben sich die Blätter bunt* [там же. С. 325]. У глагола *sich färben* отмечается также синтаксический актант-локатив, который в лексикографическом источнике не зафиксирован: *Die Lumberjacke färbt sich unterhalb der Schultern rot* (H. Schauer, O. Bonhof), у глагола *sich machen* – темпоратив: *Ich glaube, das Wetter macht sich heute noch* [7], *Früher war er nicht sehr fleißig, aber jetzt macht er sich* [там же]. В валентностной структуре глагола *sich erneuern* наряду с сохранившимся инкорпорированным актантом-атрибутом [*sich erneuern* – *neu werden*] в отдельной синтаксической позиции представлен эксплицитный актант-атрибутив *Deutschland würde sich zur wahren Volksgemeinschaft wunderbar erneuern* (K. Mann).

Соотношение семантических и синтаксических актантов в валентностной структуре исследуемых глаголов изменения состояния можно представить в сводной таблице (таблица 2).

Полученные данные свидетельствуют о том, что синтаксическая валентность связочных глаголов изменения состояния оказывается шире семантической. В процессе функционирования рассматриваемых связочных глаголов синтаксическое варьирование второстепенных элементов обогащает их валентностную структуру в позициях атрибутива, локатива и темпоратива.

Валентность связочных глаголов изменения состояния

Актант	werden (zu D)	s. färben	s. verfärben	s. machen	s. saugen	sterben	s. verwandeln in A	s. entwickeln zu D	s. erneuern zu D	verschmelzen zu D
Субъект	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт
Объект	сем синт	-	-	-	-	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт	сем синт
Атрибутив	сем синт	сем синт	сем синт	сем (импл- но) синт	- синт	- синт	-	-	сем (импл- но) синт	-
Локатив	- синт	- синт	-	-	-	-	-	-	сем	-
Медиатив	-	-	-	-	-	-	-	-	-	сем
Темпоратив	- синт	- синт	-	- синт	-	- синт	-	сем (импл- но)	-	-

Таким образом, проведенное исследование показало, что проблема валентности глагола в языкознании является по-прежнему достаточно актуальной и продолжает разрабатываться в рамках вербоцентрического подхода. Анализ валентности связочных глаголов подтвердил их предполагаемые субъектное и атрибутивное соединения, следующие из формулы именного предложения *V+Adjektiv/Substantiv*, которые, если не указываются в словарном толковании, то проявляются в процессе их функционирования. Помимо этого, в ходе анализа связочных глаголов в предложении были выявлены их дополнительные связи пространственного и временного характера. На основании полученных результатов подтверждается мысль о том, что полное описание валентностных позиций глагольного слова возможно при его языковом употреблении.

Библиографический список

1. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса М. Прогресс, 1988. 656 с.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
3. Апресян Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 15-27.
4. Чубарова Н. А. Глаголы с атрибутивной валентностью в современном немецком языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. С. 118-121.
5. Шустова С. В., Смирнова Е.А. Глагольная валентность как семантико-грамматическая категория // [Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология](#). Вып. 4 (32). 2015. С. 21-29.
6. Левицкий Ю. А. Типы сказуемого в современном английском языке. Пермь, 1991. 67 с.

7. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Большой толковый словарь немецкого языка. М.: Издательство Март, 1998. 1248 с.
8. Duden URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 19.05.2024)
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
10. Белоусов В. Н. Глаголы с неполной знаменательностью и их синтаксические характеристики // Слово и грамматические законы языка: Глагол. М.: Наука, 1989. С. 172-210.
11. Глазман М. А. Зависимость глагольной сочетаемости от лексического значения глагола (на материале глагольных связок). Алма-Ата. 1964. 27 с.
12. Зинина Ю. М. Связочные глаголы как слова неполной номинации: на материале английского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва: Моск. гос. обл. ун-т, 2011. 24 с.
13. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 206 с.
14. Денисова Г.Л. Особенности функционирования глаголов с семантикой сходства // Межвуз. сборник научн. трудов: Функциональный аспект синтаксических явлений в современном немецком языке. М.: Прометей, 1990. С. 46-53.
15. Кибардина С. М. Валентностные свойства немецкого глагола. Л: ЛГПИ. 1985. 60 с.
16. Улановский М. И. О структурно-семантическом аспекте сочетаемости глагола с прилагательным в современном французском языке // Вопросы романо-германского языкознания. Ученые записки. Том 48. Рязань, 1970. С. 144-159.
17. Бондаренко Н. А. Глаголы с атрибутивной валентностью как средство выражения оценки // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2010. Том 1, № 3. С. 139-148.
18. Тульцева А. Э. Проблематика атрибутивной валентности глагола в современной германистике // Германские языки и сопоставительное языкознание: современные проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей. Московский городской педагогический университет; М.: ООО «Принтика», 2020. С. 53-58.
19. Agricola E. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Mannheim: Dudenverlag, 1992. 818 S.

References

1. Tenier L. Fundamentals of structural syntax M. Progress, 1988. 656 p.
2. Katsnelson S. D. Typology of language and speech thinking. L.: Nauka, 1972. 216 p.
3. Apresyan Yu. D. Types of correspondence of semantic and sitactic actants // Problems of typology and general linguistics. St. Petersburg, 2006. P. 15-27.
4. Chubarova N. A. Verbs with attributive valence in the modern German language // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. P. 118-121.
5. Shustova S. V., Smirnova E.A. Verbal valence as a semantic and grammatical category // Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology. Issue 4 (32). 2015. P. 21-29.
6. Levitsky Yu. A. Predicate types in modern English. Perm, 1991. 67 p.
7. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. A large explanatory dictionary of the German language. Moscow: Publishing House March, 1998. 1248 p.
8. Duden URL: <https://www.duden.de/> (accessed: 19.05.2024)
9. Duden German Universal Dictionary. Mannheim: Dudenverlag, 1996. 1816 p.
10. Belousov V. N. Verbs with incomplete denominationality and their syntactic characteristics // The word and grammatical laws of language: Verb. M.: Nauka, 1989. P. 172-210.
11. Glazman M. A. Dependence of verbal compatibility on the lexical meaning of the verb (based on the material of verbal connectives). Alma-Ata. 1964. 27 p.

12. Zinina Yu. M. Connective verbs as words of incomplete nomination: based on the material of the English language: abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow: Moscow State Regional University, 2011. 24 p.
13. Ufimtseva A. A. Types of verbal signs. M.: Nauka, 1974. 206 p.
14. Denisova G.L. Features of the functioning of verbs with semantics of similarity // Inter-university. collection of scientific works: The functional aspect of syntactic phenomena in the modern German language. Moscow: Prometheus, 1990. P. 46-53.
15. Kibardina S. M. Valency properties of the German verb. L: LGPI. 1985. 60 p .
16. Ulanovsky M. I. On the structural and semantic aspect of verb-adjective compatibility in modern French // Questions of Romano-Germanic linguistics. Scientific notes. Volume 48. Ryazan, 1970. P. 144-159.
17. Bondarenko N. A. Verbs with attributive valence as a means of expressing evaluation // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2010. Volume 1, No. 3. P. 139-148.
18. Tultseva A. E. Problematics of attributive valency of the verb in modern Germanistics // Germanic languages and comparative linguistics: modern problems and prospects of development: A collection of scientific articles. Moscow City Pedagogical University; Moscow: Printika LLC, 2020. P. 53-58.
19. Agricola E. Words and phrases: Dictionary of German usage. Mannheim: Dudenverlag, 1992. 818 p.

УДК 81'282.8

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.002

*Воронежский государственный
технический университет
соискатель кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Баркалова А.К.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: barkalova.albina@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
applicant
Barkalova A.K.
Russia, Voronezh,
e-mail: barkalova.albina@mail.ru*

А.К. Баркалова

СИСТЕМА ЯЗЫКА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Статья посвящена анализу русской разговорной речи на ее современном этапе. Представлены свойства имен собственных объектов бизнеса, анализируются разновидности устной формы общения: разговорная речь, территориальные и социальные диалекты – говоры, жаргоны, язык города и семьи. Сложность изучения указанной лексики обусловлена отсутствием умышленной письменной фиксации и возможна только при непосредственном взаимодействии с носителями. Разная степень влияния синхронических и диахронических аспектов в каждой из подсистем иллюстрирована конкретными примерами в рассмотренных группах. При этом общей чертой является прямая зависимость активности словообразования от характеристики группы-носителя языка. Названия городских объектов могут часто меняться, если характеристика не подходит объекту или меняются свойства группы. Процессы изменений в территориальных диалектах в современном мире проявляют крайне низкую активность ввиду того, что молодое поколение понимает, но почти не использует этот язык. Имена собственные конкретного человека в разных разговорных вариациях сохраняются в детстве и юности, а также внутри семьи, при этом могут создаваться новые устные формы при выходе за пределы этой малой группы. В части словообразовательных процессов создания речи профессиональных групп, социолектов, отмечается преимущество суффиксального способа словообразования, что иллюстрируют более половины изученных социолектизмов. А также – в четверти лексики – активно проявляется безаффиксный способ словообразования в различных комбинациях усечения. Рассмотрение разновидностей устной формы общения в комплексе наглядно демонстрирует границу устной и письменной речи и зависимость скорости изменений в разговорном языке от активности социальных процессов.

Ключевые слова: разговорная речь, имена собственные, социальные диалекты, жаргоны, словообразование.

A.K. Barkalova

SYSTEM OF LANGUAGE IN TIME AND SPACE: A VIEW FROM THE 21ST CENTURY

The article is devoted to the analysis of Russian colloquial speech from the viewpoint of new speech styles and their manifestations in contemporary language. The study considers the characteristics of proper names of business objects and analyses the varieties of the oral form of communication, i.e. colloquial speech, territorial and social dialects, namely, subdialects, jargons, city and family language. The complexity of studying the lexicon mentioned is due to the lack of intentional written recording and is only possible through direct interaction with speakers. Various degrees of the impact of synchronic and diachronic aspects in each of the subsystems are illustrated by specific examples in the groups under review. At the same time, a common feature is the direct dependence of word formation intensity upon the characteristics of the native speaker's group, i.e. territorial, family or jargon. The names of urban objects can often change if the characteristic does not match the object or due to the change in group properties. The processes of change in territorial dialects in the present-day world are extremely slow in intensity, due to the fact that young age groups understand, however, almost do not use this language. The proper names of a particular person in different colloquial variations are preserved in childhood and adolescence, as well as within the family, and new oral forms can be created

when going beyond this small group. In terms of word-formation processes of creating the speech of professional groups and jargons, we note the prevalence of suffixal method. In turn, more than a half of jargonisms and the quarter of the vocabulary is created by non-affixal method in various combinations of truncation. The complex review of oral communication varieties clearly shows the distinction between oral and written speech and the dependence of speed of spoken language variation upon the intensity of the social processes.

Keywords: colloquial speech, proper names, social dialects, jargons, word formation.

Лингвистика XX века значительно обогатилась с появлением новых подходов к объекту исследования. Термины *язык, речь, система, синхрония, диахрония, дихотомия* и т.д. выступают ключевыми в научных описаниях XX и XXI веков.

Изменения языка во времени закрепились в лингвистике в нескольких подсистемах терминов. Столетние процессы фиксируются в понятиях *язык восемнадцатого, девятнадцатого, двадцатого веков*. Проведенные социумом реформы 1710 и 1918 гг. отразились и в его графике. Известно, что количество букв в русской графике менялось. Выделяют периоды, когда в алфавит входило до 49 букв, после реформы 1928 года их стало 33.

Основополагающая дихотомия опирается на разграничение языковых единиц по способу общения их носителей. Имеется в виду письменная и устная формы реализации. Системным выступает и распределение элементов по вариантам, которые специализировались на основе сходства и различий социальных ролей говорящих, а также предмета речи и целей общения. До последних десятилетий существовало четыре книжных стиля: официально-деловой, научный, публицистический и стиль художественной литературы. Изменения в социальной жизни отразились на формировании еще двух стилей: стиля православного общения [1, с. 58] и деятельности в сфере рекламы [2, с. 531].

Стиль рекламы обслуживает общение людей, выступающих в роли продавца и покупателя, предметом разговора является товар, цель общения – заставить покупателя приобрести товар, но воздействовать при этом языковыми элементами, обещая большой положительный эффект от использования покупок.

Общение в ситуации купли-продажи в подавляющем большинстве случаев дистанционное, поэтому осознать приобретение товара как реализацию собственной воли покупателя, а не результат целенаправленного действия продавца, и призваны средства рекламы.

Одним из воплощений этого стиля выступает появление и развитие такого класса номинаций, как имена собственные объектов бизнеса (ИСБО) [3, с. 23]. В их ряду названия фирм (*такси «Везет»*), магазинов (*Ермак*), парикмахерских (*Золотые ножницы*), агентств разной специализации – охранных, туристических, по проведению праздников и т.д. В них языковые единицы обретают переносное значение, которое сообщает информацию об объекте бизнеса и передает положительную его оценку теми культурными ассоциациями, которые появляются у потенциального покупателя.

В настоящее время выявлены следующие свойства ИСБО:

1. Состав номинации может включать от 1 до 9 компонентов. Количество во многом зависит от способа предъявления номинации. На вывеске, где в передаче семантики участвуют цвет, надписи, графика тип алфавита (кириллица или латиница) и даже местоположение объекта бизнеса, как правило используется от 1 до 2 компонентов: *«Социальная Аптека»*, *«Центрторг»*. Если информация об объекте бизнеса размещена на сайте, то количество компонентов возрастает максимально до 9.

2. Особенности графики названий заключаются в том, что имя собственное может передаваться кириллицей (*«Золотое время»*), может и латиницей (*Barber Shop*), выбор графики не только индивидуализирует, но и паспортизирует объекты бизнеса. Одновременно в городе существуют *«ВкусВилл»* и *«ВкусWill»*. При этом в феврале 2025 года Государственная дума в первом чтении поддержала законопроект, направленный на борьбу с англицизмами и подразумевающий запрет иностранных слов в коммерческих обозначениях [4]. Это значит, что существует высокая доля вероятности, что в скором времени выбор графики будет ограничен только кириллицей.

3. Средством паспортизации выступает и орфография. Словарно закрепленное правописание «*Чайхана*» [5] соседствует с орфографически некорректной «*Чайхоной*». Орфографической инновацией выступает появление прописной буквы внутри сложного слова – «*ВкусВилл*», «*ЦентрТорг*». Другими словами, различия между частями многокорневой номинации становятся иными. Например, в языке стиля рекламы существуют номинации, одинаковые по составу корней: *бизнесцентр*, *бизнес-центр*, *бизнес центр*, *Бизнес Центр*. Варианты написания обнаруживают, что первый вариант соотносится с подчинительным словосочетанием в своей основе, второй – сложное слово, состоящее из равноправных компонентов, третий вариант – словосочетание, в котором неизменяемость заимствованного слова усложняет его восприятие. Четвертый пример – имя собственное объекта бизнеса, поэтому в нем каждое слово пишется с большой буквы. При этом сам словарь бизнес-терминов [6] вместе с определением «место организации деловой деятельности, предоставления услуг бизнесменам» фиксирует написание сложного слова через дефис.

4. Можно говорить, что стиль рекламы формируется за счет привлечения единиц из других стилей письменной речи: официально-делового, научного, публицистического. Исследования показали, что из разговорной речи заимствуется не более 3% лексических единиц и то далеко не во все разряды ИСБО. Так, разряды названий агентств в Воронеже не используют их вообще [7].

Употребление такого элемента графики, как кавычки, может сохранять нормы правописания, а может допускать инновации. Как известно, на вывесках названия пишут без кавычек: *Золотое время*, *магазин верхней одежды Ермак*. Статус названия передается большими буквами, цветом, графикой имени – словом, всеми теми средствами, что воспринимаются визуально.

В письменной речи принимает участие графика, но по-разному отмечаются границы ИСБО. «Агентство по проведению праздников Пир Горой» – все название заключено в кавычки, хотя по законам орфографии должно быть закавычено собственное имя самостоятельно «*Агентство по проведению праздников «Пир Горой»*». Другими словами, в конце названия кавычки удваиваются. В записи названия это правило не соблюдается.

Приведенный пример иллюстрирует и взаимодействие стилей – официально-делового и рекламного, что делает очевидным расширение границ собственно стиля рекламы.

Создание ИСБО требует особой подготовки от рекламистов – как языковой, так и общекультурной. Оно базируется на тонком языковом чутье и вкусе. В связи с этим появилась новая специальность – неймеры [8].

Переходя к описанию второго компонента дихотомии языка, учитывающего способ общения его носителей, стоит напомнить, что в синхронии в письменной форме фиксируется шесть стилей. Четыре из них являются официально-признанными: официально-деловой, публицистический, стиль художественной литературы и устный (обиходно-разговорный, разговорный) литературный стиль [9, с. 113]. Еще два – стиль рекламы и стиль православного общения – выделяются некоторыми авторами, в том числе обозначенными выше. Стилевая перестройка обусловлена развитием товарно-денежных отношений в России. Ее начало приходится на последнее десятилетие XX века.

Устное общение носителей языка выступает во многом противопоставленной подсистемой письменному. Если в письменном общении отмечено от четырех до шести разновидностей, то в устной система оказывается более сложной и состоит из несопоставимого количества компонентов [10, с. 139].

Сложность изучения обусловлена отсутствием письменной фиксации ее компонентов. Точности ради стоит сказать, что устную речь фиксируют на диктофоне и на бумаге. Однако это делается только в исследовательских целях.

В устной форме общения выделяют следующие разновидности: разговорная речь, территориальные и социальные диалекты – говоры и социолекты, – а также язык города, язык

семьи и т.д. Совпадая по статусу, названные разновидности значительно различаются по количеству носителей и месту функционирования.

В разговорной речи сосуществуют два варианта: озвучивание написанного текста (речь актеров, дикторов, официальных лиц, где сохраняются уходящие в прошлое традиции интонирования) и речь спонтанная, обнаруживающая развития иных тенденций в произношении. Например, изменилось звучание гласных *o* и *a* в первом предупредительном слого [11, с. 17]. Литературно закрепленное аканье [*мьлако*] уступило место редуцированному [*мьлько*]. Отмечаются инновации в акцентологии. Наряду со словарно закрепленными формами даже в СМИ функционируют лексические единицы с произвольным ударением: *областя ми– о бластями*.

Особая разновидность устной формы общения – язык (конкретного) города. Основной способ его реализации – создание имен собственных (разновидностей топонимов) реалий города: зданий, улиц, районов. Совместно с профессором И.П. Лапинской нами было записано в Воронеже более 100 таких номинаций. Дома могут получать номинации по их архитектурным особенностям: *Гармошка, Каблук, Утюжок, Шайба, Китайская Стена, Кремль* и т.д. Районы получают номинации по отношению к предприятию, вокруг которого они выстраиваются: *СХИ* (сельскохозяйственный институт, переименованный в годы перестройки в сельскохозяйственную академию), *ВАИ*, получивший название еще в 30-е годы прошлого века в связи с планами выстроить в этом районе авиационный институт. Планы города изменились: авиационный факультет в 50-е годы сформировался в политехническом институте, но городской топоним остался.

Названия могут сохранять употребительность в течение долгих десятилетий, а могут динамично варьироваться. Например, *Площадь Застава* до сих пор сохраняет в языке города *Площадь Трех несчастий*, потому что на ней расположены больница, тюрьма и долгое время находилось районное отделение милиции.

Динамика названий в большей мере связана с тем, что они находятся на пересечении свойств языка города и молодежного жаргона. Так, корпус ВПИ (сейчас «ВГТУ») на 9-м километре поначалу назывался *Верста*, затем его сменили *Девятка, Километр, Девятый километр*.

Проспект Революции от кинотеатра «Пролетарий» до улицы Комиссаржевской (четная сторона) в 60-е годы прошлого века назывался *Бродвей*, или *Брод*; это было любимое место прогулок молодежи. В 80-е годы этот район молодежь, жившая на окраинах и, в частности, в Отрожке, пыталась назвать *Шалопаявка*, но название, в силу нелитературности корня, не закрепилось.

В конце XX века этот район получил до сих пор употребляемое название *Центр*, а те, кто жил в этом месте или проводил в нем много времени, до сих пор называются *центровые*.

Оригинально утверждались названия двух очень похожих девятиэтажных домов, построенных в конце 60-х годов на ул. К. Маркса, недалеко от кинотеатра «Пролетарий». Первое их название *Близнецы* так за ними и не закрепилось. Быстро выяснилось, что дома с таким названием уже есть и находятся напротив кинотеатра на нечетной стороне проспекта Революции. Как представляется, по этой причине девятиэтажки до сих пор называются *Полосатые* с учетом их одинаковой внешней отделки.

Стоит подчеркнуть еще раз: местные топонимы – достаточно устойчивая часть лексики языка города (название магазина *Утюжок* возникло еще до ВОВ), однако номинации реалий, связанных с жизнью молодого поколения в разные периоды существования Воронежа, оказываются сферой динамичной.

Язык города становится объектом изучения лингвистики по нескольким причинам и в нескольких аспектах. С одной стороны, ученые изучают разные проявления и свойства процесса номинации. С другой стороны, названия – это знаки исторической памяти носителей языка. Без таких знаний трудно познать прошлое, а значит, и открыть дверь в будущее.

Еще одной важной разновидностью устной формы общения выступает язык семьи. Эту разновидность устной речи использует практически каждый носитель языка. Единицей объ-

единения выступает семья – социальное и территориальное единство разновозрастных людей, связанных родственными отношениями. Своеобразная изолированность семьи обуславливает индивидуализацию выбора языковых средств членами социальной ячейки.

В языке семьи взаимодействуют две стихии – язык города и детская речь, если в семье есть хотя бы один ребенок. Так, имена собственные в языке семьи представлены разрядом антропонимов. Особенность этих номинаций в том, что полученные при рождении и входящие в паспортные данные человека, в устной речи они употребляются в вариантах [6]. Например, одного только имени *Александр(а)* фиксируется 16 разновидностей, таких как *Саша, Шура, Ксаня, Санюра, Алик* и подобные [12, с. 113]. В семье имена функционируют в вариантах, каждый из которых выбирает один из членов. Бабушка называет внука *Игоряша*, родители – *Игорек*. Внучку *Татьяну* бабушка зовет *Танюшей*, мать – *Танечка* и т.д. *Екатерина* в семье имеет варианты *Катюша, Катенька, Котик*.

Вторая стихия, влияющая на язык семьи, – детская речь. Одним из первых, кто обратил на нее внимание, был писатель К.И. Чуковский. В книге «От двух до пяти» [13] на материале многочисленных и разнообразных фактов языка доказал важнейшие свойства речи детей в период языкового становления личности. В эти годы словоупотребление и словотворчество осмысливается носителем языка как единый процесс. Системные связи единиц для ребенка всегда мотивированы, Примеры: на ногах у ребенка – *ногти*, а на руках – *рукти*; вместо слова *слюнка* ребенок требует произносить *плюнка*, потому что ее можно плюнуть.

Детская речь как объект лингвистики освоен недостаточно. Сложности начинаются уже на этапе сбора материала: записывать следует за одним ребенком или за несколькими, в каких условиях можно гарантировать, что пропусков языковых единиц не будет допущено. Все эти вопросы пока остаются без ответа.

Фонетические варианты слов из речи детей от двух до пяти функционируют в речи семьи с разной продолжительностью. Женское имя *Ванда* в речи поколения племянников всю жизнь звучало как *Вата*. Девочка *Юлия* произносила свое имя как *Люся*. Оно закрепилось за ней на всю жизнь. Так ее звали и в школе, и в более поздние годы близкие и друзья.

Наряду с разговорной речью, охарактеризованным выше языком семьи и языком города, изучаемым со времен СССР [14, с. 5], выделяют такие варианты устной формы общения, как диалекты. Диалекты существуют в двух вариантах – территориальные (говоры) и социальные (социолекты). Территориальные диалекты в глубокой древности (в диахронии) сочетанием свойств северного и южного наречий выступили основой литературного языка. Нормой фонетики на уровне литературного произношения выступило «аканье», характерное южным говорам, и «г» взрывное, отличающее речь северян.

Со второй половины XX века в синхронии стало очевидно, что территориальные варианты разговорной речи размываются. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, повышение грамотности носителей языка за счет чтения литературы и восприятия речи актеров и дикторов. Во-вторых, активная миграция из села в город, из одного города в другой, чему способствует развитие разных сфер социальной жизни.

Особенность говоров в том, что они продолжают функционировать на исторически «закрепленных» территориях, но только в речи старшего поколения. Молодые знают диалекты тех регионов, с которыми они связаны родственными отношениями. Оказавшись в таких местах, молодые переходят на диалект, но, как правило, в общении с родными и знакомыми, живущими там.

Сохранение говоров изучают лингвисты, фиксирующие диалектные черты в письменной форме, – их картографируют на уровне фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса. До сих пор диалектологи – это студенты филологических факультетов под руководством специалистов – выезжают в разные районы России для сбора материала, формируя его в виде картотек. Впоследствии это используется в научных исследованиях – статьях, диссертациях,

монографиях, а также при создании диалектных словарей, таких как «Общеславянский Лингвистический Атлас».

Помимо территориальных диалектов, в разговорной форме общения существуют и развиваются социальные диалекты – социолекты, включающие в себя профессионализмы, жаргонизмы и сленговые слова. Они создаются в сообществах профессионалов или групп людей, объединенных общими интересами. Это современные варианты тайных языков.

В письменную литературную речь они проникают, как и все названные ранее разновидности устного общения – разговорная речь, язык города, язык семьи, территориальные диалекты, – при выполнении эстетической функции стилем художественной литературы. С их участием формируются речевые характеристики героев. Стоит вспомнить художественный фильм «Джентльмены удачи» режиссера Александра Серого, в котором герой для адекватности поведения в уголовной среде, куда его внедрили с важным заданием, с обязательностью овладевает тюремным жаргоном.

Увеличивается количество социолектов. В нашем материале исследуется специальная речь десяти социальных групп, собранная методом полевых сборов при непосредственном взаимодействии с носителями в их среде коммуникации: социолект салонов сотовой связи, компьютерщиков, музыкантов (рок-направление), посетителей тренажерных залов, вожатых, медиков, полиции, футбольных фанатов, работников ресторанов, членов театральных трупп. В предшествующие годы, кроме как о молодежном и тюремном жаргонах, лингвисты не говорили. Анализ самой большой интернет-платформы «Академик.ру», содержащей более 300 словарей и энциклопедий, это подтверждает. При этом стоит отметить существование издания «Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: более 100 тысяч терминов» 2012 года под редакцией профессора Э.Г. Улумбекова. Однако этот словарь в себе содержит именно медицинские термины, а не социолектизмы.

На динамичность развития социальных диалектов влияет расширяющаяся сфера профессиональных интересов [15]. Так, в настоящее время наиболее динамичны социолекты пользователей компьютеров, футбольных фанатов, а также рок-музыкантов. Зато жаргоны медиков или работников театров такой динамикой не обладают. Информация о процессах словообразования в жаргонах сведена в таблицу, где представлен анализ более 1300 лексических единиц.

Наибольшее количество социолектизмов (53,1% проанализированного материала) образуется суффиксальным способом, при этом в создании слова может быть задействовано от одного до четырех суффиксов. Так, *чайки* в речи официантов образованы добавлением одного суффикса -к- к существительному *чай*. Причем в данном случае социолектизм является ярким примером тайного языка, необходимого, чтобы посетители не догадались, что речь идет о госте, пьющем чай и просящего потом долить кипятка в чайник вместо того, чтобы заказать новый. Примером использования ряда суффиксов может служить образование жаргонизма *челюскинцы* в значении пациентов отделения челюстно-лицевой хирургии. Здесь происходит замена двумя суффиксами второго корня сложного слова и двух суффиксов части исходного словосочетания *челюстно*. То есть фактически задействовано пять морфем: два исходных суффикса, корень и два новых суффикса. При этом часть прилагательного и исходное существительное вовсе упраздняются.

Практически в 2 раза реже используется (27,4%) безаффиксный способ, при котором происходит усечение одной или ряда морфем. В качестве усекаемой морфемы могут выступать суффикс (*прошивка – прошива*, компьютерный), корень (*Локомотив – Локо*, фанатский), корень сложного слова (*метан – метандиенон*, тренажерный), в единичных случаях приставка (*светитель – осветитель*, театральный), а также сочетание одновременного усечения нескольких морфем, например, суффикса и корня (*клава – клавишный инструмент*, рок-музыкальный).

Приставочное словообразование не характерно для речи изучаемых групп. Приставки появляются в социолектных словах только при действии приставочно-суффиксального спо-

соба словообразования: в материале 5,7% подобных лексических единиц. Преимущественно такое усложнение слова требуется при необходимости образовать глагол от существительного, которое само является социолектизмом. Например, от сокращения *тренья* (*тренировка*) образовался ряд глаголов действия, связанных с этим процессом: *дотренить*, *потренить*, *перетренить*, *натрениваться*.

В социолектах переосмысливается и статус морфем. Так, второй корень сложного слова при его повторяемости в других словах может восприниматься как служебная морфема, а место в слове – после корня, дифференцирующего новые слова, – ассоциирует его с суффиксом. Новое слово оказывается квазибессуффиксальным. Так, *мегабайты* или *килобайты* превращаются в *меги* или *килы*.

Для демонстрации синхронности процессов, происходящих в социолектах и в новом стиле письменной речи – стиле рекламы, приведем примеры осмысления в них повторяющегося корня *евро-* как приставки. С ее участием образовывались слова *евростоловая*, *евроремонт*, *евродрова* и т.д., в которых первый корень обретал значение высокого качества предмета, названного вторым корнем.

Как показывает анализ материала, жаргоны выступают зоной активного развития языка и по количеству самих социолектов, и по количеству составляющих единиц, и по способам словообразования. При этом на таких быстро обновляемых языках как, например, молодежный сленг, показательно изучать синхронические аспекты [16], тогда как на языках относительно статичных, таких как социолекты медицинских работников и полицейских, можно рассматривать процессы с точки зрения диахронии, в том числе изучать принципы словообразования. Постоянно развивающаяся подсистема социальных диалектов, как и стиль рекламы, позволяет отнести их к точкам роста изучения языковой системы.

Итак, анализ языка во времени и пространстве демонстрирует стабильность дихотомии по формам общения: граница между письменной и устной речью сохраняется. Движение из устной речи в письменную весьма условно, поскольку происходит только на уровне единиц художественного текста.

Высокую динамику стиля рекламы, отмечаемую в языке в последние десятилетия XX века, сменило замедление активности в начале XIX века. При этом нельзя упускать из виду то, что развитие рыночной экономики, вследствие чего кратно увеличилось количество объектов бизнеса, обогатило системную характеристику языка – подкласс имен собственных развился в отдельный предмет научного внимания.

Социальные процессы проявились и в сокращении территориальных диалектов, которое отмечается с середины XX века. Материалы говор в настоящее время представляют интерес по преимуществу для ученых.

В последние полвека активно, но неравномерно развиваются социальные диалекты. В них преобладают морфемные способы словообразования, в связи с чем происходит переосмысление статуса морфем.

Завершая разговор о параметрах измерения языковой системы, следует сказать, что устная речь разграничивает единицы последовательно и на всех уровнях, а разграничение диахронии и синхронии весьма условно. В каждой подсистеме и в каждый конкретный период времени относительные границы истории и современности в функционирующем языке оказываются динамичными.

Библиографический список

1. Морозов Е.М. Язык современной церковной проповеди православного священнослужителя // Язык и культура. 2015. №2(30). С. 58-63.
2. Зайцев А.А. Дискуссионные вопросы изучения языка рекламы в аспекте теории русского литературного языка // Доклады ТСХА. Материалы международной научной конференции. Москва, 2018. С. 530-532.

3. Мануковская М.А. Имена собственные объектов бизнеса г. Воронежа: монография. Елец: Гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2022. 156 с.
4. Проект РБК Life: Юристы пояснили суть предлагаемого закона об отказе от англицизмов. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67b2d4939a794758e7e0ca8f> (дата обращения - 15.02.2025).
5. Большой словарь иностранных слов: Чайхана. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения - 15.02.2025).
6. Словарь бизнес-терминов. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (дата обращения - 15.02.2025).
7. Лапинская И.П., Денисова М.А., Баркалова А.К. Имена собственные как продолжение традиции гармонизации личности в отечественной культуре // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2023. С. 49-51.
8. Лапинская И.П., Денисова М.А. Русский язык для неймеров // Инновационные процессы в лингводидактике. 2018. № 15. С. 76-81.
9. Колесник Н.Г. Письменные функциональные стили русского языка: основные различительные признаки // Социолингвистика. 2023. №1 (12). С. 111-127.
10. Лапинская И.П., Баркалова А.К. (Затонская А.К.) Взаимодействие социальных подсистем в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3. С. 139-141.
11. Малахов А.С. Русская диалектология: учеб пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. 111 с.
12. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.
13. Чуковский К.И. От двух до пяти. Живой как жизнь. М.: Детская литература, 1968. 814 с.
14. Красильникова Е.В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города: Сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 5-18.
15. Лапинская И.П. Баркалова А.К. (Затонская А.К.) Динамика социальной подсистемы языка (на примере жаргона вожатых) // Актуальные проблемы и современные технологии преподавания иностранных языков в неспециальных вузах: материалы 6-ой Всероссийской с международным участием научно-практической конференции неязыковых вузов на базе ВГИФК. Воронеж: Научная книга, 2013. С. 101-104.
16. Лапинская И.П., Денисова М.А. Социальные подсистемы в языке: динамика молодежного сленга // Инновационные процессы в лингводидактике: сб. науч. тр. Воронеж: ФГБУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2017. №14. С. 22-28.

References

1. Morozov E.M. The language of modern church preaching by an Orthodox clergyman // Language and culture. 2015. No. 2(30). Pp. 58-63.
2. Zaitsev A.A. Controversial issues of studying the advertising language in the aspect of the theory of the Russian literary language // TLC reports. Materials of the international scientific conference. Moscow, 2018. Pp. 530-532.
3. Manukovskaya M.A. Proper names of business objects in Voronezh: monograph. Yelets: I.A. Bunin State University, 2022. 156 p.
4. RBC Life project: Lawyers explained the essence of the proposed law on the rejection of Anglicisms. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67b2d4939a794758e7e0ca8f> (date of reference - 15.02.2025).
5. Large dictionary of foreign words: Teahouse. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (date of reference - 15.02.2025).

6.Dictionary of business terms. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (date of reference - 15.02.2025).

7.Lapinskaya I.P., Denisova M.A., Barkalova A.K. Proper names as a continuation of the tradition of personality harmonization in Russian culture // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University Publishing House, 2023. Pp. 49-51.

8.Lapinskaya I.P., Denisova M.A. Russian language for neumerov // Innovative processes in linguodidactics. 2018. No. 15. Pp. 76-81.

9.Kolesnik N.G. Written functional styles of the Russian language: the main distinguishing features // Sociolinguistics. 2023. No. 1(12). Pp. 111-127.

10.Lapinskaya I.P., Barkalova A.K. (Zatonskaya A.K.) Interaction of social subsystems in the Russian language // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016. No. 3. Pp. 139-141.

11.Malakhov A.S. Russian dialectology: textbook. Vladimir: Publishing House of the All-Russian State University, 2013. 111 p.

12.Suslova A.V., Superanskaya A.V. On Russian names. L.: Lenizdat, 1991. 220 p.

13.Chukovsky K.I. From two to five. Alive as life. Moscow: Children's Literature, 1968. 814 p.

14.Krasilnikova E.V. The language of the city as a linguistic problem // The living speech of the Ural city: A collection of scientific papers. Sverdlovsk: USU, 1988. Pp. 5-18.

15.Lapinskaya I.P. Barkalova A.K. (Zatonskaya A.K.) Dynamics of the social subsystem of language (using the example of the jargon of counselors) // Actual problems and modern technologies of teaching foreign languages in non-specialized universities: proceedings of the 6th All-Russian Scientific and practical conference of non-linguistic universities with international participation based on VGIFK. Voronezh: Scientific Book, 2013. Pp. 101-104.

16.Lapinskaya I.P., Denisova M.A. Social subsystems in language: dynamics of youth slang// Innovative Processes in Linguodidactics: collection of Scientific Papers Voronezh: Voronezh State Technical University, 2017. No. 14. Pp. 22-28.

УДК 22.06, 81-13

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.003

*Сретенская духовная семинария
аспирант кафедры древних
и новых языков
Цырельчук К.А.
Российская Федерация, Москва,
тел. +7(906)576-45-21
e-mail: tsyrelchukk@gmail.com*

*Sretensky Theological Academy
The chair of ancient and modern languages
Postgraduate student
Tsyrelchuk K A.
Russian Federation, Moscow,
tel. +7(906)576-45-21
e-mail: tsyrelchukk@gmail.com*

К.А. Цырельчук

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ИСКУССТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕОЛОГИИ)

В статье исследуется развитие герменевтики как искусства интерпретации. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления роли герменевтики в современном гуманитарном, в том числе и теологическом дискурсе и поиском баланса между традиционными и новыми подходами к интерпретации священных текстов. Исследование проводится с использованием историко-теоретического метода, позволяющего проследить эволюцию герменевтической мысли от античности до настоящих дней. Особое внимание уделяется анализу библейской герменевтики, святоотеческой экзегезы и философской герменевтики XIX-XX вв. В работе рассматриваются ключевые концепции таких мыслителей, как Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер и Х.-Г. Гадамер, а также их влияние на развитие теологической герменевтики. Анализируется феномен новой герменевтики XX века и его соотношение с православной традицией, в частности, анализируются подходы К. Барта и Р. Бульмана. В результате выявлены ключевые этапы развития герменевтики и их влияние на православную теологическую традицию. Установлено, что современная герменевтика характеризуется междисциплинарностью и методологическим плюрализмом, что создает как новые возможности, так и вызовы для теологических исследований. Особое внимание уделяется проблеме интеграции философских герменевтических методов в православную экзегетическую традицию. Сделан вывод о перспективности синтеза святоотеческой экзегетической традиции с достижениями философской герменевтики при сохранении приоритета православных методов интерпретации. Подчеркивается важность сохранения баланса между верностью традиции и открытостью к современным научным подходам. Результаты исследования могут быть применены в области теологической науки, образования, библеистики и междисциплинарных исследований на стыке теологии и философии, а также могут способствовать развитию методологии православных теологических исследований в современном академическом контексте.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, библейская герменевтика, философская герменевтика, православная теология, междисциплинарность.

К. А. Tsyrelchuk

HERMENEUTICS AS THE ART OF INTERPRETATION (THEORETICAL AND HISTORICAL ESSAY THROUGH THE PRISM OF ORTHODOX THEOLOGY)

The article explores the development of hermeneutics as an art of interpretation. The relevance of the work is due to the need to understand the role of hermeneutics in modern humanitarian, including theological, discourse and to find a balance between traditional and new approaches to the interpretation of sacred texts. The research is carried out using a historical and theoretical method that allows us to trace the evolution of hermeneutical thought from antiquity to the present day. Special attention is paid to the analysis of biblical hermeneutics, patristic exegesis and philosophical hermeneutics of the XIX-XX centuries. The paper examines the key concepts of such thinkers as F. Schleiermacher, V. Dilthey, M. Heidegger and H.-G. Gadamer, as well as their influence on the development of theological hermeneutics. The phenomenon of the new hermeneutics of the 20th century and its correlation with the Orthodox tradition are analyzed, in particular, the approaches of K. Barth and R. Bultman are analyzed. As a result, the key stages of the de-

velopment of hermeneutics and their influence on the Orthodox theological tradition are revealed. It is established that modern hermeneutics is characterized by interdisciplinarity and methodological pluralism, which creates both new opportunities and challenges for theological research. Special attention is paid to the problem of integrating philosophical hermeneutical methods into the Orthodox exegetical tradition. The conclusion is made about the prospects for the synthesis of the patristic exegetical tradition with the achievements of philosophical hermeneutics while maintaining the priority of Orthodox methods of interpretation. The importance of maintaining a balance between loyalty to tradition and openness to modern scientific approaches is emphasized. The results of the research can be applied in the field of theological science, education, biblical studies and interdisciplinary research at the intersection of theology and philosophy, and can also contribute to the development of the methodology of Orthodox theological research in a modern academic context.

Key words: hermeneutics, interpretation, biblical hermeneutics, philosophical hermeneutics, Orthodox theology, interdisciplinarity.

Термин *герменевтика* происходит от древнегреческого ἑρμηνεία, образованного от глагола ἑρμηνεύω, обозначает «толкование, объяснение» [1, с. 690]. Оно встречается у Платона в диалоге «Государство»: философ утверждает, что при возникающих трудностях в познании «душа привлекает себе на помощь рассуждение и размышление» [2, с. 249]. В «Законах» Платон использует глагол ἑρμηνεύω (ἑρμηνεύειν) в значении изложения или толкования истины: «Кто хочет стать настоящим стражем законов, тот должен действительно знать об этом истину и быть в состоянии словесно ее излагать и подкреплять соответствующими делами, различая то, что прекрасно по своей природе и что нет» [3, с. 414].

Именно в русле толкования, интерпретации герменевтика продолжает свое историческое развитие в философии стоиков, которые разделяют внутренний и внешний логос. Глагол ἑρμηνεύειν в их понимании и обозначает перевод внутренней речи в речь внешнюю [4, с. 6-7]. Вместе с тем античная философия мало уделяет внимания герменевтике как самостоятельному знанию. И «лишь в христианском неоплатонизме герменевтическое знание начинает играть значительную роль» [5, с. 8].

Теперь необходимо остановиться на библейской герменевтике.

Д.Г. Добыкин дает следующее определение библейской герменевтики: «Библейскую герменевтику можно определить как науку об общих и частных принципах, методах и правилах понимания библейского текста» [6, с. 8]. Этот аспект следует отнести к теологическому направлению герменевтики [7].

Раннехристианские апологеты, а затем и отцы золотого века святоотеческой письменности активно занимаются герменевтикой. Сщмч. Иринеи Лионский, Климент Александрийский, Ориген, отцы-каппадокийцы развивают принципы герменевтики, которую сейчас принято называть библейской. Именно текст Священного Писания является основой и фундаментом для отцов Церкви и церковных писателей [8, с. 360].

Наиболее подробный анализ данной проблематики представлен в двухтомной монографии И. Панагопулоса «Толкование Священного Писания у отцов Церкви». Говоря о святоотеческой традиции библейской герменевтики, автор указывает, что она «напрямую зависит от принципов и методов их богословия, как и наоборот, герменевтика является базисом догматических построений» [9, с. 28].

Здесь отдельно следует сказать и о взаимосвязи герменевтики и экзегетики. Традиционно для православного теологического дискурса под первой понимается методология толкования библейского текста, в то время как под второй – сам процесс толкования [10, с. 76].

Т. Стилианопулос выделяет пять ключевых тематических линий, которые развиваются в рамках исследований по библейской герменевтике: первая – объяснение различных современных методов библейской критики, вторая – история экзегетических методов с древности до современности; третья – богословские дискуссии об откровении, боговдохновенности и сравнительном авторитете Библии и Церкви, четвертая – философско-лингвистические дискуссии о теориях понимания, пятая – размышления о применимости современных методов литературной критики [11; с. 81-82 (см. сноску 1)].

П.Б. Михайлов выделяет, к примеру, экзегезу как непосредственное дело толкования, экзегетику как искусство толкования и герменевтику как искусство понимания [12, с. 7]. Отношения между экзегетикой и герменевтикой выстраиваются в подчинении первого второму [13, с. 40].

При этом важно понимать, что в Православии необходимо говорить о непрекращающейся традиции интерпретации. Уже с I века постепенно формируются основные методы толкования библейского текста: буквально-исторический, нравственный, теоретический (от греч. θεωρία – «умозрение, созерцание» [14, с. 96]), типологический и аллегорический [15].

Парадигмально важными для библейской экзегезы, как пишет об этом Ж.-К. Ларше, являются следующие принципы: авторитет Священного Писания; подход *Scriptura non sola*, в рамках которого Писание интегрируется в жизнь Церкви и ее Предание; нерасторжимая связь между Ветхим и Новым Заветом; святоотеческая традиция как основа православной экзегезы [16, с. 83-88]. Иными словами, библейская герменевтика в православном теологическом дискурсе невозможна без опоры на имеющуюся святоотеческую традицию [17; 18].

Данный методологический подход следует отнести и к герменевтике литургических текстов, которые в свою очередь также составляют часть Священного Предания Церкви.

В XIX веке происходит конвергенция теологической герменевтики и философии, формируя философскую герменевтику, которая впоследствии оказывает влияние на теологический дискурс XX века [19].

Ф. Шлейермахер, основоположник филологической герменевтики, разрабатывает универсальные методы интерпретации текстов. «Все нуждается в уточнении и уточняется только в контексте» [20, с. 73] – это его ключевой тезис. Ф. Шлейермахер предлагает рассматривать текст как выражение духовной жизни автора, сочетая герменевтический и психологический подходы [20, с. 119].

Герменевтику он представляет как искусство, состоящее из трех уровней: исторического, художественного и научно-религиозного интереса [20, с. 236-237]. Важным элементом его теории является концепция герменевтического круга, впервые предложенная Ф. Астом, которая описывает циклическую природу понимания через взаимодействие общего и частного [21, с. 185]. Этот подход, развивающий идеи Г. Гегеля, предполагает движение от общих аспектов к частным особенностям и обратно, что позволяет достичь более глубокого понимания текста и его контекста [20, с. 228].

В. Дильтей, развивая концепцию герменевтического круга после Ф. Шлейермахера, предлагает новый подход к его рассмотрению. Критикуя психологизм Шлейермахера, Дильтей, тем не менее, не смог полностью преодолеть его влияние [22, с. 249]. Он признает важность вклада Ф. Шлейермахера в применение общегерменевтических принципов к новозаветной области, отмечая двойственность его подхода: подчинение общей герменевтике и теологической науке [22, с. 163].

В своей теории В. Дильтей разграничивает естественные науки, основанные на объяснении, и гуманитарные – базирующиеся на понимании [23, с. 281]. Он рассматривает понимание и гуманитарное познание как исторические феномены, что становится основой его герменевтического подхода к анализу культуры [24, с. 12]. Дильтей стремится объяснить всеобщую взаимосвязь человеческого бытия, переходя от индивидуализации Шлейермахера к структурной взаимосвязи общества и знания. Он определяет истолкование как «искусство понимания устойчиво фиксированных проявлений жизни», акцентируя внимание на всеобщем истолковании человеческого бытия [22, с. 265].

В XX веке философская герменевтика получила развитие в трудах М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера.

М. Хайдеггер в «Бытии и времени» связывает герменевтику с концепцией бытия (*Dasein*). Он определяет толкование как «не принятие понятого к сведению, но разработка набросанных в понимании возможностей» [25, с. 148]. Философ переосмысливает идею герменевтического круга, рассматривая его как выражение экзистенциальной пред-структуры

присутствия [25, с. 153].

Х.-Г. Гадамер, последователь М. Хайдеггера, рассматривает герменевтику через призму языка. В «Истине и методе» он развивает идею онтологического поворота в герменевтике, подчеркивая позитивный смысл круга, введенный М. Хайдеггером [26, с. 318]. Согласно Гадамеру, мир человека есть мир языка, а бытие тождественно языку. В этом контексте герменевтика становится универсальным аспектом философии [26, с. 548, 550].

Философская герменевтика XX века тесно переплетается с теологическим и филологическим знанием, при этом теологическая герменевтика фокусируется на исследовании текста Священного Писания и методах его экзегезы.

Особая взаимосвязь (иногда противоречивая) между философским и теологическим аспектами в герменевтике возникает в XX веке. Сама теологическая герменевтика объектом своего исследования определяет текст Священного Писания и методы его экзегезы или толкования.

В XX столетии намечается новый подход к библейскому тексту, названный новой герменевтикой. Автором термина и подхода является немецкий философ Э. Фукс [27, с. 12]. Под новой герменевтикой понимается формирование новой системы методов, предназначенной для интерпретации библейского текста в соответствии с запросами современной мысли и сознания [28, с. 285].

Основные представители новой герменевтики – К. Барт и Р. Бультман. Каждый из них по-своему подходит к разрешению герменевтических проблем.

Р. Бультман известен т.н. демифологизацией Нового Завета – методом интерпретации Нового Завета, направленным на выявление более глубокого смысла мифологических представлений [29; с. 214-215]. Его метод герменевтический по своей природе, ибо сопряжен с осмыслением мифологических выражений. Следуя за М. Хайдеггером, он стремится объяснить керигматическую интерпретацию центрального новозаветного мифа (в терминологии Р. Бульмана) о спасении во Христе [30, с. 717]. Для него важна экзистенциальная составляющая этого мифа. Под ее истолкованием Р. Бультман и имеет в виду демифологизацию.

Здесь справедливы слова митрополита Илариона (Алфеева): «Бультман отравил западную новозаветную науку своими измышлениями и фантазиями» [31]. С данным тезисом согласен и Ж.-К. Ларше, который называет подход Р. Бульмана «десакрализующей идеологией, обмирщающей и обесценивающей, пропагандируемой и применяемой откровенными экзегетами-агностиками» [32; с. 82].

Другим богословом XX века, повлиявшим на новое понимание и новые подходы библейской герменевтики, следует признать К. Барта. Герменевтика этого немецкого богослова сосредоточена вокруг взаимодействия библейского текста и его интерпретатора, смонтированных «в контекст отношений между благим Богом и греховным человеком» [32; с. 174]. В его герменевтической парадигме центральной идеей выступает творческое подчинение интерпретатора библейскому тексту.

Г. Осборн ввел в научно-теологический дискурс понятие «герменевтическая спираль». Здесь имеется в виду герменевтика как искусство, позволяющее двигаться «от горизонта текста к горизонту читателя» [33; с. 12].

Можно указать и иных теологов и философов, которые в своих трудах стремились решить герменевтические проблемы или разработать свой герменевтический подход: П. Тиллих [34], Л. Витгенштейн [35], Э. Фукс [36], Г. Эбелинг [37], П. Рикер [38] и др. Так, модно говорить о подвижности и открытости герменевтических горизонтов, что в свою очередь отражает ключевые аспекты современного этапа развития герменевтики: ее динамичность, адаптивность и критическую саморефлексию.

На современном этапе развития герменевтика приобрела ярко выраженный междисциплинарный характер. Ее принципы и методы находят широкое применение в различных областях гуманитарного знания, включая филологию, историю, философию и теологию. Осо-

бое влияние на современный дискурс, в том числе в сфере теологических исследований, оказывает философская герменевтическая традиция.

В контексте теологических исследований наблюдается тенденция к синтезу святоотеческой экзегетической традиции и опыта философской герменевтики – при сохранении приоритета методов святоотеческой герменевтики. Этот синтез находит отражение в попытках концептуализации теологического метода. Примером такого подхода может служить определение, предложенное священником Константином Польсковым, который рассматривает богословский метод как «соотнесение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции» [39; с. 95].

Современные теологические исследования характеризуются методологическим плюрализмом, заимствуя инструментарий различных гуманитарных дисциплин. Однако, как отмечает П.Б. Михайлов, интегральность теологического метода, являющаяся его фундаментальной характеристикой, все еще не получила должной разработки [40; с. 27]. В этой связи исследователи вынуждены обращаться либо к методологии гуманитарных наук, либо к работам иноконфессиональных богословов, таких, как П. Тиллих [34] и Б. Лонерган [41].

Так, в ходе своего исторического развития герменевтика расширила сферу своего применения от интерпретации исключительно письменных источников до универсального понимания истории человечества.

Таким образом, герменевтика, зародившись в античности как искусство толкования и интерпретации, прошла длительный путь развития, приобретая различные формы и методы в контексте философской и теологической мысли.

Библейская герменевтика, ставшая основой для раннехристианской экзегезы, сформировала фундаментальные принципы интерпретации священных текстов, которые остаются актуальными в православной традиции. Святоотеческая экзегеза, синтезировав раннехристианскую апологетику и александрийскую богословскую школу, оказала значительное влияние на формирование христианской теологической парадигмы.

В XIX веке произошло сближение теологической герменевтики и философии, что привело к возникновению философской герменевтики, представленной работами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера.

XX век ознаменовался появлением новой герменевтики, предложившей новые подходы к интерпретации библейских текстов, однако не всегда согласующиеся с православной традицией.

Современный этап развития герменевтики характеризуется междисциплинарностью и методологическим плюрализмом, что создает как новые возможности, так и вызовы для теологических исследований. В контексте православной теологии наблюдается стремление к синтезу святоотеческой экзегетической традиции и достижений философской герменевтики при сохранении приоритета православных методов интерпретации.

Библиографический список

1. Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxford: Oxford University Press, 1996. 2041 p.
2. Платон. Государство. М., 2015. 398 с.
3. Платон. Законы. Послезаконие. Письма. СПб., 2014. 519 с.
4. Вольский А.Л. Фридрих Шлейермахер и его герменевтическая теория // Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С. 5-40.
5. Соболева М. Е. Философская герменевтика. М., 2014. 153 с.
6. Добыкин Д. Г. История изучения библейской герменевтики в Русской Церкви // VIII международная научно-богословская конференция СПбДА. 2017. С. 8-38.
7. Коначева С.А. Понимание и предпонимание в теологической герменевтике // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 1. С. 10-30.

8. Юревич Д., свящ., Неклюдов К.В., Петров А.Е. и др. Герменевтика библейская // Православная Энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 360-390.
9. Панагопулос И. Толкование Священного Писания у отцов Церкви. Т. 1. М., 2013. 570 с.
10. Добыкин Д.Г. Введение в Священное Писание Ветхого Завета: курс лекций. СПб., 2014. 176 с.
11. Стилианопулос Т. Новый Завет: православная перспектива. Писание, предание, герменевтика. М., 2008. 296 с.
12. Михайлов П.Б. Богословская герменевтика великих каппадокийцев: учебное пособие. М., 2022. 208 с.
13. Панагопулос И. Святоотеческая библейская герменевтика и ее превратное понимание в современной науке // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2011. №3. С. 76-85.
14. Назаренко А., свящ. Греческо-русский словарь христианской церковной лексики (с толковыми статьями): 4 500 слов и выражений. М., 2015. 192 с.
15. Саврей В.Я. Методы интерпретации текста Священного Писания // Идеи и идеалы. 2016. Т. 8. №4 (30). С. 9-22.
16. Ларше Ж.-К. Что такое богословие? Методология православного богословия в его практике и преподавании. М., 2021. 176 с.
17. Alexopoulos S. The Use of the Bible in Byzantine Liturgical Texts and Services // The Oxford Handbook of The Bible In Orthodox Christianity. 2022. P. 243-260.
18. Torrance A. Reading Scripture with the Church Fathers // The Oxford Handbook of The Bible In Orthodox Christianity. 2022. P. 261-274.
19. Монич А.И., Велиева Н.А., Смирнов Т.А. Философская проблема герменевтики // Культура. Наука. Производство. 2019. № 3. С. 47-51.
20. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. 242 с.
21. Ast F. Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kritik. Landshut, 1808. 244 s.
22. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы. М., 2001. 538 с.
23. Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М., 2000. С. 271-400.
24. Межуев В.М. Герменевтика как метод гуманитарных наук (Фридрих Шлейермахер и Вильгельм Дильтей) // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера (Самара, 23-24 ноября 2018 г). 2018. С. 8-22.
25. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 503 с.
26. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. 704 с.
27. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011. 430 с.
28. Мень А. Новая герменевтика // Библиологический словарь. 2002. Т. 2. С. 284-286.
29. Бультман Р. Иисус Христос и мифология // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. I-II. М., 2004. С. 211-248.
30. Лезов С. Труды и дни Рудольфа Бультмана // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Т. I-II. М., 2004. С. 703-737.
31. Иларион (Алфеев), митр. «Демифологизация» новозаветной науки. URL: <http://www.hilarion.ru/subreport/demifologizatsiya-novozavetnoy-nauki.html> (дата обращения: 21.06.2023).
32. Ворохобов А.В. Герменевтическая концепция в религиозно-философском мышлении Карла Барта // Вестник НГЛУ. 2009. Вып. 7. С. 170-182.
33. Осборн Г. Герменевтическая спираль: общее введение в библейское толкование. Одесса, 2009. 728 с.
34. Гиллих П. Систематическая теология. Т. 1-2. М.; СПб., 2000. 463 с.
35. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2020. 160 с.

36. Fuchs E. *Heurmeneutik*. Stuttgart, 1954. 271 s.
37. Ebeling G. *Wort Gottes und Tradition. Studien zu einer Hermeneutik der Konfessionen*. Gottingen, 1964. 235 s.
38. Рикер П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М., 2008. 695 с.
39. Польсков К.О. К вопросу о научном богословском методе // *Вопросы философии*. 2010. № 7. С. 93-101.
40. Михайлов П.Б. *Категории богословской мысли*. М., 2013. 310 с.
41. Лонерган Б. *Метод в теологии*. М., 2010. 400 с.

References

1. Liddell H. G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 2041 p.
2. Plato. *The Republic*. Moscow, 2015. 398 p.
3. Plato. *Laws. After the law. Letters*. St.-Petersburg, 2014. 519 p.
4. Volsky A.L. *Friedrich Schleiermacher and his hermeneutical theory* // *Schleiermacher F. Hermeneutics*. St.-Petersburg, 2004. pp. 5-40.
5. Soboleva M.E. *Philosophical hermeneutics*. Moscow, 2014. 153 p.
6. Dobykin D.G. *The history of the study of biblical hermeneutics in the Russian Church* // VIII International Scientific and Theological Conference of St.-Petersburg State University. 2017. P. 8-38.
7. Konacheva S.A. *Understanding and pre-understanding in theological hermeneutics* // *Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art history*. 2023. Vol. 1. P. 10-30.
8. Yurevich D., the priest, Neklyudov K.V., Petrov A.E., etc. *Biblical Hermeneutics* // *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 11. Moscow, 2006. P. 360-390.
9. Panagopoulos I. *Interpretation of the Holy Scriptures by the Fathers of the Church*. Vol. 1. Moscow, 2013. 570 p.
10. Dobykin D. G. *Introduction to the Holy Scriptures of the Old Testament: a course of lectures*. St.-Petersburg, 2014. 176 p.
11. Stylianopoulos T. *The New Testament: Orthodox Perspective. Scripture, tradition, hermeneutics*. Moscow, 2008. 296 p.
12. Mikhailov P. B. *Theological hermeneutics of the great Cappadocians: a textbook*. Moscow, 2022. 208 p.
13. Panagopoulos I. *Patristic Biblical hermeneutics and its misconception in modern science* // *Proceedings of the Perervinsk Orthodox Theological Seminary*. 2011. Vol.3. P. 76-85.
14. Nazarenko A., the priest. *Greek-Russian dictionary of Christian Church vocabulary (with explanatory articles): 4,500 words and expressions*. Moscow, 2015. 192 p.
15. Savrey V.Y. *Methods of interpreting the text of the Holy Scriptures* // *Ideas and ideals*. 2016. Vol. 8. Iss.4 (30). P. 9-22.
16. Larchet J.-K. *What is theology? Methodology of Orthodox Theology in its practice and teaching*. Moscow, 2021. 176 p.
17. Alexopoulos S. *The Use of the Bible in Byzantine Liturgical Texts and Services* // *The Oxford Handbook of The Bible In Orthodox Christianity*. 2022. P. 243-260.
18. Torrance A. *Reading Script with the Church Fathers* // *The Oxford Handbook of The Bible In Orthodox Christianity*. 2022. P. 261-274.
19. Monich A. I., Veliyeva N. A., Smirnov T. A. *Philosophical problem of hermeneutics* // *Culture. Science. Production*. 2019. Vol. 3. P. 47-51.
20. Schleiermacher F. *Hermeneutics*. St.-Petersburg, 2004. 242 p.
21. Ast F. *Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kritik*. Landshut, 1808. 244 s.
22. Dilthey V. *Hermeneutics and theory of literature*. Moscow, 2001. 538 p.

23. Dilthey V. Introduction to the sciences of the spirit // Dilthey V. Collected works in six volumes. Vol. 1. Moscow, 2000. P. 271-400.
24. Mezhuzev V. M. Hermeneutics as a method of the humanities (Friedrich Schleiermacher and Wilhelm Dilthey) // History. Semiotics. Culture: a collection of materials of the International Scientific Conference dedicated to the 250th anniversary of Friedrich Schleiermacher (Samara, November 23-24, 2018). 2018. P. 8-22.
25. Heidegger M. Being and time. Moscow, 1997. 503 p.
26. Gadamer H.-G. Truth and method. Moscow, 1988. 704 p.
27. Tyselton E. Hermeneutics. Cherkassy, 2011. 430 p
28. Men A. New hermeneutics // Bibliological dictionary. 2002. Vol. 2. P. 284-286.
29. Bultman R. Jesus Christ and mythology // Bultman R. Favorites: Faith and understanding. Vol. I-II. Moscow, 2004. P. 211-248.
30. Lezov S. The Works and days of Rudolf Bultman // Bultman R. Favorites: Faith and understanding. Vol. I-II. Moscow, 2004. P. 703-737.
31. Hilarion (Alfeyev), mitr. The «demythologization» of New Testament science. URL: <http://www.hilarion.ru/subreport/demifologizatsiya-novozavetnoy-nauki.html> (date of application: 21.06.2023).
32. Vorokhobov A.V. Hermeneutical concept in the religious and philosophical thinking of Karl Barth // Bulletin of NGLU. 2009. Iss. 7. P. 170-182.
33. Osborn G. Hermeneutical spiral: a general introduction to biblical interpretation. Odessa, 2009. 728 p.
34. Tillich P. Systematic theology. Vol. 1-2. Moscow – St.-Petersburg, 2000. 463 p.
35. Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise. Moscow, 2020. 160 p.
36. Fuchs E. Heurmeneutik. Stuttgart, 1954. 271 s.
37. Ebeling G. Wort Gottes und Tradition. Studien zu einer Hermeneutik der Konfessionen. Gottingen, 1964. 235 p.
38. Riker P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics. Moscow, 2008. 695 p.
39. Polskov K. O. On the question of the scientific theological method // Questions of philosophy. 2010. Vol. 7. P. 93-101.
40. Mikhailov P. B. Categories of theological thought. Moscow, 2013. 310 p.
41. Lonergan B. Method in theology. Moscow, 2010. 400 p.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.004

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
Орехова Е.Е.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: eka-orekhova@yandex.ru*

*Voronezh State University
The chair of Russian language as a
Foreign
PhD, associate professor
Orekhova E.E.
Russia, Voronezh,
e-mail: eka-orekhova@yandex.ru*

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
Вязовская В.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru*

*Voronezh State University
The chair of Russian language as a
Foreign
PhD, associate professor
Vyazovskaya V.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru*

Е.Е. Орехова, В.В. Вязовская

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрена проблема бессоюзного сложного предложения в методике обучения китайских студентов русскому языку как иностранному. Особое внимание уделяется осмыслению места данного типа сложного предложения в научных воззрениях китайских и русских лингвистов. Было установлено, что на процесс освоения китайскими студентами рассматриваемого типа сложного предложения влияет методика преподавания, практикуемая в вузах КНР. Это обусловлено нерешённостью проблемы описания БСП в китайской грамматике и преподаванием в китайских вузах русского синтаксиса практически без учёта национальной специфики. Китайские студенты не в полной мере осознают принципиальные различия в синтаксисе простого и сложного предложения, в связи с чем испытывают большие затруднения там, где структурные схемы аналогичных по семантике китайских и русских предложений различаются. Анализ нарушений структуры русских БСП в работах китайских учащихся свидетельствует о проявлении синтаксической интерференции. В ходе исследования были выявлены и систематизированы БСП, встречающиеся в базовом учебнике русского языка «Восток», предназначенного для студентов-филологов вузов КНР. Предлагается система заданий, направленная на преодоление трудностей и интерференции, возникающих у китайских учащихся при изучении данной темы. Вместе с тем предложены конкретные пути решения заявленной проблемы с учетом национально-ориентированного подхода. Результаты работы могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, в частности, послужить материалом для различных спецкурсов по русскому синтаксису, теории и практике перевода, а также вопросам межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: синтаксис, бессоюзные сложные предложения, русский язык как иностранный, обучение китайских студентов, национально-ориентированный подход, синтаксическая интерференция.

Е.Е. Orekhova, V.V. Vyazovskaya

RUSSIAN CONJUNCTIONLESS COMPLEX SENTENCE AS A SUBJECT OF STUDY BY NATIVE CHINESE SPEAKERS

The article considers the methodological problem of presenting conjunctionless complex sentences (CCS) to Chinese students in course of teaching Russian as a foreign language. Special attention is paid to analyzing this type of

complex sentence as it is outlined in Chinese and Russian linguistics and linguodidactics. It is revealed that the process of mastering Russian CCS is significantly influenced by teaching methods practiced in China. Together with the fact that grammatical description of Chinese conjunctionless sentences is still incomplete, this results in little regard for national specifics while teaching Russian syntax in Chinese universities. Since simple and complex sentences cannot be easily distinguished in Chinese, students have difficulties dealing with Russian sentences, where another syntactic structure is used to express the same meaning. The analysis of mistakes made in Russian CCS by native Chinese speakers indicates strong syntactic interference. The authors classify CCS found in *Vostok* – the basic textbook, widely used at Russian language departments of Chinese universities. They also present an original system of exercises aimed at helping the Chinese to overcome the difficulties caused by language interference. The exercises, as well as the general ideas they reflect, are based on a national-oriented approach, which allows to reduce the gap between the two grammatical systems and the two educational traditions. The study's results can be used in teaching Russian as a foreign language, in particular, for special courses like Russian syntax, theory and practice of translation, or intercultural communication issues.

Keywords: syntax, conjunctionless complex sentence, Russian as a foreign language, teaching Chinese students, national-oriented approach, syntax interference.

Синтаксис языка – это уникальная система, отражающая глубокие аспекты мышления и восприятия реальности. В структуре предложений заложены культурные коды, которые формируют картину мира русского человека. Синтаксис служит связующим звеном между языком и мышлением, демонстрируя, как структура речи формирует наше восприятие мира. Трудности, с которыми сталкивается иностранец при изучении русского языка, обычно объясняются его типологическим несходством с родным языком обучаемого. Компаративисты чаще говорят о структурных сходствах языковых универсалий, понятийных категорий, тогда как прикладная лингвистика, связанная с дидактикой, оптимизирует процесс овладения вторым (неродным) языком и потому рассматривает лингвистический материал с точки зрения различий.

В русском языке бессоюзные сложные предложения (далее БСП) представляют собой особую трудность для китайских студентов. Такие предложения часто встречаются в разговорной речи и художественной литературе, что делает их изучение важным для освоения языка. Важно отметить, что такие предложения могут создавать дополнительные нюансы в оттенках значений, что обогащает понимание контекста.

Для уяснения специфики восприятия БСП китайцами мы опирались на работы русских и китайских лингвистов, посвященные месту БСП в системе синтаксиса обоих языков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], а также вопросу обучения русскому синтаксису в практике преподавания РКИ [8; 9; 10].

На процесс освоения китайскими студентами русского языка в целом и отдельных аспектов его синтаксиса в частности влияет методика преподавания, практикуемая китайскими преподавателями РКИ. Для обрисовки ситуации в этой области констатируем ряд фактов и тенденций, отражённых в широко используемой научной литературе и учебных пособиях, используемых в образовательной среде Китая.

Как показывает анализ научной литературы, грамматика русского языка преподаётся в китайских вузах практически без учёта национальной специфики. При том, что сопоставительные лингвистические исследования, безусловно, ведутся, содержание доступных студентам справочных изданий более или менее детально повторяет классические русские грамматики. Так, в библиографическом списке «Новейшей русской грамматики» для студентов и переводчиков Чжан Хуэйсяня [11] (автора монографии «Сравнительное изучение русского и китайского языков») из 25 позиций 20 – фундаментальные труды советских учёных, а из пяти источников на китайском языке ни один нельзя отнести к области компаративистики [12]. Дважды переизданный «Очерк русской грамматики» Лю Шуйсяня [7] фактически представляет собой перевод «Грамматики - 80» (однако, что примечательно, из главы, посвящённой БСП, исключён параграф об интонации в бессоюзных соединениях предложений) [1].

В исследованиях и классификациях отечественных авторов несложно проследить влияние теории русского языка, в частности, стремление поместить китайский синтаксис в некую универсальную систему типологических координат. Так, в теоретической грамматике В.И. Горелова синтаксису отводится роль «самодовлеющей сферы речевого выражения» и «важнейшего раздела китайской грамматики», однако, признавая (вслед за китайскими коллегами) чрезвычайную проблематичность разграничения сложного предложения и сложного синтаксического целого, учёный всё же придерживается традиционного деления предложений на простые и сложные по количеству предикативных основ, при классификации сложных предложений опираясь на структурно-семантический принцип [3; с. 2-3].

Более адаптированной к реалиям китайского языка и менее зависимой от устоявшихся в европейской лингвистике категорий предстаёт работа Е.И. Шутовой, где теория сложного предложения представляет собой модификацию базовых положений Ли Цзиньси и исключает «противопоставление простого и сложного предложения как качественно различных структурно-синтаксических образований» [6; с. 333-334]. Исследовательница отмечает «способность синтаксических средств сочетаться и с отдельным словом, и с сочетанием слов различного (непредикативного или предикативного) характера и обусловленное этой способностью слабое развитие в языке оппозиции «предлог–союз» [6; с. 335].

В большинстве работ китайских лингвистов, как правило, преобладает дробно-описательный подход, при котором функциональность и семантика языковых единиц доминируют над их грамматической квалификацией. Нередки примеры того, что учёные не приходят к единому мнению по какому-либо вопросу и оставляют его открытым для дальнейшего исследования, по-видимому, не считая его решение дидактически значимым. Как пишет Тань Аошуан, в равной мере знакомая с обеими национальными лингвистическими традициями, в Китае «грамматика отсутствовала как научная дисциплина вплоть до конца XIX века. И до сих пор <...> не существует школьной или нормативной грамматики как таковой. Грамматика фактически развивается в отрыве от практического применения» [13; с. 18].

Незавершённость становления многих областей лингвистики в КНР хорошо иллюстрирует проблема разграничения простого и сложного предложения, нерешённость которой констатировал классик китайской грамматики Люй Шусян [7]. Так, Лин Бин считает, что простое предложение, входя в состав сложной синтаксической единицы, утрачивает статус предложения и становится частью предложения [Цит. по: 3; с. 193]. Также существует мнение о том, что в сложных предложениях, лишённых специальных средств синтаксической связи, имеет место особый семантический способ объединения частей сложного целого [Цит. по: 3; с. 297].

Современные китайские синтаксисты всё более склоняются к абсолютизации семантического компонента и трактовке различных конструкций с позиций топики-комментариевого подхода, где топик напоминает то, о чём говорится (тему), а комментарий – то, что говорится (рему высказывания). Идею тема-рематической структуры БСП поддерживает отечественный востоковед Е. Н. Емельченкова, согласно которой особенностью данных предложений «является то, что они могут содержать не новую информацию, связанную с уже описанной в предтексте ситуацией, а скорее пояснения к ней, дополняя имеющиеся сведения какими-то новыми обстоятельствами» [14; с. 68]. Вполне очевидной является мысль этого лингвиста о том, что описание сложного предложения в китайском языке по параметрам, использующимся по отношению к европейским языкам, является затруднительным ввиду того, что «логико-семантические отношения между их частями могут носить неоднозначный характер, а семантика маркеров (связующих элементов) оказывается не всегда очевидна» и в этом случае, правомернее, опираться на такие понятия, как паратакис и гипотакис» [14; с. 67-68]. Кроме того, исследователи современного китайского языка отмечают набирающую силу тенденцию к распространению бессоюзия в разговорной речи и, как следствие, в языке художественной литературы и средств массовой информации. Это соответствует универсальному принципу экономии речевых средств, так как семантически бессоюзные предложения в

ряде случаев сопоставимы с соответствующими сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями, но смысловые отношения, существующие между частями БСП, определяются без помощи лексико-грамматических маркеров, лишь в зависимости от присущих им конкретных семантико-морфологических свойств.

Итак, синтаксическая теория, имеющая в основе модель «подлежащее-сказуемое», игнорирует тот факт, что «эта модель является не реальностью, присущей китайскому языку, а только «импортной» закономерностью, привнесённой для образования предложений на европейских языках», утверждает Цзинь Тхао [15; с. 219].

Подобные теоретические лакуны оказываются чреватые серьёзными последствиями для китайцев, изучающих русский язык. Имея большой опыт работы с китайскими студентами обменных программ, которые ежегодно проходят обучение в Институте международного образования Воронежского государственного университета, мы можем констатировать слабое представление о русских БСП практически у всех представителей данного контингента. Китайские студенты не склонны видеть принципиальные различия в синтаксисе простого и сложного предложения и испытывают большие затруднения там, где структурные схемы аналогичных по семантике китайских и русских предложений заметно различаются. Проанализировав случаи употребления китайскими студентами БСП в ходе выполнения заданий различного характера, мы можем говорить о том, что отчётливо прослеживается синтаксическая интерференция. Калькирование китайских бессоюзных предложений может привести к нарушению логики русского языка, что, как правило, выражается в грамматически неверных конструкциях.

Приведём некоторые примеры нарушений структуры БСП в работах китайских учащихся.

1) Использование БСП вместо СПП, т. е. недопустимый пропуск союза:

*Я не хочу **мой папа и моя мама живут отдельно**.*

Я часто заставляю себя делать что-то мне не надо делать.

В китайском языке подобные предложения не являются однозначно сложными: вторая часть скорее играет роль второстепенного члена предложения (ср.: *я не хочу чай*), что косвенно подтверждается отсутствием запятой в русской конструкции.

2) Недостаточно мотивированное объединение простых предложений, отсутствие лексической связи между частями БСП:

Я влюбилась в русскую восхитительную природу, просто совершенная красота.

Долгая и богатая религиозная культура России полна и тайны, и красоты, очень стоит учиться.

3) Несвойственное русскому языку объединение разнородных ПП, т.е. нарушение синтаксического параллелизма:

а) первая часть носит назывной характер, т. к. обозначает тему (топик) последующих ПП в составе БСП:

***Тающие снежинки в руках**, я почувствовала себя прохладно.*

***Евгений Онегин и Цзя Баоюй**, один живёт в России XIX века, один живёт в Китае XVIII века;*

б) во второй части, которая воспринимается как продолжение первой, неоправданно опускается субъект (отличный от субъекта первой части):

Мне сразу понравились хаски, с ними много фотографировалась.

Их сердце пылкое, очень нас любят.

Ввиду того что китайские студенты, приезжающие из различных вузов, в большинстве своём испытывали трудности в построении БСП, мы обратились к учебной литературе, используемой в процессе обучения русскому языку на территории Китая, чтобы выяснить, как актуализируется тема БСП в практике преподавания РКИ. Как известно, базовым учеб-

ником для студентов-филологов является «Восток», представленный восемью частями [16; 17; 18;19; 20;21; 22; 23].

Проанализировав учебник и учебные пособия указанного комплекта, мы можем отметить, что в «Практической грамматике» [24] нет собственно практической части, формирующей навык использования изучаемых конструкций в речи. Так проявляет себя по-прежнему актуальный в КНР кумулятивный принцип изучения языка, который отдаёт приоритет накоплению знаний перед их активным использованием.

Весь рассмотренный текстовый материал основного учебника «Восток» условно представим двумя группами: специально составленные учебные тексты, в том числе упражнения текстового характера, и оригинальные (в некоторых случаях сокращённые) тексты из произведений русских писателей XIX–XX веков.

Что касается первой группы текстов, то отметим следующее:

БСП вводятся в текстовый материал, начиная с первой части, т.е. с начального уровня обучения. Среди массива выявленных данных синтаксических структур, можно обнаружить наиболее частотные БСП, части которых связаны следующими отношениями:

а) временные: *Семестр прошел быстро, наступила первая экзаменационная сессия;*

б) пояснительные: *Студенческая жизнь отличается от школьной: нет строгого контроля со стороны родителей и учителей; У меня была цель: выиграть хотя бы одну партию у Даши; Я почувствовал себя плохо: болела голова, болело горло, температура была 38°C. Врачи пришли к единому мнению: больному необходима операция. Я выехал в Пекин на следующий день – тянуло скорее увидеть столицу. Его тянуло ко сну – сказывалась бессонная ночь. Лошадь шла уныло, ямщик тянул унылую песню. Рыба всем не понравилась – съели только по несколько кусочков, она осталась почти целой;*

в) изъяснительные: *Теперь я знаю: надо много заниматься, читать, писать, слушать русскую речь, говорить по-русски; Все они гуманитарии: отец преподавал историю, мама работала в библиотеке, брат – переводчик; Наконец-то осуществилась наша мечта – мы едем в Питер!*

г) перечислительные: *Староста диктует расписание студентам группы, студенты задают ему уточняющие вопросы;*

д) противительные: *Делу время, потехе час. Для русских нет проблемы – как потратить деньги, есть лишь проблема – как их заработать; Жизнь прожить – не поле перейти.*

2. Выборка БСП из текстов таких русских писателей, как Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Бунин, В. М. Шукшин и др., кардинально отличается от предыдущих примеров большим объёмом, смысловой нагруженностью, пунктуационной оформленностью. Приведём примеры БСП из литературных текстов, включенный в данный УМК: *Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать – только зубы белеют и глаза; Да вас уже тогда в деревне не было; в Москву уехали учиться; Заливается он, заливается... и вдруг мне почудилось: зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: «Луша!..» (И. С. Тургенев «Живые мощи»); Заболела нога – ты чувствуешь, захотела есть – налаживаешь обед; Он предлагает добро и зло вместе – это, собственно, и есть рай (В. М. Шукшин «Верую») и др.*

Очевидно, что приведённые БСП демонстрируют собой образец синтаксиса языка художественной литературы со всеми его отличительными особенностями.

2. В подрубрике, содержащей краткие сведения по синтаксису русского языка (структура простого и сложного предложения, типы придаточных предложений и пр.), отсутствует тема БСП, при этом включено понятие о структуре простого и сложного предложения, видах односоставных предложений, типов придаточных предложений.

Таким образом, в рассмотренном учебно-методическом комплекте отсутствует описание БСП, раскрывающее особенности употребления данного вида синтаксических структур в русском языке. Как правило, обозначенные БСП из учебных текстов имеют достаточно однообразную структуру, не сопровождаются каким-либо теоретическим комментарием, пере-

водом и т.д. При этом УМК содержит аутентичные тексты русской литературы, насыщенные различными типами БСП, которые также лишены какой-либо актуализации, позволяющей снять трудности при их восприятии. Итак, в УМК «Восток» данная тема не включена в знакомство китайских студентов с особенностями синтаксического строя русского языка, что позволяет сделать вывод о том, что предполагается лишь пассивное овладение данными синтаксическими структурами.

Основываясь на опыте обучения китайских студентов теме БСП, мы предлагаем следующую систему упражнений, направленную на формирование навыка употребления данных синтаксических конструкций.

- 1) Прочитать фрагмент текста и найти БСП.
- 2) Прочитать БСП с правильной интонацией, обозначить грамматические основы.
- 3) Определить характер отношений между двумя частями БСП.
- 4) Трансформировать сложноподчинённые предложения в БСП, располагая части в правильном порядке, т. е. передавая прежнее значение другими синтаксическими средствами.
- 5) Сравнить БСП и синонимичные им сложноподчинённые предложения. Проследить, как изменяется интонация предложения. Определить, какие предложения более выразительны.
- 6) Используя пары простых предложений и заданную семантику сложноподчинённых предложений, определить, в каких случаях возможно бессоюзное соединение предложений, а в каких нет.

Итак, русский язык, обладая сложной и богатой синтаксической структурой, представляет собой уникальную систему. Китайские студенты, стремясь овладеть русским языком, сталкиваются с множеством трудностей. Среди факторов, осложняющих освоение китайскими учащимися синтаксиса русского БСП, можно выделить следующие:

- 1) системные различия между китайским и русским языками, в частности, в области синтаксиса сложного предложения;
- 2) экспансию бессоюзных конструкций в современной речевой практике носителей китайского языка;
- 3) недостаточность теоретического осмысления языковых явлений и, как следствие, недостаточную системность методики преподавания синтаксиса русского языка в китайских вузах;
- 4) неадаптированность китайских студентов к форме и логике изложения соответствующего материала, принятым в российской педагогической практике, а также недостаточную сформированность практических умений и навыков.

Учитывая описанные выше непростые условия, в которых студенты из КНР знакомятся с русским синтаксисом, мы разработали цикл корректировочных упражнений, помогающий овладеть навыками правильного построения и использования бессоюзных сложных предложений. В практике преподавания БСП китайским учащимся предлагаем придерживаться следующей стратегии:

- 1) необходимо детально обрисовать функционально-семантическое поле применения данных конструкций в русском языке и продемонстрировать учащимся асимметрию этого поля с аналогичным в китайском языке;
- 2) следует ввести БСП в контекст синтаксической синонимии (вариантных синтаксических форм), тем самым переместив их из разряда частного языкового явления на системный уровень;
- 3) важно построить цикл упражнений таким образом, чтобы постепенно расширять выбор вариантов, предлагаемых студентам, максимально моделируя реальную речевую ситуацию и предлагая разнотипные задания, тем самым исключая их механическое выполнение.

Помимо этого, крайне желательно обеспечить межаспектную интеграцию в рамках данного курса, т.е. привлекать соответствующие аудиоматериалы, отмечать использование бессоюзных сложных предложений в разных стилях речи (художественной литературе, языке СМИ, деловой речи).

В качестве перспектив целесообразно рассматривать преподавание курса русского синтаксиса, в частности при освещении темы БСП, в рамках национально-ориентированного подхода, выделяющего наиболее проблемные аспекты в освоении РКИ носителями определённого языка, систематизирующего и семантизирующего различия между родным и изучаемым языками, что позволит сделать учебный процесс максимально эффективным, ориентируя его на устранение трудностей, существенных для конкретной аудитории. Принцип системности, реализуемый на теоретическом, практическом и организационном (междисциплинарном) уровне, обеспечит более глубокое понимание учащимися законов русского языка и будет способствовать закреплению навыков и умений на практике. Таким образом, изучение БСП в курсе русского синтаксиса для китайских студентов послужит ещё одним ключом к более глубокому пониманию своеобразия русского языка.

Библиографический список

1. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 714 с.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высшая школа, 2003. 415 с.
3. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. Москва: Просвещение, 1989. 317 с.
4. Иваничкина Л.В. Выражение отношений обусловленности в бессоюзном сложном предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; МГОУ. М., 2004. 23 с.
5. Изаренков Д.И. Бессоюзное сложное предложение: система языка и обучение иностранцев русской речи. М.: Русский язык, 1990. 163 с.
6. Шутова Е.И. Синтаксис современного китайского языка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 391 с.
7. Люй Шусян Очерк грамматики китайского языка. В 2-х тт. Т.1: Слово и предложение. М.: изд-во Вост. лит., 1961. 266 с.
8. Вагнер В. Н. Синтаксис русского языка как иностранного и его преподавание. Учебное пособие. М., Флинта. Наука. 2005. 168 с.
9. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный. Синтаксис простого и сложного предложениям: Учебное пособие для студ. высших учебных заведений. М., Гуманит. из. центр Владос, 2004. 464 с.
10. Шибко Н.Л. Синонимия синтаксических средств: простое и сложное предложение: Сборник заданий по русскому языку как иностранному: учебное пособие. Санкт-Петербург: Златоуст, 2015. 288 с.
11. 张会森。最新俄语语法 (Новейшая русская грамматика)。- 北京 : 商务印书馆, 2000.
12. Чжан Хуэйсен Сравнительное изучение русского и китайского языков. Шанхай: Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2004. 496 с. (张会森. 俄汉语对比研究 (上卷) . 上海 : 上海外语教学出版社, 2004. 496页)
13. Тань Аошуан Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). Московский гос. ун-т; Ин-т стран Азии и Африки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
14. Емельченкова Е.Н. Бессоюзные предложения в китайском языке // *Opuscula linguistica Magistro sapientissimo dedicata*. Сборник статей к 90-летию Виктора Самуиловича Храковского / Д.В. Герасимов, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика, С.С. Сай (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С.67-74.
15. Цзинь Тхао Выбор исходного принципа рассмотрения синтаксиса современного китайского языка // *Известия Восточного института*. 1996, № 3. С. 217-223.

16. **大学俄语东方(新版)学生用书.1/史铁强主编;史铁强, 张金兰分册主编;北京外国语大学俄语学院编著. —北京:外语教学与研究出版社, 2008.12** (Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 1» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2008.12)
17. **东方大学俄语(新版)学生用书.2/史铁强主编;刘素梅分册主编;北京外国语大学俄语学院编著. — 2版,-北京:外语教学与研究出版社, 2010.2** (Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 2» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2010.2)
18. **东方大学俄语(新版)学生用书, 3/史铁强主编;黄玫分册主编, 北京外国语大学俄语学院编著, — 北京:外语教学与研究出版社, 2009.9** (Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 3» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2009.9)
19. **东方大学俄语(新版)学生用书. 4/史铁强主编;张朝意分册主编:北京外国语大学俄语学院编著, — 北京:外语教学与研究出版社, 2010.3** (Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 4» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2010.3)
20. **东方大学俄语(新版)学生用书. 5/史铁强主编;王凤英分册主编;北京外国语大学俄语学院编著. — 北京:外语教学与研究出版社, 2011.8** (Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 5» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2011.8)
21. **东方大学俄语新版6学生用书/李向东, (比)扬·尼·普里鲁茨卡娅主编, — 北京:外语教学与研究出版社, 2023.5** (Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 6» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2023.5)
22. **东方大学俄语(新版)学生用书. 7/北京外国语大学俄语学院编著, — 北京:外语教学与研究出版社, 2013.6** (Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 7» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2013.6)
23. **东方大学俄语(新版)学生用书. 8/史铁强主编, 北京外国语大学俄语学院编著. —北京:外语教学与研究出版社, 2014.1**(Ши Тиецян, Чжан Цзиньлань. Учебник «Русский язык – Восток 8» / Под ред. Школы русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2014.1)
24. **新编俄语语法 (Практическая грамматика) / 黄颖编著. 北京:外语教学与研究出版社, 2008. 475页。**

References

1. Russian grammar. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 2: Syntax. 714 p.
2. Valgina N.S. Modern Russian: Syntax. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 415 p.

3. Gorelov V.I. Theoretical grammar of the Chinese language. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 317 p.
4. Ivanichkina L.V. Expression of conditionality relations in a non-union complex sentence: author's abstract. diss. ... cand. of Philological Sciences: 10.02.01; Moscow State University of Education. Moscow, 2004. 23 p.
5. Izarenkov D.I. Non-union complex sentence: the language system and teaching Russian speech to foreigners. Moscow: Russian language, 1990. 163 p.
6. Shutova E.I. Syntax of the modern Chinese language. Moscow: Nauka. Main editorial office of oriental literature, 1991. 391 p.
7. Lyu Shuxiang Essay on the grammar of the Chinese language. In 2 volumes. Vol. 1: Word and sentence. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1961. 266 p.
8. Wagner V.N. Syntax of Russian as a foreign language and its teaching. Textbook. Moscow, Flint. Nauka. 2005. 168 p.
9. Kryuchkova L.S. Russian as a foreign language. Syntax of simple and complex sentences: Textbook for students of higher educational institutions. Moscow, Humanitarian and Cultural Center Vldos, 2004. 464 p.
10. Shibko N.L. Synonymy of syntactic means: simple and complex sentence: Collection of tasks in Russian as a foreign language: study guide. St. Petersburg: Zlatoust, 2015. 288 p.
11. 张会森。最新俄语语法 (Newest Russian grammar). 北京 : 商务印书馆 , 2000.
12. Zhang Huisen. Comparative Study of Russian and Chinese. Shanghai: Shanghai Language Teaching Press, 2004. 496 p. (张会森. Comparative Study of Russian and Chinese. Shanghai: Shanghai Language Teaching Press, 2004. 496 p.)
13. Tan Aoshuang. Problems of Hidden Grammar: Syntax, Semantics, and Pragmatics of the Language of the Isolating System (using the Chinese Language as an Example). Moscow State University; Institute of Asian and African Countries. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. 896 p.
14. Emelchenkova E.N. Non-union sentences in Chinese // Opuscula linguistica Magistro sapientissimo dedicata. Collection of articles for the 90th anniversary of Viktor Samuilovich Khrakovsky / D.V. Gerasimov, S.Yu. Dmitrenko, N.M. Zaika, S.S. Sai (eds.). SPb.: ILI RAS, 2022. Pp. 67-74. p.
15. Jin Thao The choice of the initial principle for considering the syntax of the modern Chinese language // Bulletin of the Eastern Institute. 1996, No. 3. Pp. 217-223.
16. 大学俄语东方(新版)学生用书.1/史铁强主编,史铁强,张金兰分册主编;北京外国语大学俄语学院编著。—北京:外语教学与研究出版社,2008.12 (Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Textbook "Russian Language - East 1" / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2008.12)
17. 东方大学俄语(新版)学生用书.2/史铁强主编,刘素梅分册主编;北京外国语大学俄语学院编著。—2版,-北京:外语教学与研究出版社,2010.2 (Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Textbook "Russian Language – East 2" / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2010.2)
18. 东方大学俄语 (新版) 学生用书, 3 / 史铁强主编 : 黄玫分册主编, 北京外国语大学俄语学院编著, – 北京 : 外语教学与研究出版社, 2009.9 (Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Textbook "Russian Language – East 3" / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2009.9)
19. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 . 4 / 史铁强主编 : 张朝意分册主编 : 北京外国语大学俄语学院编著, – 北京 : 外语教学与研究出版社, 2010.3 (Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Text-

book “Russian Language – East 4” / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2010.3)

20. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 . 5 / 史铁强主编 ; 王凤英分册主编 ; 北京外国语大学俄语学院编著 . – 北京 : 外语教学与研究出版社 , 2011.8 (Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Textbook “Russian Language – East 5” / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2011.8)

21. 东方大学俄语新版6学生用书/李向东 , (比)扬·尼·普里鲁茨卡娅主编, – 北京:外语教学 与研究出版社 , 2023.5 (Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Textbook "Russian Language - East 6" / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2023.5)

22. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 . 7 / 北京外国语大学俄语学院编著 , – 北京 : 外语教学 与研究出版社 , 2013.6) (Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Textbook “Russian Language – East 7” / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2013.6)

23. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 . 8 / 史铁强主编 , 北京外国语大学俄语学院编著。 –北京 : 外语教学与研究出版社 , 2014.1(Shi Tietcian, Zhang Jinlan. Textbook “Russian Language – East 8” / Edited by the School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 2013.6)

24. 新编俄语语法 (Practical Grammar) / 黄颖编著. 北京 : 外语教学与研究出版社, 2008. 475页。

УДК 81`42:398.23

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.005

*Оренбургский государственный университет
доктор филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
и методики преподавания немецкого языка
Солодилова И.А.
Россия, г. Оренбург,
тел. +7(919)8697818
e-mail: solodilovairal6@gmail.com*

*Orenburg State University
Doctor of Philology, Associate Professor of the
German Philology and Methods of the German
Language Teaching Department
Solodilova I.A.
Russia, Orenburg,
tel.: +7(919)8697818
e-mail: solodilovairal6@gmail.com*

*Оренбургский государственный университет
соискатель Волкова Е.А.
Россия, г. Оренбург,
тел. +7(953)8383504
e-mail: evgenia.alexandrovna@inbox.ru*

*Orenburg State University
Applicant Volkova E.A.
Russia, Orenburg,
tel.: +7(953)8383504
e-mail: evgenia.alexandrovna@inbox.ru*

И.А. Солодилова, Е.А. Волкова

ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ И ДИСКУРСОПРИБРЕТЕННЫЕ ЧЕРТЫ ИНТЕРНЕТ-ФОЛЬКЛОРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНЕКДОТОВ О COVID-19)

В статье рассматриваются проявления дискурсообразующих и дискурсоприобретенных черт интернет-дискурса в анекдотах о коронавирусе как жанре интернет-фольклора. Цель и задачи исследования включали рассмотрение дискурсообразующих и дискурсоприобретенных черт интернет-дискурса, их соотнесение с интернет-фольклором и выявление способа, которым дискурсообразующие и дискурсоприобретенные черты проявляют себя в интернет-фольклоре. Материалом изучения послужили анекдоты на английском языке, посвященные пандемии. Исследование началось с изучения теоретической базы интернет-дискурса, интернет-фольклора и анекдота как его жанра. Результатом данного шага стало выявление и определение дискурсообразующих и дискурсоприобретенных черт интернет-дискурса и их взаимосвязи с интернет-фольклором. Следующий этап составляла выборка материала на тематических сайтах. Ограничение в использовании некоторых англоязычных источников, введенное на момент исследования, не позволило анализировать тексты из социальных сетей, поэтому тексты искались на сайтах, выступающих в роли своеобразных сборников юмористической направленности. Далее был проведен анализ найденных анекдотов о коронавирусе в свете их дискурсообразующей и дискурсоприобретенной природы. Вследствие анализа было выявлено, что дискурсообразование интернет-фольклора выражается в самом факте появления анекдотов на тему Covid-19, их градация на более мелкие тематики в рамках единой темы, создании новых лексических единиц, комментариев и обсуждений относительно пандемии, тогда как дискурсоприобретенные отражены в использовании уже существующих речевых и текстовых образцов в рамках тематики. Авторы делают вывод о том, что анекдоты как жанр интернет-фольклора демонстрируют как дискурсообразующую, так и дискурсоприобретенную стороны интернет-дискурса. Они не только отражают реальность, но и формируют ее, внося свой вклад в эволюцию интернет-фольклора

Ключевые слова: интернет-фольклор, анекдот, дискурсообразующие черты, дискурсоприобретенные черты, интернет-дискурс, Covid-19

I.A. Solodilova, E.A. Volkova

DISCOURSE-FORMING AND DISCOURSE-ACQUIRED FEATURES OF INTERNET FOLKLORE (BASED ON JOKES ABOUT COVID-19)

The article examines the manifestations of discourse-forming and discourse-acquired features of Internet dis-

course in jokes about coronavirus as a genre of Internet folklore. The purpose and objectives of the study included consideration of the discourse-forming and discourse-acquired features of Internet discourse, their correlation with Internet folklore and identification of the way in which discourse-forming and discourse-acquired features manifest themselves in Internet folklore. The material of the study was presented in jokes in English about the pandemic. The research began with the study of the theoretical basis of Internet discourse, Internet folklore and jokes as its genre. The result of this step was the identification and definition of the discourse-forming and discourse-acquired features of Internet discourse and their relationship with Internet folklore. The next stage was the selection of material on thematic sites. The restriction in the use of some English-language sources, introduced at the time of the study, did not allow the analysis of texts from social networks, so the texts were searched on sites acting as a kind of humorous stories collections. Next, the found jokes about coronavirus were analyzed in the light of their discourse-forming and discourse-acquired nature. As a result of the analysis, it was revealed that the discourse formation of Internet folklore is expressed in the very fact of the appearance of jokes on the topic of Covid-19, their gradation into smaller topics within a single one, the new lexical units forming, comments and discussions on the pandemic, whereas the discourses acquired are reflected in the use of existing speech and text samples within the framework of the topic. The authors conclude that jokes as a genre of Internet folklore demonstrate both the discourse-forming and the discourse-acquired sides of Internet discourse. They not only reflect reality, but also shape it, contributing to the evolution of Internet folklore

Keywords: Internet folklore, joke, discourse-forming features, discourse-acquired features, Internet discourse, Covid-19

Возникновение и развитие интернет-фольклора связано, прежде всего, с появлением возможности не только реагировать на контент в сети, но и создавать собственный [1; с. 5]. Являясь инструментом передачи информации, интернет выполняет коммуникативную функцию и осуществляет обмен смыслами между многочисленными пользователями. С этой точки зрения интернет стал коммуникативной средой многих уже существовавших ранее дискурсов (например, дискурса СМИ, политического дискурса, с развитием онлайн технологий в преподавании – педагогического дискурса и др.). В то же время интернет создает и свои собственные виды дискурса, не существовавшие ранее. Все они объединяются видовым понятием «интернет-дискурс». Актуальность исследования выражается в возрастающем интересе к изучению интернет-фольклора как коммуникативного, дискурсивного и текстового явления, поскольку тексты интернет-фольклора (включая анекдоты) влияют на интернет-дискурс и подвергаются его влиянию.

Понятие интернет-дискурса неоднозначно. Н.А. Ахренова понимает интернет-дискурс как создание текстов в интернет-пространстве с учетом прагматических, социокультурных и психологических факторов. Важно отметить, что интернет-дискурс в ее понимании не результат, а процесс, имеющий социальное воздействие, выражающийся как в межличностном взаимодействии, так и в когнитивных процессах отдельного человека [2; с. 167-168].

О.В. Лутовинова рассматривает интернет-дискурс как результат коммуникативных процессов. По мнению исследователя, интернет-дискурс (виртуальный дискурс) – это текст, погруженный в коммуникативную среду виртуального пространства [3; с. 289]. Понимание интернет-дискурса как процесса и результата не составляет противоречия, напротив, логично и закономерно в силу процессуальной природы дискурса вообще. Любой тип дискурса проявляет себя в момент времени как развертывающееся во времени и пространстве коммуникативное событие, результатом которого является текст. Процессуальность и результативность интернет-дискурса описывают совокупность речемыслительной деятельности людей в сети Интернет, трансформирующую и формирующую их коммуникацию.

Характеризуя интернет-дискурс в аспекте его жанрового своеобразия, О.В. Лутовинова выделяет дискурсообразующие и дискурсоприобретенные жанры. Критерий структурности и композиционности текста дискурса позволяет, по мнению О.В. Лутовиновой, выделить дискурсивные жанры «на основании реально существующих естественно сложившихся форм общения, для которых можно выделить канонические (прототипические) единицы» [4; с. 171-172]. Данную группу автор предлагает обозначать как дискурсообразующие жанры. К ним относятся посты, чаты, электронные письма, блоги, смс и др.

В отличие от первой группы критерием выделения дискурсоприобретенных жанров является интенциональное своеобразие высказывания: определяющей характеристикой любого речевого жанра является интенция, которая основывается на определенных стереотипах речевого поведения, реализуется в определенных стереотипных действиях или через определенную последовательность типичных действий в стандартной – для соответствующего типа дискурса – форме, и становится ключевым моментом дискурсоприобретенного жанра [4; с. 172]. Среди таковых называются сетевой флирт, спам, виртуальный роман и др.

Иными словами, к дискурсообразующей категории относятся все тексты, размещенные в сети интернет, которые порождают сам дискурс. Дискурсоприобретенные черты реализуются в адаптации уже существующих речевых образцов к условиям интернет-дискурса.

Интернет является коммуникативным пространством, в котором определенный контент (содержание, смысл, семантика, подлежащие оязыковлению и передаче) становится коммуникативным содержанием, развивающимся по законам интернет-пространства и данного типа дискурса. Интернет-дискурс одновременно порождает и является следствием любых текстов в сети, включая интернет-фольклорные.

Интернет-фольклор – относительно новое коммуникативное явление, восходящее к идеям постмодернизма. Вопрос о выделении интернет-фольклора в отдельную группу на данный момент остается спорным. М.Д. Алексеевский выделил четыре группы концепций относительно интернет-фольклора, согласно которым интернет-фольклор понимается как: 1) совокупность произведений традиционных фольклорных жанров, размещенных в сети Интернет (при этом их форма – фольклорная, но содержание диктует культура интернет-пространства); 2) фольклор, целевая аудитория которого – специалисты в области информационных технологий; 3) городской фольклор, распространяющийся посредством сети Интернет (т.е. любой текст, найденный в сети, может называться интернет-фольклором вне зависимости от существования или отсутствия устной формы распространения и бытования); 4) тексты, которые создаются и распространяются преимущественно посредством сети Интернет [5; с. 152-157].

Мы, вслед за Д.А. Радченко, Г.И. Власовой, Ю.С. Ланской, будем придерживаться последней концепции [6-8], которая подразумевает понимание интернет-фольклора как самостоятельной формы фольклора, имеющей собственные формы бытования и являющейся следствием информационного общества и медиакommunikации. Помимо типичных фольклорных черт (анонимность, вариативность, синкретизм, воспроизводимость, повторяемость), интернет-фольклор обладает также рядом специфических характеристик. Интернет-фольклору присущи интерактивность и мобильность (пользователи могут как публиковать тексты, так и взаимодействовать с ними практически одновременно с созданием произведения), виртуальное авторство, интертекстуальность, лингвокреативность (изменение привычных графического или звукового облика лексической единицы).

Интенсивное развитие интернет-фольклора стало причиной его жанрового своеобразия и разнообразия. Последнее проявляется в наличии таких жанров, как посты, комментарии, анекдоты, мемы, демотиваторы, репосты, рассылки и т.д. В нашем исследовании мы рассматриваем анекдоты как жанр интернет-фольклора, тематика которых связана с периодом пандемии коронавирусной инфекции.

Анекдот как жанр интернет-фольклора представляет собой текст, носящий юмористический характер, бытующий и распространяющийся в сети Интернет и выражающий отношение определенной социальной группы к заданной тематике. Н.В. Матвеева и В.К. Абдрахманова отмечают способность анекдотов отражать современные тенденции развития разговорного языка [9; с. 91].

Юмор являлся и является важной частью повседневной жизни; с помощью шуток люди могут установить контакт и наладить коммуникацию, получить социальное одобрение, разрешить конфликт (или хотя бы снизить градус) и т.п. Анекдоты о Covid-19 являются отражением социального мнения о новых реалиях, с которыми столкнулись люди по всему миру.

Они выражают страхи и опасения, чувство небезопасности и неуверенности в следующем дне, недоверие к медицине, СМИ и даже политике государств в целом, они способствовали формированию новых культурных концептов. Через шутки мы можем объяснить глубокие ментальные процессы порождения юмора и его восприятия в сознании человека, а также их соотношение с языковой формой [10; с. 34-35], что указывает на проявлении в анекдотах дискурсообразующих черт.

Методом сплошной выборки с англоязычных Интернет-ресурсов мы выделили дискурсообразующие и дискурсоприобретенные черты анекдотов как жанра интернет-фольклора.

Одним из проявлений дискурсообразующих черт на анекдоты о Covid-19 стало создание и публикация шуток на тему коронавируса, т.е. само по себе появление юмора на данную тематику, что говорит об актуальности темы. Отметим также появление соответствующих тематических разделов на сайтах, что свидетельствует о многостороннем изучении данного явления. Дискурсообразующие черты проявляются и в обширном количестве подобного контента в социальных сетях, сопровождающемся комментариями, ответами и даже цепочками рассуждений.

Кроме этого, следует отметить появление новых лексических единиц (неологизмов), значение которых определяется реалиями пандемии, а именно: *mascne* (*mask* + *acne*), обозначающее кожное заболевание акне в результате длительного нахождения в медицинской маске; *smizing* (*smiling* + *eyes*), обозначающее улыбку, при которой видно только глаза; *infits* (по аналогии с *outfits*) – фотографии, демонстрирующие какой-либо стиль одежды, однако не «на выход», а в домашних условиях [11; с. 38-41]. Как отмечает С.Э. Гусева, словосложение занимает ведущую роль в формировании новых неологизмов в рамках интернет-дискурса (компьютерного дискурса) и составляет около 70%. Случаи блендинга, также представленные в нашей работе, составляют около 10% [12; с. 85].

Дискурсообразующие черты проявляются также в появлении новых тем для шуток. Эпидемия «вскрыла» множество мнений пользователей, из-за чего анекдоты, которые вроде посвящены болезни, на самом деле подразумевают совершенно иные контексты. Нами были обнаружены анекдоты на такие темы, как соблюдение социальной дистанции (*Why did the chicken cross the road? Because the chicken behind it didn't know how to socially distance properly* [13]. – Почему курица перешла дорогу? Потому что курица нее не соблюдала социальную дистанцию), карантин / самоизоляция и продолжительное нахождение дома (*Lockdown means you get to decide each day what outfit you'll wear in your living room* [13]. – Карантин означает, что каждый день вам нужно выбирать, какой наряд надеть, чтобы пойти в гостиную), недоверие к медицине и медицинским работникам (*What did the virologist say to the public? Probably the opposite of what he'll tell them next week* [13]. – Что вирусологи говорят общественности? Скорее всего, противоположное тому, что они скажут на следующей неделе); возможность заболевания животных (*Have scientists determined why cats can catch COVID? It's still a meow-stery* [13]. – Ученые выяснили, почему кошки подвержены Covid? Это все еще тайна. Отметим, что в данной шутке также наблюдается игра слов: в слове *meow-stery* первый слог заменен на звукоподражание кошачьего языка); чрезмерное употребление еды и алкогольных напитков (*If I keep stress-eating at this level, the buttons on my shirt will start socially distancing from each other* [14]. – Если я продолжу заедать стресс на таком уровне, пуговицы на моей рубашке начнут соблюдать социальную дистанцию); массовая скупка продуктов и продовольствия (*Back in the day the only time we started panic buying was when the bartender yelled "last call."* [15]. – В былые времена паника по поводу покупок возникала только когда бармен кричал о закрытии).

Анализ текстов анекдотов о Covid-19 позволил выявить и дискурсоприобретенные черты, определяющие особенности данного жанра.

Так, среди многообразия контента можно выделить анекдоты, построенные по ранее существующим образцам, но видоизмененные исходя из дискурсивной формы и темы:

1) Анекдоты, начинающиеся со звука стука в дверь, являются распространенной формой юмора с устоявшейся структурой: стук, вопрос «кто там?» и ответ, носящий юмористический характер:

– *Knock-knock. – Who is there? Seriously, don't touch my door and get back 2 metres to social distance* [15]. – Тук-тук. – Кто там? Серьезно, не трогай дверь и соблюдай двухметровую социальную дистанцию.

2) Еще одной сложившейся формой анекдотов являются шутки с зачином «мужчина заходит в бар и ...». Комический эффект может заключаться либо в самом факте встречи кого-то, либо в произнесенной им фразе:

A man walks into a bar and goes up to the bartender and says "I'll have a Corona please, hold the virus" [15]. – Мужчина заходит в бар, подходит к бармену и говорит: «Мне, пожалуйста, Корону, но без вируса» (имеется в виду марка пива).

3) Анекдоты, начинающиеся с вопроса о разнице между двумя объектами или явлениями, также были адаптированы под тему пандемии:

What's the difference between working from home and working in an office? COVID [14]. – В чем разница между работой из дома и в офисе? Covid.

4) Каламбур и игра слов также стали основой для шуток на тему коронавируса:

Why don't chefs find coronavirus jokes funny? They're in bad taste [13]. – Почему повара не находят шутки о коронавирусе смешными? У них нет вкуса (подразумевается одно из последствий заболевания – потеря вкусового восприятия). *So many coronavirus jokes out there, it's a pandemic* [13]. – Так много шуток о коронавирусе, это <...>. Перевести корректно данный анекдот не представляется возможным из-за игры слов: неверно написанное слово *rip-demic* звучит аналогично *pandemic*, но именно оно создает комический эффект, поскольку *rip* означает каламбур.

Следующим примером дискурсоприобретенных черт анекдотов как жанра интернет-фольклора можно назвать использование устоявшихся стереотипных суждений, модифицированных в зависимости от формально-содержательных особенностей интернет-фольклора. Нами были обнаружены стереотипы: о низком качестве китайского производства (*Don't worry, the Corona Virus won't last long... It was made in China* [15]. – Не волнуйтесь, коронавирус не продлится долго. Он был сделан в Китае); о «вечном» конфликте жен и мужей, в котором первые стремятся к увеличению совместного времяпровождения (*The Coronavirus has achieved what no female has every been able to achieve. It has cancelled sports, closed all bars and kept all guys at home* [15]. – Коронавирус смог сделать то, чего не смогли женщины. Он отменил спортивные мероприятия, закрыл бары и рассадил всех мужчин по домам).

Проведенный анализ интернет-фольклорных анекдотов, бытующих в англоязычном интернет-пространстве в период пандемии, дал нам возможность сделать следующие промежуточные выводы. Интернет-фольклор реализуется через коммуникативную функцию, отражает общественные события и отношение к ним различных социальных групп. Пандемия коронавирусной инфекции затронула интернет-пространство и нашла свое выражение в текстах интернет-фольклора, включающих мемы, посты, анекдоты и т.п. Анонимность (в том числе, посредством виртуального авторства), воспроизводимость, повторяемость обуславливают наличие закрепленных за данным жанром интернет-фольклора дискурсообразующих черт. В то же время можно выделить и черты, приобретаемые уже существующими текстами в процессе их функционирования в дискурсе интернет-фольклора – дискурсоприобретенные черты.

В анекдотах дискурсообразующие черты проявляются через сам факт создания текстов, их группировку в отдельных разделах и тематиках и появление новых лексических единиц. Дискурсоприобретенные черты обуславливают появление новых анекдотов на основе уже устоявшихся форм и стереотипов.

Библиографический список

1. Граматчикова Н.Б., Хоруженко Н.Б. Постфольклор и интернетлор: учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2017. 62 с.
2. Ахренова Н.А. Основные способы классификации жанров Интернет-дискурса // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. №9. С. 166-174.
3. Лутовинова О.В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия // МНКО. 2015. №1 (50). С. 288-292.
4. Лутовинова, О.В. Жанровая речевая деятельность языковой личности в виртуальном дискурсе // Инициативы XXI века. 2012. №3. С. 170–173.
5. Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (современная фольклористика и виртуальная реальность) // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. материалов. 2010. С. 151-166.
6. Радченко Д.А. Современный кинематографический анекдот в условиях сетевой коммуникации // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докладов. 2006. №3. С. 307-317.
7. Власова Г.И. Интернет-поздравления как жанр постфольклора // Интернет и фольклор. 2009. С. 302-308.
8. Ланская Ю.С. Американская «Bogus Warnings» («ложные предупреждения об опасности») и российские «письма несчастья» // Интернет и фольклор. 2009. С. 158-169.
9. Матвеева Н.В., Абдрахманова В.К. Языковые особенности английского юмористического текста (на примере анекдота) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 3 (50). С. 87-95. DOI 10.36622/AQMPJ.2023.42.17.014
10. Уханова, М. А. Почему нам смешно: классификация анекдотов по способу создания когнитивного диссонанса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. №6 (822). С. 34-44.
11. Аль-Салман С., Хайдер А.С. Covid-19 как причина возникновения неологизмов и словообразовательных процессов в английском языке // Russian Journal of Linguistics. 2021. №1 (25). С. 24-42. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42.
12. Гусева С.Э. Англоязычные неологизмы дискурса компьютерных технологий: словообразовательный аспект // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 3 (50). С. 78-86. DOI 10.36622/AQMPJ.2023.29.92.013
13. Bored Panda [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boredpanda.com/> (дата обращения: 9.08.2024).
14. Fatherly [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fatherly.com/> (дата обращения: 5.08.2024).
15. Keep Laughing Forever [Электронный ресурс]. URL: <https://www.keeplaughingforever.com/> (дата обращения: 11.08.2024).

References

1. Gramatchikova N.B., Khoruzhenko N.B. Postfolklor and internetlor: an educational and methodological guide. Yekaterinburg, 2017. 62 p.
2. Akhrenova N.A. The main ways of classifying genres of Internet discourse // Bulletin of the YUrGGPU. 2009. No. 9. pp. 166-174.
3. Lutovinova O.V. Virtual linguistic personality: towards the definition of the concept // MNKO. 2015. No.1 (50). pp. 288-292.
4. Lutovinova, O.V. Genre speech activity of a linguistic personality in virtual discourse // Initiatives of the XXI century. 2012. No.3. pp. 170-173.

5. Alekseevsky M.D. The Internet in folklore or folklore on the Internet? (modern folklore and virtual reality) // From Congress to Congress. Towards the second All-Russian Congress of folklorists: Collection of materials. 2010. pp. 151-166.
6. Radchenko D.A. Modern cinematic anecdote in the context of network communication // The first All-Russian Congress of folklorists : collection of reports. 2006. No. 3. pp. 307-317.
7. Vlasova G.I. Internet greetings as a genre of post-folklore // Internet and folklore. 2009. pp. 302-308.
8. Lanskaya Y.S. American "Bogus Warnings" ("false warnings about danger") and Russian "letters of misfortune" // Internet and folklore. 2009. pp. 158-169.
9. Matveeva N.V., Abdrakhmanova V.K. Linguistic features of the English humorous text (on the example of an anecdote) // Actual issues of modern philology and journalism. 2023. No. 3 (50). pp. 87-95. DOI 10.36622/AQMPJ.2023.42.17.014
10. Ukhanova, M. A. Why is it funny to us: classification of jokes according to the method of creating cognitive dissonance // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2019. No.6 (822). pp. 34-44.
11. Al-Salman S., Haider A.S. Covid-19 as the cause of neologisms and word-formation processes in the English language // Russian Journal of Linguistics. 2021. No.1 (25). pp. 24-42. DOI 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42.
12. Guseva S.E. English neologisms in the discourse of computer technologies: world-building aspects // Actual issues of modern philology and journalism. 2023. No. 3 (50). pp. 78-86. DOI 10.36622/AQMPJ.2023.29.92.013
13. Bored Panda [Electronic resource]. URL: <https://www.boredpanda.com/> (date of reference: 09.08.2024).
14. Fatherly [Electronic resource]. URL: <https://www.fatherly.com/> (date of reference: 5.08.2024).
15. Keep Laughing Forever [Electronic resource]. URL: <https://www.keepLaughingForever.com/> (date of reference: 11.09.2024).

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.006

*Воронежский институт Министерства
внутренних дел России
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского
и иностранных языков
Кудрина Е. В.
Россия, г. Воронеж.
Телефон +7 (952) 542 6709
e-mail: katrina513@yandex.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
Head of the Department of Russian and For-
eign Languages
Ph.D. of Philological Sciences
Kudrina E. V.
Russia, Voronezh
+7 (952) 542 6709
e-mail: katrina513@yandex.ru*

Е.В. Кудрина

**МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
В ПОЭЗИИ: С НАЧАЛА XX ВЕКА ДО ВРЕМЕН КОВИД-ПАНДЕМИИ НА ПРИМЕРЕ
ЛЕКСЕМ «ВИРУС» И «МАСКА»
(на материале Национального корпуса русского языка
и ковидных стихотворных сборников)**

Целью настоящей статьи является изучение лексем из области медицины в их метафорическом значении с XX века до ковид-пандемии, так как метафора обладает богатым прагматическим потенциалом – способностью эффективно воздействовать на адресата, а именно такое воздействие во время пандемии является значимым в поэтических текстах. В статье рассматриваются лексемы «вирус» и «маска» в Национальном корпусе русского языка в поэтических текстах как наиболее частотные лексемы периода пандемии, выбранные по принципу «слова года». Выясняются причины того, почему лексема «вирус» является не самой высокочастотной в поэтических текстах, а лексема «маска» – наоборот. Кроме того, лексемы сравниваются с еще одной из основных лексем периода – лексемой «врач», которая к этому моменту теряет метафорические значения. Причины заключаются в первую очередь в том, что метафорическое значение обеих лексем присутствует уже в основном их словарном значении, и при действии в тексте начинает развиваться. Кроме того, выбранные нами лексемы, в отличие от лексемы «врач», не обозначают людей, что позволяет им иметь меньше ограничений при метафоризации. В ходе анализа литературных контекстов выясняется, что медицинские метафоры из лексических групп, не затрагивающих людей, ведут себя в текстах периода ковид-пандемии с ожидаемым увеличением количества метафорических значений, а также увеличивается количество случаев игры с их основным переносным значением, зафиксированным в словаре.

Ключевые слова: русский язык, медицинская метафора, Национальный корпус русского языка, Слово года, COVID-19, постковидный период.

E. V. Kudrina

**MEDICAL VOCABULARY IN METAPHORICAL USE IN POETRY: FROM THE BE-
GINNING OF THE 20TH CENTURY TO THE TIMES OF THE COVID PANDEMIC ON
THE EXAMPLE OF THE LEXEMES "VIRUS" AND "MASK"
(based on the National Corpus of the Russian language and covid poetry collections)**

The purpose of this article is to study lexemes from the field of medicine in their metaphorical meaning from the 20th century to the covid pandemic period, since metaphor has a rich pragmatic potential - the ability to effectively influence the addressee, and concretely this meaning of these words has a great meaning during a pandemic period in poetic texts. The article examines the lexemes "virus" and "mask" in the National Corpus of the Russian Language in poetic texts as the most frequent lexemes of the pandemic period, selected according to the principle named the "word of the

year". We find out the reasons why the lexeme "virus" is not the most frequent in poetic texts, and the lexeme "mask" is frequent enough. In addition, the lexemes are compared with another of the main lexemes of the period - the lexeme "doctor", which loses its metaphorical meaning in pandemic period. The reasons are primarily that the metaphorical meaning of both lexemes is already present in their main meaning fixed in the dictionary, and begins to develop when acting in the text. In addition, the lexemes we have chosen, unlike the lexeme "doctor", do not mean people, so this fact allows them to have less limitations in metaphORIZATION. During the analysis of literary contexts, it turns out that medical metaphors from lexical groups that do not affect people work in texts during the covid pandemic with the expected increase in the number of metaphorical meanings, and the number of cases of playing with their main figurative meaning recorded in the dictionary also increases.

Key words: Russian language, medical metaphor, National Corpus of the Russian Language, „Word of the year“, COVID-19, postcovid period.

Ковид-пандемия как стрессовое событие для всех областей жизни повлекла за собой ряд изменений в том числе и в русском языке. Чаще всего предметом рассмотрения с лингвистической точки зрения в научных статьях последних лет является лексика, а именно: появление неологизмов в таком количестве, которое повлекло за собой создание словаря, содержащего около 3500 единиц [см. 1] и словообразование, рассматриваемое в работах А.В. Завадской [см. 2], Ф.Г. Фаткуллиной [см. 3] и других. Метафоризации лексики периода коронавируса также посвящен ряд исследовательских работ, среди которых можно выделить работы Е. Стояновой [см. 4], И.Н. Коренецкой [см. 5] и других.

Наше исследование касается в первую очередь семантических изменений, но в качестве предмета исследования нами выбран такой пласт лексики как медицинская, причем ее использование в метафорическом значении. Медицинской лексике как таковой посвящена наша диссертация [см. 6], а также ряд статей, рассматривающих поведение медицинской метафоры в медийном дискурсе, но сам факт пандемии существенно расширил сферу употребления и изменил особенности поведения отдельных метафор. В разные периоды времени любые лексические группы ведут себя по-разному. Ранее нам удалось доказать это на примере одной лексемы – «врач», которая функционировала в поэзии, начиная с XIX века до времен ковид-пандемии. Выяснилось, что данная лексема обладает огромным метафорическим потенциалом, имеет не менее десятка значений, но удивительным оказался тот факт, что во время ковид-пандемии она используется практически только в прямом значении, обозначая человека, лечащего людей от болезней. Причиной этого является опасение за собственную жизнь, благодарность врачам, и в связи с этим практически сразу отпадает использование лексемы с примесью сарказма и иронии, которое в данном случае подобно богохульству.

В поэтических текстах периода ковид-пандемии данная лексема используется в прямом значении для выражения поддержки, благодарности и сочувствия. Интересно в данном случае то, что в начале исследования мы ожидали обратного – увеличения количества употреблений в метафорическом значении.

В данной статье мы продолжаем исследовать поведение основных медицинских лексем, но для сравнения возьмем по одной лексеме из наиболее используемых в о время пандемии групп медицинской лексики: а) лексемы, обозначающие наименования болезней и б) лексемы, обозначающие вспомогательные медицинские средства).

Предметом нашего исследования оказалась лексика из раздела поэтических текстов Национального корпуса русского языка [7], а также стихотворения, опубликованные в социальных сетях и изданные в виде книг во время ковид-пандемии.

Говоря о частотности употребления отдельных лексем, следует обратить внимание на понятие «Слово года», впервые использованное в Германии в 1971 году. А.Н. Сперанская определяет это понятие, как слово, связанное «... с событием года, затронувшим большую часть населения и отразившимся если не на всех, то на наиболее значимых сторонах жизни людей - экономике, политике, здоровье, быте» [8]. При этом слово может быть как новым, так и всем известным, но получившим новые оттенки значения.

И здесь нам особенно важны лексемы последних лет, начиная с 2019 года. Выясняется, что фаворитом 2019 года является слово протест, 2020 года – обнуление и только «2021 года – вакци-

нация» [9]. Если выбирать только по одному слову, то можно сделать вывод, что человеческое сознание работает по психологическому принципу: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Получается, что слово «вакцина» оказалось в «топе» только на третий год пандемии. Но если посмотреть шире, то мы увидим именно то, что предполагали: медицинская лексика занимает одно из «призовых» мест в списке популярности.

В этом случае мы видим в 2020 году на втором месте лексему «коронавирус», на третьем – «ковид», а на четвертом – «самоизоляцию».

Среди выражений, которые тоже выбираются по степени популярности на втором месте фигурирует «масочный режим», а на третьем – «социальное дистанцирование».

В категории «протологизм года» (новые слова) на втором и третьем местах находятся: «Расковидеться – увидеться после карантина (по типу «разговориться»); «Гоминицид – то, что убивает людей; средства их истребления (коронавирус — новейший и опаснейший гоминицид)».

Следующий, 2021 год также отметился медицинской лексикой: 1 место – «Вакцина, вакцинация», 2. QR, 3. Антиваксеры. Среди выражений фигурирует «Избыточная смертность». В категории «антиязык» мы встречаем выражение «рекорд смертей» и «Берлинский пациент».

Таким образом, здесь по лексике лидируют 2020 и 2021 годы. В течение следующих двух лет медицинской лексики ни на одном из ведущих мест не наблюдается.

Выбор слова года еще раз подчеркнул наш интуитивный выбор лексем, взятых для сравнения.

Так, в группе «лексемы, обозначающие наименования болезней», нами взята лексема «вирус». В отличие от рассматриваемой ранее лексемы «врач» с частотностью 803 примера в 615 текстах, лексема «вирус» дает следующие показатели: 25 примеров использования в 20 текстах. Какова же причина такого сокращения по сравнению с предыдущей лексемой? В первую очередь – это позднее появление слова. Его появление относят ориентировочно к 1892 году, что сразу аннулирует пласт лексики XIX века.

Большой универсальный словарь русского языка дает нам три основных значения: Вирус – «● ... Мельчайшая неклеточная частица, к-рая, будучи одной из форм жизни, размножается только в живой клетке, паразитирует в ней и имеет способность вызывать заболевания человека, животного или растения... ● 2.0. перен., только ед. О каком-л. отрицательном, вредоносном свойстве, к-рое распространяется подобно заразе. Син. <микроб, бацилла>. В. индивидуализма... ● 3.0. информ. Специальная вредоносная компьютерная программа, имеющая целью самопроизвольно... подсоединяться к другим программам и... вызывать сбои в их работе». [10]

Таким образом, нужное нам метафорическое значение мы обнаруживаем уже в словаре.

Существует несколько наиболее часто используемых метафорических моделей периода пандемии. А.А. Лукиных, И.В. Баранова вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном выделяют следующие три типа моделей:

«1. Структурные метафоры... 2. Ориентационные метафоры... 3. Онтологические метафоры. [11]» Среди структурных они выделяют метафору типа «коронавирус – это враг». Аналогичная метафора по отношению к лексеме «вирус» выявлена нами и в поэтических текстах, начиная с XX века: *Не может быть, что какой-то вирус/ Тебя убивал, как тать*, И. В. Чиннов. «Одна миллионная миллиметра...» (1978) (прямое значение, но со сравнением – вирус-вор, разбойник).

Кроме того, были обнаружены и другие метафорические модели:

Вирус – конкретный вирус без объяснения, какой именно: *Погиб Foucault, ученый идиот/ (idiot savant), ego похерил вирус.* / Лев Лосев. Фуко: «Я как-то был на лекции Фуко...» (1997-2000) (под вирусом подразумевается конкретный вирус – ВИЧ);

Вы русский? Нет, я вирус спида.../ Лев Лосев. Нет: «Вы русский? Нет, я вирус спида...» (1987-1996) (аналогичная метафора, но в данном случае это уже чистое противопоставление. Спид не наш, а значит, не русский).

Следующая метафорическая модель – вирус чего-либо (третье, переносное словарное значение. В обнаруженных контекстах встречаются: а) вирус страха:

А что, неплохая и мытая мысль,/ уж лучше, чем у мнимомыслителей вирус – Страх и Трепет, [В. А. Соснора. «Любить камни, их штрихи...» (2000)].

Вирус, откуда-то появившийся / И в Адама вселившийся... Вирус невидимый В. А. Соснора. Уходят солдаты: «Лишь спичкой чиркну, и узоры из рта...» (1999) (здесь метафора также выступает в третьем словарном значении – нечто вредное, распространяемое подобно заразе, но так как речь идет об Адаме, то это может быть вирус желаемого всемогущества).

...почему глаза расши/ губы руки – все спешу/ что уби тебя сестра/ неужели вирус стра Г.В. Сапгир. Вирус: «начинается с утра...» (1988) (в данном случае имеется в виду вирус страха, причем недописанный текст создает впечатление недоговоренности).

Вторая модель – также сравнение с чем-либо, что, в принципе, несет положительную коннотацию, но становится таким заразным, что с ним становится трудно бороться:

Из объятий моды / не уйдешь, не вырвешься / Это – /наказание,/ это – /вроде вируса... Р. И. Рождественский. Мода: «Из объятий моды / не уйдешь, не вырвешься...» (1986) (в данном случае вирусом является мода).

Третья модель – человек-вирус:

Вот почему пишу иголкой и лгу,/ шью белой нитью жизнь и вьюсь, как вирус... В. А. Соснора. Возвращение к морю: «Я видел дуб у вод, под желтый лист...» (1983) (сравнение себя с вирусом).

Как вирусы мы в мир иной/ Переползем с котомкой гнили Е.А. Шварц. «Друг друга заражая тьмой...» [Соната темноты, 1] (1975-1976) (человек как вирус).

Четвертая модель – вирус – быстро распространяемое явление.

...но уж несетя на всех вирусах/ в Гамбург испанский кораблик. Лев Лосев. 1919–1994: «Так вот кровавит себе ветеран...» (1987-1996) (в данном случае это игра слов: на всех парусах – на всех вирусах).

Пятая модель – вирус как болезнь в целом, обобщение:

Запрись и забаррикадируйся / шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса. / И. А. Бродский. «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» (1970) (именно этот пример – самое вирусное стихотворение, получившее вторую молодость и куда большую популярность, чем во время его создания).

Шестая модель – нечто непобедимое, что удалось победить чем-то еще более непобедимым.

Оцепенела вдруг собака...// Последним умер вирус рака.//Г. Я. Горбовский. Ядерная зима : «Сначала вымерли бизоны...» (1959) (Как известно, рак не вирус, но в данном случае он представлен именно так. Ядерная зима уничтожает все, в том числе и рак.

Седьмая модель – умножение отрицательного.

(Будто ирис в ирисе,/Притворяясь нежитью,/Всей утробой нежится,/Вирусом на вирусе/ Собираясь вырасти.) Г. Н. Оболдуев. Осень: «Это невозможно...» (03.1947).

Восьмая модель – с положительной коннотацией:

Горячие сны. / И вирусы новых нот в крови. А. Н. Башлачев. Все от винта! : «Рука на Плече. Печать на крыле...» (1985) (здесь вирус выступает в позитивном смысле – вдохновение).

Поэмы этой взлёт/ Вернее — вирус,/ Приблизительно, вот/ Откуда вырос... Г. Н. Оболдуев. «Так лето протекло...» [Я видел, 6] (1941-1952) (в смысле заразно, но в значении «заразительно», положительная коннотация).

Рассмотренные выше тексты были написаны до ковид-пандемии. Некоторые модели также повторяются и в текстах периода пандемии, например, слово «вирус» в значении «коронавирус»:

«Трудно бывает избавиться от масок, в которых вырос / Но в них, что в интернете, что в лайве, сложнее обычного: / Человек для человека сейчас - потенциальный вирус» (Павел Фахртдинов), «Очень вырос в целом мире / Новый вирус - три-четыре!» - аллюзия к В. Высоцкому...

«Но лето кончилось. Пришла зима и вирус / за ней последовал. Поселок на ветру, / в котором полторы души и минус, / что цены выросли и водкой руки тру» (Герман Власов).[12]

Появляется также неожиданная метафора – нечто безобидное, безвредное, то, что окружающие преувеличивают. Е.Ф. Левочская в своей статье приводит следующие примеры такого употребления: «А нынче мы, потомки бледные, / сидим и пьем за дни победные, / боясь то кризиса, то

вируса. / Не дотянулись. Недовыросли» (Галина Илюхина, серьезное); *«В наших глазах он теперь до небес вырос, / будит и в нас небеса наши и глубины. / Ах, господа, - но это же просто вирус, / маленький, глупенький и невинный»* (Людмила Казарян).

Кроме этих примеров, в текстах периода пандемии мы также встречаем сложные слова с составляющей «вирус» – «*коронавирус*», «*макаронвирус*, гречкохайп, маскобесие, *вируспруденция*» [13], а также образованные от них формы с диминутивными и аугментативными суффиксами: «: -к- (коронка, коронарка, ковидка...), -ик- (ковидик, *коронавирусик*...), -ушк- (ковидушка, ковидушко, *короновирюшка*)... Из аугментативных в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» представлены суффиксы -ище- (ковидище, ковидище Поганое, короначудовище) и -ин- (ковидина) [14].

Во второй лексической группе нами было выбрано слово «маска» в значении медицинская маска.

Развитию метафорического значения и увеличению количества контекстов способствует в первую очередь первое словарное значение слова и игра первого и второго значений. (посему и употребление 7012 контекстов, 900 примеров)

В Большом толковом словаре русского языка даны следующие значения:

«МАСКА... 1. Специальная накладка с изображением человеческого лица, звериной морды и т.п., надеваемая на лицо человека. 2. Человек в такой накладке и маскарадном костюме.... 3. ... Притворство, скрывающее истинную сущность кого-, чего-л. 4. Скульптурное изображение лица человека или головы животного. Посмертная м. 5. Накладка специального назначения на лицо или часть лица, предохраняющая её носителя от вредного воздействия чего-л. 6. Проф. О чём-л., приспособленном для военной маскировки. Маски для орудия. 7. Слой густо наложенного на лицо крема, лекарственного состава и т.п. для лечения кожи» [15].

В текстах до пандемии мы встречаем значения в основном те же, что указаны в словарной статье, с некоторыми исключениями:

Чтоб защитной их накрыл пленкой,/ тонкой сеткой затянул — маской,/ скрыл сокровище мое в легкой/ кепке задом наперед штатской. // М. Н. Айзенберг. «Прелесть, от нее дрожит сердце...» (2011) (в данном случае маска – это маскировочная сетка).

Она была метаморфоз купца/ Венецианского, расчетливого, злого,/ И маску сдвинула, но треть лица скрывала. / Е. А. Шварц. L'esprit de Venise : «Крыса сидела на кромке канала...» (2010) (В данном контексте это не просто карнавальная маска, а венецианская, маска напрямую из Венеции).

В маске бабочки залетела/ Чья-то в окно душа./ По улице в маске тела/В ясли несут малыша. /Утро – в маске трамвая./ В маске змеи – аптека./ Глупости напевая,/В маске иду человека» 10. Ю. П. Мориц. «В маске бабочки залетела...» (2008) (в данном контексте мы видим метафоры, представляющиеся масками. То есть бабочка – метафора души, а все остальные образы не являются метафорами. Например, змея – это символ аптеки, а в этом стихотворении – маска. Лирический герой напевает глупости, но делает вид, что он человек, то есть по сути маска в этом стихотворении – метафора в квадрате).

Ковид-пандемия удивительным образом перемешала в стихотворениях все эти значения в том случае, когда речь идет о пятом значении, то есть о медицинской маске.

Первая метафорическая модель – медицинская маска становится карнавальной:

...пива или водочки,/ коньячку с шампанским.../Дядечки и тёточки,/ где же ваши маски, м?!! Ю. Ф. Гуголев. 17 марта. День святого Патрика : «Это что за паника?..» (2019-2020)

Вторая метафорическая модель – смешение четвертого значения с пятым (посмертная маска – она же медицинская маска)

...хоть и не видать под маской губ,/ улыбнись мне так, не из-за денег,/развлеки мой неостывший труп./... только вот посмертную ты маску/ даже удалённо не снимай. //2. Ю. Ф. Гуголев. «Дорогой мой мозговик-затейник...» (2019-2020) (очевидно стихотворение времен ковид-пандемии – используется несколько значений: маска губ, то есть то, под чем скрывают истинные

мысли или намерения, и посмертная маска в сочетании с понятием «удаленно», представляющая собой аллюзию на медицинскую маску, которую удаленно точно никто не носит.

Улыбнись сосед соседке,/ но оскал под маской скрой,/ притаившись в каждой клетке – / нервной, лестничной, грудной. / Ю. Ф. Гуголев. «Можно в лифте покататься...» (2019-2020) (прямое значение «медицинская маска», но при этом есть момент обмана, то есть первое словарное значение).

Неожиданное дополнительное значение с большой долей иронии встречается у Ю.Ф.Гуголева:

«Где же твоя маска? – Где же маска? Во!.. Вот она, семейная, заветная! / Ты поверх своей посмотришь ласково. / Я поверх своей взгляну приветливо» Ю.Ф. Гуголев. Ближнему: «Где же твоя маска? – Где же маска? Во!.. (2019-2020) (это игра слов, так как маска представляется семейной. С одной стороны, эта маска одна на всех, что с медицинской точки зрения не имеет смысла, а с другой – маска в данном случае – формальное подчинение нормам и, возможно, даже уважение к ближнему).

Таким образом, рассмотрев примеры одних из самых частотных медицинских метафор, мы обнаруживаем, что ковид-пандемия действительно меняет даже сильно метафорически нагруженные лексемы, намеренно смешивая значения и добавляя новые, продиктованные новыми реалиями жизни. Кроме того, выясняется и то, что предмет в метафорическом значении гораздо более свободно подвергается метафоризации, нежели лексемы, обозначающие человека и профессии, так как здесь важную роль играет этический фактор.

Библиографический список

1. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х.Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю.Кожевников, Н.В.Козловская, Н.А.Козулина, С.Д.Левина, В.М.Мокиенко и др. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
2. Завадская А.В. Словообразовательные неологизмы эпохи пандемии коронавируса в медийном пространстве // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 286-294.
3. Фаткуллина Ф.Г., Туктамышева Р.Р. Словообразовательные неологизмы коронавирусной эпохи // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. №1. С. 174-177.
4. Стоянова Е. Медицинская метафора в медийном дискурсе (на материале русского и болгарского языков) // Philological Studies. 2011. Vol 9. № 2. С. 343.
5. Коренецкая И.Н. Медицинская метафора в медийном политическом дискурсе (на материале английского языка // Russian Linguistic Bulletin. № 11 (47). С. 1-5.
6. Пикалова (Кудрина) Е.В. Медицинская лексика в метафорическом использовании. Дисс... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж. 2013. 147 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2024-02.12.2024).
8. Сперанская А.Н. «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 1. С. 102-114.
9. Эпштейн М.: Слова и выражения 2020 года в России. Выбор экспертов. URL: <https://web.archive.org/web/20211206070638/https://snob.ru/profile/27356/blog/172275> (дата обращения: 20.10.2024-02.12.2024).
10. Большой универсальный словарь русского языка. Т.1. / Морковин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. АСТ-Пресс, 2023. 1472 с.
11. Лукиных А.А., Баранова И.В. Ключевые метафорические модели в материалах средств массовой информации в период пандемии коронавируса COVID-19 // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 6. С. 30-34
12. Левочская (Югай) Е. Ф. Зарифмованный вирус: Корпусный анализ поэтических текстов на актуальную тему (весна 2020) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 185-196.

13. Фокеева А. Языковые итоги года: ирония и пандемия// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10132851> (дата обращения: 27.12.2024).

14. Попова О. А., Григорова Е. А. Диминутивные и аугментативные суффиксы в новообразованиях периода пандемии// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 12. С. 3784-3787.

15. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15000 имен существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / ред. Л.Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

References

1. Dictionary of the Russian language in the coronavirus era. Comp. H. Walter, E.S. Gromenko, A.Yu. Kozhevnikov, N.V. Kozlovskaya, N.A. Kozulina, S.D. Levina, V.M. Mokienko et al. / St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021. 550 p.

2. Zavadskaya A.V. Word-formation neologisms of the coronavirus pandemic era in the media space // Neofilologiya. 2022. Vol. 8, No. 2. Pp. 286-294.

3. Fatkullina F.G., Tuktamysheva R.R. Word-formation neologisms of the coronavirus era // Bulletin of the Bashkir University. 2022. Vol. 27. No. 1.. Pp. 174-177.

4. Stoyanova E. Medical metaphor in media discourse (based on the Russian and Bulgarian languages) // Philological Studies. 2011. Vol 9. No. 2. P. 343.

5. Korenetskaya I.N. Medical metaphor in the media political discourse (based on the English language) // Russian Linguistic Bulletin. No. 11 (47). P. 1-5.

6. Pikalova (Kudrina) E.V. Medical vocabulary in metaphorical use. Dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. 10.02.01. Voronezh. 2013. - 147 p.

7. National Corpus of the Russian Language (NCRYA) [Electronic resource]. <https://ruscorpora.ru/> (dates of access: 20.10.2024-02.12.2024).

8. Speranskaya A.N. "Word of the year" and "key situation": on replenishing the current lexicon // Communicative studies. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 102-114.

9. Epstein M.: Words and expressions of 2020 in Russia. Experts' choice. URL: <https://web.archive.org/web/20211206070638/https://snob.ru/profile/27356/blog/172275> (dates of access: 20.10.2024-02.12.2024).

10. Large universal dictionary of the Russian language. T. 1. / Morkovin V.V., Bogacheva G.F., Lutskaya N.M. AST-Press, 2023. 1472 p.

11. Lukinykh A.A., Baranova I.V. Key metaphorical models in media materials during the COVID-19 coronavirus pandemic // International Journal of Experimental Education. 2020. No. 6. P. 30-34.

12. Levochskaya (Yugay) E.F. Rhymed virus: Corpus analysis of poetic texts on a topical topic (spring 2020) // Bulletin of Cherepovets State University. 2022. No. 3 (108). P. 185-196.

13. Fokeeva A. Language results of the year: irony and pandemic // [Electronic resource]. Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/10132851> (date of access: 12/27/2024).

14. Popova O.A., Grigorova E.A. Diminutive and augmentative suffixes in new formations during the pandemic period // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. Volume 14. Issue 12. P. 3784-3787.

15. Large explanatory dictionary of Russian nouns: over 15,000 nouns: ideographic description. Synonyms. Antonyms / ed. L.G. Babenko. Moscow: AST-PRESS KNIKA, 2005. 864 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 80

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.007

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы XX
и XXI веков, теории литературы и гумани-
тарных наук*

Тернова Т.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)20-89-41

e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

*Professor of the Department of Russian Litera-
ture of the 20th and 21st Centuries,*

*Theory of Literature and Humanities Doctor of
Philology, Associate Professor*

Ternova T.A.

Russia, Voronezh, tel. +7(4732)20-89-41

e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Т.А. Тернова

ОСМЫСЛЕНИЕ МЕТАТЕКСТА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Понятие *метатекст* используется в теории литературы, герменевтике, текстологии, семиотике искусства, библиографии, историографии, теории перевода, психолингвистике, лингвистической поэтике, структурной лингвистике и т.д., тем не менее, понятие ‘метатекст’ дискуссионно, существует множество подходов к его осмыслению. *Метатекст в лингвистике* – элементы текста, соотносимые с ситуацией общения, описывающие и структурирующие речь, частью которой они являются (приставка *мета-* значит *о*, то есть текст о тексте). *Метатекст в литературоведении* – это соотношение основного текста с собственными претекстами; произведения, в рамках которых предметом для читателя становятся, во-первых, фикциональная реальность персонажей, во-вторых, процесс её создания. Активно используются также смежные с термином понятия метапоэтический текст, метаописание, автометаописание. Существенный вклад в осмысление метатекста внесли работы Ж.-Ф.Лиотара, Р. Барта, Ю.М. Лотмана, А. Вежбицкой, Н.А. Фатеевой, В.А. Лукина и др. Исследователями разрабатывается типология метатекста. Так, например, А. Вежбицкая выделяет несколько видов метатекстовых элементов (оборотов) согласно их назначению (функциям): метатекстовые обороты, с помощью которых автор отделяет себя от своих слов; метаорганизаторы направления мысли/сигнализирующие об определенной последовательности и др. А. Кримор подразделяет метатекст на два типа, выделяя информативный метатекст и метатекст отношения автора. В. Шаймиев выделяет интраметатекст (метатекстовые образования в структуре основного текста с выраженной прагматической ориентацией) и сепаративный метатекст (композиционно удаленные от основного текста образования (введение, комментарий, примечания в форме сносок). Термин ‘метатекст’ – существенный элемент метаязыка современной филологии и других гуманитарных наук.

Ключевые слова: терминология гуманитарных наук, метатекст, метаописание, автометаописание, типология метатекста.

Т.А. Ternova

UNDERSTANDING METATEXT IN THE HUMANITIES

The concept of metatext is used in literary theory, hermeneutics, textual criticism, semiotics of art, bibliography, historiography, translation theory, psycholinguistics, linguistic poetics, structural linguistics, etc. However, the concept of ‘metatext’ is debatable, there are many approaches to its understanding. Metatext in linguistics are elements of text that are correlated with a communication situation, describing and structuring speech of which they are a part (the prefix *meta-* means about, that is, a text about a text). Metatext in literary criticism is the relationship of the main text with its own pretexts; works within which the subject for the reader is, firstly, the fictional reality of the characters, and secondly, the process of its creation. Also actively used are concepts related to the term metapoetic text, metadescription, autometa-description. A significant contribution to the understanding of metatext was made by the works of J.-F. Lyotard, R. Barthes, Yu. M. Lotman, A. Vezhbitskaya, N.A. Fateeva, V. A. Lukin and others. Researchers are developing a ty-

pology of metatext. For example, A. Vezhbitskaya identifies several types of metatext elements (phrases) according to their purpose (functions): metatext phrases with which the author separates himself from his words; metaorganizers of the direction of thought/signaling a certain sequence, etc. A. Crismore divides metatext into two types, distinguishing between informative metatext and metatext of the author's attitude. V. Shaimiev distinguishes intrametatext (metatextual formations in the structure of the main text with a pronounced pragmatic orientation) and separative metatext (formations compositionally removed from the main text (introduction, commentary, notes in the form of footnotes)). The term 'metatext' is an essential element of the metalanguage of modern philology and other humanities.

Key words: terminology of humanities, metatext, metadescription, autometadescription, typology of metatext.

Понятие *метатекст* используется в теории литературы, герменевтике, текстологии, семиотике искусства, библиографии, историографии, теории перевода, психолингвистике, лингвистической поэтике, структурной лингвистике и т.д. Понятие 'метатекст' дискуссионно, существует множество подходов к его осмыслению.

Метатекст в лингвистике – элементы текста, соотносимые с ситуацией общения, описывающие и структурирующие речь, частью которой они являются (приставка *мета-* значит *о*, то есть текст о тексте). Это языковой материал в текстах, письменный или устный, который не добавляет что-либо в содержание суждения, но направлен на то, чтобы помочь получателю систематизировать, интерпретировать или оценивать данную информацию. Метатекстовые элементы устанавливают связи между элементами основного текста, а не дополняют его содержание.

А. Вежбицкая описывает метатекст как «метатекстовые нити», представленные как слова и выражения, которые имеют своими референтами тему высказывания, дистанцию по отношению к отдельным элементам (словам) внутри предложения». Метатекстовые элементы являются средством связности текста, служат для переключения внимания читателя на наиболее существенные, с точки зрения автора, фрагменты текста, помогают ориентироваться в пространстве текста, то есть проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно изъять, не повредив остального, иногда нет [1].

Метатекст в литературоведении – это соотношение основного текста с собственными претекстами; произведения, в рамках которых предметом для читателя становятся, во-первых, фикциональная реальность персонажей, во-вторых, процесс её создания. Для метатекста характерна замкнутость текста на себе, авторская рефлексия. В литературоведении метатекст – это «текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем», в котором, по определению Ю.М. Лотмана, «объектом изображения становится само литературное изображение» [2; с. 434].

Согласно структурно-семиотическому подходу, под метатекстом понимают код, с помощью которого расшифровывается первичный язык. В качестве метатекста рассматриваются название произведения, структурное членение текста на главы, эпиграфы и авторские примечания к произведению, не включённые в основной текст, а также разного рода «лирические отступления» и рассуждения о произведении в самом произведении.

Исходным понятием, положенным в основу теории метатекста, занимающейся «...описанием свойств объектных или предметных теорий, разграничивающим уровень самих изучаемых объектов и уровень их описания, является метаязык». Метаязык – язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект». Этот термин одним из первых в лингвистическом дискурсе употребил А. Мартине для обозначения «лингвистической структуры, в которой язык выступает планом содержания» [см.: 3].

К.Э. Штайн разграничивает понятия метатекста и метапоэтического текста. Метатекст (имплицированный метапоэтический текст) – «это система метаэлементов, представленная в самом поэтическом тексте, определяющая условия, условности, характер самого сообщения,

а также комментарии к процессу написания данного текста, его жанру, к форме произведения» [4].

Существует также аналогичное понятие «метапроза» (Д.М. Сегал [5], М.Н. Липовецкий [6], М.П. Абашева [7]).

Метапоэтический (метапрозаический) текст содержит развернутые данные о текстотворчестве. Это статьи, эссе, замечания о творчестве, трактаты, исследования, которые художник пишет о собственном творчестве и творчестве других поэтов.

Для обозначения такого рода текстов обычно применяют термины «самоописание», «автоинтерпретация», «автометаописание», «автометаописание», «автометаописание» и др. [8].

Автометаописание – прием поэтики, который «состоит в том, что автор осознанно <...> вводит в поэтический текст уровень формального анализа этого же текста» [9; с. 73]. Исследователями прием автометаописания был возведен к акмеистической традиции, тем не менее, начало автореференции можно найти практически в любом художественном тексте на разных этапах существования литературы (см. фрагмент о зачине гомеровской «Илиады» из работы Т. Пахаревой [10], статью Ф. Двинятина об автометаописательных началах в древнерусской литературе [11]).

Р.Д. Тименчик в статье «Автометаописание у Ахматовой» называет автометаописанием «присутствие в самом стихотворном тексте смысловой мотивировки «сведения мысли именно к данному числу слогов» – и шире – подчеркнутую в тексте смысловую связь между разными уровнями» [12; с. 213].

Первоначально термин «автометаописание» употреблялся только по отношению к стихотворной речи. Однако в настоящий момент термин применяется не только к языку литературного произведения, но и к статьям писателей о литературе, рецензиям, комментариям, письмам. Задачами автометаописательности считают «обнаружение границ между эстетическим и внеэстетическим, экспериментальное сопряжение разнородных материалов, соотносимых с полем жизни и полем искусства в новой художественной ткани» – пишет Т. Пахарева в статье «Развитие форм автометаописания в современной русской литературе» [10].

Авторы статьи «Русская семантическая поэтика» Ю.И. Левин, Д.М. Сегал, Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян отмечают, что эффект автометаописания возникает как следствие отождествления различных временных и пространственных параметров поэтического текста: времени написания, повествовательного времени, времени читательского восприятия (в «Поэме без героя» А. Ахматовой содержатся указания на время создания практически каждой главы, на время воспоминания, время события). «Для А. Ахматовой и отчасти для О. Мандельштама характерно при этом, что автометаописание одного текста может содержаться в другом тексте, и таким образом еще раз подтверждается необходимость подхода к корпусу всего, написанного Ахматовой и Мандельштамом, как к единому тексту. Так, употребленное в «Поэме без героя» смешение грамматических форм – «Достоевский и бесноватый город» наследует мотивировку из «Предыстории»: «Вот он сейчас перемешает все» (о Достоевском)» [9; с. 51].

Структуру текстов автометаописания можно рассматривать в двух аспектах: в функциональном плане – в отношении к поэтическому тексту и в коммуникативном – в отношении к аудитории.

Метаописательность становится характерной чертой литературы авангарда, определяющей универсальной задачей которого можно считать обнаружение границ между эстетическим и внеэстетическим и, как следствие, экспериментальное сопряжение разнородных материалов, соотносимых с полем жизни и полем искусства, в новой художественной ткани. Действительно, метатекстуальность дает принципиально новый угол зрения на предмет, перенося его из координат реальности в пространство слова, что было небезразлично для авангарда.

Исследователь русского футуризма И.Ю. Иванюшина выделяет несколько функций авангардного автометаописания. Автометаописание дает членам литературной группы «единство от-

рицательной цели», создает эффект корпоративности, структурирует поэтическую систему, создает глобальный футуристический миф и заполняет рецептивный вакуум. Основным принципом, регулирующим отношения текста и комментирующего автометаописания, заключается в том, что автометаописание создает искусственный контекст для восприятия текста [13].

О роли автометаописания в литературном процессе писали И. Смирнов [14], М. Эпштейн [15], Ю. Лотман [16].

Автометаописание Ю. Лотман считал специфическим риторическим построением, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчёркивается его игровой характер – иронический, пародийный, театрализованный и т.п. смысл. Одновременно подчёркивается роль границ текста, как внешних, отделяющих его от нетекста, так и внутренних, разделяющих участки различной кодированности [16].

Первые подходы к изучению того, что позже получило название *метатекст*, относятся к XIX веку, когда теоретик немецкого романтизма Фр. Шлегель предложил термин «поэзия поэзии», подразумевая поэзию, имеющую своим предметом не жизнь, непосредственно воспринятую самим поэтом, а чужое художественное восприятие жизни.

Фр. Шлегель предложил термин «поэзия поэзии», характеризуя «трансцендентальную поэзию». Термин Фр. Шлегеля был использован В.М. Жирмунским при анализе поэзии О. Мандельштама [17]. В середине XX века к проблеме обращались Ж.-Ф. Лиотар [18] и Фр. Джеймисон (см. [19]). Р. Барт поднял проблему метаязыка и металитературы в работе «Литература и метаязык» (1957) [20].

В отечественной науке понятие метатекста возникло во второй половине XX в. (Р.О. Якобсон, Ю.М. Лотман). Метатекстовая функция как одна из основных функций успешной речевой коммуникации была выделена Р.О. Якобсоном [21]. Он писал, что метаязык, как часть языка вообще, является структурным образованием, не имеющим аналогов в других языковых системах.

В лингвистике понятие метатекста стало широко использоваться после появления работы А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (1978). Вежбицкая следовала идее М.М. Бахтина о диалогических отношениях говорящего с собственным словом, исследовала интерпретативную деятельность самого говорящего и определяла метатекст как высказывание о самом высказывании. Она считала, что «понять хорошо – это значит не только перевести для себя отдельные предложения лица А, но и уловить связи между этими предложениями, вскрыть мысленную конструкцию целого, мысленно овладеть тем, что говорит А» [1; с. 403].

Р.О. Якобсон исследовал метаязыковую функцию, реализуемую в общении. Он считал, что она сводится к последовательности для построения равенств, т.е. к толкованию, а вскрытие (распознавание) метатекстовых сигналов есть признак владения кодом [21].

Сделано несколько разных попыток типологии метатекста, что свидетельствует о явной проблематичности предмета исследования.

Метатексты могут быть разделены на пять основных групп:

1) вводящие метатексты (предисловия и послесловия): вводят реципиента в мир, отраженный в исходном тексте, представляют его содержание или основную идею, жанр или форму, заключая в себе главную концепцию исходного текста;

2) описывающие метатексты (аннотации, рефераты, авторефераты, резюме и др.): служат быстрому ознакомлению реципиента с сущностью исходного текста;

3) анализирующие метатексты (рецензии, отзывы, литературно-критические статьи и др.): осуществляют анализ, интерпретацию или критический разбор исходного текста, расширяя тем самым и углубляя его восприятие реципиентом;

4) комментирующие метатексты (комментарии к художественным произведениям, к научным работам, разъяснения к законам, указам, постановлениям и др.);

5) пародийные метатексты (пародийное начало в «Жизнеописании Чернышевского» в «Даре» В. Набокова): переосмысливают в юмористическом или сатирическом ключе исходные тексты, в которых высмеиваются их отдельные эпизоды, персонажи, стиль или основные идеи (см. [22]).

Различаются [23] 1) текстуальный метатекст (способствует структурированию текста как единого целого и выделению главной и второстепенной информации; помогает читателю распознавать, как текст организован и связан функционально и семантически) (В работе «Роман в стихах Пушкина "Евгений Онегин"» М. Лотман в одном из типов чужой речи выделяет «авторское повествование об авторском повествовании», меняющее первичное представление читателя о тексте);

2) интерперсональный метатекст (с помощью данной конструкции автор даёт свою оценку содержанию текста и стремится поддержать контакт с читателем) (В «Голубой книге» М. Зощенко, по сути, содержатся комментарии к объединённым в шесть разделов ранним рассказам).

А. Вежбицкая выделяет несколько видов метатекстовых элементов (оборотов) согласно их назначению (функциям): метатекстовые обороты, с помощью которых автор отделяет себя от своих слов; метаорганизаторы направления мысли/сигнализирующие об определенной последовательности и др.

А. Крисмор [24] подразделяет метатекст на два типа, выделяя информативный метатекст и метатекст отношения автора (*informational and attitudinal metadiscourse*). По Крисмору, метатекст – это явление социального, психологического, коммуникативного и риторического характера, выполняющее разнообразные функции. Задача информативного метатекста состоит в том, чтобы обозначить цель текста, сообщить предварительные сведения о его содержании, указать отсылки к ранее изложенному, а также включает в себя функцию топикализации (метатекстовые организаторы по Вежбицкой) (См. об этом [3]).

«Иной точки зрения придерживается М.-Р. Луукка, не отделяющая метатекст от пропозициональной структуры, а рассматривающая его как неотъемлемый компонент семантической структуры текста. Луукка понимает под метатекстом эксплицитные языковые (частично паразыковые) средства, имеющие текстуальные, интерперсональные или контекстуальные функции, с помощью которых автор структурирует текст или ситуацию как единое целое, направляет внимание реципиента, влияет на интерпретацию, а также поддерживает интерактивность в общении с реципиентом и комментирует содержание в процессе порождения текста» (см. [25]).

Значимы работы отечественных исследователей: В.А. Лукина (объектом его анализа являются художественные тексты, в которых он выявляет метаязыковые знаки: метатекстовый элемент, метатекстовый фрагмент и непосредственно метатекст) [26], Н.А. Фатеевой [27], Ю.М. Бокаревой (разграничила метатекст и метатекстовый элемент: к метатексту она относит целостные речевые произведения, например, предисловия и письма, а к метатекстовым элементам – лишь несамостоятельные компоненты текста: сверхфразовое единство, сложное и простое предложения, вставки и вводные элементы) [28], В. Шаймиева [29].

Исследователь выделяет метатекст двух типов. Интраметатекст – метатекстовые образования в структуре основного текста с выраженной прагматической ориентацией. Сепаративный метатекст – композиционно удалённые от основного текста образования (введение, комментариев, примечания в форме сносок). Сепаративный метатекст не только композиционно дистанцирован, но и обладает особой стилистической функцией: он способствует прежде всего правильному восприятию исходного текста адресатом.

Проблемой метатекста в литературоведении занимались:

а) В.М. Жирмунский (использовал вместо термина «метатекст» термин «поэзия поэзии», предложенный Ф. Шлегелем. В процессе анализа стихов О.Э. Мандельштама утверждал, что они имеют своим предметом не жизнь, а чуждое художественное восприятие жизни, что позднее получило название «метатекст») [17];

б) Р. Барт (метатекст определяет как текст, предназначенный для анализа структуры, свойств, методов и законов построения другого текста. Барт говорит не только о метатексте, но и о метаязыке, называя его «языком второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект») [20];

в) Ю.М. Лотман (определяет метатекст как специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. К термину «метатекст» Ю.М. Лотман обращается при анализе «Евгения Онегина») [2].

Термин ‘метатекст’ – существенный элемент метаязыка современной филологии и других гуманитарных наук.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С.402-421.

2. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство, 2003. 848 с.

3. Буров А.А. Проблема метатекста в современной лингвистике. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/f61/uch_2010_viii_00003.pdf (дата обращения: 28.11.2022).

4. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика: Учебный словарь Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2006. 601 с.

5. Сегал Д.М. Литература как вторичная моделирующая система // Литература как охранная грамота. М: Водолей, 2006. 974 с.

6. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.

7. Абашева М.П. Русская проза в конце XX в.: Становление авторской идентичности: дисс. доктора филол. наук. Екатеринбург, 2001. 41 с.

8. Три века русской метапоэтики. Легитимация дискурса. В 4 т. Ставрополь: Изд-во Ставропольского ГУ, 2002.

9. Левин Ю.Д., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature. 1974/75. № 7/8. P. 47-82.

10. Пахарева Т. Развитие форм автометаописания в современной русской литературе // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XII. Херсон: Айлант, 2001. URL: <http://lib.profi.net.ua/websites/www.kspu.edu.ua> (дата обращения: 5.10.2007).

11. Двинятин Ф.Н. «Нити мезгиревых тенет» и исследование В.В. Колесова о структуре древнерусского текста // Динамика русского слова. Межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В.В. Колесова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. С. 89-94.

12. Тименчик Р.Д. Текст в тексте у акмеистов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 567. Труды по знаковым системам. Т. XIV: Текст в тексте. Тарту: ТГУ, 1981. С. 65-75.

13. Иванюшина И.Ю. Русский футуризм. Идеология. Поэтика. Прагматика: дисс... доктора филол. наук. Саратов, 2003. 449 с.

14. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб.: Питер, 1995. 204 с.

15. Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX – XX вв. М.: Советский писатель, 1988. 414 с.

16. Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. ст. Саранск: Изд-во Мордовск. гос. ун-та, 1973. С. 20-36.

17. Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 15-55.
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160с.
19. Джеймисон Ф. (Jameson F.) Postmodernism & Cultural Theories, Xi'an, Shaanxi Normal Univ. Press, 1987, 232 p.
20. Барт Р. Литература и метаязык // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 131-132.
21. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация // Якобсон Р.О. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 306-318.
22. Гурочкина А. Г. Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) // Когнитивные исследования языка. Вып. 5. Исследование познавательных процессов в языке. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 52-57.
23. Ванде Коппле В. (Vande Kopple W. J.) Some Exploratory Discourse on Metadiscourse // College Composition and Communication. 1985. Vol. 36 (1). P. 82-93.
24. Крисмор А. (Crismore, A.) Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act New York: Peter Lang, 1989. 210 с.
25. Турунен Н. Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста в пособиях по развитию речи // Стереотипность и творчество в Пермь: Пермский ун-т, 1999. С. 310-319.
26. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учебник. М.: Ось-89, 1999. 189 с.
27. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности Изд. 4-е. М.: URSS, 2012. 280 с.
28. Бокарева Ю.М. Коммуникативно-синтаксические средства адресации в прозе Н. В. Гоголя и место в них метатекстовых элементов: автореферат дисс. канд. филол. СПб., 1999. 22 с.
29. Шаймиев В.А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте // Русский текст. М.: Русский язык, 1996. С. 80-92.

References

1. Vezhbitskaya A. Metatext in the text // New in foreign linguistics. Issue. VIII: Linguistics of the text. Moscow: Progress, 1978. Pp. 402-421.
2. Lotman Yu.M. Pushkin. Biography of the writer. Articles and notes. 1960-1990. «Eugene Onegin». Commentary. St. Petersburg: Art, 2003. 848 p.
3. Burov A.A. The problem of metatext in modern linguistics. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/f61/uch_2010_viii_00003.pdf (date of access: 11/28/2022).
4. Stein K.E., Petrenko D.I. Russian Metapoetics: Textbook Dictionary Stavropol: Publishing House of Stavropol State University, 2006. 601 p.
5. Segal D. M. Literature as a Secondary Modeling System // Literature as a Charter of Protection. Moscow: Vodolay, 2006. 974 p.
6. Lipovetsky M.N. Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 1997. 317 p.
7. Abasheva M.P. Russian Prose at the End of the 20th Century: Formation of Author's Identity: Diss. Doctor of Philological Sciences. Yekaterinburg, 2001. 41 p.
8. Three Centuries of Russian Metapoetics. Legitimation of Discourse. In 4 volumes. Stavropol: Publishing house of Stavropol State University, 2002.
9. Levin Yu.D., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Tsivyan T.V. Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm // Russian Literature. 1974/75. No. 7/8. R. 47-82.

10. Pakhareva T. Development of forms of autometa-description in modern Russian literature // Pivdenniy arkhiv. Philological sciences: Collection of scientific rules. Issue XII. Kherson: Ailant, 2001. URL: <http://lib.profi.net.ua/websites/www.kspu.edu.ua> (date of access: 5.10.2007).
11. Dvinyatin F.N. «Threads of Mezgirev's Nets» and V.V. Kolesov's Research on the Structure of the Old Russian Text // Dynamics of the Russian Word. Interuniversity Collection of Articles for the 60th Anniversary of Prof. V.V. Kolesov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1994. Pp. 89-94.
12. Timenchik R.D. Text within the Text of the Acmeists // Scientific Notes of Tartu State University. Issue 567. Works on Sign Systems. Vol. XIV: Text within the Text. Tartu: TSU, 1981. Pp. 65-75.
13. Ivanyushina I.Yu. Russian Futurism. Ideology. Poetics. Pragmatics: diss... Doctor of Philological Sciences. Saratov, 2003. 449 p.
14. Smirnov I.P. Generation of intertext. Elements of intertextual analysis with examples from the works of B.L. Pasternak. SPb.: Piter, 1995. 204 p.
15. Epstein M. Paradoxes of novelty: On the literary development of the 19th – 20th centuries. Moscow: Sovetsky pisatel, 1988. 414 p.
16. Lotman Yu.M. On the content and structure of the concept “fiction” // Problems of poetics and history of literature: Collection of articles. Saransk: Publishing house of Mordovsk. state University, 1973. Pp. 20-36.
17. Zhirmunsky V.M. Tasks of poetics // Zhirmunsky V.M. Theory of literature. Poetics. Stylistics. Leningrad: Nauka, 1977. Pp. 15-55.
18. Lyotard J.-F. The State of Postmodernism. St. Petersburg: Aletheia, 1998. 160 p.
19. Jameson F. Postmodernism & Cultural Theories, Xi'an, Shaanxi Normal Univ. Press, 1987, 232 p.
20. Barth R. Literature and Metalanguage // Barth R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 1994. Pp. 131-132.
21. Jakobson R.O. Speech Communication // Jakobson R.O. Selected Works. Moscow: Progress, 1985. Pp. 306-318.
22. Gurochkina A.G. Metalanguage, Metacommunication, Metatext (to the Volume of Content of Concepts) // Cognitive Studies of Language. Issue. 5. Study of cognitive processes in language. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of Tomsk State University named after G.R. Derzhavin, 2009. Pp. 52-57.
23. Vande Kopple W. J. Some Exploratory Discourse on Metadiscourse // College Composition and Communication. 1985. Vol. 36 (1). P. 82-93.
24. Crismore A. Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act New York: Peter Lang, 1989. 210 p.
25. Turunen N. Metatext as a global system and issues of text construction in speech development manuals // Stereotyping and creativity in Perm: Perm University, 1999. Pp. 310-319.
26. Lukin V.A. Fiction Text: Fundamentals of Linguistic Theory and Elements of Analysis: Textbook. Moscow: Os-89, 1999. 189 p.
27. Fateeva N.A. Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality 4th ed. Moscow: URSS, 2012. 280 p.
28. Bokareva Yu.M. Communicative and Syntactic Means of Addressing in N.V. Gogol's Prose and the Place of Metatextual Elements in Them: Abstract of Cand. Philological Dissertation. St. Petersburg, 1999. 22 p.
29. Shaimiev V.A. Compositional and Syntactic Aspects of Metatext Functioning in the Text // Russian Text. Moscow: Russian Language, 1996. Pp. 80-92.

УДК 81'373.23

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.008

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor*

*Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

Т.А. Воронова

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В РОМАНЕ И.В. ГОЛОВКИНОЙ «ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ»

Предмет настоящей статьи – полные и уменьшительные имена главных героев романа И.В. Головкиной «Лебединая песнь», преимущественно трех главных героинь (Аси Бологовской, Елизаветы Муромцевой и Лели Нелидовой), а также персонажей, принадлежащих к их ближайшему кругу. Рассматриваются те формы личного имени, а) с помощью которых главные герои и лица их круга обращаются друг к другу; б) которые употребляются при обращении к ним персонажи советского «полюса»; в) которые используются в речи автора по отношению к персонажу. Обращается внимание на некоторую нестандартность уменьшительных имен в романе и их связь с характером персонажа. Подчеркивается, что редкие для начала XX века имена (Ксения, Олег, Всеволод и т.п.) связаны как с модой на «русский стиль» и возросшим интересом общества к древнерусской истории, так и с мироощущением героев, а также с их судьбами. Имя в романе аккумулирует определенные литературные и фонетические ассоциации, принадлежит некоему ассоциативно-смысловому полю. Форма имени может сигнализировать об определенной дистанции или же сближении в отношениях между героями. Делается вывод о том, что имена в романе вписаны в определенный историко-культурный контекст и наделяются различными дополнительными смыслами, которые имеют значение для автора. Тот или иной вариант обращения служит своеобразным маркером отношений между персонажами, а также указывает на их происхождение, на принадлежность к определенной социальной прослойке и культурному уровню.

Ключевые слова: И.В. Головкина, роман «Лебединая песнь», форма имени, полное имя, уменьшительное имя, обращение, персонаж, историко-культурный контекст.

T.A. Voronova

PERSONAL NAMES IN THE NOVEL «THE LAST SONG» BY I.V. GOLOVKINA

The present article sites full and short names of the main characters of the novel «The last song» by I.V. Golovkina, predominantly three chief female characters (Asya Bologovskaya, Elizaveta Murimtseva and Lelya Nelidova) as well as the characters who belong to their nearest circle. We consider the forms of personal names a) which are used for address by the main characters and the people of their circle, b) which are used by the characters of the Soviet "pole" when addressing to them, c) which are used by the author when referring to the character. Special attention is paid to the originality of the short names in the novel and their connection with the characters' nature. It is emphasized that some names (Xenia, Oleg, Vsevolod), rear for the beginning of the 20th century, are connected with the fashion for the «Russian style» and increased public interest in Ancient Russian history as well as the heroes' world outlook and their fortunes. The names in the novel accumulate certain literature and phonetic associations and belong to definite semantic fields. The form of the name points at certain distance or close ties between the heroes of the novel. It is concluded that the names in the novel are inscribed in a certain historical and cultural context and are endowed with various additional meanings. This or that form of address serves as a kind of marker of the relationship between the characters and, besides that, points at their origin, certain social stratum and cultural level.

Key words: I.V. Golovkina, the novel "The last song", form of name, full name, sort name, form of address, character, historical and cultural context.

К произведению И.В. Головкиной «Лебединая песнь» («Побежденные») мы уже обращались в наших исследованиях, анализируя лексическое оформление «слова эпох» в данном романе [1]. В настоящем исследовании мы рассматриваем преимущественно имена главных героев романа – «бывших» представителей дворянского сословия – и персонажей, принадлежащих к их ближайшему кругу. В центре нашего внимания находятся те формы личного имени, а) с помощью которых упомянутые герои и лица их круга обращаются друг к другу; б) которые употребляют при обращении к ним персонажи советского «полюса»; в) которые используются в речи автора по отношению к персонажу.

В первую очередь обращают на себя внимание различные формы имен трех главных героинь романа, судьбы которых составляют сюжетный центр произведения: это Ксения (Ася) Бологовская, Елизавета (Елочка) Муромцева, с которой Асю связывают непростые, но весьма тесные отношения, и Елена (Леля) Нелидова – кузина и подруга Аси.

Что касается первой, то ее полное имя – Ксения Всеволодовна – появляется только в 13-й главе романа. Героиня вводится автором в текст под сокращенным именем «Ася», причем так юную Бологовскую называет учительница музыки, из уст которой читатель впервые узнает о судьбе девушке и ее родных; эту же форму имени, в сочетании с вежливым «вы», будет затем употреблять в разговоре и Елочка; близкие (по преимуществу старшие) родственники и однокашники тоже обращаются к девушке по уменьшительному имени. Детское, «домашнее» имя героини становится маркером аналогичных отношений с окружающими. В авторской же речи она именуется исключительно «Асей»; вполне вероятно, что И.В. Головкина воспринимает свою героиню именно как «Асю», и употребление полного имени по отношению к ней звучит даже несколько чужеродно.

Столь непривычный уменьшительный вариант имени «Ксения», несомненно, ставит в тупик как читателей, так и исследователей романа, тем более что никаких авторских «подсказок» в тексте произведения мы не находим. Из современных источников подобную сокращенную форму приводит только «Словарь личных имен» Н.А. Петровского (2000) [2]. Следует, однако, учитывать тот факт, что в 1910 году, когда родилась Ася Бологовская, это имя было чрезвычайно редким, особенно в аристократической среде. Так, император Александр III, в 1875 году нарекший свою старшую дочь Ксенией, вызвал тем самым немало вопросов, «почему родители выбрали для новорожденной такое необычное имя, которое в семье Романовых не использовалось уже два столетия» [3]. Возможно, имя «Ксения» вызывало ассоциации с древнерусской эпохой, с русским средневековьем, что было в то время в моде; но у нас нет точных сведений о том, какие уменьшительные формы это имя могло иметь столетие назад.

Литературные ассоциации с данной формой имени очевидны – во время знакомства с Асей Олег Дашков отмечает про себя: «Ася! Что за милое имя! В нем что-то тургеневское!» [4]; однако полное имя тургеневской героини – Анна, а не Ксения. Предположение, что «Ася» – производное от простонародного «Аксинья», выглядит более чем сомнительным для семьи Бологовских, принадлежавшей к военной аристократии и далекой от «хождения в народ». К тому же крестьяне, среди которых юная аристократка оказывается в ссылке, называют ее «Аксинья», «Аксинья Всеволодовна» или ласково «Аксиньюшка», но не по уменьшительному имени.

Из наиболее правдоподобных версий остается одна: вероятно, так девочку называли в семье по созвучию с именем старшего брата-погодка – Васи, с которым, по словам Аси, она «была очень дружна» [4] и который умер от сыпного тифа в десятилетнем возрасте.

Настоящее имя главной героини встречается в тексте романа намного реже сокращен-

ного; по имени-отчеству, следуя принятым в дворянской среде правилам хорошего тона, к Асе обращаются только ухаживающие за ней мужчины – Олег Дашков и Валентин Фроловский (несмотря на то, что последний знаком с ней с детства). Однако Шура Краснокутский, тоже друг детства и поклонник Аси, называет ее уменьшительным именем и на «вы», хотя при обращении к ее кузине и ровеснице использует более формальное «Елена Львовна». Вероятно, в этом содержится намек на характер самого Шуры, которому свойственна некоторая инфантильность, в отличие от его старших соперников – «немножко тюфяк, немножко Сахар из «Синей птицы» [3], как характеризует его сама Ася. Его чувство к Асе лишено эротизма «взрослых» отношений, которые предлагают ей прочие поклонники; подобные отношения требуют соответственно «взрослой» формы имени. Не случайно Ася не только при общении, но даже в своем дневнике называет Фроловского «Валентин Платонович», а сам Шура до конца романа остается «Шурой» – персонажем, так и не доросшим до полного имени (прежде всего в глазах автора).

Отдельного разговора заслуживает отчество Аси. Судя по всему, отец Аси, Всеволод Петрович Бологовский, родился в то время, когда интерес общества к древнерусской истории и мода на «русский стиль» достигли своего пика – возможно, именно этим объясняется «древнерусское», «княжеское», тоже редкое по тем временам имя, полученное им при рождении (заметим, что сокращенной формы оно в романе не имеет, и это тоже может объясняться малоупотребительностью имени). В то же время остальные члены семьи Бологовских – Наталья Павловна (бабушка Аси) и Сергей Петрович (ее дядя) – носят более распространенные, общеевропейские имена, которые легко трансформируются на французский манер. Таким образом, отчество Аси и ее полное имя поставлены автором в один и тот же ассоциативный ряд, совпадающий с мироощущением героини: «Звон все разрастался, гудел и переносил меня в прошлое – в те стародавние времена, когда чище, проще было у нас на Руси, когда в лесных чащах воздвигались одинокие кельи и монастыри... В этом звоне со мной как будто заговорила душа России, он был как стон родной земли... Я никогда не сделала бы эмигранткой! Наша Русь и в самые горькие годы остается величественной и святой, и грешно, мне кажется, покидать ее ради собственной безопасности» [3].

В то же время «Всеволод» – одно из родовых имен Рюриковичей, с потомком которых Ася связывает свою судьбу: «Дашковы, кажется, [происходят. – Т.В.] от Рюрика» [4]. Интересно, что муж Аси, князь Олег Дашков, тоже носит редкое имя, вызывающее аналогичные ассоциации: «Имя *Олег* отождествлялось прежде всего с Вещим Олегом, преемником Рюрика, первым Великим князем Киевским. <...> Имя оказалось забытым до второй половины XIX века, когда на волне массового интереса к древнерусской истории, сформировавшегося в русском обществе, оно попало в поле повышенного к нему внимания. Однако оно не использовалось в качестве реального личного имени вплоть до конца XIX века» [5]. Судя по тексту романа, Олег Дашков родился как раз в последнее десятилетие XIX века – в 1898 или 1899 году; у него также имелся августейший тезка, рожденный в 1892 году – сын великого князя Константина Константиновича Романова, убитый во время Первой мировой войны.

Таким образом, имена Аси (Ксении) и Олега относятся к одному ассоциативно-смысловому полю (сюда же можно отнести и имя-отчество рано умершей Асиной матери – Ольга Глебовна), то есть эти персонажи связаны между собой уже на уровне именования. Логично замыкает данный ряд имя, данное Асей первенцу: «Я хочу назвать моего сына Святославом, вместе с отчеством это будет звучать как имена старорусских князей» [3].

Кроме того, старший брат Олега (закадровый персонаж романа, погибший на войне) носит имя Дмитрий, тоже отсылающее к знаковым эпизодам и фигурам истории Древней Руси, получившее распространение только в России и не имеющее «европеизированной» формы. Эта деталь особенно выделяется на фоне того «салонного», светского стиля, которого придерживаются прочие персонажи-аристократы при обращении друг к другу: так, к вдове Дмитрия, Нине Александровне, пожилая тетка обращается только по-французски – «Ninon», ее же саму приятельницы именуют «дорогая Nadin»; Сергея Петровича Бологовского своя-

ченица называет «Серж», ее дочь Леля в речи Натальи Павловны Бологовской превращается в «Элен» (хотя к Нине на правах свекрови пожилая дама обращается более неформально и ласково – «Ниночка»). Вероятно, в этом проявляется разница между вкусами и привычками старшего и более молодого поколения, различие семейных укладов, традиций и интересов, несмотря на сословную общность. Единственное исключение в этом плане – имя Мери Валуевой, которую ни автор, ни персонажи не называют никак иначе, кроме двух случаев-исключений («Меричка» и «Машенька»); однако подробно данный пример мы в настоящей статье не рассматриваем.

Елизавета Муромцева – подруга и одновременно соперница Аси – также вводится в роман под уменьшительным, «домашним» именем, несмотря на возраст (в начале романа ей 27 лет, в финале – 36) и отсутствие если не дома, то, во всяком случае, семьи. Данное несоответствие, на наш взгляд, можно в какой-то мере объяснить отношением самой И. Головкиной: вероятно, автору важно, чтобы для читателя ее героиня была именно «Елочкой». Однако персонажи романа обращаются к Елочке по имени-отчеству, то есть формально-вежливо, гораздо чаще – прежде всего это коллеги по больнице, где Елочка служит медсестрой, а также ее знакомые из среды «бывших» дворян или просто интеллигенции (независимо от их возраста).

Что касается Аси, то при общении с Муромцевой она обращается к ней на «вы» и называет ее «Елизавета Георгиевна», выдерживая тем самым определенное этикетное расстояние; однако, упоминая о ней в разговоре, использует неформальное «Елочка». Эта неформальность в общении усиливается и закрепляется после расстрела Олега – события, повлекшего за собой сближение двух главных героинь. Дети Аси, которых после ее гибели берет на воспитание Муромцева, также называют ее «тетя Елочка». Что касается немногочисленной родни – дяди и тетки, то последняя использует при обращении к племяннице «домашнее» имя; дядя – военно-полевой хирург, под началом которого Елочка служит еще с Первой мировой войны – обращается к ней более строго, называя «Елизаветой».

Заметим, однако, что полное, официальное имя Елочки – Елизавета Георгиевна Муромцева – не может не вызвать у читателя ассоциаций с Елизаветой Григорьевной Муромской из повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Но «семейное положение» и характер последней настолько противоположны тому, чем автор «Лебединой песни» наделяет Елочку, что эти женские персонажи могут рассматриваться практически как антиподы; на эту литературную параллель косвенно указывается и в тексте романа: «Поэтический жребий молодой девушки, оберегаемой и лелеемой всей семьей, от нее ускользнул. Никто не дрожал над ее целомудрием, над ее здоровьем, над ее радостями. Она вынуждена сама прокладывать себе дорогу в жизни» [3]. Иными словами, само звучание полного имени Елочки может быть расценено как своеобразная авторская насмешка.

Необычность же ее уменьшительного имени снова представляет собой некую авторскую загадку, так как «Елочка», «Еля», «Елька» и тому подобные сокращенные варианты скорее характерны для имени «Елена»; к тому же в начале XX века более типичной уменьшительной формой от «Елизаветы» было «Лиля» (см. «Детство Никиты» А.Н. Толстого, мемуары А.И. Цветаевой и С.С. Куломзиной) наряду с «Лизой» (так, к примеру, близкие называли поэтессу Е.Ю. Кузьмину-Караваеву, в девичестве Пиленко). Можно предположить, что И. Головкина сознательно выбирает для своей героини столь редкую форму уменьшительного имени – с одной стороны, чтобы подчеркнуть некую «инородность», обособленность Елочки, с другой – чтобы избежать нежелательных литературных и фонетических ассоциаций: Елизавета Муромцева не может, к примеру, быть «Лилей», поскольку «Лиля» очень близко по звучанию к «Леля» и «лилия» – а это уже символ, который соотносится в романе с образом Аси. Возможно, отождествление «непримиримой и принципиальной» героини с сумрачным северным деревом для автора более предпочтительно.

Следует отметить, что «восьмилетняя школьница, дочь соседки» [3] пролетарского происхождения обращается к Елочке иначе, используя более стандартное обращение – «тетя Лизочка», вызывая у нее соответствующие эмоции: «Елочка равнодушно пробормотала: «Здравствуй», – и одновременно подумала: «Какая я тебе «тетя»! Чисто пролетарская замашка обращаться так к каждой особе женского пола» [3].

Третья ключевая героиня – Леля Нелидова, двоюродная сестра Аси – получает в романе самое большое количество вариантов имени: Леля, Леличка, Елена Львовна, Леночка, Ленка, Элен (Helene), Алена, Аленка, Аленушка; каждый из этих вариантов либо несет некий культурный смысл, либо указывает на определенные отношения с тем или иным персонажем, а также, что интересно, несет информацию о самом персонаже.

Так, французский вариант имени при обращении к Леле – примета речи Натальи Павловны Бологовской, пожилой аристократки, рожденной, по всей видимости, еще до отмены крепостного права; молодежь из среды «бывших» дворян, а также персонал больницы, где работает девушка, обращается к ней согласно правилам этикета – «Елена Львовна»; близкие родственники и друзья семьи выбирают либо уменьшительную форму «Леля», либо уменьшительно-ласкательную «Леличка» (последнее звучит только из уст ее матери и потенциальной свекрови). Следует отметить, что Олег, будучи уже мужем Аси и, следовательно, собственником Лели, нередко смешивает в речи формально-этикетную и «родственную» форму обращения:

«– Вы правильно сделали, *Леля*, что сообщили мне. Говорите дальше. Они предлагали вам стать осведомительницей, не так ли, *Елена Львовна*?» [3].

Иными словами, форма имени сигнализирует об определенной дистанции (или, наоборот, сближении) в отношениях между героями. Показателен в этом плане диалог Лели с Вячеславом Коноплянниковым – влюбленным в нее комсомольцем, выходцем из деревни:

«– Не хотите – не надо. Айда к трамваю, *Леля*.

– Меня зовут *Елена Львовна*.

– Вам все по старинке охота? Ну, Елена Львовна так Елена Львовна» [3].

Характерно, что сокращенное имя «Леля» в романе употребляется, как правило, только представителями «уходящего» класса (Вячеслав использует это «аристократическое» обращение с подачи Дашковых), в то время как Геннадий (Геня) Корсунский, представляющий уже советскую молодежь, использует более привычное современному читателю обращение «Леночка». В лагерных же сценах арестантки из простонародья или уголовной среды называют молодую Нелидову «Ленка» или «Аленка»; однако заключенные, принадлежащие к «интеллигенции, обвиненной по пятьдесят восьмой» [3], даже в лагерных условиях по-прежнему обращаются к девушке по имени-отчеству (реже – по фамилии).

Не лишним будет отметить, что в разговорно-пренебрежительном ключе («Славка») в лагере зовут и Коноплянникова, уже фельдшера, тоже на тот момент заключенного; хотя персонал санитарного барака (впервые в тексте романа) называет его по имени-отчеству – «Вячеслав Дмитриевич» (сочетание, надо сказать, мало характерное для выходца из крестьянской среды). Иначе говоря, смена окружения и обстоятельств приводит к перемене имени персонажа или, во всяком случае, иному его варианту.

Особняком в этом ряду стоит народно-поэтическое обращение «Аленушка» (реже «Алена»), которое использует по отношению к Леле только Вячеслав и опять-таки только в лагерных эпизодах, когда социальная и культурная разница между ними стирается и Леля отвечает на его любовь взаимностью. Подобное обращение в речи Коноплянникова органично соседствует с «любовными» эпитетами, характерными скорее для народной песни или сказки: «светик мой, Аленушка сказочная», «кукушечка моя», «деревцо вишневое» [3], благодаря чему по-иному раскрывается образ самого Вячеслава – возможно, один из самых неоднозначных в романе.

Подведем итог нашего исследования. Имена персонажей в романе «Лебединая песнь», равно как и формы этих имен, вписаны в определенный историко-культурный контекст и

наделяются различными дополнительными смыслами и ассоциациями, которые имеют значение для автора. Тот или иной вариант обращения служит своеобразным маркером отношений между персонажами, а также указывает на их происхождение, на принадлежность к определенной социальной прослойке и культурному уровню.

Библиографический список

1. Воронова Т.А. Устаревшая лексика русского в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 51 (4). С. 48 – 52.
2. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. 6-е изд., стер. М.: Русские словари, 2000. 477 с. Текст: электронный. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-russkih-imyon> (дата обращения: 25.01.2025).
3. Головкина И.В. Лебединая песнь: роман. Текст: электронный. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lebedinaya-pesn/4/> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Демонстративные измены мужа и изгнание. Непростая жизнь сестры Николая II, Ксении Александровны. URL: <https://dzen.ru/a/ZR7gCrn5O0zWqKK7> (дата обращения: 25.01.2025).
5. Олег // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Олег> (дата обращения: 25.01.2025).

References

1. Voronova T.A. Old-fashion lexicon in the novel «The last song» by I.V. Golovkina // Relevant issues of modern philology and journalism. 2023. Iss. 51 (4). P. 48 – 52.
2. Petrovsky N.A. The dictionary of Russian personal names. 6th ed. Moscow, 2000. 477 p. Electronic text. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-russkih-imyon> (date of application: 25.01.2025).
3. Golovkina I.V. The last song. Electronic text. URL: <https://azbyka.ru/fiction/lebedinaya-pesn/4/> (date of application: 25.01.2025).
4. Her husband's demonstrative infidelity and exile. A difficult life of Nicolay the Second's sister, Xenia Alexandrovna URL: <https://dzen.ru/a/ZR7gCrn5O0zWqKK7> (date of application: 25.01.2025).
5. Oleg // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Олег> (date of application: 25.01.2025).

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.009

Волгоградский государственный социально-педагогический университет ассистент кафедры литературы и методики её преподавания, аспирант

Наумцев И.И.

Россия, г. Волгоград,

тел. +79682864325

e-mail: naumcev1998@mail.ru

Volgograd State Socio-Pedagogical University Assistant of Department of Literature and Methods of its Teaching, graduate student

Naumtsev I.I.

Russia, Volgograd,

tel. +79682864325

e-mail: naumcev1998@mail.ru

И.И. Наумцев

ОСОБЕННОСТИ ОНЕЙРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Е. БЛАЖЕЕВСКОГО

В статье исследуются характерные особенности моделирования онейрического пространства в поэтическом наследии «поэта-семидесятника» Е. Блажеевского. Анализ художественного осмысления сна, сновидения позволил выявить закономерности в использовании поэтом мотивов бессонницы, кошмара и ночного бодрствования. При изучении данного вопроса стихотворения Е. Блажеевского исследовались с опорой на актуальные литературоведческие исследования, а также при помощи биографического метода. С помощью комплексного анализа художественных текстов было установлено, что изображение онейрического пространства в поэзии Е. Блажеевского часто связано с процессом рефлексии, что может приводить к актуализации отрицательных эмоций персонажа. Описание сна лирического героя, выражающего мысли и переживания автора, позволяет Е. Блажеевскому ввести в структуру текста фантастические образы для гиперболизации подсознательных переживаний без потери реалистичности эмоционального фона стихотворения. При этом художественно осмысленное онейрическое пространство выстраивается по подобию реального пространства сна, пережитого Е. Блажеевским и запечатлённого в поэтическом тексте без активного авторского преобразования. Поэт как бы берёт на себя функцию не создателя художественного мира, а летописца, конспектирующего то, что наблюдает и ощущает в реальном сне. В этом значении сон становится способом «забыться» и отдохнуть от самой жизни. Между тем бессонница выступает в роли синонима «тревоги», «беспокойства», вступая в антонимичные отношения с осознанным бодрствованием, позволяющим лирическому герою изучить окружающее пространство на неизведанном ранее метафизическом уровне. При этом сон воспринимается лирическим героем Е. Блажеевского как возможность отдохнуть от перманентного экзистенциального ужаса. Телесная жизнь в этой связи противопоставляется вечной жизни души, в рамках которой «забыться и заснуть» невозможно.

Ключевые слова: онейрическое пространство, сон, сновидение, бессонница, кошмар, ночь, Е. Блажеевский.

I.I. Naumtsev

FEATURES OF THE ONEIRIC SPACE IN THE WORKS OF E. BLAZHEEVSKY

The article examines the characteristic features of modeling the oneiric space in the poetic heritage of the "poet of the Seventies" E. Blazheevsky. The analysis of the artistic interpretation of sleep and dreams revealed patterns in the poet's use of the motifs of insomnia, nightmare and night wakefulness. When studying this issue, E. Blazheevsky's poems were studied based on current literary studies, as well as using the biographical method. With the help of a comprehensive analysis of literary texts, it was found that the image of oneiric space in E. Blazheevsky's poetry is often associated with the process of reflection, which can lead to the actualization of negative emotions of the character. The description of the dream of the lyrical hero, expressing the thoughts and experiences of the author, allows E. Blazheevsky to introduce fantastic images into the structure of the text to hyperbolize subconscious experiences without losing the realism of the emotional background of the poem. At the same time, an artistically meaningful oneiric space is built in the likeness of the real space of a dream experienced by E. Blazheevsky and imprinted in a poetic text without an active author's transformation. The poet, as it were, assumes the function not of the creator of the artistic world, but of a chronicler, taking notes of what he observes and feels in a real dream. In this sense,

sleep becomes a way to "forget" and take a break from life itself. Meanwhile, insomnia acts as a synonym for "anxiety", "anxiety", entering into an antonymous relationship with conscious wakefulness, which allows the lyrical hero to explore the surrounding space on a previously unknown metaphysical level. At the same time, the dream is perceived by the lyrical hero E. Blazheevsky as an opportunity to take a break from permanent existential horror. In this connection, bodily life is contrasted with the eternal life of the soul, within which it is impossible to "forget and fall asleep".

Keywords: oneiric space, sleep, dreaming, insomnia, nightmare, night, E. Blazheevsky.

Мотив сновидения, образы, характерные для онейрического пространства часто встречаются на страницах произведений мировой литературы как часть семантического ореола иной реальности, находящейся между жизнью и смертью. Использование подобной идиоматики позволяет органично вписать онейрическую эмблематику конкретного автора в широкое поле литературной традиции. В связи с этим изображаемые картины сновидений становятся по большей части обобщёнными. Особое отношение к традиционному использованию сна в качестве приёма в рамках художественного текста наблюдается у русскоязычных авторов, сделавших его (сон) не рядовым элементом повествования, а индивидуализированным пространством внутреннего мира героя, вписанным в общее пространство произведения. Благодаря этому онейрический код русской литературы непрерывно развивается через взаимосвязь сновидения конкретного персонажа с индивидуальным авторским мифом и далее – с мировой литературной традицией. Неслучайно А. Ремизов в труде «Огонь вещей. Сны и предсонье» пишет: «Сон, как литературный прием – без него по-русски не пишется...» [1; с. 152].

Именно поэтому вопросы изучения особенностей онейрического пространства и сегодня актуальны в отечественном литературоведении. В настоящий момент существует широкий спектр научных трудов на эту тему под авторством таких учёных, как В.В. Савельева («Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей») [2], О.В. Федунина («Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции)») [3], Д.А. Нечаенко («Сон, заветных исполненный знаков») [4], Н.А. Нагорная («Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм») [5], К.В. Байрамова («Мотивы и поэтика сна в лирике А. Блока») [6], Т.Ф. Теперик («Литературное сновидение: терминологический аспект») [7] и др. Работа над анализом онейрического пространства по понятным причинам предполагает преодоление порога художественной неясности, с которой приходится считаться любому исследователю этого вопроса. Ю.М. Лотман в труде «Семиосфера» посвящает отдельную главу («Сон – семиотическое окно») этой теме, замечая: «Сон – это семиотическое зеркало, и каждый видит в нем отражение своего языка. Основная особенность этого языка – в его огромной неопределенности. Это делает его неудобным для передачи константных сообщений и чрезвычайно приспособленным к изобретению новой информации» [8; с. 124]. В ситуации изучения онейрического пространства в художественном произведении исследователь берёт на себя функцию «переводчика», которому для объективности и детальности расшифровки сна необходимо владеть знанием не только об общих закономерностях и традиционных приемах, используемых в сфере этой темы, но и об особенностях поэтики отдельного автора: в отличие от коллег по перу, последовательное обращение к поэтической традиции не только содержательно, но и формально; частотное использование «лирического Я» вместо «лирического героя»; самобытное сочетание интровертивных черт характера лирического Я и экстравертивных – лирического героя и т.д. Многоуровневое и разноплановое пространство художественного текста Е. Блажеевского на данный момент малоизучено. Физическая реальность поэтического мира автора вступает в причудливое взаимодействие с пространством ирреальным, значимой частью которого является онейрическое пространство – этот факт определяет актуальность данного исследования.

Говоря о терминологической стороне вопроса, следует заметить, что понятия «сон» и «сновидение» по существу имеют разные значения. Как отмечает И.П. Поборчая: сон – это «противоположное бодрствованию состояние лирического субъекта», а сновидение – «процесс, формирующий в сознании человека определенные картины и образы, т. е. в рамках художественного текста приобретающий сюжетное выражение» [9; с. 56]. Однако она же замечает, что онейрические

мотивы в художественном тексте могут быть представлены через опосредованный пересказ сна, через воспоминания героя или вовсе описание спящего человека, поэтому синонимичное употребление терминов «сон» и «сновидение» в данном случае можно считать оправданным. Кроме того, в трудах по изучению онейрического пространства эти понятия традиционно используются в качестве синонимов, поэтому в данной работе мы будем употреблять термины «сон» и «сновидение» как тождественные. Заметим, что в исследованиях, посвящённых этому вопросу, принято говорить не только о сновидениях в буквальном значении, но и о видениях, появляющихся у героя в виду состояния изменённого сознания, – например, болезни. Однако мы будем разделять онейрическое пространство (т.е. пространство, напрямую или косвенно связанное со сном) и патогrafическое, которое с выходом ряда работ Е.Г. Трубецковой принято называть морбуальным (т.е. связанным с болезнью) [10].

Через изображение пространства сна писатель может дать метафорическую характеристику внутренних переживаний героя или ввести в повествование эпизод, стилистически не сочетающийся с основной тканью произведения, но необходимый идейно. В этом качестве сон всегда привлекал художников слова, например, как возможность сочетать реальное и фантастическое, не нарушая внутритекстовой когезии в рамках единой концепции повествования. Е. Блажевский использует мотив сна в своей лирике в том числе с этой целью. Так, в стихотворении с говорящим названием «Сон» (1983) с помощью введения в текст сюрреалистичных образов автор подчёркивает абсурдность расставания с возлюбленной, невозможность воссоединения с ней: «Навстречу ехал грузовик пустой, / А за рулем кривлялась обезьяна» [11; с. 311]. Кроме того, мнимое воспоминание наполняется символическим подтекстом: появляются рытвины и кочки как препятствия на пути к героине, чёрная вода как предзнаменование неудачи, ледяной ветер, традиционно сочетающийся в поэзии Е. Блажеевского с семантическими концептами «боль», «печаль», «одиночество» [12], и снег, в котором как бы растворяется окружающая действительность сна вместе с возлюбленной лирического героя. Сочетание данных аспектов в онейрическом пространстве позволяет свободно ускорять или замедлять время действия, совмещать образы, соседство которых в ином случае воспринималось бы как тривиальная условность (описание погоды в качестве психологического параллелизма). Отметим, что подробное описание онейрического пространства стихотворения позволяют прочувствовать «вязкость» сна. События, развивающиеся помимо воли лирического героя, идут как бы в обычном темпе, в то время как сам он, пытаясь добежать до возлюбленной, ощущает себя неспособным ускориться, замедленным окружающей атмосферой. Разница в восприятии времени приводит к заключению: «Ты лишь на миг возникла и пропала...» [11; с. 311]. При описании фантастических событий сохраняется целостность перцептивной реальности лирического героя, а под воздействием эмоций бессознательно моделируется ирреальная обстановка сна – комплексный образ кривляющейся обезьяны за рулём едущего по бурьяну грузовика появляется внезапно, как бы отвлекая на себя внимание героя. Неожиданное появление этого образа в предпоследнем четверостишии разрушает уверенность лирического героя в возможности докричаться до возлюбленной: от «Я закричал: «Куда же ты, постой!..», до «И что кричать...» [11; с. 311]. Совмещение противоположных по своей сути приёмов художественной иллюстративности без выявления противоречий возможно в рамках текста стихотворения потому, что читатель не подвергает сомнению эмоциональную конгруэнтность лирического героя, получившую неординарные способы выражения в контексте сновидения. При этом ирреальный образ, маркирующий переход героя от надежды на воссоединение к безысходности, подчёркивает состояние тотального бессилия, когда в мире сна, где возможно всё, не получается ни добежать, ни докричаться до возлюбленной. Добавим, что анализ эмоциональных концептов в лирике Е. Блажеевского является актуальным вопросом. Думается, что исследование этой проблемы, как было показано С.В. Губановым на примере творчества М. Цветаевой [13], в будущем будет способствовать более детальному изучению перцептивной основы онейрического пространства в поэзии Е. Блажеевского.

На первый взгляд кажется очевидным, что над снами персонажей властен исключительно автор: «Им (персонажам) снится то, что хочется автору. Он творец и имитатор чужих снов, со-

глядатай чужих сновидений. Подарить убедительный сон своему персонажу – значит приблизиться к разгадке законов сновидений. Точнее и чаще создать сновидение по своим, писательским законам воображения» – пишет В. В. Савельева [7; С. 3-4]. Описание сновидения является особой формой выражения авторской мысли: хорошо продуманное действие во сне способно донести до читателя подсознательные интенции персонажа в более убедительном виде, чем, например, через его речь или трезвые мысли, которые герой вполне мог бы контролировать. Поэтика сновидения, как пишет Т.Ф. Теперик, «является порождением не Бессознательного сновидца, но авторского замысла, т.е. Сознательного, как бы реалистично и жизненно не был изображен тот или иной литературный сон» [7; с. 50]. Однако в ситуации с лирической поэзией дело обстоит несколько иначе. Так, Е. Блажеевский, моделируя онейрическое пространство в своих стихотворениях, часто изображает «реальность сна» в той её форме, которую смог уловить в реальном сне и осознать уже наяву. В таких ситуациях сновидение становится не детально продуманной метафорой, описывающей переживания героя, а полноценным миром, временно посещаемым героем. Важный аспект такого изображения – герой у Е.И. Блажеевского, как правило, является выражением авторского «Я». Именно поэтому автор в подобной ситуации выступает по отношению к действию во сне не столько в роли Творца, сколько в роли летописца, запечатлевающего реально увиденное онейрическое пространство в поэтической форме. Обратимся к упомянутому выше стихотворению «Сон»:

Мне снились дождь и черная вода,
 Текущая ручьем по косогору.
 И мучил голос, шедший в никуда:
 «Зачем – одна?.. Зачем в такую пору?..
 <...>
 А ты шагала в стареньком плаще,
 Который, помню, вместе покупали.
 И я невольно увеличил шаг.
 Переступая рытвины и кочки,
 Я вышел на немислимый большак,
 <...>
 И дул с предгорья ветер ледяной,
 И снег пошел лепить куда попало.
 И что кричать, когда за пеленой
 Ты лишь на миг возникла и пропала... [11; с. 311]

Простота повествования, а также употребление всех глаголов в прошедшем времени создаёт впечатление, что автор только очнулся ото сна и теперь пытается описать увиденное. Именно поэтому кажется, что лирический герой, являющийся в данном случае отражением авторских мыслей и переживаний (практически сведённым к лирическому «Я»), не контролирует ситуацию в художественном осмыслении сна, как Е. Блажеевский не контролирует действие во сне реальном. Вслед за автором персонаж старается уловить суть происходящего в меру своих ограниченных возможностей в пространстве сновидения, где нет возможности догнать уходящую возлюбленную, как ни старайся бежать, где обстановка подстраивается под эмоциональное состояние так, что параллелизм кажется бессознательно введённым в текст приёмом. При этом герой находится в одном из двух состояний: либо бежит, в надежде догнать уже ушедшее, либо замирает, осознавая безысходность происходящего. В литературной традиции поэтического изображения сна эти два состояния часто совмещаются: лирический герой в хрестоматийном стихотворении Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» лишь «вскакивает на подножку», а далее стоит на месте в то время, как его уносят таинственные силы. Однако для поэтики Е. Блажеевского такое совмещение нехарактерно.

Несмотря на тот факт, что в творчестве Е. Блажеевского лирический герой чаще всего выступает в роли рупора авторской мысли, полностью выражая не только идеи, но и эмоции последнего, онейрическое пространство не может избежать художественной деформации под пером поэта даже при попытке описать реально увиденный сон. Ю. М. Лотман пишет: «пересказать сон так же трудно, как, скажем, пересказать словами музыкальное произведение. Эта непереказуемость сна делает всякое запоминание его трансформацией, лишь приблизительно выражающей его сущность» [8; с. 126]. Поэтому описываемая в анализе стихотворения авторская роль «летописца» условна и подразумевает отсутствие активного действия по перестройке онейрического пространства в поэтическом тексте, попытку оставить сюжет сновидения, насколько это возможно, нетронутым. Уверенность в такой интерпретации придаёт не только традиционное для творчества Е. Блажеевского соответствие лирического героя автору с его мыслями и чувствами, но и подход поэта к созданию поэтического текста. Думается, что биографический подход в определении главных авторских интенций может способствовать новому взгляду на художественный текст, что, например, было ярко продемонстрировано П.Л. Чуйковым на материале романа Э. Золя [14]. Как вспоминает Ефим Бершин, друг поэта, Е. Блажеевский «не писал о том, что его не волновало», не гнался за большими тиражами и мог долго не сочинять вообще [11; с. 437]. Именно потому, что его личные переживания должны были «настояться», лето, которое он встречал с приподнятым настроением, могло пройти без стихов, а далее «с первыми дождями и северным ветром, в тот промежуток, когда лето уже кончилось, а стихи еще не пришли, на него было больно смотреть. А потом, где-то к началу октября, ко дню рождения он уже приходил в нормальное состояние и — с новыми стихами» [11; с. 438]. Многие стихотворения Е. Блажеевского отражают реальные события и эмоции, которые он переживал, сублимируя их посредством работы со словом.

Вслед за поэтом его лирический герой часто страдает от бессонницы, поэтому онейрическое пространство в творчестве Е. Блажеевского наиболее ярко выражено в пограничном состоянии между сном и бодрствованием. Для такой ситуации характерны ощущение усталости, не позволяющее герою заниматься чем-то продуктивным, но и невозможность полностью погрузиться в сон, что приводит к слабоконтролируемому мыслительному процессу, суть которого заключается в переходе (часто бессознательном) от одной ассоциации к другой. Однако, как правило, в подобных размышлениях соблюдается единство темы. Более того, к концу таких размышлений лирический герой как бы «трезвеет» ото сна и формулирует вполне сознательные выводы. Ярким примером является стихотворение 1990 года, названное по первой строке:

Профиль стула, напоминающий букву «h»,
 Зеркало, вобравшее смуту осенней ночи,
 И душа, пополняющая нелепый багаж
 Впечатлений от бессонницы, а короче —
 Меловое безумие света в моём окне
 И сияние нимба торжественное, как на иконах...
 Говорят, что души умерших лежат на луне
 (если верить Ванге, то в продолговатых флаконах).
 Только кто мы и что мы в немислимой бездне лет,
 Коли наша судьба: произвол, слепота, беспечность...
 И не надо замысла, чтоб сколотить табурет,
 И не нужно губ, чтоб в пространство вдохнуть бесконечность... [11; с. 192]

В этом стихотворении отчётливо видно, как от конкретных бытовых образов повествование уходит область абстрактных философских рассуждений. От бессвязно ассоциативного восприятия окружения («Профиль стула, напоминающий букву «h»), до вполне сознательных выводов («И не надо замысла, чтоб сколотить табурет, / И не нужно губ, чтоб в пространство вдохнуть бесконечность...») [Там же]. Мотив бессонницы актуализирует темы «потери», «ухода из жизни». Этот вполне традиционный в русской поэзии семантический ореол может расширяться или

сужаться в творчестве отдельного поэта. Например, у А.А. Ахматовой, чьи стихи с большим удовольствием читал Е. Блажеевский, как пишет Г.П. Козубовская, – «Бессонница – синоним тревоги... Бессонница, хотя и связана с небытием, удерживает героиню в здешнем мире. Память как ее составляющее, наоборот, приводит ее к границе жизни и смерти» [15; с. 197]. В творчестве Е. Блажеевского мотив бессонницы также соседствует с темой небытия, однако перспектива лирического героя часто смещается с позиции стороннего наблюдателя в центр действия, описывая «небытие» изнутри. В стихотворении 1986 года «Телефон молчит в ночи...» повествование строится на ощущениях души, уже покинувшей тело. Наблюдая за поминками, подводя итоги жизни, лирический герой жалеет о невозможности уснуть:

...И нельзя в тепле свечи
С головой уйти, как в сено,
В сладкий сон
и спать в ночи
Без вина и седуksена.
Спать... Но это не дано.
Видно, срублен дуб старинный.
Хочется уйти на дно
Затонувшей субмариной... [11; С. 172-173]

Через аллюзию на лермонтовское стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» Е. Блажеевский продолжает говорить о сне как о временном спасении, позволяющем «забыться», но возможном только при жизни. Поэт часто говорит о жизни как об одной из форм существования души. Телесность этой формы сопровождается ощущением ужаса от постоянного взаимодействия с бытием. В этом смысле его лирический герой делает вполне однозначный вывод: «И всего сложнее – жить, / Ибо жизнь страшнее смерти» [11; С. 172-173]. Однако если при жизни сон может стать временным обезболивающим, то смерть позволяет «заснуть» лишь телу. Вечный сон, «холодный сон могилы», становится для Е. Блажеевского синонимом бессонницы: душе без тела не нужно спать, а значит, и «забыться» не удастся – неслучайно «дуб старинный», традиционный символ жизни, оказывается в стихотворении срубленным.

Тем не менее, бодрствование в ночное время далеко не всегда в лирике поэта связывается с негативными эмоциями. Если лирический герой добровольно отказывается ото сна, то перед ним открывается удивительный ночной мир, погружённый в интимную атмосферу, за которой тот наблюдает с невиданным вниманием к деталям, как в стихотворении 1982 года «Собака... Соловей... Невольный стон...»:

...Невольный стон...
Сверчок...
Листва...
Обрывок разговора...
В переплетенье звуков погружен
Глубокий сон
Весеннего простора.
И потому безмолвие легло.
Что в темноте,
Не следуя примеру,
Желают страстно,
Говорят легко,
Но в меру... [11; с. 337]

Лирический герой старается объять всё происходящее вокруг, собирая общую картину ночной жизни из пазлов в виде назывных предложений. Автор с упоением описывает сон как не-

что, окутывающее пространство: «Глубокий сон / Весеннего простора» или «Я наблюдаю уснувший в мерцании город» («Ночные стихи») [11; с. 287]. Для Е. Блажеевского привычно задействовать в описании обстановки зрительные образы, однако отсутствие света в ночное время приводит к ситуации, когда лирический герой больше слушает, чем смотрит. «Невольный стон... / Сверчок... / Листва... / Обрывок разговора...» – аудиальные образы позволяют как бы закрыть глаза и от конкретных деталей местности перейти к метафизическим рассуждениям. Визуальные образы возникают редко, как вспышки света в темноте, с постепенным затуханием. Превалирование звукового восприятия над другими видами перцепции наблюдается и в стихотворении «Ночные стихи» (*курсив наш*):

*Хлопнули дверью, сверкнуло стекло в темноте,
Гаснет звезда, отражаясь на черном капоте.
На угомон в городской беспокойной черте
Звуки ушли по волнам человеческой плоти.
Здравствуй, прохлада!.. Теперь о заботах — молчок.
Общая кухня добреет в оранжевом свете,
Чайник, кипя, свиритит, как запечный сверчок,
Новый кроссворд напечатан в вечерней газете.
Завтра суббота. В приемнике переносном
Тихая музыка комнату переплывает.
Слышится треск за стеной, то сосед перед сном
Свой допотопный коричневый шкаф открывает.
Зрелая ночь целиком завладела Москвой,
Лишь запоздало спешит по Кропоткинской транспорт
Да ветерок-бедолага приносит морской
Шум нескончаемый – голос родного пространства.
Это деревьям не спится в московской ночи –
Тесен деревьям бульвара асфальтовый ворот,
И с этажа своего, как с большой каланчи,
Я наблюдаю уснувший в мерцании город... [11; с. 287]*

Как видно, наблюдая за «уснувшей» Москвой, лирический герой больше вслушивается, чем всматривается. В отличие от бессонницы, «состояния «непоэтического» (по замечанию Г. П. Козубовской), добровольное бодрствование в ночное время, напротив, способствует появлению вдохновения и имеет множество положительно окрашенных семантических ассоциативных связей [15; с. 198].

Онейрическое пространство в поэзии Е. Блажеевского часто связано с мотивом поиска ответов на экзистенциальные вопросы, приводящим к глубокому рефлексивному процессу. Если рефлексия протекает в границах сновидения, то, как правило, сопровождается «кошмарами». В такой ситуации окончательное пробуждение ото сна возможно не сразу после пробуждения физического – требуется определённое время для того, чтобы прийти в себя. Именно это происходит в стихотворении 1983 года «На даче»:

*Проснешься в темноте —
Раскаянье и жуть
Опять собою заполняют грудь.
Ворочается крик,
И сердцу тяжело,
Как будто над тобой
Летает НЛО...
И возгласа падучая звезда
Летит во тьму
Сырой весенней дачи.*

Скребется за стеклом
Подобие куста.
А изнутри душа
Скребется по-собачьи... [11; с. 339]

Сон обрывается среди ночи, когда мир ещё не приобрёл чёткие очертания: вокруг темнота, за стеклом скребётся не куст, а «подобие куста». При этом реальность физическая не просто выстраивается через параллелизм, а буквально отзеркаливает внутреннее состояние лирического героя: во тьме, поглощающей звезду возгласа, «Скребется за стеклом / Подобие куста» и точно так же во тьме внутренней «...душа / Скребется по-собачьи».

Таким образом, изображение онейрического пространства в творчестве Е. Блажеевского способствует детальной передаче эмоций лирического героя благодаря использованию визуальных и аудиальных образов. Сочетая реальные и ирреальные предметы, явления и существа, автор доводит переживания персонажа до высшей точки через абсурдность художественного действия. Кроме того, сон как процесс даёт возможность лирическому герою Е. Блажеевского временно избежать невыносимого давления бытия. С этим напрямую связан мотив бессонницы, актуализирующий тему экзистенциальных размышлений. Мотив ночного бодрствования появляется в интимной лирике и связан с жизнеутверждающими мыслями, приятными эмоциями персонажа.

Библиографический список

1. Ремизов А. Сны и предсонье. СПб.: Азбука. 2002. 432 с.
2. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: монография. Алматы: Жазушы. 2013. 520 с.
3. Федунина О. В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции): монография. М.: Intrada. 2013. 196 с.
4. Нечаенко Д.А. Сон, заветных исполненный знаков. М.: Юридическая лит-ра. 1991. 302 с.
5. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: дисс. ... доктора филол. наук: 10.01.01 «Русская литература». М.: Изд-во МГУ. 2004. 414 с.
6. Байрамова К.В. Мотивы и поэтика сна в лирике А. Блока: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 «Русская литература». Махачкала: Дагест. гос. ун-т, 2003. 190 с.
7. Теперик Т.Ф. Литературное сновидение: терминологический аспект // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Пятых Андреевских чтений. Под редакцией Н.Н. Андреевой, Н.А. Литвиненко и Н.Т. Пахсарьян. М., 2007. С. 47–55.
8. Лотман Ю.М. Сон – семиотическое окно // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 123–126.
9. Поборчая И.П. Онейрические мотивы в поэзии А. Кушнера // Русская филология. 2016. № 4. С. 55–61.
10. Трубецкова Е.Г. Морбуальный код русской литературы XX-XXI вв. // Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». 2021. 477 с.
11. Блажеевский Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е. Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. 449 с.
12. Наумцев И.И. Образная дихотомия «поле» и «вечер» в поэзии Е. Блажеевского // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 3(03). С. 94-97.
13. Губанов С.А. Признаковая концептуализация эмоций в текстах М. Цветаевой // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 3(54). С. 93-99.

14. Чуйков П.Л. Автобиографические мотивы в романе Э. Золя «Страница любви» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1(52). С. 17-20.

15. Козубовская, Г.П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика: монография. Барнаул: АлтГПА. 2011. 318 с.

References

1. Remizov A. Dreams and predsonye. SPb.: ABC. 2002. 432 p.

2. Savelyeva V.V. Artistic hypnology and oneuropoetics of Russian writers: monograph. Almaty: Zhazushi. 2013. 520 p.

3. Fedunina O.V. Poetics of sleep (Russian novel of the first third of the XX century in the context of tradition): monograph // O. V. Fedunina. M.: Intrada. 2013. 196 p.

4. Nechaenko D.A. Dream, cherished filled with signs. M.: Yuridicheskaya lit-ra. 1991. 302 p.

5. Nagornaya N.A. Oneirosphere in Russian prose of the twentieth century: modernism, post-modernism: diss. ... doctors of Philology: 10.01.01 "Russian literature". M.: Publishing House of Moscow State University. 2004. 414 p.

6. Bayramova K.V. Motives and poetics of sleep in the lyrics of A. Blok: diss. ... Candidate of Philological Sciences: 10.01.01 "Russian literature" // K. V. Bayramova. Makhachkala: Dagest. State University, 2003. 190 p.

7. Teperik T.F. Literary dreaming: terminological aspect // Literature of the XX century: results and prospects of study. Materials of the Fifth St. Andrew's Readings. Edited by N. N. Andreeva, N. A. Litvinenko and N. T. Pakhsaryan. M., 2007. pp. 47-55.

8. Lotman Yu.M. Sleep – semiotic window // Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. pp. 123-126.

9. Poborchaya I.P. Oneiric motifs in poetry by A. Kushner // Russian Philology. 2016. No. 4. pp. 55-61.

10. Trubetskova E.G. Morbualny code of Russian literature of the XX-XXI centuries // Place of protection: Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. 2021. 477 p.

11. Blazhevsky E.I. Letter: on the right of memory / edited by E. L. Bershin. M.: Art-House Media, 2015. 449 p.

12. Naumtsev I.I. The figurative dichotomy of "field" and "evening" in the poetry of E. Blazhevsky // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. No. 3(03). pp. 94-97.

13. Gubanov S.A. The characteristic conceptualization of emotions in the texts of M. Tsvetaeva // Topical issues of modern philology and journalism. 2024. No. 3(54). Pp. 93-99.

14. Chuikov P.L. Autobiographical motives in E. Zola's novel "The Page of Love" // Topical issues of modern philology and journalism. 2024. No. 1(52). pp. 17-20.

15. Kozubovskaya, G.P. The Turn of the XIX–XX centuries: myth and mythopoetics: monograph. Barnaul: AltGPA. 2011. 318 p.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.010

Воронежский государственный технический университет

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка*

и межкультурной коммуникации

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University

The chair of Russian language

and cross-cultural communication

Doctor of Philology, professor

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИХОТОМИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ ДУША/ТЕЛО В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Целью аннотируемой работы является исследование дихотомической оппозиции *душа/тело* в романе А. Платонова «Счастливая Москва», представляющем собой сложный и многослойный текст, в котором автор поднимает важные философские вопросы о природе человека, его душе и теле, а также о смысле жизни и судьбе, исследует различные аспекты человеческого бытия, включая взаимоотношения души и тела. Под душой в работе будем понимать внутренний, психический мир человека, его сознание, а тело – это организм человека или животного в его внешних, физических формах. А. Платонов очень подробно описывает тело персонажей, применяя сомонимическую и остеонимическую лексику. Примечательно, что восприятие души меняется по ходу произведения. Так, возможные ситуации, что душа и тело тесно переплетены, границы между ними размыты, герои рассматриваемого романа абсолютно не разделяют внутренний мир человека и его физические формы. В некоторых случаях душа для персонажей романа не всегда очевидно существует; некоторые сомневаются в ее существовании. Те же, кто уверен, что душа у человека есть, могут точно определить место ее нахождения: здесь находят отражение народные представления о местоположении души в теле человека. Автор исследования приходит к заключению, что тело – важнейшая категория, доминирующая и на вербальном уровне (многokrратно повторяющаяся в романе лексема *тело*, соматизмы, а также лексемы, содержащие указания на состояние тела, его психические и физиологические характеристики), способная меняться под воздействием внешних факторов. Изменения не всегда положительны, однако важны для того, чтобы осуществить определенные преобразования, к которым всегда стремятся герои А. Платонова.

Ключевые слова: А. Платонов, мифопоэтические оппозиции, душа, тело, соматизм

N.B. Bugakova

IMPLEMENTATION OF THE DICHOTOMOUS OPPOSITION *SOUL/BODY* IN A. PLATONOV'S NOVEL «HAPPY MOSCOW»

The purpose of the annotated work is to study the dichotomous opposition *soul/body* in A. Platonov's novel "Happy Moscow", which is a complex and multi-layered text in which the author raises important philosophical questions about the nature of man, his soul and body, as well as the meaning of life and destiny, explores various aspects of human existence, including the relationship between soul and body. In this work, we will understand the soul as the inner, mental world of a person, his consciousness, and the body is the organism of a person or an animal in its external, physical forms. A. Platonov describes the body of the characters in great detail, using somonymous and osteonymic vocabulary. The soul and the body are closely intertwined, the boundaries between them are blurred, the heroes of the novel under consideration do not separate the inner world of a person and his physical forms at all. As a result, the author comes to the conclusion that the soul does not always obviously exist for the characters in the novel; some doubt its existence. Those who are sure that a person has a soul can accurately determine its location: folk ideas about the loca-

tion of the soul in the human body are reflected here. The body is the most important category, dominant at the verbal level (the lexeme *body*, somatisms, as well as lexemes containing indications of the state of the body, its mental and physiological characteristics, which is repeated many times in the novel), capable of changing under the influence of external factors. The changes are not always positive, but they are important in order to carry out certain transformations, which A. Platonov's heroes always strive for.

Keywords: A. Platonov, mythopoetic oppositions, soul, body, somatism

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению взаимодействия категорий *душа* и *тело* в романе А. Платонова «Счастливая Москва». Это произведение отличается от других своим экспериментальным стилем и глубокой символикой, представляя собой сложный и многослойный текст, в котором автор поднимает важные философские вопросы о природе человека, его душе и теле, а также о смысле жизни и судьбе, исследует различные аспекты человеческого бытия, включая взаимоотношения души и тела.

Рассматриваемый роман создавался писателем после публикации повести «Впрок», в период, когда он был объявлен «кулацким агентом», «враждебной сволочью» и вычеркнут на несколько лет из советской печатной литературы. Будучи многоплановым произведением, как уже отмечалось выше, «Счастливая Москва» отличается фантазмагоричностью, сюрреалистичностью, гротескностью. Вышедшая в 1937 году в «Красной нови» статья А. Гурвича указывала на то, что А. Платонов «сгущает краски, преувеличивает» [1, с. 193]; что излюбленным образом писателя является «огромный пустой мир и в нем одинокий ребенок, одинокий человек» [там же, с. 198]. А. Гурвич считает, что Платонов, «чтобы плакать над чужими гробами, ... ищет горе повсюду, и если не находит, то выдумывает его, изобретает, вызывает дух скорби и отчаяния силой своего воображения» [там же, с. 233]. Кроме того, эта работа сообщала о религиозном душеустройстве героев романа. В этой связи одно из самых загадочных произведений писателя увидело свет только в 1991 году: журнал «Новый мир» опубликовал в сентябрьском номере неизвестный до этого момента роман. «Воскрес он с рассыпающихся ветхих листочков, из непрочной рукописно-карандашной плоти 1933-1936 годов (спасибо и М.А. Платоновой, сохранившей их в своем архиве, и кропотливому реставратору – Н.В. Корниенко!)» – пишет С. Семенова в работе «Воскрешенный роман Андрея Платонова. Опыт прочтения «Счастливой Москвы» [2, с. 209]. Однако реакция читателей была неоднозначна: так, например, Ю. Нагибин охарактеризовал роман как «самый страшный роман Андрея Платонова» [3], назвав произведение жуткой сказкой об уродцах «советского условного мира» [там же]. Западная критика также не оставила без внимания выход романа. В 1994 году «Новое литературное обозрение» опубликовало доклад Н. Друбек-Майер, который назывался «Россия – «пустота в кишках» мира» [4]. Главная героиня предстает в этом исследовании аллегорическим воплощением Софии Премудрости Божией.

Обращаясь к рассмотрению взаимодействия категорий *душа* и *тело* в романе А. Платонова «Счастливая Москва», отметим, что в мифопоэтической традиции эти категории организуют дихотомическую оппозицию *душа/тело*: под душой понимается внутренний, психический мир человека, его сознание, а тело – это организм человека или животного в его внешних, физических формах. В творчестве А. Платонова нами были выявлены и исследованы мифопоэтические оппозиции *жизнь/смерть*, *земля/небо*, *человек (механизм)/природа* (об этом см. подробнее [5, 6, 7]). При рассмотрении текстов А. Платонова с точки зрения мифопоэтики может возникнуть вопрос, касающийся соединения в научном дискурсе советской литературы и мифопоэтического мышления. Здесь обратим внимание на существующую по этому поводу точку зрения Х. Гюнтера: «Литература советской эпохи отличается ярко выраженной мифологичностью и со временем все более превращается в «официальный резервуар государственных мифов» [8, с. 743].

И.Н. Коржова считает, что «обращение к основам дуалистического мифологического мышления предполагает оценку телесного и духовного как равноправных начал» [9, с. 169]. Очевидно, А. Платонов придерживается схожей точки зрения, поскольку сообщает о своих героях: «Душа и мысль его, заодно с однообразным телом, были устроены до смерти одинаково» [10, с. 45]. Персонаж может чувствовать, «как в тело его вошли грусть и равнодушие к интересу

жизни» [10, с. 24]. Это говорит о том, что душа и тело тесно переплетены, границы между ними размыты, герои рассматриваемого романа абсолютно не разделяют внутренний мир человека и его физические формы: «Видишь, – сказал Самбикин, развезая получше пустой участок между пищей и калом. ... – Это душа – нюхай!

Сарториус склонился ко внутренности трупа, где находилась в кишках пустая душа человека. Он потрогал пальцами остатки кала и пищи, тщательно осмотрел тесное, неимущее устройство всего тела и сказал затем: – Это и есть самая лучшая, обыкновенная душа. Другой нету нигде» [10, с. 28]. Примечательно, что герои А. Платонова определяют местонахождение души – пустой участок между пищей и калом. Полагаем, в основе такого восприятия писателя лежит народное поверье, зафиксированное В.И. Далем: «... поверью, что душа сидит немного пониже, в желудке, соответствует положение брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем животной души» [11]. В некоторых краях верили, что душа живет в животе человека. Отметим, что зафиксированная в народном сознании точка зрения противоречит религиозной, в соответствии с которой душа понимается как «отличная от тела часть человеческой ипостаси» (Быт.2:7); «Душа есть сущность живая, простая и бестелесная, по своей природе невидимая для телесных глаз, бессмертная, одаренная разумом» [12]. Очевидно, из-за существующих различий в понимании души некоторые персонажи романа либо не верят в ее существование в принципе («Разве с точностью открыто, что повсеместно есть душа? – спросил Божко» [10, с. 34]), либо считают, что душа есть только у плохих людей, и ее наличие мешает («Поздно, – сказал Сарториус, напившись чаю с Божко. – Все уже спят в Москве, одна только сволочь, наверно, не спит, вожделеет и томится. – А это кто ж такое, Семен Алексеевич? – спросил Божко. – Те, у которых есть душа» [10, с. 14]). Здесь важно обратить внимание на то, что в существование души верит механик Семен Сарториус, изобретатель с мировым именем: именно он «озабочен проблемой души» [10, с. 14], именно его душа «испытывала страсть любопытства» [10, с. 47].

Противоположностью Сарториусу является Самбикин, молодой хирург, стремящийся к преобразованиям и этим напоминающий персонажей ранних произведений А. Платонова. Для Самбикина более важно тело, являющееся, по его мнению, «существом всякого дела» [10, с. 13]. Самбикин озабочен проблемой жизни и смерти, о чем размышляет в одной из самых пронзительных сцен романа – когда совершает хирургическое вмешательство в череп ребенка. Понимая, что не получается избавить организм ребенка от гнойного воспаления при помощи традиционных методов, Самбикин начинает думать о том, что «нужно было давно перейти на электрическую хирургию – входить в тело и кости чистым и мгновенным синим пламенем вольтовой дуги – тогда все, что носит смерть, само будет убито» [10, с. 13]. Здесь очевидны аллюзии к идеям Н. Федорова, которыми, как известно, был вдохновлен А. Платонов (подробнее об этом см. [6]). Примечательно, что именно в этом эпизоде становится очевидно, что герои-преобразователи наделяются новым сознанием: «преобразовательное действие следует направить не только на внешний мир, но прежде всего на самого человека, его несовершенную, промежуточную, противоречиво-кризисную природу» [2, с. 224]. Они стремятся весь свет переделывать, тогда «станет хорошо» [10, с. 34]. В основе преобразования мира лежит необходимость «поскорей открыть душу, что она такое» [10, с. 34], потому что «тело наше не такое, как нужно, в нем скверное лежит» [10, с. 34].

Отметим, что исследования, посвященные телесности, в современной лингвистике мало численны. Несмотря на это, при концептуализации тела и телесности ученые выделяют обязательные и факультативные признаки. К обязательным относятся: «1) материальность/осязаемость; 2) целостность/делимость на части; 3) наличие/отсутствие признаков жизни». К факультативным – «возраст тела, его физическое состояние, цвет (кожи) и психологическое восприятие» [13, с. 92] и ряд других. В некоторых работах телесность предстает социально-культурным конструктом и дискурсивным феноменом, чувственность и мысль интерпретируются как сопряженные категории, сознание наделяется модусом телесности [14, с. 28]. Рассматри-

ваемое произведение подтверждает эту гипотезу, поскольку об одном из персонажей автор сообщает, что «в тело его вошли грусть и равнодушие к интересу жизни» [10, с. 24]; «душа и мысль его, заодно с однообразным телом, были устроены до смерти одинаково» [10, с. 45].

Тело человека, по А. Платонову, меняется под воздействием факторов, влияющих извне, часто против желания человека. Так, центральный персонаж романа, Москва Честнова, «навсегда и враз» испортила свое тело, выйдя замуж; т.е. на состояние тела Москвы влияет событие, традиционно воспринимаемое как положительное, – создание семьи. Самбикин так же отрицает любовь к девушке из-за того, что «придется как-то портить ее тело»; по мнению героя, это «трудно» [10, с. 17]. Кроме того, природные явления также оказывают деструктивное влияние на тело: «воздух грубо драл ее тело» [10, с. 6], а земля тверда и беспощадна по отношению к героине: «Она дернула кольцо запасного парашюта, увидела землю аэродрома в сигнальных огнях и закричала от внезапного мучения – раскрывшийся парашют рванул ее тело вверх с такой силой, что Москва почувствовала свои кости, как сплошь заболевшие зубы» [10, с. 6]. Отметим, что семантика телесности в романе вербализируется не только лексемой *тело*. Как видно из приведенного примера, автор использует в том числе остеонимическую лексику (*кости*). Этот эпизод достаточно эмблематичен: чувство боли призвано открыть «особую пространственность нашего тела» [15, с. 50], поскольку именно «посредством боли проявляется тело как таковое – в своей отторгнутости и незащитности» [там же, с. 106]. Примечательно сравнение, использованное в приведенном отрывке автором, – «как сплошь заболевшие зубы». Здесь необходимо вспомнить, что зубы в народном мировосприятии символизируют жизненную энергию и здоровье человека или животного [16, 17]. С точки зрения мифологического восприятия, каждое отверстие тела нуждается в защите, поскольку может являться местом контакта «внешнего» и «внутреннего». «Самым уязвимым в этом плане является рот, ибо, согласно мифологическим представлениям славян и германцев, именно через него покидала тело и возвращалась в него душа, проникали в человеческий организм демоны и т. п., именно зубы способны удержать душу» [18, с. 66]. Сплошь заболевшие зубы героини – это символ того, что она пытается сохранить присущую ей духовность.

Кроме того, описываемый пример показателен с точки зрения отношения к героине земли. Традиционно земля – это всеобщая кормилица, она является источником сил и здоровья. В этой мысли находит отражение элемент мифопоэтической картины мира, сформировавшийся еще в древности, когда земля воспринималась как мать (Мать-Сыра-Земля) [19, с. 403]. В приведенном примере земля тверда и беспощадна: здесь находят отражение ассоциации земли с миром смерти, миром хтонических порождений. Связь человека и природы в картине мира писателя неоспорима: природа дает человеку «житейскую силу пищи» [10, с. 17], и герои мечтают «сделать и довести до совершенства всю техническую арматуру» [10, с. 27], которая будет перекачивать эту силу из природы в человеческое тело. Полагаем, писатель стремится сформировать определенную точку зрения относительно изображаемой эпохи, ее социальной реальности.

Примечательно, что А. Платонов очень подробно описывает тело персонажей, применяя сомонимическую лексику, включающую в себя номинации частей и областей человеческого тела: «нос ее был велик и тонок, губы серые и глаза бесцветные, умолкшие от одинокого труда по домашнему хозяйству; тело ее, несмотря на небольшие годы, уже засушилось и напоминало фигуру мужчины, а опавшие груди висели точно без дела» [10, с. 50], «его длинное, усохшее тело, доброе и большое, всегда шумно жило и дышало, ... и громадное лицо имело вид опечаленного животного, только нос его был настолько велик и чужд даже громадному лицу, что сообщал кротость всему выражению характера» [10, с. 14]. Приведенные примеры объединяет описание носа персонажей: в обоих случаях нос, по определению писателя, велик. Отметим, что «нос является прагматически значимым для человека. ... Характеристика размера «маленький/большой» является значимой ... не только для наименования части тела, но и человека» [20, с. 587]. Используемые писателем характеристики *большое тело, громадное лицо, нос, который «велик и чужд» лицу*, создают эффект чрезмерного преувеличения, некоторой гротескности портрета героя.

Таким образом, завершая рассмотрение реализации дихотомической оппозиции *душа/тело* в романе А. Платонова «Счастливая Москва», можно сделать вывод, что душа для персонажей романа не всегда очевидно существует; некоторые сомневаются в ее существовании. Те же, кто уверен, что душа у человека есть, могут точно определить место ее нахождения: здесь находят отражение народные представления о местоположении души в теле человека. Тело – важнейшая категория, доминирующая и на вербальном уровне (многократно повторяющаяся в романе лексема *тело*, соматизмы, а также лексемы, содержащие указания на состояние тела, его психические и физиологические характеристики), способная меняться под воздействием внешних факторов. Изменения не всегда положительны, однако важны для того, чтобы осуществить определенные преобразования, к которым всегда стремятся герои А. Платонова.

Библиографический список

1. Гурвич А. Андрей Платонов / «Красная новь», 1937. № 10. С. 193-233.
2. Семенова С. Воскрешенный роман Андрея Платонова. Опыт прочтения «Счастливой Москвы» // Новый Мир, 1995. №9. С. 209-226.
3. Нагибин Ю. Самый страшный роман Андрея Платонова // Учитель словесности. М.: Подкова, 1998. С. 568-578.
4. Друбек-Майер Н. «Россия – «пустота в кишках» мира» // «Новое литературное обозрение», 1994. № 9.
5. Бугакова Н.Б. Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 32-37.
6. Бугакова Н.Б. Особенности вербализации бинарной оппозиции «жизнь – смерть» в романе А. Платонова «Чевенгур» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 69-75.
7. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Оппозиция «человек (механизм) – природа» в романе «Чевенгур» (лингвистический аспект) // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 2 (50). С. 134-139.
8. Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с. С. 743.
9. Коржова И.Н. Душой и телом: бинарные оппозиции в стихотворении К. Симонова «Ты говорила мне „люблю“...» // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 2. С. 169-178. DOI: 10.26170/FK20-02-15.
10. Платонов А. Собрание сочинений: [в 8 томах] / А. Платонов. Москва: Время, 2009. Т. 4. Счастливая Москва.
11. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: Издательство Литера, 1994. С. 74.
12. Что такое душа человека - православная энциклопедия «Азбука веры» (дата обращения – 28.10.2024).
13. Рудова Ю.В. Лингвокультурная специфика репрезентирования телесности (на примере русского и английского юмористического дискурса) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 1. С. 90-99. DOI: 10.37482/2687-1505-V158.
14. Огурцов А.П. Тело // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 25–28.
15. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992 – 1994 гг. М., Ad Marginem, 1995. С. 50, 106.
16. Словарь символов и знаков / Н.Н. Рогалевиц. Минск: Харвест, 2004. 510 с.
17. Энциклопедический словарь символов / Н.А. Истомина. М.: АСТ: Астрель, 2003. 1055 с.

18. Лапушинская Н.О. Символический и мифологический аспекты соматической фразеологии // *Вестник МДПУ имени И.П. Шамякина*, 2008. №4 (21). С. 66-70.
19. Тайлор Э. Первобытная культура М.: Политиздат, 1989. 573 с. С. 403.
20. Пономарева Е.А. Фреймовое моделирование лексико-словообразовательных гнезд с вершинами «глаз», «нос», «рот», «ухо» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики* Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 3. С. 584-589.

References

1. Gurvich A. Andrei Platonov / "Krasnaya Nov", 1937. No. 10. Pp. 193-233.
2. Semenova S. The Resurrected Novel of Andrei Platonov. The Experience of Reading "Happy Moscow" // *Novy Mir*, 1995. No. 9. Pp. 209-226.
3. Nagibin Yu. The Scariest Novel of Andrei Platonov // *Teacher of Literature*. Moscow: Podkova, 1998. Pp. 568-578.
4. Drubek-Mayer N. "Russia - the "Emptiness in the Guts" of the World" // "New Literary Review", 1994. No. 9.
5. Bugakova N.B. Lexical objectification of the binary opposition "earth - sky" in the artistic model of the world by A. Platonov // *Current issues of modern philology and journalism*. 2022. No. 3 (46). P. 32-37.
6. Bugakova N.B. Features of verbalization of the binary opposition "life - death" in A. Platonov's novel "Chevengur" // *Current issues of modern philology and journalism*. 2022. No. 4 (47). P. 69-75.
7. Bugakova N.B., Skuridina S.A. Opposition "man (mechanism) - nature" in the novel "Chevengur" (linguistic aspect) // *Humanities and education*. 2022. Vol. 13. No. 2 (50). P. 134-139.
8. Socialist realist canon / under the general. ed. H. Gunther, E. Dobrenko. SPb.: *Academi-chesky proekt*, 2000. 1040 p. P. 743.
9. Korzhova I.N. With soul and body: binary oppositions in K. Simonov's poem "You told me "I love" ..." // *Philological class*. 2020. Vol. 25, No. 2. Pp. 169-178. DOI: 10.26170/FK20-02-15.
10. Platonov A. *Collected Works: [in 8 volumes]* / A. Platonov. Moscow: *Vremya*, 2009. Vol. 4. *Schastlivaya Moskva*.
11. Dahl V.I. *On the beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people*. SPb.: *Litera Publishing House*, 1994. P. 74.
12. What is the human soul - Orthodox encyclopedia "Azbuka Vera" (date of access - 10/28/2024).
13. Rudova Yu.V. Linguocultural specificity of representing corporeality (on the example of Russian and English humorous discourse) // *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2022. No. 1. P. 90-99. DOI: 10.37482/2687-1505-V158.
14. Ogurtsov A.P. *Body* // *New philosophical encyclopedia: in 4 volumes*. Moscow: *Mysl*, 2001. Vol. 4. P. 25-28.
15. Podорога V. *Phenomenology of the Body. Introduction to Philosophical Anthropology*. Materials of Lecture Courses 1992-1994. M., *Ad Marginem*, 1995. Pp. 50, 106.
16. *Dictionary of Symbols and Signs* / N.N. Rogalevich. Minsk: *Harvest*, 2004. 510 p.
17. *Encyclopedic Dictionary of Symbols* / N.A. Istomina. M.: *AST: Astrel*, 2003. 1055 p.
18. Lapushinskaya N.O. Symbolic and Mythological Aspects of Somatic Phraseology // *Vestnik of MDPU named after I.P. Shamyakin*, 2008. No. 4 (21). Pp. 66-70.
19. Taylor E. *Primitive Culture* Moscow: *Politizdat*, 1989. 573 p. P. 403.
20. Ponomareva E.A. Frame Modeling of Lexical-Derivational Nests with the Vertices "Eye", "Nose", "Mouth", "Ear" // *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues* Tambov: *Gramota*, 2018. No. 12(90). Part 3. P. 584-589.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.011

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры истории новейшей
русской литературы и современного
литературного процесса
Хлебус М.А.
Россия, г. Москва, тел. +7-495-939-26-42
e-mail: mhlebus@mail.ru*

Lomonosov Moscow State University

*Candidate of philological sciences
Lecture of Modern Russian literature and con-
temporary literary process*

Khlebus M.A.

*Russia, Moscow, tel. +7-495-939-26-42
e-mail: mhlebus@mail.ru*

М.А. Хлебус

МЕЖДУ СЛОВОМ И МОЛЧАНИЕМ: ОНТОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ Ю. БУЙДЫ «ДАР РЕЧИ»

В статье исследуется новый роман Ю. Буйды «Дар речи» (2023). Проанализированы проблематика и поэтика произведения; рассмотрены система персонажей, образ повествователя, пространственная организация романного мира, сюжетно-композиционные решения. Особое внимание уделено анализу художественного воплощения категории речи, языка. Прослеживается позиция автора по отношению к диалогической и монологической формам коммуникации в тексте романа. Обнаруживается созвучие воззрений Буйды на диалог с идеями мыслителей XX века (М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили). В целом выявлено, что в художественном сознании писателя речь, слово актуализированы как средство реконструкции исторической памяти, как ключ к переосмыслению и преодолению национальных коллективных травм. Буйда наглядно демонстрирует, как речь, слово, язык играют решающую роль в перестройке общественного и индивидуального мышления, являясь чрезвычайно мощным средством формирования сознания, форм деятельности и морали. В работе также отмечается общий интерес современных прозаиков (Е. Водолазкина «Авиатор», Л. Улицкой «Лестница Якова» и др.) к теме советского прошлого и запрос на нравственно-философское осмысление проблематики посредством категорий языка и памяти, где слово также выполняет терапевтическую функцию, приобретает экзистенциальный и онтологический смысл. В статье анализируется и художественное воплощение темы культурной трансформации и десакрализации художественного слова. Идеи писателя о нынешнем состоянии русской словесности и значении литературы в обществе соотносятся с мыслями ученых (В.В. Библихин, М.М. Голубков). В заключении устанавливается, что для воззрений писателя характерно два уровня восприятия языка: бытийно-философский и культурно-кодовый.

Ключевые слова: речь, язык, коммуникация, историческая память, коллективная травма, семейное прошлое.

М.А. Khlebus

BETWEEN WORD AND SILENCE: ONTOLOGY OF COMMUNICATION IN Y. BUIDA'S NOVEL "THE GIFT OF SPEECH"

The article examines the new novel by Y. Buida "The Gift of Speech" (2023). The problematic and poetics of the novel are analyzed; the system of characters, the image of the narrator (the author's attention to the juvenile hero), the spatial organization of the novel's world (based on the principle of caste), plot-compositional solutions (the plot in the genre of crime chronicle as a compositional frame of the text) are considered. Particular attention is paid to the analysis of the artistic embodiment of the category of speech, language. The author's position in relation to the dialogic and monologue forms of communication in the text of the novel is traced. There is a consonance between Buida's views on dialogue and the ideas of the 20th century thinkers (M.M. Bakhtin, V.V. Bibikhin, M.K. Mamardashvili). In general, it was revealed that in the artistic consciousness of the writer, speech and word are actualized as a means of reconstructing historical memory, as a key to rethinking and overcoming national collective traumas. The writer clearly demonstrates

how speech, words, and language play a decisive role in the restructuring of social and individual thinking, being an extremely powerful means of shaping consciousness, forms of activity, and morality. The work also notes a global interest of modern writers (E. Vodolazkina "Aviator", L. Ulitskaya "Jacob's Ladder" etc.) to the subject of the Soviet past and the request for a moral and philosophical understanding of the problem through the categories of language and memory, where the word also performs a therapeutic function, acquires an existential and ontological meaning. The artistic embodiment of the topic of cultural transformation and desacralization of artistic words is analyzed in the article. The writer's ideas about the current state of Russian literature and the importance of literature in society are related to the thoughts of scientists (V.V. Bibikhin, M.M. Golubkov). In conclusion it is established that two levels of language perception can be traced in the writer's views: existential-philosophical and cultural-code.

Key words: speech, language, communication, historical memory, collective trauma, family past.

Магистральная тема новой книги Юрия Буйды «Дар речи» – художественное осмысление национальной памяти, проработка сложного советского прошлого. Тема не новая, роман попадает в один ряд с такими произведениями современных авторов, как «Каменный мост» (2010) А. Терехова, «Обитель» (2014) З. Прилепина, «Лестница Якова» (2015) Л. Улицкой, «Авиатор» (2016) Е. Водолазкина. Два последних особенно созвучны «Дару речи», поскольку авторы выбирают схожую стратегию восстановления и проработки прошлого посредством слова, языка, речи (письменной или устной). Тем не менее роман Буйды любопытен именно с точки зрения оригинальных художественных решений и коммуникативных моделей, выстраиваемых автором. Так, обращение современных писателей к советскому прошлому, потребность его осознать, прибегая к таким инструментам, как речь и слово, является одной из знаковых тенденций литературы новейшего периода, что в свою очередь определяет и актуальность представленной работы.

Отметим, что уже в заголовок, то есть в сильную позицию текста, автор выносит средство, инструмент, который предлагает в качестве терапии для исцеления травм прошлого – речь, слово. Кроме того, «Дар речи» – это еще и определенная формула, которой художественно маркируются незаурядные способности персонажей в области слова, их речевая одаренность.

В качестве общего эпиграфа к произведению выбраны строки из стихотворения Г. Иванова «Так, занимаясь пустяками» («И вперемежку дышим мы / То затхлым воздухом свободы, / То вольным холодом тюрьмы» [1; с. 3]) и цитата из дневника К. Чуковского («Бывают минуты в истории, когда неполнота правды превращается в лжесвидетельство на суде» [там же; с. 3]). Эти художественные высказывания писателей XX века формируют ценностную вертикаль новой книги Буйды, определяют философские категории, над которыми на протяжении всего повествования размышляет автор.

В основе сюжета «Дара речи» – семейная история Шкуратовых. Главные герои представители одной семьи: старик Борис Виссарионович Шкуратов (папа Шкура), его сын Виссарион Шкуратов (по прозвищу Дидим), подруга Дидима Александра (Шаша), внебрачный сын Шкуратова-старшего – Илья Борисович Шрамм (фамилия по матери).

Персонажи Буйды – представители «красной» аристократии – материально обеспеченные, блестяще образованные, окруженные комфортом. Они часто собираются за большим столом на даче Шкуратовых, пьют дорогие напитки, рассуждают о литературе, философируют. При этом жизнь главных героев «многособытийна, лишена внешнего покоя, связана с драматическими и даже катастрофическими происшествиями, часто касается криминальных сфер – не специальных контекстов преступления, а спонтанных действий, предполагающих ответственность, нередко уголовную» [2; с. 236], – отмечает общую тенденцию прозы писателя М.В. Безрукавая.

Так в «Даре речи» завязку романа Буйда оформляет в жанре криминальной хроники. Илья Шрамм получает тревожное сообщение от Шашы и едет к ней в элитный подмосковный поселок Новая Жизнь на дачу Шкуратовых, с которыми после смерти матери долгое время не поддерживал отношения. На месте выясняется, что во время пьяной ночной поездки Дидим сбил девочку-инвалида, попытался спрятать тело в лесу, но потом передумал и отвез его домой. Там, убедившись, что девочка не подает признаков жизни, он дважды выстре-

лил в тело, а труп оставил в подвале дома. В результате этого происшествия Дидим утратил дар связной речи. Он молчит, «врачи пока не знают, что случилось, и предполагают мутизм» [1; с. 92]. Подобным сюжетным ходом автор подготавливает читателей к абсурдности и аномалиям, с которыми им еще придется столкнуться в ходе повествования, развивающегося по принципу ретроспекции. Кроме того, так Буйда приступает к важнейшей для своей новой книги теме – палача и жертвы.

Следует отметить, что криминальная завязка хоть и работает на одну из важных авторских идей о двойственном характере человеческой природы и неспособности человека нести ответственность за содеянное, не имеет сюжетно-образующего значения в тексте, служит композиционной рамкой, стягивающей в целое ряд жизнеописаний, комплекс фрагментарных рассказов об истории семьи, тайны которой ведут в сложные тридцатые и даже дореволюционные годы.

Так, от происшествия, случившегося в совсем не далеком для нас 2020-м, рассказчик – Илья Борисович Шрамм – переходит к истории семейства Шкуратовых, вспоминает о своем первом знакомстве с новой семьей, когда ему только исполнилось шестнадцать. Ретроспективный вектор повествования, интерес к прошлому, внимание писателя к ювенильному персонажу, испытывающему смешанные чувства от знакомства с новоприобретенной семьей, – все это соотносится с нравственно-философской проблематикой романа.

Впервые попав на дачу Шкуратовых в начале 1980-х, на семейное торжество, Илья Шрамм отмечает необычную обстановку дома, обеспеченное существование его обитателей, аномальные для советского подростка отношения: за одним столом оказываются первая жена Шкуратова-старшего (мать Дидима) и его любовница (мать Шрамма), жена Шкуратова-младшего (грузинская княжна) и его любовница Шаша (дочь домашней прислуги), еще один внебрачный сын Шкуратова-старшего Юрий Григорьевич Сава или просто Юг (майор со звездой Героя; «Героя» отхватил в Афгане за какой-то подвиг») и мать папы Шкуры – Маргарита Светлова (Марго) «в шляпке-таблетке набекрень и с папиросой в пятнистой руке» [1; с. 28]. Илью поражают свободные нравы семьи Шкуратовых, но еще большее впечатление на юношу производят интеллектуальные разговоры и «нежные лица» всех собравшихся.

Именно на этом застолье Шкуратов-старший произносит тост во славу слова, дара речи. Это ключевые понятия романа, смысл которых автор раскрывает в ходе повествования и окончательно поясняет на последней странице книги: «Поэт назвал Христа словом в слове. Понятно, что речь идет о том самом слове, которое останавливает битвы и наполняет сердца любовью. В память об этом слове всемогущий Господь даровал людям речь, чтобы они всю жизнь стремились выразить нечто такое, что их объединяло бы, вело к мечте, к идеалу. Дар вещего слова дан немногим. И мы принадлежим к этим немногим. Нет, мы не владеем самым драгоценным даром, но мы неустанно служим у алтаря, где он может родиться. С Рождеством Христовым, мои дорогие!» [1; с. 34]. Прежде всего в этой сентенции прослеживается ветхозаветное понимание дара речи. Согласно Библии, человек призван к соучастию в божественном творчестве, и в даре наречения имени Бог указывает на свою готовность разделить с человеком славу творческой премудрости. Герои Буйды также осознают это благодеяние как высокий дар: «Речь дарована нам Господом, а не властью, не людьми, и потому должна быть свободна, как дыхание» [1; с. 155].

Действительно, почти все герои романа в той или иной степени обладают даром речи, талантом говорить, так или иначе связаны со словом. Борис Шкуратов – известный журналист-международник, обозреватель популярной в 1980-е передачи «Международная панорама». Виссарион Шкуратов – Дидим в будущем также успешный и влиятельный деятель медийной сферы. При первой встрече он так презентует себя новоприобретенному брату: «Я молод, умен, владею даром речи, любим, здоров, дерзок, как сатана, предусмотрителен, как ангел, я хочу игры, полета... не жвачки, «мальборо», «ливайса» и «роллс-ройса» – на это плевать, оно само придет, мой выигрыш – дело...» [1; с. 37]. Таким делом становится медиа-

холдинг, который Дидим с Шашей организуют в 1990-е. В ходе повествования мотив дара речи трансформируется и расширяется до темы свободы слова. Буйда воспроизводит атмосферу конца 1990-х – начала 2000-х, когда либерально настроенная интеллигенция попыталась создать независимую неподцензурную прессу.

Повествователь Илья Шрам хоть и юрист, но также не лишен чувства языка, например, его забавляет речевая манера венгров, «которые ставили фамилию на первое место и только потом называли имя, как в советских казенных бумагах» [1; с. 53], – отмечает герой.

Помимо библейской традиции понимания дара речи, упомянутой выше, отметим, что для психологии речи, как и для лингвистики, первостепенное значение имеет фундаментальное различие форм речи на диалогическую и монологическую, где письменная и внутренняя речь являются монологическими формами, а устная в большинстве случаев предполагает диалог. С точки зрения автора именно диалог является универсальным способом существования культуры и человека в культуре.

Для писателя диалог является самой естественной формой, и подлинное свое бытие язык обнаруживает именно в диалоге: «Мы рассказываем историю, чтобы услышать отклик, услышать другого и таким образом стать с ним одним целым. Мы дарим любовь, безотчетно следуя древнему правилу: *do ut des* – даю, чтобы ты дал. Этот обмен и есть восстановление круга жизни. Именно ради этого Господь и наделил нас даром речи» [1; с. 315]. В этом суждении прослеживается глубокое созвучие воззрений Буйды с мыслями М.М. Бахтина, отвергающего монологичность и утверждающего диалогическую природу языка: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм, и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [3; с. 429]; а также устанавливающего и диалогичность человеческой жизни в целом: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [4; с. 337]. Однако диалогическая коммуникация персонажам Буйды как раз и не удается.

На авансцене у Буйды всесторонне эрудированные, раскованные, остроумные герои-интеллектуалы, в большинстве своем они гуманны, много читают, разбираются в литературе, живописи, философии, ведут умные разговоры на своем нетривиальном языке, насыщенном многочисленными цитатами отовсюду, при этом «их мировоззренческая позиция, образы жизни, круг чтения и способ общения являются своеобразным кастовым принципом» [5; с. 83], отсекающим их от «массы»: «И мы принадлежим к этим немногим» [1; с. 34]. Один из ритуалов этого выгороженного мира – семейный обычай Шкуратовых каждый тост, монолог, речь заканчивать общим возгласом: «Шаах!»

Буйда художественно четко маркирует оппозицию «мы–они», «свой–чужой». В первую же встречу с новой семьей Илья Шрам чувствует свою «невхожесть» в круг Шкуратовых: «Праздничный стол Шкуратовых поразил меня не едой, а напитками. Армянский коньяк соседствовал с французским, грузинское вино – с итальянским, водка – с виски. И пили здесь – неторопливо, без того азарта, который был присущ мужчинам из моего благушинского детства, предпочитавшим либо водку, либо бормотуху» [1; с. 39]. Подобную «невхожесть» в круг «красной» аристократии ощущает и Шаша, дочь домашней прислуги Шкуратовых. Илья вспоминает: «Она сказала, что мы среди этих людей – инородные тела, дети Марфы, и уже одно это нас объединяет» [1; с. 46]. Однако шкуратовский круг не так уж непроницаем. Так, Шаше однажды удалось остаться в семье, «стать своей, превзойти многих из тех, кому она от рождения была призвана служить» [1; с. 104]. Чтобы стать своим и понимать членов новой семьи герою приходится преодолеть своего рода языковой барьер: «А еще я решил прочесть “Макбета” и выучить французский, чтобы соответствовать» [1; с. 50]; «я перебирал в памяти новые слова и имена, которые надо было найти в словарях: Авель, Фома Неверующий, эффигия, волсви, Ратенау, Шлецер, Михайловский, Клейст, Гуссерль, дети Марфы. Ко-

ли уж я стал официально частью Шкуратовых, я должен был понимать их речи, даже если они и вызывали у меня сложные чувства – смесь восхищения с отторжением» [там же]. Эти высказывания персонажа наводят на мысль о неслучайном выборе героя-повествователя. Именно внебрачный сын Шкуратова – Илья Борисович Шрамм – восстанавливает прошлое семьи не только для читателя, но и для ее членов. Протагонист и выразитель авторской точки зрения причастен семье наполовину, опосредованно, по крови, но не более того. Такая позиция позволяет герою относительно беспристрастно оценивать весьма запутанные семейные отношения, а главное разобраться в неоднозначном прошлом клана Шкуратовых. Используемый автором прием остранения позволяет сделать главную тему романа более выпуклой, показать семью Шкуратовых не только с точки зрения беспристрастного наблюдателя.

По принципу кастовости организовано и художественное пространство в романе. Дачный поселок с символическим названием «Новая Жизнь» – основное место романного действия – разделен на две части: «Правую Жизнь – если ехать из Москвы – занимали дачи профессоров, артистов, журналистов, которых жители Лево́й Жизни, обслуга этих дач, называли господами» [1; с. 9]. Жители Лево́й Жизни много раз на дню переходят «в Правую, чтобы мыть полы, подрезать деревья, красить заборы, ремонтировать электропроводку, нянчить чужих детей, служить хозяевам в кухне и в постели, но потом возвращаются в свои домишки...» [1; с. 104], в свою бесприютную, полную горечи неправую жизнь. Разъединяют обитателей разных «жизней» не только деревья, высаженные на разделительной полосе поселка, но и то самое непростое прошлое, когда «одни были палачами, другие – жертвами» [1; с. 90]. Подобное разделение сказывается и на коммуникативной сфере.

Невозможность диалога между представителями разных «жизней» парадоксальным образом осознают сами герои романа. Так, Дидим, мечтая о своем будущем медиахолдинге, о новых журналах о политике, бизнесе и культуре, рассуждает: «<...> мы обращаемся не к массам, а к тем немногим, кто хочет нас услышать и слушать. Мы не будем кричать, чтобы нас услышали в задних рядах. Мы будем говорить обычным голосом, чтобы нас услышали *свои* (курсив – М.А. Хлебус) и те, кто захочет стать своими. Мы произносим заклинания для тех, кто понимает нашу абракадабру. Может быть, наш язык пугает читателя, но наш читатель хватается за словарь, а не за револьвер. Наш заумный язык – новый звук, зовущий новый смысл» [1; с. 155]. Персонаж Буйды ссылается на поэтический эксперимент футуриста А. Кручёных: «дыр бул щыл» и «узкие совы, желудеющие по канаусовым яблоням», на наших глазах становятся дырой в будущее, тем, что обязательно случится в России. Наши слова построят мосты в неизведанные области» [1; с. 155]. Можно предположить, что эта отсылка к футуристам, отвергающим культурные традиции и классическую литературу, экспериментирующим в области словообразования, неслучайна. Так, в основе языковой концепции будетлянина В. Хлебникова, работавшего над созданием языковой зауми, заложены идеи о жизнетворящем искусстве и креативной функции языка, о единении «творян» и изобретателей, которым он противопоставлял дворян и приобретателей: 317 поэтов-пророков и избранников должны, по его мнению, составить объединение Председателей земного шара и выполнить космогоническую миссию мироустройства («Воззвание Председателей земного шара», 1917) [6], для чего и планировалось создание вселенского заумного языка.

Если в начале романа Шкуратов-старший говорит о слове, которое останавливает войны, то его сын рассуждает о креативной потенции слова. У него грандиозные планы: «Мы перепишем Россию вместе с ее историей, святыми и царями. Нам нужно подавить не Сталина в себе, но дух Толстого и Достоевского» [1; с. 155]. Монолог Дидима знаменует определенный поворот в раскрытии темы свободы слова, мотива речи. По сути, персонаж Буйды заявляет о необходимости новой литературы и культуры, призванных обслуживать потребности обновленного общества. В постсоветский период подобные Дидиму стали инициаторами смены культурной парадигмы XXI столетия, сумев в итоге подавить «дух Толстого и Достоевского», однако в результате такой культурной трансформации, по мнению писателя, произошла тотальная десакрализация литера-

туры, она перестала формировать систему общественных ценностей. Художественно оформленные идеи Буйды о нынешнем состоянии русской словесности и значении литературы в современном обществе поразительно соотносятся с мыслями ученых-филологов. По мнению М.М. Голубкова, десакрализация художественного слова стала результатом ситуации, «которую условно можно обозначить как ситуацию культурного вакуума: перестав быть литературоцентричной, культура не смогла <...> найти иной центр, создающий систему идеологических, эстетических и нравственных координат» [7; с. 87].

Шкуратову-младшему, действительно, удалось создать еженедельник, за которым по утрам выстраивались очереди у газетных киосков, однако просуществовал он недолго. В новой России, где свободная журналистика не подменяется пропагандой, желанной Russia International, диалога с теми немногими, кто готов услышать, о которых мечтает Дидим, не случилось. По поводу новой прессы красноречиво и емко высказывается папа Шкура, журналист старой формации, представитель ушедшей эпохи: «<...> вы воспитываете в своих сотрудниках дилетантизм, прикрываясь требованиями производства. Читая вашу газету, диву даюсь: как высрано, так и заморожено! И всюду компьютеры, компьютеры – от вас даже почерка не останется!..» [1; с. 231], – таков разговор папы Шкуры молодым коллегам по цеху. Символично и то, что это высказывание старшего Шкуратова Буйда помещает в главу под названием «Исчерпание ресурса».

Негативным примером журналистов новой формации в романе служит образ Арсена Жуковского. Парень из глухой провинции, приехавший в конце 1990-х в Москву, «быстро стал звездой скандальной журналистики», в 2020-е он переключился на биографии «героев» ельцинской эпохи, которые пользуются спросом у читателей и расходятся огромными тиражами. Друзья считают Арсена знаменосцем свободы слова, недоброжелатели – типично русским явлением. К подобной журналистике применимо высказывание философа В.В. Бибихина, много размышлявшего о философии языка, о понимании веса слова: «По-настоящему плохо бывает, когда от страха показаться нелепым или замолчать человек изменяет слову, каким всегда так или иначе звучит его разумное существо, и становится изготовителем текстов» [8; с. 66].

Создать качественно иную журналистику для нового поколения россиян не получилось в силу ряда причин: 1) лучшие представители профессии переключились на скандальные биографии; 2) яркие идеи креативных новаторов сменил безобразно растущий ворох бессмысленных слов вторичных авторов; 3) зачинатели нового зачастую вели свой диалог по принципу – на войне все средства хороши; 4) божественный дар речи задавили «глухонемые», те кому, по выражению самого Дидима, «претит сама идея свободы слова, свободной речи». Другими словами, не монолог и не диалог, а возможность прийти к согласию позволяет сохранить накопленное. По мудрому замечанию В.В. Бибихина: «Монолог Толстого, диалог Достоевского – в конце концов дело художественного выбора приемов и неважно перед важным, перед вопросом вопросов: начав говорить, храним ли мы мир или продолжаем его растрату» [8; с. 82].

В своем новом романе Буйда поднимает еще один актуальный вопрос – об интеллектуальной анемии современного общества, где востребованы скандальные биографии бывших чиновников, где работа со словом превращается в производственный процесс, конвейер, мыслится как коммерческий проект, сфера рынка. Писатель воспроизводит некую точку бифуркации, отразившуюся на общественной значимости художественного слова в современной культуре. Кризис культуры, а главное, литературы – один из важных мотивов книги, подтверждение тому многочисленные рассуждения и высказывания персонажей Буйды: «сегодня в гоголевскую шинель набилось столько бесталанных идиотов, что она уже напоминает шкуру дохлой собаки, кишашую блохами» [1; с. 142]; «Современная литература <...> не глубоко проникает, а плотно прилегает» [1; с. 142]; «<...> все эти софоклы, данте и шекспиры – пустой звук, они мертвы для современной культуры. Они не умерли <...> они заговорили на другом языке, которого мы пока не понимаем; может быть, это связано с нынешним кризисом культуры, может быть, кризис можно преодолеть, если мы этот язык поймем...» [1; с. 142].

С точки зрения автора, следствием подобного отношения к слову становится тотальное изменение статуса литературы в целом, упрощение литературных задач. Современное обесценива-

ние художественного слова, почти «нежилое» состояние нынешнего литературного языка как среды человеческого обитания есть следствие привычки во всем видеть лишь текст. Мысли Буйды созвучны идеям Голубкова, сформулированным в последней книге исследователя «Зачем нужна русская литература?» (2021). Голубков, размышляя о современном состоянии литературного процесса, отмечает: «Литература перестает быть для современного поколения сферой национального самосознания, национальной саморефлексии и утрачивает важнейшую свою функцию – ориентировать человека в историческом пространстве, определять его бытийные ориентиры» [7; с. 12].

В романе Буйды встречается весьма красноречивый эпизод, иллюстрирующий в аллегорической форме мысль о том, что литературный процесс сменился литературным хаосом, характерным для современного периода, – сцена почти языческой пляски на привокзальной площади, которую наблюдает Илья. (*Приведем довольно пространную цитату: «За ними увязались бомжи, топавшие полиэтиленовыми пакетами, которые использовались вместо обуви, за ними со свистом бросился какой-то чернявый жулик в кепке, потом юноша с рюкзаком и белым флагом в руках, квадратная баба в галошах на босу ногу, джентльмен в сером костюме и с кейсом в руках, три девушки в рваных джинсах, тетка с зелеными волосами, огромный мужик в рясе и кирзовых сапогах, ученая собака с выстриженной спиной, ах, убей меня, убей, голуби, милиционеры, продавцы лифчиков, пьяный в хлам молодчик в мордовской вышиванке, хливая шорька, старик с мертвым лицом и неизменной сигаретой на нижней губе, собака, еще голуби, проститутки, убийцы, водопроводчик, дьявол с кочергой и чертенята с кочережками, ангелы с грязными крыльями, глокая куздра, девочка с розой, проповедник в белом с голубым пояском, дюжина бандитов в малиновых пиджаках, Отелло с пьяненькой Дездемоной на руках, Достоевский в длинном сюртуке, ах, убей меня, убей, Пьер Безухов в цилиндре и с тросточкой, таксист в короткой кожаной куртке и кепке козырьком назад, парикмахер с ножницами в обеих руках, Крошка Цахес, император Николай II с Вырубовой под ручку, три сестры в платьях с зеленым пояском, черный монах, министр счастья без портфеля, идея всеобщего мира и благоденствия в щегольских туфлях, пяток привидений, парочка чемпионов мира по фигурному катанию, Ленин в жилетке и запатанных штиблетах, космонавт в скафандре, Амфитрион в плащике, дворник с метлой, дюжина черных котов, кордебалет Большого театра в пачках, госпожа Пошло Оно Все На Х** и господин Пропади Оно Все Пропадом, ах, убей меня, убей, дыр бул щыл с убешищуром, желудеющие по канаусовым яблоням, Трус, Глад и Мор собственными персонами, – и все это человеческое и нечеловеческое месиво кипело, кружилось, приплясывало, вертелось, выкаблучивалось и орало под звуки балалаек, гитар, барабанов и аккордеонов, бурлило и рыдало, выплескиваясь на соседние улицы, заполняя переулки, покрывая площади, стекая в метро, возносясь и низвергаясь, и двигалось, и кричало, и изнемогало, пока вдруг Татьяна Васильевна не сбросила с головы шляпу, рухнула наземь и застыла в нелепой позе, и только заполюнная цыганка продолжала приплясывать и выкрикивать своим чертовым хриплым басом: «Ах, убей меня, убей!»), плакать и выкрикивать, и выкрикивать, и выкрикивать, и плакать...» [1; с. 211–213]).*

Кульминация этого дикого действия, залихватского, необузданного карнавала наглядно демонстрирует кризис культуры в целом и литературы в частности. И здесь снова литературоведческая мысль перекликается с писательской: «Образы литературных героев, перешедших с книжных страниц в национальное сознательное и бессознательное, ставших национально значимыми архетипами, категориями национального сознания, которыми мыслил русский человек еще совсем недавно, сформированы литературой предшествующих столетий» [7; с. 11].

Но, с нашей точки зрения, эта сцена может иметь еще одну трактовку, исходящую из смысла и значения карнавала для культуры, подробно раскрытых в работах Бахтина. По мысли ученого, карнавал – «это жизнь, выведенная из своей обычной колеи, в какой-то мере "жизнь наизнанку", "мир наоборот" <...> Отменяется всякая дистанция между людьми <...> Люди, разделенные в жизни непроницаемыми иерархическими барьерами, вступают в вольный фамильярный контакт на карнавальном пространстве <...> В карнавные контакты и сочетания вступает все то, что

было замкнуто, разъединено, удалено друг от друга внекарнавальным иерархическим мировоззрением. Карнавал сближает, объединяет, обручает и сочетает священное с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, мудрое с глупым и т.п.» [9; с.70].

Таким образом, сцена экспансивной, неистовой пляски-карнавала, который «не знает временных границ» и где «размыты все нравственные понятия» (по В.К. Кантору) [10; с. 47], символически транслирует важную для писателя мысль: чтобы непроницаемые стены кастовых устоев героев рухнули, чтобы диалог мог осуществиться, необходимо погрузиться в фамильярную карнавальную стихию, создать «новый модус взаимоотношений человека с человеком, противопоставляемый всемогущим социально-иерархическим отношениям внекарнавальной жизни» [9; с. 71].

Еще одна идея, которую Буйда воплощает в своем романе, касается того, что смена эпох меняет и угол зрения. Писатель наглядно демонстрирует, как словесное искусство, речь, слово, язык играют решающую роль в перестройке общественного и индивидуального сознания, являясь чрезвычайно мощным средством формирования сознания, форм деятельности и морали. Так, Шкуратов-старший приводит пример из «Логических исследований» Гуссерля, где немецкий мыслитель пишет о том, что «понятие “красный” обладает непреходящим значением вне зависимости от эпохи, страны и того, кто о нем говорит» [1; с. 49]. Папа Шкура опровергает это утверждение ученого примером из мировой классики: «Но вспомните-ка реплику леди Макбет, когда она излагает свой план убийства Дункана: чтобы отвести подозрения от мужа, она предлагает выпачкать кровью лица слуг, охраняющих спальню короля. При этом она говорит не «выпачкать», а “вызолотить кровью” <...> И это не только в “Макбете” – в других пьесах тоже. А потом у Шекспира кровь вдруг становится красной. Что-то изменилось...» [там же]. В этом аргументе персонажа просматривается идея о языке как архетипе культуры, подробно развернутая Д.С. Лихачевым в эссе «Концептосфера русского языка» (1993). Согласно выводам Лихачева, концепт является результатом «столкновения» словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Концептосфера языка – это, в сущности, концептосфера русской культуры. По Лихачеву, «чем шире и богаче культурный опыт автора, тем шире и богаче «потенции концепта» [11; с. 67].

Одним из важных посылов романа Буйды, является мысль о том, что невозможно определить новые бытийные ценностные ориентиры, пока не решены старые наболевшие вопросы.

Самым «большим сокровищем» для семьи Шкуратовых были письма деда Виссариона к бабушке Марго: одиннадцать писем Виссариона к Марго из Парижа, Цюриха, Севастополя и Ташкента и два письма Марго, одно из них – прощальное. Дидим зачитывался этим эпистолярным романом, знал их наизусть. Однако, в силу служебных обстоятельств, в руки Ильи Шрамма попали письма некоего художника Василия Шаро. Почерк, стиль и детали содержания напомнили ему любовные письма деда и бабки Шкуратовых, которыми так дорожил Дидим. Позже выяснилось, что в 1930 дед Шкуратовых был палачом НКВД. Воспользовавшись служебным положением, он занял квартиру Шаро, репрессировав ее прежних владельцев. Путем нехитрых розысканий и сопоставления некоторых фактов Ильи Шрамм установил, что легендарные семейные письма Шкуратовых в действительности принадлежат прежней владелице квартиры на Смоленке – Александре Шаро, прямой наследницей которой является не кто иная как Шаша: «Марго украли у них не только квартиру и жизнь, но и память – всю, подчистую, вплоть до любовных писем» [1; с. 266]. «Присвоила, передала по наследству внуку. От Папы Шкуры я ни разу не слышал ни слова об этих письмах – неужели он догадывался об истинном их происхождении? Догадывался, но ничего, ни слова не сказал сыну, – а для сына эти письма стали палладиумом, святыней, которая хранит и спасает Трою и ее жителей, защищая их от всех напастей. Дух и душа Трои – дух и душа Дидима. Ворованный дух, ворованные души...» [1; с. 266]. Так, вещая стихия слова, текста растрачена на подделку, единственная цель которой хранить и спасать, защищать от всех напастей, то есть отгородиться от правды, от осознания того, что ответственность за поступок неразрывно связана с необходимостью принять его последствия.

Как нам представляется, именно этим открытием по-настоящему потрясен последний из Шкуратовых – Дидим. Он лишился своего дела, но окончательной точкой, апогеем его несчастий стало разрушение личного «палладиума», который был основой его мира, подпитывал ощущение избранности: «Ну да, – сказал он, – хочу невозможного: чтобы все друг друга простили и все забыли... в конце концов, когда-то все были палачами и жертвами...» [1; с. 89]. Такая позиция неприемлема для писателя, поэтому Илья Шрам как выразитель авторской точки зрения не смог промолчать: «Не все были палачами и жертвами. Одни были палачами, другие – жертвами. И одно дело, когда жертва прощает палача, другое – когда палач призывает жертву к прощению, то есть плюет ей в лицо...» [1; с. 90].

Развязка криминальной истории в романе трагична. В финале выясняется, что жертва Дидима – дочь его сводного брата. Девочка-инвалид, которую сбил пьяный Дидим и в мертвое тело которой он выстрелил, оказалась дочерью Юга. В заключительном эпизоде братья стреляются – Дидим погибает.

Полагаем, что основную идею «Дара речи» можно соотнести с мыслью М.К. Мамардашвили, высказанной философом в интервью «Если осмелиться быть» (1988): «Единственный шанс иметь будущее, он же и шанс стать людьми – это, именуя, выносить наружу и осознавать беды и несчастья, а не загонять их внутрь, где они начинают двигаться и развиваться иррациональными, стихийными и патогенными путями» [12; с. 76]. Психологические, семейные и национальные травмы нельзя замалчивать и внутренне пестовать, проработка травмы возможна только благодаря называнию, проговариванию и обсуждению, утверждает в новой книге Буйда. В одном из интервью писатель высказал свое мнение по этому поводу: «В нашей истории много травм: все эти войны, революции, ГУЛАГ, 1960-е, 1970-е годы – и все загоняется внутрь. Мы не умеем проговаривать и обсуждать коллективные травмы, а если и беремся, то делаем это таким образом, что скорее усугубляем их, нежели лечим, – и потому никак не можем выйти из своего прошлого» [13].

Именно дар речи, название и наименование мыслится писателем как один из первых актов в осуществлении бытия, вечном настоящем человеческого становления, диалога и культурного строительства. По словам А.Ф. Лосева, «имя поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание» [14; с. 817]. Герои же Буйды не отдадут себе отчет в очевидном: «немота страшнее слепоты». Немота, настигающая в конце книги Дидима, придумавшего новый язык и в 2000-х задавленного «глухонемыми», – знаковая точка, результат переплетения глухих жизненных побуждений, каждое из которых, по сути, безгласно. Поэтому следует назвать, представить и рассказать обо всем: «Нас порождает Дух, но жизнь дает нам Буква» [1; с. 315]. Именно так, по замыслу автора, со строчной буквы, в сакральном значении. Буйда лишает своего персонажа дара речи за ненужностью, так как, по представлению писателя, он не способен сказать главные и самые важные слова. Почти заключительная цитата романа: «У человека, которому не суждено построить великое царство, взойти на крест или продать душу дьяволу, остается один выход – рассказать историю» [1; с. 314].

С точки зрения писателя, новое общество нуждается в слове, способном организовать падающийся мир, лишившийся прежних связей и опор и не создавший новых. А у персонажей Буйды главная страсть – это быть, исполниться, состояться. Однако живут они без изначальных надындивидуальных устоев, когда этическое заменяется эстетическим, где главное – не милосердие и сострадание, а яркость характера, эрудиция, умение сказать запоминающееся слово (подтверждение тому афористичные высказывания многих героев). При таких исходных установках «человек отбрасывается в сферу исторического бессилия и взрывоопасной немоготы», – считает Мамардашвили [12; с. 73] или немоты как в случае с Дидимом.

Таким образом, в художественном сознании писателя слово, речь актуализированы как средство реконструкции исторической памяти, как ключ к переживанию национальных коллективных травм.

Если коммуникации персонажей в прозе Буйды, условно представить в виде системы координат: то в этой системе будет только одна вертикальная плоскость – «мы–они», «свой–чужой», даже «рай–ад» (глава, в которой рассказывается о деде чекисте и письмах называется «Сошествие в Аид»). По принципу вертикали организовано и художественное пространство романа, усложненное временным уровнем «прошлое–будущее». Все – или прошлое, или будущее, и ничего в настоящем. Тем самым писатель дает понять, что для установления диалога необходимо: 1) единое пространство и отсутствие разделяющих барьеров; 2) свобода слова; 3) бытийная необходимость в наименовании, в проговаривании прошлого.

Буйда, исследуя в романе мировоззрение, поведенческие характеристики отдельных представителей эпохи, предпринимает попытку проследить исторические закономерности. Криминальная интрига, перенос фокуса повествования в сферу частного бытия вторичны, через них писатель пытается отразить трансформацию сознания на переломе эпох, проявившуюся, прежде всего, в смене отношения к языку, слову, речи, литературе. В идейном отношении роман писателя с определенной долей условности похож скорее на притчу, где преимущественно действуют не столько конкретные образы-личности, сколько образы-идеи, суждения которых демонстрируют понимание слова (речи) как миссии в лингвокультуре и цивилизации в целом.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что для Буйды язык обладает мировоззренческой модальностью, в романе репрезентировано его представление о языке как духовной основе культуры. В воззрениях писателя прослеживается два уровня восприятия языка: 1) бытийно-философский и 2) культурно-кодовый. На первом уровне язык трактуется с позиции христианского понимания Логоса; на втором – рассматривается в качестве концептосферы (согласно Лихачеву). Авторские представления о языке также соотносятся с лингвистическими идеями футуристов (А. Крученых, В. Хлебников), с идейным наследием М.М. Бахтина. В понимании Буйды язык имеет онтологический статус, является психологической категорией, выступает показателем национального менталитета.

Библиографический список

1. Буйда Ю.В. Дар речи. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 314 с.
2. Безрукавая М.В. Проза Ю. Буйды: герой в пространстве эстетического понимания жизни // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6. Ч. 2. С. 236–240.
3. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. Безрукавая М.В. Художественная модель мира в прозе Ю.В. Буйды 2010-х годов // СИСП. 2016. № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-model-mira-v-proze-yu-v-buydy-2010-h-godov> (дата обращения – 30.07.2024).
6. Хлебников В. Воззвание Председателей земного шара, 1917. URL: <https://rvb.ru/20vek/khlebnikov/tekst/06teor/261.htm> (дата обращения – 19.08.2024).
7. Голубков М.М. Зачем нужна русская литература? Записки университетского словесника. М.: Прометей, 2021. 344 с.
8. Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науки, 2010. 416 с.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. URL: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/bahtin.txt&page=68> (дата обращения – 19.08.2024).
10. Кантор В.К. Карнавал и бесовщина // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 44–57.
11. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Д.С. Лихачёв Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). 2-е изд., доп. СПб.: Блиц, 1999.
12. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 352 с.

13. Народ не пользуется психотерапевтическими терминами. Беседа Бориса Куприянова с Юрием Буйдой. URL: <https://gorky.media/context/narod-ne-polzuetsya-psihoterapevticheskimi-terminami/> (дата обращения – 06.07.2024).

14. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.

References

1. Buida Yu.V. The gift of speech. M.: AST: Redaktsiya Elena Shubina, 2023. 314 s.
2. Bezrukavaya M.V. Prose of Yu. Buida: the hero in the space of aesthetic understanding of life // Historical and social-educational thought. 2015. Vol. 7. No. 6. Part 2. P. 236–240.
3. Bakhtin M.M. Freudianism. Formal Method in Literary Criticism. Marxism and Philosophy of Language. M.: Labyrinth, 2000. 640 p.
4. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1986. 445 p.
5. Bezrukavaya M.V. Artistic model of the world in the prose of Yu.V. Buida of the 2010s // SISP. 2016. No. 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-model-mira-v-proze-yu-v-buydy-2010-h-godov> (accessed – 30.07.2024).
6. Khlebnikov V. Appeal of the Chairmen of the Globe, 1917. URL: <https://rvb.ru/20vek/khlebnikov/tekst/06teor/261.htm> (accessed – 19.08.2024).
7. Golubkov M.M. Why do we need Russian literature? Notes of a university philologist. M.: Prometheus, 2021. 344 p.
8. Bibikhin V.V. Word and event. Writer and literature. M.: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2010. 416 p.
9. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. URL: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/bahtin.txt&page=68> (accessed – 21.08.2024).
10. Kantor V.K. Carnival and devilry // Questions of Philosophy. 1997. No. 5. P. 44-57.
11. Likhachev D.S. Conceptual sphere of the Russian language // D.S. Likhachev Essays on the philosophy of artistic creativity / RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin House). 2nd ed., suppl. SPb.: Blitz, 1999.
12. Mamardashvili M. Consciousness and civilization. M.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 352 p.
13. The People Don't Use Psychotherapeutic Terms. Conversation between Boris Kupriyanov and Yuri Buida. URL: <https://gorky.media/context/narod-ne-polzuetsya-psihoterapevticheskimi-terminami/> (accessed – 06.07.2024).
14. Losev A.F. Being – name – space. M.: Mysl, 1993. 958 p.

УДК 82

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.012

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
department chairman,
the chair of Russian language and cross-
cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

С.А. Скуридина

МЕТОДОЛОГИЯ М.С. АЛЬТМАНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В статье представлен вклад М.С. Альтмана в исследование ономастики художественных произведений. В своих работах ученый выделяет разные особенности творческого метода писателей, связанного с выбором имен собственных, обозначая проблемы, которые до сих пор волнуют ономатологов: антропоним и художественный образ, имя и прототип героя, вымышленный топоним и реальный и др. Методология исследования собственных имен, разработанная М.С. Альтманом, основывается на глубоком анализе лингвистических, литературоведческих и культурно-исторических аспектов ономастики. Ученый рассматривал собственные имена как важный элемент художественного текста, который может нести значительную смысловую нагрузку и способствовать раскрытию авторского замысла. В исследовательской деятельности ученого можно выделить следующие особенности: комплексный подход к ономастикону любого писателя, проведение этимологического анализа каждого имени, выявление его символики и историко-культурной обусловленности, применение интертекстуального анализа, определение возможности имени выступать средством создания психологического портрета персонажа. Методология М.С. Альтмана, заключающаяся в выявлении взаимосвязи имени собственного с другими элементами текста, в установлении биографических предпосылок создания онимов и их обусловленности наличием прототипов, представляющая собой многогранный и глубокий подход, позволяющий раскрыть специфику ономастической лаборатории любого писателя, положена в основу работы исследователей Воронежской ономастической школы, основанной Г.Ф. Ковалевым

Ключевые слова: М.С. Альтман, ономастика, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, топоним, антропоним, ономастическая методология.

S.A. Skuridina

METHODOLOGY OF M.S. ALTMAN IN THE RESEARCH OF THE VORONEZH ONOMASTIC SCHOOL

The article presents M.S. Altman's contribution to the study of onomastics of artistic works. In his works, the scientist identifies various features of the creative method of writers associated with the choice of proper names, identifying problems that still concern onomatologists: an anthroponym and an artistic image, the name and prototype of the hero, a fictional toponym and a real one, etc. The methodology of proper name research developed by M.S. Altman is based on a deep analysis of linguistic, literary, and cultural-historical aspects of onomastics. The scientist considered proper names as an important element of a literary text, which can carry a significant semantic load and contribute to the disclosure of the author's intention. The following features can be distinguished in the research activity of the scientist: an integrated approach to the onomasticon of any writer, conducting an etymological analysis of each name, identifying its symbolism and historical and cultural conditionality, using intertextual analysis, determining the possibility of a name to act as a means of creating a psychological portrait of a character. Methodology of M.S. Altman's work, which consists in identifying the relationship of a proper name with other elements of the text, in establishing the biographical prerequisites for the creation of onyms and their conditionality by the presence of prototypes, is a multifaceted and in-depth approach that allows to reveal the specifics of the onomastic laboratory of any writer, is the basis for the work of

researchers at the Voronezh Onomastic School, founded by G.F. Kovalev

Keywords: M.S. Altman, onomastics, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, toponym, anthroponym, onomastic methodology.

Выдающийся филолог, тонкий и глубокий исследователь русской и древнегреческой литературы – Моисей Семёнович Альтман (1896-1986) – посвятил свою научную жизнь выявлению особенностей творчества Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Гомера и других художников слова [1]. М.С. Альтман, опубликовавший в 1931 году работу «Прыжов и Достоевский (О мнемоническом построении имен в произведениях Достоевского)» [2], стал одним из первых ученых, обратившихся к системному изучению ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского.

Методология исследования собственных имен, разработанная М.С. Альтманом, основывается на глубоком анализе лингвистических, литературоведческих и культурно-исторических аспектов ономастики. Ученый рассматривал ономастикон любого писателя как важный элемент художественного текста, который может нести значительную смысловую нагрузку и способствовать раскрытию авторского замысла.

Работы М.С. Альтмана, направленные на выявление «идейно-поэтической функции собственных имен героев» [3; с. 3], основаны на комплексном подходе к художественному тексту: исследователь стремился рассматривать каждое собственное имя в контексте не только конкретного произведения, но и всей творческой лаборатории, учитывая взаимосвязь имени с разными элементами текста, такими как сюжет, персонажи, темы и мотивы, что способствует раскрытию смыслов, заложенных автором. М.С. Альтману принадлежит важная мысль о генетической связи персонажей из разных произведений, наделенных одинаковыми именами собственными. Обращение не к отдельному тексту, а к их совокупности позволило М.С. Альтману выявить сквозные имена в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Например, имя *Платон* используется в ономастиконе Л.Н. Толстого для обозначения мудрецов, «русских Платонов», «но сама эта мудрость наполняется новым содержанием» [4; с. 38] в соответствии с предназначением героя и меняющимся мировоззрением писателя: это и Платон Каратаев в эпопее «Война и мир», и Платон Фоканыч в романе «Анна Каренина». В рассказе Ф.М. Достоевского «Бобок» имя *Платон* также дано философствующему герою: «Платон Николаевич, наш доморощенный философ, естественник и магистр» [5; с. 157]. По мнению М.С. Альтмана, выбравшего эпиграфом к главе «Одноименные герои» высказывание Н.А. Добролюбова о том, что «Достоевский любит возвращаться к одним и тем же лицам по несколько раз и пробовать с разных сторон те же характеры и положения» [5; с. 167], к числу сквозных относит антропонимы как главных (Елизавета и его производные, Софья и др.), так и второстепенных персонажей (Бумштейн, Зверков, Фроловна и др.) [5; с. 167-189]. Особое место в модели ономастического творчества Ф.М. Достоевского занимает имя *Петр*. Персонажи, так названные писателем, по мнению М.С. Альтмана, являются «последышами Петра»: «По концепции писателя, нигилизм в России ведет свое начало от Петра Великого и сам Петр – первый русский нигилист» [6; с. 146]. Ф.М. Достоевский негативно относился к нигилистам, поскольку, по его мнению, с эпохи Петра I начался отрыв русских людей от почвы, под которым писатель понимал уход от основ русской самобытности. Другим примером использования писателем одного имени для двух персонажей, обладающих определенным сходством, являются Софья Семеновна Мармеладова, которую дважды разные герои называют *Ивановной*, и Софья Ивановна Карамазова, что М.С. Альтман комментирует следующим образом: «в «поэтическом хозяйстве» Достоевского, где одинаковые имена обычно носят одинаковые или сходные персонажи, обе «Сони» играют одну и ту же роль и выполняют одну и ту же идейно-художественную функцию» [7; с. 150]. Подобное в ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского наблюдается и с именем *Лизавета*, которым обычно наделяются юродствующие героини – Лизавета Смердящая, блаженная Лизавета в романе «Бесы»

[см. подробно: 8].

Еще одной важной особенностью исследовательской деятельности М.С. Альтмана является проведение этимологического анализа имен, способствующего установлению возможных аллюзий и ассоциаций, которые могли быть заложены автором при создании разных разрядов онимов. В рассказе Л.Н. Толстого «Нечаянно» упоминается Нечаевский переулок как место мнимого ограбления. Обе лексемы восходят к древнерусскому глаголу *чаяти* 'ожидать, надеяться' [9; т. 4; с. 321]. Зарифмованные фамилии повести «Кавказский пленник» Жилин и Костылин реализуют в тексте значение своих производящих основ: «Жилин – это, действительно... какая-то нескудеющая жила» (неслучайно Л.Н. Толстой ставит этимологически родственные апеллятив и оним рядом: «Жил так Жилин», «Прожил так Жилин»); «Что до Костылина, то этот рыхлый и тучный, вялый и ленивый, со слабыми ногами человек» [4; с. 26]. Фамилия *Шатов* в романе «Бесы» этимологически связана с глаголом *шатать(ся)*, встречающемся при описании героя: «Для Шатова характерны душевные и идейные шатания. Бывший атеист и революционер, он радикально меняет свои убеждения, порывает с революционным кружком, членом которого состоял, и кончает испуганным православием» [5; с. 105].

Несмотря на значимость для Ф.М. Достоевского темы «шатости» и «шаткости», М.С. Альтман учитывает еще одну важную особенность для творчества любого писателя – использование прототипов при создании художественных образов и указывает в качестве одного из прототипов Ивана Шатова в романе «Бесы» студента Петровской академии Ивана Ивановича Иванова, о чем свидетельствуют статьи в «Дневнике писателя». Кроме И.И. Иванова, прототипом Шатова мог стать В.И. Кельсиев [7; с. 139-142], описание которого приводится в сочинениях А.И. Герцена, таким образом, М.С. Альтман транслирует мысль о том, что не всегда герои Ф.М. Достоевского списаны с конкретных людей, обычно это собирательные образы, соответствующие изображаемой эпохе. В статье «Имена и прототипы литературных героев Достоевского» М.С. Альтман обозначает цель, которая в дальнейшем будет определять его исследовательский интерес, – «показать, что великий русский писатель, создавая свои художественные образы и воплощая в них, по его собственному выражению, свои «поэтические идеи», придавал очень большое значение и наименованию своих героев, связывая с именами и фамилиями героев их судьбы, характеры и идейно-художественную значимость. В ряде случаев фамилии и имена героев помогают вскрытию их литературных прототипов» [7; с. 131].

Таким образом, уже в 1958 году ученый обозначил важность исследования имен собственных в произведениях Ф.М. Достоевского, отметив две важные особенности творческого метода писателя: во-первых, имя выступает средством создания образов персонажей, во-вторых, имя может быть позаимствовано у прототипа, в связи с чем художественный образ выступает своего рода проекцией реально существующего лица. Данные наблюдения справедливы не только для главных героев произведений Ф.М. Достоевского и иллюстрируются следующими примерами: Макар Девушкин и Варя Доброселова («Бедные люди»), Раскольников и Софья Мармеладова («Преступление и наказание»), Рогожин («Идиот»), Шатов и Петр Верховенский («Бесы»), Петр Миусов и Софья Карамазова («Братья Карамазовы») и другие.

Важным аспектом научной деятельности М.С. Альтмана было выявление автобиографизма имен собственных, используемых в художественных произведениях (это впоследствии стало одним из постулатов ономастологов Воронежской ономастической школы [10]). Например, Л.Н. Толстой нередко использует имена и фамилии жителей «Ясной Поляны, соседних с ней уездов Тульской области и Тулы» (Позднышев, Протасов, Мергасов, Рахманов). М.С. Альтман, обращаясь к фамилии Кизеветтер, отмечает, что возможны разные варианты ее возникновения в романе «Воскресение»: писатель знал скрипача с такой фамилией, но мог также видеть объявление о приезде портретиста Кизеветтера, напечатанное в «Тульских губернских ведомостях» в 1963 году [3; с. 18-19].

При анализе ономастикона М.С. Альтман всегда учитывает историко-культурный контекст эпохи, в которую создавалось произведение, чтобы лучше понять, почему автор выбрал именно эти имена для своих персонажей, поскольку историческая обстановка, социальные условия и культурные традиции оказывают значительное влияние на выбор имен, и этот фактор нельзя было игнорировать. Выбор фамилии *Раскольников* для героя романа «Преступление и наказание» связан с интересом Ф.М. Достоевского к жизни страообрядцев, с которыми он сталкивался в течение своего пребывания в остроге, а затем в ссылке в Семипалатинске. Позднее в библиотеке писателя появились книги о раскольниках, а в журнале братьев Достоевских «Время» была опубликована статья А.П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны», повествующая о раскольниках, а именно о секте бегунов, к которым принадлежали родичи Миколки, взявшего вину в убийстве на себя. По мнению М.С. Альтмана, «в начальных вариантах романа Достоевский намекает на историческое происхождение фамилии «Раскольников». Мать Раскольникова говорит своему сыну: «Раскольниковы хорошей фамилии... Раскольниковы двести лет известны». «Двести лет известны» – не значит ли это – с начала раскола, когда такая фамилия и могла появиться». Раскольников связан и с Миколкой, поскольку они, вероятно, являются земляками: Раскольников получает письмо от своей матери из Р-й губернии, то есть – Рязанской [5; с. 138].

Выявление историко-культурного контекста имени в методологии М.С. Альтмана напрямую связано с определением его символики, поскольку онимы часто несут в себе символические значения, которые могут отражать внутренние качества персонажей или их роль в сюжете. Начиная анализ имен собственных, М.С. Альтман обращается к фамилии главного героя романа «Бедные люди» и сравнивает стиль писем Макара Девушкина со стилем писем матери Ф.М. Достоевского: «женский, точнее девичий характер стиля писем Девушкина – действительный факт» [5; с. 133]. Это могло стать причиной выбора фамилии для персонажа: «Девушкин, как правильно указывает Достоевский, «иначе и говорить не может». Слог девушки Девушкину и подобает, стиль его писем находится в согласии с его фамилией» [5; с. 133]. По мнению ученого, фамилии главных героев первого романа Ф.М. Достоевского – дань традициям сентиментализма, а «поговорочное» имя *Макар* (на бедного Макара все шишки валятся) обусловлено традициями натуральной школы с ее тяготением к фольклору. Между фамилиями *Рогожин* и *Епанчин* ученый видит связь на пословичном уровне «ни к роже рогожа, ни к лицу епанча» (князю Мышкину не подходит ни «*рогожинская*» Настасья Филипповна, ни Аглая *Епанчина*), в чем заключается еще одна особенность имени Ф.М. Достоевского, рассматриваемая в наших работах как принцип ономастического кода писателя [11]. В своих размышлениях о фамилии *Рогожин* М.С. Альтман возвращается к теме раскола и раскольников, затронутой им в параграфе о фамилии *Раскольников*: фамилия *Рогожин* «ассоциируется у Достоевского с известным московским раскольничьим центром, сосредоточенным вокруг Рогожинского кладбища и называемым «Рогожинское согласие» [5; с. 144]. Как видим, имена собственные в произведениях Ф.М. Достоевского – это лексемы, обладающие большим ассоциативным потенциалом и вписанные в паремийный контекст, а следовательно, обусловленные особенностями национальной картины мира.

Полагая, что выбор имени может отражать внутреннее состояние персонажа, его переживания и конфликты, М.С. Альтман учитывал психологические аспекты использования собственных имен с целью определения мотивов, которыми руководствуются герои, выстраивая взаимоотношения друг с другом. Например, рассматривая Ивана Шидловского в качестве прототипа Ивана Карамазова, исследователь сравнивает их психологические портреты: «Шидловский был «человек, в котором мирилась бездна противоречий». Эта противоречивость натуры Шидловского, который то подражал инокопослушникам даже в одежде, то предавался разгулу, особенно сказывалась в вопросах религиозных. <...>. Но ведь эта двойственность в вопросах религии – кардинальная черта характера Ивана Карамазова, которому прозорливый сердцевед Зосима говорит, что у него это «религиозное шатание, если не

может решиться в положительную сторону, никогда не решится и в отрицательную» [5; с. 111-112].

Анализ имен собственных Ф.М. Достоевского представлено М.С. Альтманом в монографии «Достоевский. По векам имен», вышедшей в 1975 году и ставшей результатом многолетней работы ученого, направленной на изучение не только художественных текстов Ф.М. Достоевского, но и с ним связанных документальных источников – воспоминаний современников, рукописных материалов, эпистолярного наследия. Сам ученый называет издание сборником очерков, который состоит из двух частей: «*аналитической* (обзор персонажей по произведениям) и *систематической* (обзор персонажей по категориям имен)» [5; с. 8]. Интересен авторский подход к ономастикону во второй части монографии – это поиск прототипов не в реальной жизни, а в мире художественной литературы, поскольку, по справедливому замечанию М.С. Альтмана, «и в своей публицистике и, еще чаще, в своих художественных произведениях Достоевский широко пользуется образами и именами литературных героев из произведений писателей, ему предшествовавших и современных» [5; с. 140]. Так, в творчестве писателя представлены грибоедовские, пушкинские и гоголевские наименования, в связи с чем можно говорить об еще одной особенности ономастической методологии М.С. Альтмана – выявлении интертекстуальных связей, заключающихся в использовании определенных имен других авторов.

Замечает выдающийся филолог описки и обмолвки в именах собственных, допущенные Ф.М. Достоевским и связываемые, с одной стороны, с особенностями памяти писателя, страдающего эпилепсией (непреднамеренные обмолвки и описки), с другой стороны, – объясняемые творческим замыслом (специальные обмолвки и описки). К числу последних относится намеренно введенная в текст романов путаница с фамилией *Разумихин* (он же Рассудкин и Вразумихин) и с фамилией *Карамазов* (жена штабс-капитана Снегирева называет Алешу Черномазовым) [5; с. 189-192]. Подобные описки наблюдаются и в творчестве Л.Н. Толстого: например цыганка Маша в «Живом трупе» называет Рахметова – героя романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» Рахмановым, используя распространенную в Тульской губернии фамилию [3; с. 86].

Помимо антропонимов, в монографии М.С. Альтмана, посвященной ономастикону Ф.М. Достоевского, содержатся наблюдения о топонимических единицах, представленных в его художественных произведениях. Ученый указывает на такой прием ономастической лаборатории писателя, как инициализация названий городов – использование начальной буквы топонима, но отмечает, что Ф.М. Достоевский вводит в текст топографические приметы того населенного пункта, название которого зашифровано, в результате чего читатель всегда достоверно знает, где происходят события. М.С. Альтманом выделяются следующие виды приемов создания топонимов, используемых в художественных текстах Ф.М. Достоевского: инициалы городов, сигнализирующие указания, переосмысление названий, иносказательные наименования. Очерк М.С. Альтмана о топонимике опубликован и во втором томе издания «Достоевский. Материалы и исследования» (1976) [12], а очерк об иностранных именах героев Достоевского – в издании «Русско-европейские литературные связи» (1966) [13].

В статье «Этюды о романе Достоевского «Бесы» исследователь тщательно анализирует топографические приметы изображаемого города, поскольку писатель, полемизируя с Н.С. Лесковым, замечает, что «дело происходит не на небе», а соответственно, важным является географическое место, которым, по мнению М.С. Альтмана, становится Тверь и ее окрестности. Косвенным доказательством того, что Ф.М. Достоевский делает этот город местом событий, выступают прототипы героев романа «Бесы»: один из прототипов Николая Ставрогина – уроженец Твери анархист М.А. Бакунин, «Тихон, которому Ставрогин передает свою «Исповедь», – Тихон Задонский, живший в монастыре на берегах Тверды и Тьмаки», прототипы губернатора Лембке и его жены Юлии Михайловны – тогдашний тверской губернатор П.Т. Баранов и его жена и т.д. [14].

Все это позволяет говорить о работах М.С. Альтмана как об оригинальных исследова-

ниях, главной целью которых является системное описание ономастикона, способствующее более глубокому прочтению художественных образов, раскрывающихся в данных персонажам именах. М.С. Альтман погружает читателя – не только специалиста-филолога – в художественный мир Ф.М. Достоевского [16] и Л.Н. Толстого, демонстрируя возможность онимных единиц вбирать в себя разноплановую информацию, связанную с биографией писателя, историческими событиями, предназначением героя и т.д. Методология М.С. Альтмана, заключающаяся в выявлении взаимосвязи имени собственного с другими элементами текста, в установлении биографических предпосылок создания онимов и их обусловленности наличием прототипов, представляет собой многогранный и глубокий подход, позволяющий раскрыть множество слоев смысла, заложенных авторами в произведения через использование имен, легла в основу работы исследователей Воронежской ономастической школы [10], [6], основанной Г.Ф. Ковалевым [15], под руководством которого защищены докторские и кандидатские диссертации, представившие системное описание ономастикона Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.С. Пушкина, М.А. Булгакова и т.д. [10].

Библиографический список

1. Альтман М.С. О названиях художественных произведений // Русская речь. 1969. № 1. С. 25-30.
2. Альтман М.С. Прыжов и Достоевский (О мнемоническом построении имен в произведениях Достоевского) // Каторга и ссылка. М., 1931. №8-9. С.70-71.
3. Альтман М.С. Читая Толстого. Тула, 1966. 168 с.
4. Альтман М.С. У Льва Толстого. Тула, 1980. 209 с.
5. Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
6. Скуридина С.А., Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 92-97.
7. Альтман М.С. Имена и прототипы литературных героев Достоевского // Уч. записки Тульского педагогического института. 1958. № 8. С. 139–142.
8. Скуридина С.А., Вязовская В.В. Именование юридических в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова // Русская речь. 2018. № 2. С. 73-83.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. СПб.: Терра – Азбука, 1996.
10. Скуридина С.А. Аспекты изучения литературной ономастики: взгляд исследователей Воронежской ономастической школы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2 (49). С. 127-133.
11. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 341 с.
12. Альтман М.С. Топонимика Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1976. С. 51–56.
13. Альтман М.С. Иностранные имена героев Достоевского // Русско-европейские литературные связи. М., 1966. С.18-26.
14. Альтман М.С. Этюды о романе Достоевского «Бесы» // Прометей. М., 1975. № 5. С. 442-447.
15. Ковалев Г.Ф. К пониманию автобиографизма в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 4 (31). С. 10-19.
16. Скуридина С.А. Исследование ономастикона Ф.М. Достоевского в трудах М.С. Альтмана // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы V Международной научной конференции. Воронеж, 2024. С. 207-210.

References

1. Altman M.S. On the names of works of art // Russian speech. 1969. No. 1. Pp. 25-30.
2. Altman M.S. Prygov and Dostoevsky (On the mnemonic construction of names in Dostoevsky's works) // Penal Servitude and Exile, Moscow, 1931. No. 8-9. Pp.70-71.
3. Altman M.S. Reading Tolstoy. Tula, 1966. 168 p.
4. Altman M.S. From Leo Tolstoy. Tula, 1980. 209 p.
5. Altman M.S. On the milestones of names. Saratov, 1975. 280 p.
6. Skuridina S.A., Bugakova N.B. A model of onomastic creativity in an individual author's worldview // Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological sciences. 2023. No. 1 (28). Pp. 92-97.
7. Altman M.S. Names and prototypes of Dostoevsky's literary heroes // Academic notes of the Tula Pedagogical Institute. 1958. No. 8. Pp. 139-142.
8. Skuridina S.A., Vyazovskaya V.V. Naming of fools in the works of F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov // Russian Speech. 2018. No. 2. Pp. 73-83.
9. Fasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. St. Petersburg: Terra –Abc, 1996.
10. Skuridina S.A. Aspects of the study of literary onomastics: the view of researchers of the Voronezh Onomastic School // Actual issues of modern philology and Journalism. 2023. No. 2 (49). Pp. 127-133.
11. Skuridina S.A. The Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts. Voronezh, 2022. 341 p.
12. Altman M.S. Dostoevsky's toponymy // Dostoevsky. Materials and research. Vol. 2. L.: Nauka, Leningrad Publishing House, 1976. Pp. 51-56.
13. Altman M.S. Foreign names of Dostoevsky's heroes // Russian-European literary relations. Moscow, 1966. Pp.18-26.
14. Altman M.S. Sketches about Dostoevsky's novel "Demons" // Prometheus, Moscow, 1975, No. 5. Pp. 442-447.
15. Kovalev G.F. Towards understanding autobiography in literary onomastics // Actual issues of modern philology and journalism. 2018. No. 4 (31). Pp. 10-19.
16. Skuridina S.A. A study of F.M. Dostoevsky's onomasticon in the works of M.S. Altman // Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the V International Scientific Conference. Voronezh, 2024. Pp. 207-210.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'373.21(470.324)

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.013

*Борисоглебский филиал Воронежского
государственного университета
доктор филологических наук,
профессор кафедры социальных
и гуманитарных дисциплин
Верховых Л.Н.
Россия, г. Борисоглебск
тел. 84735461327,
lverhovyh@mail.ru*

*Borisoglebsky branch of Voronezh State
University
Doctor of Philology, Professor of the
Department of Social and Humanitarian
Disciplines
Verhovyykh L.N.
Russia, Borisoglebsk
tel. 84735461327
lverhovyh@mail.ru*

Л.Н. Верховых

ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ УРБАНОНИМИИ ГОРОДА БОРИСОГЛЕБСКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена изучению тенденций переименования улиц и переулков города Борисоглебска Воронежской области в аспекте отражения ими истории и культуры страны, края, города. В работе отмечается, что в разное время к изучению воронежских урбанонимов обращались многие воронежские исследователи: Е. А. Болховитинов, ученые Воронежской ономастической школы (научный руководитель – профессор Г. Ф. Ковалев), Н. И. Улитина, Ю. А. Апальков, В. Ф. Филатова, Н. И. Кривова. Анализ топонимического материала показал, что борисоглебские урбанонимы сохраняют память о людях, событиях прошлого, отражая часть языковой картины мира того периода времени, когда эти названия были даны. В процессе исследования были установлены характерные особенности процессов переименования урбанонимов в Борисоглебске, к которым относятся следующие: переименование внутригородских топографических объектов непосредственно связано с историей и культурой страны, края, города; изменения в урбанонимии обусловлены устранением номинаций, данных в честь здравствующих людей, устранением одинаковых, «двойных» или «тройных» названий, укрупнением географических объектов; значительное число переименований улиц и переулков связано с сохранением памяти о Великой Отечественной войне, о борисоглебцах – Героях Советского Союза, об известных людях и выдающихся земляках. Основными историческими факторами, повлиявшими на переименование географических объектов в Борисоглебске, являются Октябрьская революция 1917 года, Великая Отечественная война. На основании анализа причин переименования урбанонимов в городе Борисоглебске Воронежской области за период с 1918 года по настоящее время были установлены следующие тенденции переименования географических объектов, связанные с историей и культурой страны, региона, города: идеологическая, утилитарно-административная, меморативная, интернациональная.

Ключевые слова: ономастика, топонимия, урбанонимия, переименования географических объектов, Воронежская область.

L.N. Verkhovyykh

TRENDS IN RENAMING GEOGRAPHICAL OBJECTS AS A REFLECTION OF THE HISTORY AND CULTURE OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF UR- BANNYMY OF THE CITY OF BORISOGLEBSK, VORONEZH REGION)

The article is devoted to the study of trends in renaming streets and lanes in the city of Borisoglebsk in the Voronezh region in terms of their reflection of the history and culture of the country, region, city. The work notes that at different times many Voronezh researchers turned to the study of Voronezh urbanonyms: E.A. Bolkhovitinov, scientists of the Voronezh onomastic

school (scientific supervisor - professor G. F. Kovalev), N. I. Ulitina, Yu. A. Apalkov, V. F. Filatova, N. I. Krivova. Analysis of toponymic material showed that Borisoglebsk urbanonyms preserve the memory of people, events of the past, reflecting part of the linguistic picture of the world of the period of time when these names were given. In the course of the study, characteristic features of the processes of renaming urbanonyms in Borisoglebsk were established, which include the following: renaming of intracity topographic objects is directly related to the history and culture of the country, region, city; changes in urbanonymy are due to the elimination of nominations given in honor of living people, the elimination of identical, "double" or "triple" names, the consolidation of geographical objects; a significant number of renaming of streets and lanes is associated with preserving the memory of the Great Patriotic War, of Borisoglebsk residents - Heroes of the Soviet Union, of famous people and outstanding fellow countrymen. The main historical factors that influenced the renaming of geographical objects in Borisoglebsk are the October Revolution of 1917, the Great Patriotic War. Based on the analysis of the reasons for the renaming of urbanonyms in the city of Borisoglebsk, Voronezh Region for the period from 1918 to the present, the following trends in the renaming of geographical objects associated with the history and culture of the country, region, city were established: ideological, utilitarian-administrative, memorial, international.

Key-words: onomastics, toponymy, urbanonymy, renaming of geographical objects, Voronezh region.

Переименование географических объектов – достаточно древний топонимический и социокультурный процесс, имеющий прочную историко-культурную основу. Тенденции переименования географических объектов наиболее четко отражены в урбанонимических единицах – названиях улиц и переулков, поскольку все изменения данных онимов в силу их официального статуса зафиксированы в документах.

В исследовании под урбанонимом в соответствии с общепринятой ономастической терминологией понимаем «вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [1; с. 139], также «название внутригородского объекта, способное выполнять адресную функцию» [2; с. 116].

Урбанонимы Воронежского края уже становись предметом разноплановых лингвистических исследований. Одной из первых научных работ, в которой были рассмотрены воронежские топонимы (в том числе и урбанонимы), является историко-лингвистическое исследование Е.А. Болховитинова. В своем труде Е.А. Болховитинов упоминает топографические названия Воронежа начала XIX века (часть из них существовала еще в середине и второй половине XVIII века): Губернаторский дом, Казенные дворы, Московские ворота, Девицкие ворота; Дворянская линия, Большая Дворянская улица, Малая Дворянская улица, Третья Дворянская улица, Старая Московская улица, Новая Московская улица, Средняя Московская улица и др. [3; с. 61–63].

Ведущая роль в изучении воронежской топонимии, в том числе и урбанонимии, принадлежит ученым Воронежской ономастической школы (научный руководитель – профессор Г. Ф. Ковалев), деятельность которых рассматривается в исследованиях С. А. Скуридиной [4] и С. А. Попова [5]. Современные исследователи изучают названия улиц Воронежа и других населенных пунктов Воронежского края [6, с. 308–321; 7; 8]; «ушедшие» воронежские топонимы, в том числе и названия улиц (по данным региональных средств массовой информации) [9]; воронежские названия улиц, данные в память о Великой Отечественной войне [10]; лингвистами также рассматриваются и городские хоронимы – названия слобод города Борисоглебска [11], характеризуются годонимы сёл и посёлков Воронежской области, в том числе и в сопоставлении с названиями улиц Богучара и Бутурлиновки [12].

Трехтомный «Словарь микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалева, включающий в общей сложности более полутора тысяч страниц [13], содержит и описание значительного числа урбанонимов Воронежского края в их связи с местными названиями (первоначальными, народными названиями, микротопонимами), составляя на данный момент обширнейший свод топографических номинаций Воронежского края. Зачастую словарная статья включает и информацию о переименованиях улицы [см., например: 13-1, с. 382 и др.].

В книге «Топонимия Воронежского края» С.А. Попова, Т.Ф. Пуховой, Е.А. Грибоедовой также рассматриваются отдельные урбанонимы Воронежской области как источники образования ойконимов [см.: 14; с. 34, 156, 164 и др.]. История названий улиц Борисоглебска подробно охарактеризована в книге Н.И. Улитиной [15].

При всем многообразии лингвистических исследований вопрос о тенденциях переименования борисоглебских внутригородских географических объектов специально не рассматривался. В данной статье предпринята попытка заполнить обозначенную лакуну, поэтому предметом исследования являются основные тенденции переименования улиц и переулков Борисоглебска в аспекте отражения ими истории и культуры страны, края, города. В работе использовались описательный, сравнительно-сопоставительный методы и элементы стратиграфического метода.

Ранее нами уже были охарактеризованы «волны» переименований улиц города Борисоглебска Воронежской области (история переименований улиц по годам) [16; с. 75–77], в данной работе продолжается изучение переименований линейных географических объектов Борисоглебска, определяются основные тенденции переименований урбанонимов – годонимов (годоним – «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [1; с. 52]).

Борисоглебские урбанонимы сохраняют память о людях, событиях прошлого, отражая часть языковой картины мира того периода времени, когда эти названия были даны, ср. : «внутригородской урбанонимикон способен консервировать языковые архаизмы, отражая языковую картину мира, которая является более архаичной по сравнению с современной языковой картиной мира» [17; с. 115]. Рассмотрим тенденции переименования урбанонимов Борисоглебска.

В ноябре 1918 года состоялся первый этап переименований улиц Борисоглебска, который был связан с первой годовщиной Октябрьской революции 1917 года. Вот как об этом пишет Н.И. Улитина: «Первый большой список переименованных улиц был обнародован в местной газете «Известия» 12 ноября 1918 года. Тогда-то и появились улицы Свободы, Советская, Первомайская, Ленинская, Карла Маркса, Пролетарская, Народная и другие» [15; с. 9]. Здесь отражается *идеологическая* тенденция переименования (связана с изменением названий улиц в честь изменившейся идеологии, с появлением новой формы управления государством – советской власти (власти Советов народных депутатов)).

В Воронеже в 1918 году также прошла волна переименований улиц. Профессор Г.Ф. Ковалев отмечает: «И в Воронеже не обошлось без именных изменений – были переименованы многие улицы. Газета, в которой 30 августа 1918 года было объявлено о решении Советов переименовать улицы г. Воронежа, называлась «Воронежский красный листок» (интересно, какого же цвета была бумага?) Именно поэтому в нашем городе масса названий, связанных с именем В.И. Ленина» [6; с. 273]. Далее ученый рассуждает: «К чему это приводит? Как ни странно, в противоположность желаемому, именование одними и теми же фамилиями разных улиц разных городов и сел привело к их обезличиванию и практически к полубезымянности» [6; с. 273].

В 1936 году переименование улиц Борисоглебска было обусловлено некоторыми административно-территориальными изменениями: к городу стали относиться Станичная и Солдатская слободы, в результате названия некоторых географических объектов совпали. Улицы получили новые названия в честь Героев Советского Союза легендарных военных летчиков Н.П. Каманина и В.П. Чкалова, также появились улицы Седьмого ноября, Восьмого съезда и др. Здесь тенденции переименования *утилитарно-административная, меморативная и идеологическая*.

Имена Н.П. Каманина и В.П. Чкалова особенно чтимы в Борисоглебске. В честь Н.П. Каманина были названы улица (1936), которая в 1957 году была переименована, переулок, в 1957 году был переименован. Основание переименования находим в документах отдела архитектуры администрации в Борисоглебске: по решению исполкома Борисоглебского горсовета депутатов трудящихся Воронежской области от 04.11.1957 года «произвести переименование улиц и переулков г.Борисоглебска, названных именами ныне здравствующих общественных и государственных деятелей» [18; с. 2–3].

Имя В.П. Чкалова было присвоено Борисоглебскому училищу летчиков (1938), улице (1936, 1983), скверу (1945), переулку (1957), проезду (1957), тупику (в 1964 проезд Чкалова, тупик Чкалова и улица Суворова были названы улицей Суворова, а еще ранее, в 1963 году улица 2-Чкалова была переименована в улицу Суворова [18; с. 6]).

Переименования улиц Борисоглебска в 1945 году были связаны с юбилеем города и увековечиванием памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне: так возникли названия улиц Победы (переименована улица Дровяная) и Юбилейная (переименована улица Базарная). Данную тенденцию переименования улиц можно назвать *меморативной*.

Переименование годонимов 1963 года произошло с целью устранения одинаковых номинаций: многие улицы и переулки Борисоглебска имели так называемые «двойные» или даже «тройные» названия, ср.: 2-Гражданская улица, 3-й проезд металлистов, 3-й Октябрьский переулок, 3-й переулок Свободы, 4-й Северный переулок и др.

Новые названия улиц и переулков были даны в честь особо выдающихся государственных деятелей и земляков: Героя Советского Союза Ю.А. Гагарина; А.П. Рябушкина, известного художника; дважды Героя Советского Союза А.Н. Прохорова; М.И. Неделина, Героя Советского Союза, Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения, Главного маршала артиллерии; писателя В.П. Суворовкина (литературный псевдоним В. Кин) и др. В переименовании урбанонимов в данный период времени отразились две тенденции: *утилитарно-административная* и *меморативная*.

Переименования графических объектов в 1965 году стали основанием для появления названий улиц и переулков, данных в честь воинов-земляков – Героев Советского Союза Г.А. Печковского, В.А. Середина, В.Н. Пешкова. Становится понятным, что переименования географических объектов отражают *меморативную* тенденцию.

Переименования улиц 1975 и 1977 годов были обусловлены укрупнением линейных географических объектов: несколько небольших улиц объединялись в одну, которая получала одно из функционировавших названий, что отражает *утилитарно-административную* тенденцию переименования.

В 70-х–80-х гг. XX века переименования были связаны как с целью укрепления межгосударственных отношений Советского Союза и Чехословакии (переименование улицы Проезжей в Бланскую (в честь города Бланско)), так и с целью сохранения памяти о Великой Отечественной войне (улицу Выгонную переименовали в улицу 217 Стрелковой дивизии), о Герое Советского Союза В.П. Чкалове (в 1983 году улица Восточная по ходатайству командования Борисоглебского авиационного ордена Ленина Краснознаменного училища летчиков имени В. П. Чкалова и ответственности города была переименована в улицу имени В. П. Чкалова [18; с. 13]). Выделим здесь следующие тенденции переименования: *интернациональную* и *меморативную*.

Рассмотренные названия улиц и переулков Борисоглебска, подвергшиеся переименованиям, представляют собой микрофрагмент языковой картины мира, отражающий историко-культурные представления борисоглебцев. Внутригородские названия, названия городов отражают историю и культуру их населения [6; с. 275].

Отметим следующие характерные особенности процессов переименования урбанонимов в Борисоглебске: 1) переименование внутригородских топографических объектов непосредственно связано с историей и культурой страны, края, города; 2) изменения названий обусловлены такими основными причинами: переименование улиц и переулков, данных в честь здравствующих общественных и государственных деятелей; переименование улиц и переулков, имеющих одинаковые, «двойные» или «тройные» названия; переименование улиц и переулков в связи с соединением нескольких улиц в одну; переименования улиц и переулков «в связи с 20-летием Победы над фашистской Германией и с целью увековечивания памяти Героев Советского Союза-борисоглебцев» [18; с. 7–8]; 3) основными историческими факторами, повлиявшими на переименование географических объектов в Борисоглебске, являются Октябрьская революция 1917 года, Великая Отечественная война.

На основании анализа причин переименования урбанонимов в городе Борисоглебске Воронежской области за период с 1918 года по настоящее время были установлены следующие тенденции переименования географических объектов, связанные с историей и культурой страны, региона: *идеологическая*, *утилитарно-административная*, *меморативная*, *интернациональная*.

Переименования географических объектов следуют логике исторического, культурного и социокультурного развития страны и края, отражают важные события, знаменательные даты, сохраняют память о людях, внесших значительный вклад в развитие страны и своего региона.

Библиографический список

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
2. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. №2. С. 115–125.
3. Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж: типография Губернского правления, 1800. 228 с.
4. Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3 (17). С. 41–46.
5. Попов С.А. Топонимические исследования в трудах Воронежской ономастической школы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. №2 (49). С.134–141.
6. Ковалев Г. Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.
7. Ковалев Г. Ф. Почему *план* не *плант* // Педагогическое регионоведение. 2016. 1(9). С.20–26.
8. Ковалев Г. Ф. Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...// Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климовой, В.И. Супруна. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 338–342.
9. Попов С. А. Освещение проблемы исчезнувших ойконимов на страницах Петропавловской районной газеты «Родное Придонье» Воронежской области //Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. №2 (53). С.19–23.
10. Попов С.А. Память о Великой Отечественной войне в названиях улиц населённых пунктов Воронежской области // Ономастика Поволжья. Материалы XXI Международной научной конференции. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2023. С. 204–208.
11. Апальков Ю.А., Филатова В.Ф. Слободы Борисоглебска // Педагогическое регионоведение. 2022. 1 (19). С.4-20.
12. Кривова Н.И. Экспрессивный потенциал топонимов сельских поселений и пгт Воронежской области // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2018. №28. С. 30–34.
13. Ковалев Г.Ф. Словарь микропонимов Воронежской области: в 3-х т. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. Т.1: А–Й. 526 с.; Т.2: К–О. 535 с.; Т.3: П–Я. 582 с.
14. Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с.
15. Улитина Н. И. Биография борисоглебских улиц. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1977. 73 с.
16. Верховых Л.Н. Из истории переименований улиц города Борисоглебска Воронежской области // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы Научной сессии 2020 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». Москва: «Перо», 2020. С.75–77.
17. Щербак А.С. Сферы урбанонимического пространства // Вестник Калмыцкого университета. 2017. №36(4). С. 114–121.
18. Справка о названии улиц и иных территорий планировочной структуры г. Борисоглебска Борисоглебского городского округа Воронежской области. Выдана Л.Н. Верховых

вых 11.03.2020 г. отделом архитектуры администрации Борисоглебского городского округа Воронежской области. 22 с.

References

1. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow: Nauka, 1988. 192 p.
2. Madieva G.B., Suprun V.I. The system of modern Russian urbanonymic terminology // Questions of onomastics. 2017. Vol. 14. No. 2. Pp. 115–125.
3. Bolkhovitinov E.A. Historical, geographical, and economic description of the Voronezh province. Voronezh: Printing House of the Provincial Government, 1800. 228 p.
4. Skuridina S.A. Modern onomastic schools: from Voronezh to Irkutsk // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2015. No. 3 (17). P. 41–46.
5. Popov S. A. Toponymic studies in the works of the Voronezh onomastic school // Actual issues of modern philology and journalism. 2023. No. 2 (49). P. 134–141.
6. Kovalev G. F. Selected. Ethnonymics. Voronezh linguoregional studies. Miscellaneous. Voronezh: Publishing and printing center "Scientific book", 2014. 440 p.
7. Kovalev G. F. Why a plan is not a plant // Pedagogical regional studies. 2016. 1 (9). P. 20–26.
8. Kovalev G. F. I will walk along Abrikosovaya, turn onto Vinogradnaya... // Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the XV International Scientific Conference (Arzamas, September 13-16, 2016) / Ed. by L. A. Klimkova, V. I. Suprun. Arzamas - Sarov: Interkontakt, 2016. Pp. 338-342.
9. Popov S. A. Coverage of the problem of disappeared oikononyms on the pages of the Petropavlovsk regional newspaper "Rodnoye Pridonye" of the Voronezh region // Current issues of modern philology and journalism. 2024. No. 2 (53). Pp. 19-23.
10. Popov S. A. Memory of the Great Patriotic War in the names of streets of settlements in the Voronezh region // Onomastics of the Volga Region. Proceedings of the XXI International Scientific Conference. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2023. Pp. 204–208.
11. Apalkov Yu.A., Filatova V.F. Settlements of Borisoglebsk // Pedagogical regional studies. 2022. 1 (19). Pp. 4–20.
12. Krivova N.I. Expressive potential of hodonyms of rural settlements and urban-type settlements of the Voronezh region // Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language in universities and schools. 2018. No. 28. Pp. 30–34.
13. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: in 3 volumes. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2023. Vol. 1: A–Y. 526 p.; V.2: K – O. 535 p.; V.3: P – Ya. 582 p.
14. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboyedova E.A. Toponymy of the Voronezh Region. Voronezh: Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2018. 336 p.
15. Ulitina N.I. Biography of Borisoglebsk Streets. Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1977. 73 p.
16. Verkhovykh L.N. From the History of Renaming Streets in the City of Borisoglebsk, Voronezh Region // Actual Issues of Modern Science and Education: Proceedings of the 2020 Scientific Session of the Borisoglebsk Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Voronezh State University". Moscow: "Pero", 2020. Pp.75–77.
17. Shcherbak A.S. Spheres of urbanonymic space // Bulletin of Kalmyk University. 2017. No. 36 (4). P. 114–121.
18. Certificate on the names of streets and other territories of the planning structure of the city of Borisoglebsk, Borisoglebsk urban district, Voronezh region. Issued by L.N. Verkhovykh on 11.03.2020 by the architecture department of the administration of the Borisoglebsk urban district of the Voronezh region. 22 p.

УДК 811.16 / 811.161.3

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.014

*Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы,
Национальная академия наук Беларуси
кандидат филологических наук,
доцент Н.А. Снигирёва
Беларусь, г. Минск
E-mail: nataliasnigiriova@gmail.com*

*Belarusian Culture, Language and Literature
Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus
Ph., associate professor
N.A. Snigiriova
Belarus, Minsk
E-mail: nataliasnigiriova@gmail.com*

Н.А. Снигирёва

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАИМЕНОВАНИЙ КОНТАКТНЫХ ЗОН В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Метафизическая многогранность и чрезвычайная семиотичность феномена пограничья делают его достаточно сложным предметом описания. Для славянской лингвокультурологии особенно актуальной остаётся проблема вариативности названий сопредельных территорий в современном белорусском языке. Задача уточнения семантико-прагматического потенциала данных пространственных наименований имеет особое значение для лексикографической практики. В статье предпринята попытка осмысления причин появления в белорусской языковой стихии номинативного разнообразия при обозначении контактных зон с учетом особенностей выражения и конкретизации экзистенциального содержания понятия пограничье в ряде отдельных локативов. Не исключено, что появление альтернативных определений пограничья в языке связано со стремлением белорусов назвать более точным и ёмким словом место своего присутствия относительно других людей и объектов, самоидентификацией. Анализ представленного материала позволяет прийти к выводу о том, что многомерность пространства пограничья выражается в белорусском языке оригинальной вариативностью словных номинаций, наделённых ценностно-символическим смыслом. Несмотря на то, что в контексте реального использования они могут быть взаимозаменяемыми, считать их полными эквивалентами, видимо, нельзя. Изучение этимологической наполненности, механизмов образования и параллельного функционирования таких локативов представляет эвристическую значимость не только для лингвистики, но и для интегративных исследований в гуманитаристике в целом. Описанные наименования контактных зон занимают значительное место в формировании структуры этнопространства и, безусловно, обогащают национальную картину мировосприятия, создавая отличный психоментальный образ мира, который включает систему координат пограничья, утверждённую в языковом сознании.

Ключевые слова: феномен пограничья, контактная зона, пространственные категории, вариативность, наименование, контекст.

N.A. Snigiriova

LINGUOCULTUROLOGICAL ORIGINALITY OF THE NAMES OF CONTACT ZONES IN THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE

The metaphysical versatility and extreme semiotic nature of the borderland phenomenon make it a rather complex subject of description. The problem of variability of names of adjacent territories in the modern Belarusian language remains particularly relevant for Slavic linguacultural studies. The task of clarifying the semantic-pragmatic potential of these spatial names is of particular importance for lexicographic practice. The article attempts to understand the reasons for the emergence of nominative diversity in the Belarusian linguistic environment when designating contact zones, taking into account the peculiarities of expression and specification of the existential content of the concept of borderland in a number of some locatives. It is possible that the emergence of alternative definitions of borderland in the language is connected with the desire of Belarusians to use a more precise and capacious word to describe the place of their presence relative to other people and objects, self-identification. The analysis of the presented material allows us to conclude that the multidimensionality of the borderland space is expressed in the Belarusian language by the orig-

inal variability of word nominations endowed with value-symbolic meaning. Despite the fact that in the context of real use they can be interchangeable, they apparently cannot be considered complete equivalents. The study of the etymological content, mechanisms of formation and parallel functioning of such locatives is of heuristic importance not only for linguistics, but also for integrative research in the humanities in general. The described names of contact zones occupy a significant place in the formation of the structure of the ethnospace and, undoubtedly, enrich the national picture of worldview, creating a distinctive psychomental image of the world, which includes a system of border coordinates, established in linguistic consciousness.

Key words: borderland phenomenon, contact zone, spatial categories, variability, name, context.

В современном научном дискурсе тема границы и пограничья остаётся референтной, что подтверждается неизменно высоким методологическим интересом к междисциплинарному постижению их феноменальности. Экзистенциальные проекции пограничья превращаются в популярный объект изучения социальных и гуманитарных дисциплин – культурологии, социологии, философии, психологии, истории и некоторых других. Эвристический потенциал пограничья актуализируется и в социолингвистике, а также в исследованиях, посвященных рассмотрению языкового пространства сквозь призму его территориальной дифференциации.

На сегодняшний день понятийное содержание пространственной категории пограничье как многопланового явления реализуется в белорусском языке в следующих словах: *сумежжа, памежжа, прымежжа, паўмежжа, паўмежжа, узмежжа, перамежжа, абмежжа, парубежжа, пагранічча, прыгранічча...* Богатый спектр наименований пограничья создаёт проблемное поле для дискуссии относительно тождественности их значений, однако можно полагать, что полифонизм номинаций не только подчёркивает уникальность явления белорусского этноязыкового пограничья, но и передаёт, раскрывает сущность этого феномена – в особой вариативности находит отражение специфика его конкретизации [1; с. 38].

В целях более глубокого осмысления семантико-прагматического диапазона данных локативов необходимо охарактеризовать особенность их семантической структуры, определив составляющие, которые представляют смысловой объём, и проследить использование на примере зафиксированных контекстов. Осуществление поставленных задач позволит понять причины наличия значительного количества разнообразных названий пограничья в белорусской языковой стихии и утверждения его отдельных наименований в качестве доминант, что обуславливает актуальность выделенной исследовательской проблемы. Согласно мнению А. Морозовой, «синхронно параллельные лексические эквиваленты – живая и неотъемлемая черта любого современного языка. Подход к языковому материалу с позиций теории вариантности, углубленное изучение языковой вариантности перспективно для решения многих общетеоретических и частных проблем современного языкознания, связанных главным образом с лексикографической практикой» [2; с. 85].

Лексические единицы *сумежжа, пагранічча, прыгранічча, узмежжа, парубежжа* кодифицированы толковыми словарями белорусского языка. Не регистрируются лексикографическими справочниками слова *прымежжа, паўмежжа, паўмежжа, перамежжа, абмежжа*. Наименование *памежжа* отмечается в переводных словарях. Обобщённая информация о количестве употреблений упомянутых выше гипотетических аналогов в современном белорусском языке, собранная на основе запросов в онлайн-поисковых системах и других ресурсах, свидетельствует (по состоянию на 2024 г.) следующее: *памежжа* – 89355 примеров использования, *сумежжа* – 18256, *пагранічча* – 11170, *прыгранічча* – 2808, *узмежжа* – 1156, *прымежжа* – 653, *парубежжа* – 282, *паўмежжа* – 169, *абмежжа* – 11, *перамежжа* – 4, *паўмежжа* – 1.

На основе результатов поиска имеющихся фиксаций – в текстах художественного, публицистического (эссеистика и современные сми, интернет-ресурсы), научного и научно-популярного содержания (статьи, учебники, пособия из различных предметных областей знаний) – необходимо констатировать, что наиболее востребованным локативом среди перечисленных является *памежжа*, который выявляет максимальное количество примеров словоформ и почти в пять раз превышает статистические показатели распространённости слова *сумежжа*, реестрового для «Толкового словаря белорусского языка» (ТСБЯ) [3]. Лексема *прымежжа* демонстрирует достаточную

востребованность в языке. Значительно менее активно употребляются названия *парубежжа* и *паўмежжа*. К числу sporadических относятся номинации *абмежжа*, *перамежжа*, *паўмежжа*.

Локативы, обозначая местонахождение одного объекта или предмета относительно другого, в сущности являются импликацией восприятия и отношения. Территории, которые находятся *возле / вдоль / около / по обе стороны от... границы / при / на границе*, могут интерпретироваться носителями белорусского языка как «сумежныя» (сумежжа), «памежныя» (памежжа), «паўмежныя» (паўмежжа / паўмежжа), «прымежныя» (прымежжа), «пагранічныя» (пагранічча), «парубежныя» (парубежжа) и др. Анализ содержательности рассматриваемых языковых единиц показывает, что они являются производными словами, значение которых мотивируется представлениями о пространстве и соотносится с понятиями *мяжа* 'межа', *граніца* 'граница', *рубеш* 'рубеж'. В частности, производной базой для лексем *сумежжа*, *памежжа*, *прымежжа*, *паўмежжа*, *паўмежжа*, *перамежжа*, *умежжа*, *абмежжа*, которые имеют системный характер образования и отражают закономерность определений пространственной смежности, нахождения в непосредственной близости от чего-нибудь, следует признать основу существительного *мяжа*, семантика которого синтезировала в себе утверждённое в традиционной культуре осознание, проецирование и выражение разнообразных смыслов и их оттенков: 'узкая палоска неўзаранай зямлі паміж двума палеткамі' ('узкая полоска невспаханной земли между двумя участками'); 'прыродная або ўмоўная лінія падзелу паміж асобнымі ўчасткамі, уладаннямі' ('природная или условная разделительная линия между отдельными участками, владениями'); 'пагранічная лінія паміж сумежнымі дзяржавамі; граніца' ('пограничная линия между сопредельными государствами; граница'); 'аб чым-н., што дзеліць, аддзяляе адно ад другога' ('о чем-л., что разделяет, отделяет одно от другого'); 'норма, рубеш чаго-н. дазволенага, магчымага' ('норма, рубеш чего-л. разрешённого, возможного') [3]. Отметим, что в словарях отдельные дефиниции реестровых слов *мяжа*, *граніца*, *рубеш* построены на взаимных отсылках к вариантным наименованиям, сравн.: *граніца* 'природная або ўмоўная лінія, якая раздзяляе два сумежныя ўчасткі зямлі, дзве адміністрацыйна-тэрытарыяльныя адзінкі і пад.; мяжа' ('природная или условная линия, которая разделяет два смежные участка земли, две административно-территориальные единицы и под.; межа'); 'мера дазволенага; край, рубеш' ('мера дозволенного; край, рубеш'); *рубеш* 'граніца паміж чым-н., мяжа чаго-н.' ('граница между чем-л., межа чего-л. '); 'вышэйшая, крайняя ступень чаго-н.; мяжа' ('высшая, крайняя степень чего-л.; граница'); 'мяжа чаго-небудзь або паміж чым-небудзь' ('граница чего-либо или между чем-л. '); 'дзяржаўная мяжа' ('государственная граница') [3].

Очевидно, что в белорусском языке воплощение архетипа пограничья в многочисленных контактных локативах (*сумежжа*, *памежжа*, *прымежжа*, *паўмежжа*, *паўмежжа*, *перамежжа*, *умежжа*, *абмежжа*) детерминировано судьбой слова «мяжа» ('межа' (между земельными участками); 'граница, рубеш' (между государствами); (тех.) предел; (перен.) 'черта; грань; рамки, границы) [4], которое на протяжении долгого времени находится в центре внимания научного и культурного сообщества. Чтобы рассуждать о сущности пограничья, нельзя не принимать во внимание сущность границы как пространственной и темпоральной категории. В традиционном понимании, обусловленном географическими факторами, категориальный дуализм границы заключается в ее основных функциях – барьерной и контактной, возможностях отграничивать, разграничивать, отделять и сталкивать, соединять. Граница в процессе взаимодействия двух своих сторон – внешней и внутренней – естественным образом трансформируется в пограничье. Как системное двустороннее образование она может моделироваться на уровне координат пограничья в зависимости от контекста тех или иных обстоятельств и логики конкретной ситуации, приоритета субъективно выбранного способа структурирования знаний о пространстве. В свою очередь моделирование пограничья осложнено разнообразием и множественностью причинно-следственных связей, их транскультурностью [1; с. 39]. Исследовательская рецепция пограничья выявляет попытки детализации наименования и закономерной концептуализации его функциональных аналогов. Рассмотрим некоторые

отличительные способы реализации категории пограничья в белорусской языковой стихии с учетом репрезентации соответствующих локативов в лексикографических источниках и употребления в различных контекстах.

Так, в группе кодифицированных в ТСБЯ лексем **сумежжа** выделяется наибольшим количеством употреблений; имеет значение ‘паласа, тэрыторыя, якая мяжуецца з чым-н.’ (‘полоса, территория, граничащая с чем-л.’) и маркирована стилистической пометой «разговорное» [3]. Несмотря на это, слово фиксируется в названиях научных работ, в том числе языковедческих и культурологических (“*Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над’ясельдзя): фанетыка і марфалогія*” [5]; “*Заходнебеларускае мястэчка як асяродак беларуска-польскага культурнага сумежжа*” [6]); широко представлено в научно-популярных текстах и публицистике (“*У 9–12 ст. гэты рэгіён быў сумежжам плямён севяран, радзімічаў і вяцічаў...*” [7]); присутствует в художественных произведениях и сми (“*...Гаўрыла глыбей адчуў сакрэты захопленасці Мікеланджэла ўсімі абсягамі і відамі мастацтваў, ды не аднаго Мікеланджэла, усёй эпохі Адраджэння, дзе таленты і геніі жылі не ў нейкім адным, сваім мастацтве – ва ўсіх сумежжах*” [8], “*Цяпер гэта мяжа ці, дакладней, **сумежжа** з іншымі дзяржавамі...*” [9]).

Языковая единица **пагранічча** ‘месца, зона, раён на граніцы’ (‘место, зона, район на границе’) [3], реестровая в ТСБЯ, довольно часто встречается в творчестве классиков белорусской литературы: Я. Купалы (“*На **паграніччы** ценем-зданню Снуецца з кута ў кут трывога... На **паграніччы** вечнай вежай Красуе памяць аб мінулым...*”) [10], Я. Коласа (“*Замерла чуйна **пагранічча**, Трывогу тоячы ў цішы*” [11], “*Лейтэнант загадаў аднаму **пагранічніку** ехаць конна побач **пагранічча**, а потым узяць улева і ехаць на пэўнае месца*”) [12], Я. Брыля (“*У штабе атрада мне паказалі адзін з іматлікіх дакументаў мужнасці. Два лісточкі паперы, на якіх формай рапарта начальніка заставы коратка і суха гаварылася аб змаганні і смерці васьмнаццаці герояў **пагранічча***”) [3]. Наименование **пагранічча** применяется в официально-деловом, научном и публицистическом стилях (“*Назіранні над гідраніміяй беластоцка-гродзенскага **пагранічча***” [13], “*Канцы какошын нярэдка аздаблялі разьбой, што надавала ім выгляд курыных галоў. Былі пашыраны на ўсёй Беларусі, найбольш на **паграніччы** Гомельскай і Мінскай абласцей*” [14], “*Мена ё > у з’яўляецца характэрнай на балта-славянскім **паграніччы***” [3], “*Паляванне ў Максіма Танка – цэлая краіна. Яна размясцілася недзе на **паграніччы** паміж явай і казкай*” [15; с. 58], “*Правільна наводзьце сябе ў **паграніччы***” [16]), иногда рядом с другими потенциальными аналогами (“*Дык дзе ж тады знайсці такое лютэрка, у якім удачна спалучаліся б аб’ектыўнасць гістарычнага дакумента і суб’ектыўнасць мастацкага твора? Відаць, толькі на іх **сумежжы, паграніччы***” [17]). Заметим, что лексема **пагранічча** используется в названии фундаментального лексикографического труда “*Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе **пагранічча***” [18], что может свидетельствовать о лингвистически обоснованном выборе слова среди гипотетических вариантов (ср.: **сумежжа**, **памежжа** и др. в заголовках статей и монографий).

В свою очередь имеющийся в реестре ТСБЯ локатив **прыгранічча** со значением ‘прыгранічная тэрыторыя, зона’ ‘Белорусско-русским словарём’ переводится как ‘приграничная территория’ [3], что указывает на непосредственное калькирование. Номинативная единица отмечается в языке художественных произведений, в отдельных научных работах, официальных документах и сообщениях, но наибольшее распространение получила в СМИ (“*Тут было **прыгранічча**, мяжа з Польшчай, і дзясятку вясковых сем’яў было загадана выселіцца*” [3], “*Жыццё ў **прыграніччы** ... накладвае свой адбітак на людзей, вучыць іх дзяржаць вуха востра і зорка глядзець навокал*” [12], “*У артыкуле разглядаюцца агульныя рысы культурнага архетыпа беларуска-расійскае **прыгранічча***” [19, с. 102], “*Жыхары **прыгранічча** дапамаглі затрымаць парушальніка з Турцыі*” [20], “*Форум маладых лідараў **прыгранічча** Беларусі і Расіі, прысвечаны Дню аднавання народаў дзвюх краін, прайшоў у Дубровенскім раёне*” [21], “*Верхнядзвінскі раён знаходзіцца ў **прыграніччы**, і ўсе старшыні сельсаветаў адзначаюць, што імат жыхароў Літвы, Латвіі, Расіі прыезджае наведваць беларускія магазіны, паглядзець на жыццё нашых людзей*” [22], “*Прыграніччу сам бог загадаў супрацоўнічаць*” [23]).

Семантика лексической единицы **парубежжа** раскрывается в ТСБЯ способом отсылки к слову **пагранічча** – ‘тое, што і пагранічча’ [3]. Примеры использования наименования **парубежжа** выявляются не только в художественной прозе (“*На ўсім стэпавым парубежжы Русь насытала земляныя валы, рабіла засекі з дрэў, ставіла сігнальныя вышкі*” [24]), достаточно распространена лексема **парубежжа** в научной и научно-популярной литературе (“*Часткай стратэгічнай задумы Вітаўта было пашырэньне татарскіх пасадаў як у цэнтры дзяржавы, так і на парубежжы...*” [25, с. 65], “*Дрысвяты з’яўляліся ўмацаваным пунктам паўночна-заходняга парубежжа Полацкага княства, мелі прыкметы гарадскога паселішча*” [26], “*Парубежжам XVI–XVII стст. датуюцца фрагменты квадратных і шасцігранных, выцягнутых па дзвюх паралельных гранях плітак з Мірскага замка...*” [27], “*Паселішчы, якія ўзніклі на зямельным парубежжы называліся Рубеж, Рубежы, Падрубeж*” [28; с. 319]).

Вместе с тем в современной белорусской языковой практике наблюдается большая относительно наименования **парубежжа** востребованность слова **прымежжа**, не зафиксированного академическими нормативными справочниками. Лексическая единица **прымежжа** иллюстрируется примерами употребления в произведениях художественной литературы и публицистики, представлена в научных источниках, активно используется журналистами (“*Жыў ён [дзед] да арышту на тэрыторыі савецкага прымежжа ў БССР паблізу мяжы*” [29], “*У выніку перамогі сербаў і венграў туркі на працягу некалькіх гадоў не вырашаліся атакаваць венгерскае прымежжа*” [30], “*Зьяртаецца ўвага на тое, што нелегальную міграцыю трэба разглядаць як адну з сур’ёзных перашкод на шляху падпісання пагаднення ... аб бязвізавым рэжыме і малым прымежжы...*” [31], “*Круглы стол прайшоў у рамках Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі “Каштоўнасці адзінай навукова-адукацыйнай прасторы прымежжа”*” [32], “*Падчас скайп-канферэнцыі калегі дзеляцца сваім вопытам работы, абмяркоўваюць надзённыя пытанні і шляхі супрацоўніцтва бібліятэк прымежжа...*” [33], “*Клінцы сабралі прымежжа: гамяльчане прынялі ўдзел у міжнародным фестывалі...*” [34], “*На час лістападаўскіх выхадных прымежжа перайшло на ўзмоцнены рэжым працы*” [23]). Основываясь на фактах территориальной целостности государственного устройства в прошлом, общей истории и традициях, некоторые исследователи предлагают называть «территорию на сегодняшней границе Беларуси и Польши» именно **прымежжа** – согласно такой точке зрения, **прымежжа** в отличие от **памежжа** размещается по обе стороны границы [35; с. 66].

На наш взгляд, слово **памежжа** характеризуется большей выразительностью термина. Название **памежжа** выделяется среди рассматриваемых потенциальных аналогов наивысшей частотностью употреблений и находит самое широкое применение во всех сферах функционирования современного белорусского языка: “*З узнікненнем Вялікага княства Літоўскага ён / горад / апынуўся на юры, на памежжы паміж княствам і Смаленскай зямлёй*” [36], “*Ала Фёдараўна сама любіла гарэць, але ж не на памежжы з хваробая...*” [37], “*На памежжы ночы й дня Вусьцішная цішыня...*” [38; с. 88], “*Ад беларускіх памежжаў цякуць у процілеглых кірунках рэкі*” [39], “*Сузор’е беларускага памежжа: беларусы і народжаныя ў Беларусі ў суседніх краінах: энцыклапедычны даведнік*” [40], “*Корпус аховы памежжа: стварэнне і пачатак дзейнасці ў 1924–1929 гадах (на прыкладзе Івянецкага гарнізона)*” [39], “*Сакральныя азёры Віцебска-Пскоўскага памежжа: сімвалічны статус у міфапаэтычнай карціне свету*” [42], “*Адбылася экспедыцыя беларускіх лінгвістаў на беларуска-польскае памежжа*” [43], “*Інстытут філасофіі сканцэнтраваны на ... больш грунтоўным даследаванні беларускай інтэлектуальнай традыцыі. Гэтая плынь спарадзіла такія інтэлектуальныя плыні як філасофію памежжа...*” [44], “*Удзельныя княствы Панямоння ... з’яўляліся памежжам, дзе балта-славянскія кантакты мелі характар і эканамічнага супрацоўніцтва, і ваеннага супрацьстаяння*” [45], “*Я люблю межы, люблю памежжа, ... парадоксы памежжа мне падабаюцца*” [46], “*На беларускім памежжы захавалі асаблівы роспіс велікодных яек*” [47], “*Не бойцеся памежжаў! Не бойцеся перыферыі, бо там да вас будзе прамаўляць Дух*”, – *заахвоіў Францішак*” [48]. Однако, слово **памежжа** не введено в толковые словари белорусского

языка, а в переводных выступает соответствием лексем *сумежжа* и *пагранічча* [3]. В известной степени эта ситуация является иррациональной и требует дальнейшего усовершенствования лексикографических источников.

Анализ представленного материала позволяет прийти к выводу о том, что многомерность пространства пограничья выражается в белорусском языке оригинальной вариативностью словных номинаций, наделённых ценностно-символическим смыслом. Несмотря на то, что в контексте реального использования они могут быть взаимозаменяемыми, считать их полными эквивалентами, видимо, нельзя: слово *сумежжа* коррелирует в первую очередь с конвергенцией, общими характерными чертами, сосуществованием рядом, соотносится с единением, а слова *памежжа*, *пагранічча*, *парубежжа* – с дивергенцией, обособлением и отличиями. Кроме того, в ином ракурсе видения пограничье не является периферией и может оцениваться как некая динамическая целостность. Одним из наиболее существенных признаков универсума пограничья кажется неопределённость его положения «между», в условиях которого в зоне контактов рождаются импульсы для взаимодействия на основе не столько противостояния, сколько совместного существования и синтеза. Таким образом, динамика, заключённая в движении вдоль либо сквозь пространство вокруг границы, отражается в конкретизированных смысловых оттенках метких обозначений такой контактной зоны [1; с. 41]. Не исключено, что появление альтернативных наименований пограничья в языке связано со стремлением белорусов назвать более точным и ёмким словом место своего присутствия относительно других людей и объектов, поисками себя и самоидентификацией, принадлежностью к той или иной общности (ср. «Тутэйшыя» Я. Купалы, «Дзве души» М. Горечко и др.), балансированием между разнообразием культурных центров.

Очевидно, что увеличению количества гипотетических аналогов лексемы *сумежжа* 'пограничье' в белорусском языке и расширению сферы их использования способствует несколько факторов: среди внешних и наиболее значимых стимулов – развитие относительно новых научных дисциплин, к примеру, социологии и культурологии, а также возобновление интереса к философскому постижению феномена; внутренние же причины активизации понятия пограничья и его словного варьирования заключаются, как предполагается, в самом явлении и связаны с его возможностью актуализировать свой потенциал для многих систем.

Стоит подчеркнуть, что описанные наименования контактных зон занимают значительное место в формировании структуры этнопространства и, безусловно, обогащают национальную картину мировосприятия, создавая отличительный психоментальный образ мира, который включает систему координат пограничья, утверждённую в языковом сознании. Варьирование остаётся интенсивным процессом в современном белорусском языке, и независимо от выбора конкретного локатива для включения в терминологическую парадигму большую значимость для исследователей представляют сами номинации, осмысление их этимологической наполненности, механизмов образования и параллельного функционирования в языковой стихии.

Библиографический список

1. Снігірова Н.А. 3 перспектывы мяжы: варыятыўнасць найменняў кантактных зон // Роднае слова. 2024. № 7 (439). С. 38–41.
2. Марозава А.А. Лексічная варыянтнасць як тып моўнага вар'іравання // Беларуская лінгвістыка. 2014. Вып. 72. С. 79–86.
3. Verbum анлайнвы слоўнік. URL: <https://verbum.by> (дата обращения: 10.07.2024).
4. Slounik.org — беларускія слоўнікі і энцыклапедыі. URL: <https://slounik.org> (дата обращения: 26.07.2024).
5. Босак А.А. Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над'ясельдзя): фанетыка і марфалогія. Мінск: [б. в.], 2005. 94 с.
6. Рагойша В.П. Заходнебеларускае мястэчка як асяродак беларуска-польскага культурнага сумежжа. Мінск: Навука і тэхніка, 1984. 192 с.

7. Ліцвіны Севершчыны. URL: [https://be.wikipedia.org/wiki/ Ліцвіны_Севершчыны](https://be.wikipedia.org/wiki/Ліцвіны_Севершчыны) (дата обращения: 22.07.2024).
8. Карамазыў В. Чырвоная брама // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Viktar_Karamazau/Сьчвонаја_брама.html (дата обращения: 22.07.2024).
9. Давідовіч С. Развод па-славянску. Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Siarhieј_Davidovic/Razvod_pa-slaviansku.html (дата обращения: 22.07.2024).
10. Купала Я. На паграніччы // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Janka_Kupala/Na_pahraniccy.html (дата обращения: 22.07.2024).
11. Колас Я. Рыбакова хата // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Jakub_Kolas/Rybakova_chata.html (дата обращения: 22.07.2024).
12. Колас Я. Макарка Навак // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Jakub_Kolas/Makarka_Navak.html (дата обращения: 22.07.2024).
13. Цыхун Г.А. Назіранні над гідраніміяй беластоцка-гродзенскага пагранічча // Выбраныя працы: беларусістыка, славістыка, арэальная лінгвістыка. Мінск: РІВШ, 2012. С. 22–27.
14. Какошына. URL: <http://www.gants-region.info/index/kakoshyna/0-2150> (дата обращения: 12.07.2024).
15. Калеснік У.А. Зорны спеў. Літаратурныя партрэты, нарысы, эцюды. Мінск: Мастацкая літаратура, 1975. С. 58.
16. Міёрскія навіны. URL: <https://mijory.by/gramadstva/14011-pravilno-vedite-sebya-v-rograniche.html> (дата обращения: 12.07.2024).
17. Мальдзіс А.В. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі. URL: https://knihi.com/Adam_Maldzis/Jak_zyli_nasy_prodk_i_u_XVIII_stahoddzi.html (дата обращения: 12.07.2024).
18. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. 5 т.
19. Кулік С.П., Сайганав В.С. Беларуска-расійскае пагранічча: да праблемы агульных рыс культурнага архетыпа // Ценностныя арыентацыі і історычнае свядомасць насельніцтва беларуска-расійскага прыгранічча. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай заочнай канферэнцыі, Віцебск: ВГУ ім. П.М. Машэрава, 2017. С. 102–105.
20. Дзяржаўны пагранічны камітэт Рэспублікі Беларусь. Інфармацыйны партал. URL: <https://gpk.gov.by/naviny> (дата обращения: 12.01.2024).
21. Шумілінскі раённы выканаўчы камітэт. Інфармацыйны партал. URL: <http://shumilino.vitebsk-region.gov.by> (дата обращения: 11.01.2024).
22. Лёзненскі раённы выканаўчы камітэт. Інфармацыйны партал. URL: <http://www.liozno.vitebsk-region.gov.by> (дата обращения: 11.01.2024).
23. Белтэлерадыёкампанія. Інфармацыйны партал. URL: <https://www.tvr.by/bel/news> (дата обращения: 12.01.2024).
24. Дайнэка Л. След ваўкалака // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Leanid_Dajnieka/Sled_vaukalaka.html (дата обращения: 22.07.2024).
25. Лакотка А.А. Стала ім роднай зямля Беларуская... // Спадчына. 1991. № 3. С. 64–73.
26. Прыдзвінскі край: гісторыя і сучаснасць. URL: <http://pridvinie.vlib.by/index.php/naselenyypunkty/2350-drysvyaty-v-brasla-ski-rajon> (дата обращения: 12.01.2024).
27. Трусаў А.А. Графіка даўніх муроў. З гісторыі будаўнічай тэхнікі ў манументальным дойлідстве феадальнай Беларусі. URL: <http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/22922/Graf%D1%9Eka%20da%D1%9E%D1%9E%20muro%D1%9E.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 12.01.2024).
28. Лемцюгова В.П. Тапонімы распаўсюдаюць: навукова-папулярныя эцюды. Мінск: Літ. і мастацтва, 2008. 413 с.
29. Шыдлоўскі В. Рысы майго пакалення // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Viacaslau_Sydouski/Rysy_majho_pakalennia.html (дата обращения: 12.01.2024).

30. Вук Бранкавіч. URL: [https://be.wikipedia.org/wiki/Вук_Бранкавіч_\(дэспат\)](https://be.wikipedia.org/wiki/Вук_Бранкавіч_(дэспат)) (дата абрацця: 11.01.2024).
31. Кавалёнак Д.В. Дзейнасць мытных і памежных органаў у барацьбе супраць нелегальнай міграцыі на мяжы Беларусі і Еўрапейскага саюза. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/94147?mode=simple> (дата абрацця: 12.01.2024).
32. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Інфармацыйны партал. URL: <https://bsu.by/by/news/vykladchyki-fakulteta-zhurnalistyki-bdu-buduts-navuchats-studenta-rasiyskikh-vnu-d/> (дата абрацця: 12.01.2024).
33. Браслав online. Новости Браслава и Браславского района. Информационный портал. URL: <http://www.braslav-star.by/2019/09/16/> (дата абрацця: 12.01.2024).
34. Асташкевіч І. Клінцы сабралі прымежжа: [Фестываль «Славянскае адзінства – 2017 48-ы раз сабраў сяброў»] // Звязда. 2017. 29 чэрвеня. С. 3.
35. Канчэўская К. З досведу дыялектолага. Да пытання вывучэння гаворак беларуска-польскага памежжа // Acta Polono-Ruthenica XXII. 2017. S. 67–74.
36. Караткевіч У. Дыяментавы горад // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Uladzimir_Karatkievic/Dyjamentavy_horad.html (дата доступу – 12.01.2024).
37. Бязлепкіна С. Шазюбль, альбо проста гульня // Беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Sviatlana_Biazlepkina/Saziubl_albo_prosta_hulnia.html (дата доступу – 12.01.2024).
38. Мацяш Н. На памежжы ночы й дня. Вершы // Дзеяслоў: літаратурны альманах. 2005. № 1 (14). С. 88–91.
39. Васючэнка П. Беларус вачыма беларуса. Беларус міфалагізаваны, гістарычны, рэальны. URL: <https://дз.ею/pub/arche/html/2004-4/vasiucenka404.htm> (дата доступу – 11.01.2024).
40. Сузор’е беларускага памежжа: беларусы і народжаныя ў Беларусі ў суседніх краінах: энцыклапедычны даведнік. Мінск: Энцыклапедыкс, 2014. 588 с.
41. Доўнар А.М. Корпус аховы памежжа: стварэнне і пачатак дзейнасці ў 1924–1929 гадах (на прыкладзе Івянецкага гарнізона) // Гісторыя і грамадазнаўства. 2018. № 3. С. 39–43.
42. Лобач У.А. Сакральныя азёры Віцебска-Пскоўскага памежжа: сімвалічны статус у міфапаэтычнай карціне свету // Віаlorutenistyka bialostocka. 2016. Т. 8. С. 373–389.
43. Навука. Навуковая, вытворча-практычная газета Беларусі. URL: <https://nasb.gov.by/bel/news/7435/> (дата абрацця: 28.01.2024).
44. Гісторыя філасофскай думкі на Беларусі. URL: <https://www.wikidata.be-by> (дата абрацця: 12.01.2024).
45. Электронны дадатак для павышанага ўзроўню да вучэбнага дапаможніка «Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XVIII ст.». URL: <http://profil.adu.by/mod/book/view.php?id=762&chapterid=1226> (дата абрацця: 12.01.2024).
46. Культура. Штотыднёвая грамадска-асветніцкая газета. URL: <http://www.kimpress.by/index.phtml?page=2&id=18191> (дата абрацця: 12.01.2024).
47. Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/abyaregi-yak-pa-pisanym.html> (дата абрацця: 12.01.2024).
48. Vatican News. URL: <http://www.vaticannews.cn/be/papa/news/2021-05/franczishak-ne-bayaczcz-a-peryferyj-bo-tam-pramaulyae-duk.html> (дата абрацця: 10.01.2024).

References

1. Snigirova N.A. From the perspective of the border: the variability of names of contact zones // Native Word. 2024. Vol. 7 (439). P. 38–41.
2. Marozava A.A. Lexical variability as a type of linguistic variation // Belarusian Linguistics. 2014. Vol. 72. P. 79–86.
3. Verbum Online Dictionary. URL: <https://verbum.by> (date of application: 10.07.2024).
4. Slounik.org – Belarusian Dictionaries and Encyclopedias. URL: <https://slounik.org> (date of application: 26.07.2024).

5. Bosak A.A. Atlas of dialects of the Pruzhan district of the Brest region and its contiguous territories (Upper Nadiaseld): phonetics and morphology. Minsk, 2005. 94 p.
6. Ragoyscha V.P. A Western Belarusian town as a center of the Belarusian-Polish cultural borderland. Minsk, 1984. 192 p.
7. Litviny of Severshchyna. URL: [https://be.wikipedia.org/wiki/ Лицвіны_Севершчыны](https://be.wikipedia.org/wiki/Лицвіны_Севершчыны) (date of application: 22.07.2024).
8. Karamazau V. The red gate // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Viktar_Karamazau/Cyrvonaja_brama.html (date of application: 22.07.2024).
9. Davidovich S. Divorce in Slavic // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Siarhiej_Davidovic/Razvod_pa-slaviansku.html (date of application: 22.07.2024).
10. Kupala Y. At the borderland // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Janka_Kupala/Na_pahranicy.html (date of application: 22.07.2024).
11. Kolas Y. The fisherman's house // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Jakub_Kolas/Rybakova_chata.html (date of application: 22.07.2024).
12. Kolas Y. Makarka Navak // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Jakub_Kolas/Makarka_Navak.html (date of application: 22.07.2024).
13. Tsihun G.A. Observations on the hydronymy of the Bialystok-Hrodna borderland // Selected works: Belarusian studies, Slavic studies, areal linguistics. Minsk, 2012. P. 22–27.
14. Kakoshina. URL: <http://www.gants-region.info/index/kakoshyna/0-2150> (date of application: 12.07.2024).
15. Kalesnik U.A. Star singing. Literary portraits, essays, sketches. Minsk, 1975. 340 p.
16. Miyor news. URL: <https://mijory.by/gramadstva/14011-pravilno-vedite-sebya-v-pograniche.html> (date of application: 12.07.2024).
17. Maldzis A.V. How our ancestors lived in the 18th century. URL: https://knihi.com/Adam_Maldzis/Jak_zyli_nasy_prodku_u_XVIII_stahoddzi.html (date of application: 12.07.2024).
18. Dictionary of Belarusian dialects of north-western Belarus and its borderlands: in 5 vol. Minsk, 1979–1986.
19. Kulik S.P., Saiganova V.S. The Belarusian-Russian borderland: to the problem of common features of the cultural archetype // Value orientations and historical knowledge of the population of the Belarusian-Russian borderland. Materials of the international scientific and practical correspondence conference, Vitebsk, February 2nd, 2017. VSU named after P.M. Masherov. P. 102–105.
20. State Border Committee of the Republic of Belarus. Information portal. URL: <https://gpk.gov.by/naviny> (date of application: 12.01.2024).
21. Shumilina District Executive Committee. Information portal. URL: <http://shumilino.vitebsk-region.gov.by> (date of application: 11.01.2024).
22. Lozna District Executive Committee. Information portal. URL: <http://www.liozno.vitebsk-region.gov.by> (date of application: 11.01.2024).
23. Belteleradiocompany. Information portal. URL: <https://www.tvr.by/bel/news> (date of application: 12.01.2024).
24. Daineka L. The trail of the ghoul // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Leanid_Dajnieka/Sled_vaukalaka.html (date of application: 22.07.2024).
25. Lakotka A.A. Belarus became their native land... // Heritage. 1991. Vol. 3. P. 64–73.
26. Pridvin region: history and modernity. URL: <http://pridvinie.vlib.by/index.php/naselenyya-punkty/2350-drysvyaty-v-brasla-ski-rajon> (date of application: 12.01.2024).
27. Trusau A.A. Graphics of ancient walls. From the history of construction technology in the monumental construction of feudal Belarus. URL: <http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/22922/Graf%D1%96ka%20da%D1%9En%D1%96h%20muro%D1%9E.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (date of application: 12.01.2024).
28. Lemtiugova V.P. Toponyms tell: scientific and popular studies. Minsk, 2008. 413 p.

29. Shydousky V. Traits of my generation // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Viacaslau_Sydouski/Rysy_majho_pakalennia.html (date of application: 12.01.2024).
30. Vuk Brankavich. URL: [https://be.wikipedia.org/wiki/Вук_Бранкавіч_\(дэспат\)](https://be.wikipedia.org/wiki/Вук_Бранкавіч_(дэспат)) (date of application: 11.01.2024).
31. Kavalyonak D.V. Activities of customs and border authorities in the fight against illegal migration on the border of Belarus and the European Union. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/94147?mode=simple> (date of application: 12.01.2024).
32. Belarusian State University. Information portal. URL: <https://bsu.by/by/news/vykladchyki-fakulteta-zhurnalistyki-bdu-buduts-navuchats-studenta-rasiyskikh-vnu-d/> (date of application: 12.01.2024).
33. Braslav online. News of Braslav and Braslav district. Information portal. URL: <http://www.braslav-star.by/2019/09/16/> (date of application: 12.01.2024).
34. Astashkevich I. Klinty gathered the borderland: [Festival “Slavic unity – 2017 48th time gathered friends”] // The Star. 2017. June 29th. P. 3.
35. Konczewska K. From the experience of a dialectologist. To the study of dialects of the Belarusian-Polish borderlands // Acta Polono-Ruthenica XXII. 2017. P. 67–74.
36. Karatkevich U. Diamond city // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Uladzimir_Karatkievic/Dyjamientavy_horad.html (date of application: 12.01.2024).
37. Biazlepkina S. Chasuble, or just a game // Belarusian Electronic Library. URL: https://knihi.com/Sviatlana_Biazlepkina/Saziubl_albo_prosta_hulnia.html (date of application: 12.01.2024).
38. Matias N. On the borderland of night and day. Poems // Verb: a literary almanac. 2005. Vol. 1 (14). P. 88–91.
39. Vasyuchenka P. Belarusian through the eyes of a Belarusian. Belarusian is mythologized, historical, real. URL: <https://дз.ею/pub/arche/html/2004-4/vasiucenka404.htm> (date of application: 11.01.2024).
40. The constellation of the Belarusian borderland: Belarusians and people born in Belarus in neighboring countries: an encyclopedic guide. Minsk, 2014. 588 p.
41. Dounar A.M. Border guard corps: creation and beginning of activity in 1924–1929 (on the example of Ivyanets garrison) // History and social science. 2018. Vol. 3. P. 39–43.
42. Lobach U.A. Sacred lakes of Vitebsk-Pskov borderlands: symbolic status in mythical-poetic picture of the world // Bialystok Belorussian Studies. 2016. Vol. 8. P. 373–389.
43. Science. Scientific, production-practical newspaper of Belarus. URL: <https://nasb.gov.by/bel/news/7435/> (date of application: 28.01.2024).
44. History of philosophical thought in Belarus. URL: <https://www.wikidata.be-by> (date of application: 12.01.2024).
45. Electronic supplement for an advanced level to the textbook “History of Belarus from ancient times to the end of the 18th century”. URL: <http://profil.adu.by/mod/book/view.php?id=762&chapterid=1226> (date of application: 12.01.2024).
46. Culture. A weekly public and educational newspaper. URL: <http://www.kimpress.by/index.phtml?page=2&id=18191> (date of application: 12.01.2024).
47. Belarus today. URL: <https://www.sb.by/articles/abyaregi-yak-pa-pisanym.html> (date of application: 12.01.2024).
48. Vatican News. URL: <http://www.vaticannews.cn/be/papa/news/2021-05/franczishak-nebayaczca-peryferyj-bo-tam-pramaulyae-duk.html> (date of application: 10.01.2024).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81'362

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.015

Воронежский государственный педагогический университет

кандидат филологических наук,

ассистент кафедры

теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Молчанова В.А.

Россия, г. Воронеж,

тел.: +7 950-777-55-47

e-mail: zva0604@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

The chair of theory, history

and methods of teaching

Russian language and literature

PhD, assistant lecturer

Molchanova V.A.

Russia, Voronezh,

tel.: +7 950-777-55-47

e-mail: zva0604@yandex.ru

В.А. Молчанова

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ «КАК» / «СОММО», «СОММЕ» В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы QRPK-2024-0021))

Данная статья посвящена анализу структурных особенностей параллельных образных сравнений, под которыми понимаются устойчивые конструкции, построенные по одной грамматической модели, имеющие схожее или одинаковое лексическое значение в разных языках и отражающие специфические особенности какого-либо явления или его признака, в русском и французском языках и выявлению возможностей их использования на занятиях по русскому языку как иностранному. В работе приводится краткий обзор научных работ отечественных и зарубежных ученых в области изучения сравнительных конструкций с точки зрения различных аспектов лингвистической науки. Обосновывается актуальность настоящего исследования в контексте реализуемых международных образовательных проектов, направленных на продвижение русского языка и российской культуры, поддержанных Министерством просвещения РФ и ориентированных на страны франкофонной Африки. Выделяются наиболее частотные типы параллельных образных сравнений, в структуре которых обнаруживается отсылка к наименованиям животных, природных явлений, продуктов питания или указание на артефакты (бытовые предметы). Предлагается описание явления вариативности лексических компонентов в структуре исследуемых компаративных конструкций, подтверждающего наличие образной синонимии в русском и французском языках. Рассматриваются принципы, лежащие в основе русских и французских эквивалентных сравнений, такие, как сходство внутренних признаков сопоставляемых явлений, их внешнее подобие или аллегорическое сопоставление. Делается вывод о распространенности схожих моделей построения образных сравнений с компонентом «как» / «sommo», «somme» в русском и французском языках и важности их применения в образовательной практике при работе с франкофонной африканской аудиторией для повышения мотивации к изучению русского языка.

Ключевые слова: параллельные образные сравнения, русский язык, французский язык, русский язык как иностранный, структурные особенности, образная синонимия, эквивалентные сравнения.

V.A. Molchanova

**PARALLEL FIGURATIVE COMPARISONS WITH THE COMPONENT
"LIKE" / "COMMO", "COMME" IN THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES
AND THE POSSIBILITIES OF THEIR USE IN THE PRACTICE OF TEACHING RUS-
SIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

(The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education of the Russian Federation as part of the State Assignment in the field of science (topic number QRPK-2024-0021))

This article is devoted to the analysis of structural features of parallel figurative comparisons, which are understood as stable constructions built on the same grammatical model, having similar or identical lexical meaning in different languages and reflecting specific features of any phenomenon or its feature, in Russian and French and identifying the possibilities of their use in classes on Russian as a foreign language. The paper provides a brief overview of scientific works of domestic and foreign scientists in the field of studying comparative constructions from the point of view of various aspects of linguistic science. The relevance of this study is substantiated in the context of international educational projects aimed at promoting the Russian language and Russian culture, supported by the Ministry of Education of the Russian Federation and focused on the countries of Francophone Africa. The most frequent types of parallel figurative comparisons are identified, in the structure of which a reference to the names of animals, natural phenomena, food products or an indication of artifacts (household items) is found. The article offers a description of the phenomenon of variability of lexical components in the structure of the studied comparative constructions, confirming the presence of figurative synonymy in Russian and French. The principles underlying Russian and French equivalent comparisons are considered, such as the similarity of internal features of compared phenomena, their external similarity or allegorical comparison. A conclusion is made about the prevalence of similar models of constructing figurative comparisons with the component "like" / "commo", "comme" in Russian and French and the importance of their application in educational practice when working with a Francophone African audience to increase motivation for learning Russian.

Key words: parallel figurative comparisons, the Russian language, the French language, Russian as a foreign language, structural features, figurative synonymy, equivalent comparisons.

Как известно, сравнение «есть процесс отражения в человеческом сознании реальных отношений тождества, сходства и различия, существующих между предметами и явлениями объективной действительности» [1, с. 8]. Образное сравнение является стилистическим приемом, заключающимся в сопоставлении одного явления или предмета с другим с целью подчеркивания какого-либо признака [2, с. 5]. Под параллельными образными сравнениями мы понимаем устойчивые конструкции, построенные по одной грамматической модели, имеющие схожее или одинаковое лексическое значение в русском и французском языках и отражающие специфические особенности какого-либо явления или его признака.

Изучению сравнения как лингвистического явления посвящены работы таких исследователей, как Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, А. Вежбицкая, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и др. Анализу сравнительных конструкций в русском языке с точки зрения логико-лингвистического аспекта посвящены работы Г.В. Лыткиной, о способах выражения сравнений в русском языке пишет Чжан Цзинна, рассмотрению национально-специфических и структурно-семантических особенностей компаративных единиц в описании города посвящены работы Сунь Ивения и др. Национально-культурные и структурно-семантические особенности французских сравнений и способы их передачи на русский язык отражены в работах Ю.М. Анохиной, анализу адъективных сравнений с зооморфным компонентом во французском языке посвящены работы Л.В. Аминовой и др.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью рассмотрения структурных особенностей параллельных образных сравнений в русском и французском языках для понимания культурной специфики французского языка и анализа степени его схожести с особенностями русской системы образных средств. Данный аспект исследования представляется особенно важным, во-первых, для повышения эффективности процесса обучения русскому языку франкофонной африканской аудитории в рамках реализации международных проектов, курируемых Министерством просвещения РФ и направленных на продвижение русского языка, российской культуры и российского образования в странах Африки, во-вторых, для выявления перспективных научно-исследовательских направлений рабо-

ты в русскоязычной среде со студентами из франкофонной Африки и, в-третьих, для поиска общих языковых и культурных основ с целью ускоренной адаптации иностранных студентов в России.

Проанализировав структуру образных сравнений французского языка и сопоставив их с русскими эквивалентами, можно выделить следующие наиболее частотные типы параллельных образных сравнений:

1. Сравнения, содержащие в своей структуре наименование животного: *laborieux / diligent comme une abeille / une fourmi* (фр., рус. трудолюбивый как пчела / муравей); *libre comme un oiseau* (фр., рус. свободный как птица); *mechant comme un ane rouge / roux* (фр. злой как рыжий осел) / *mechant comme un coq* (фр. злой как петух) / *mechant comme un diable* (фр., рус. злой как черт) – злой как собака (рус.); *se retourner comme une carpe au gril* (фр. крутиться как карп на сковородке) – крутиться как уж на сковородке (рус.) [3;4].

В некоторых случаях лексический состав параллельных номинаций может не совпадать. Тем не менее отмеченный факт не оказывает влияния на значение рассматриваемых единиц. Ср.: *souple / flexible comme une anguille* (фр. гибкий как угорь) – изворотливый как уж (рус.); *souffler comme un boeuf* (фр. пыхтеть как вол) / *soul'fler comme un phoque* (фр. сопеть как тюлень) – пыхтеть как паровоз (рус.) и др.

2. Сравнения, содержащие в своей структуре указания на бытовые предметы: *avoir des jambes comme des allumettes* (фр., рус. иметь тонкие как спички ноги), *fin comme un rasoir* (фр., рус. острый как бритва); *maigre comme un clou* (фр. худой как гвоздь) – худой как щепка (рус.) и др.

3. Сравнения, содержащие в своей структуре наименования природных явлений: *libre comme l'air* (фр. свободный как воздух) – свободный как ветер (рус.); *dur comme un roc / roclier* (фр., рус. твердый как камень); *pousser comme une mauvaise herbe* (фр., рус. расти как сорная трава); *brûler comme un charbon* (фр. гореть как уголь) – гореть как огонь (рус.) и др.

4. Сравнения, содержащие в своей структуре наименования продуктов питания: *jaune comme un coing / comme du safran / comme une orange* (фр. желтый как айва / как шафран / как апельсин) – желтый как лимон (рус.); *vêtu comme un oig* (фр. одетый как луковица) – одетый как капуста (рус.) и др.

Очевидно, что в образной системе и русского, и французского языков присутствует синонимия, что подтверждается наличием в лексической структуре сравнений вариантных конструкций: напр., *faire la roue comme un paon* – важный как петух (фр., рус.) / *orgueilleux comme un dindon* – важный как индюк (фр., рус.); *bavard comme une pie* – болтливый как сорока (фр., рус.) / *bavard comme un merle* – болтливый как дрозд (фр.) / *bavard comme un perroquet* – болтливый как попугай (фр., рус.) [5] и др. Следует отметить, что при изменении лексического состава образных сравнений их значение остается неизменным, и образ, на котором построено сравнение, сохраняется.

Интересно, что в некоторых случаях образное сравнение русского языка, содержащее в своей структуре один тип наименования, может соответствовать образному сравнению французского языка, содержащего в своей структуре другой тип наименования, и наоборот. Ср.: *être comme sur des charbons (ardents)* – быть как на углях (горячих) (фр.) – быть как на иголках (рус.) и др.

В основе эквивалентных сравнений может лежать:

1) сходство признака сопоставляемых явлений: *libre comme l'air* (фр. свободный как воздух) – свободный как ветер (рус.); *dur comme un roc / roclier* (фр., рус. твердый как камень); *fin comme un rasoir* (фр., рус. острый как бритва);

2) внешнее сходство сопоставляемых явлений: *avoir des jambes comme des allumettes* (фр., рус. иметь тонкие как спички ноги); *écrire / griffonner comme un chat* (фр. писать / царапать как кошка) – писать как курица лапой (рус.);

3) аллегорическое сходство сопоставляемых явлений: *laborieux / diligent comme une abeille / une fourmi* (фр., рус. трудолюбивый как пчела / муравей) [6]; *malin / malicieux comme un singe* (фр. хитрый как обезьяна, т.к. во французской культуре обезьяна является символом хитрости и ловкости) – хитрый как лиса (рус.) [7] и др.;

Отметим, что в некоторых случаях французское образное сравнение может быть выражено более конкретно, через видовое понятие, в то время как соответствующее ему русское сравнение представлено в более обобщенном виде, через родовое понятие. Например, *muet comme une carpe* (фр. немой как карп) – немой как рыба (рус.); *fidele comme un caniche* (фр. преданный как пудель) – преданный как собака (рус.); *hargneux comme un dogue* (фр. злой как дог) – злой как собака (рус.) и др.

Некоторые французские сравнения абсолютно эквивалентны русским. Ср.: *трудолюбивый как пчела, притягивать как магнит, свободный как птица* и др.

На основе анализа структурных особенностей параллельных образных сравнений с компонентом «как» / ‘comme’, ‘comme’ в русском и французском языках можно сделать вывод о широкой распространенности схожих межъязыковых моделей образования исследуемых языковых единиц, содержащих в структуре наименования животных, указание на бытовые предметы, наименования природных явлений и наименования продуктов питания.

Среди параллельных образных сравнений в русском и французском языках отмечается наличие полных эквивалентов или частичных, как правило, в русском языке представленных более обобщенно, через родовое понятие, а во французском – более конкретно, через видовое понятие. Однако отмечаются и полностью совпадающие по структуре и содержанию французские и русские сравнения.

По мнению Ю.С. Степанова, то, что чаще всего является сравнением в одном языке, в другом языке выражается иначе [8]. Однако существует достаточное количество параллельных образных сравнений в русском и французском языках, построенных по одинаковым моделям и имеющим эквивалентные значения.

На наш взгляд, успешное изучение русского языка иностранными обучающимися обуславливается фактором мотивации овладения языком и фактором организации процесса обучения [9, с. 104; 10; 11]. Безусловно, одним из условий повышения мотивации иностранцев для изучения русского языка является учебная работа, организуемая с опорой на родной язык и/или на явления, общие для систем соприкасающихся языков.

Библиографический список

- 1.Ивашова М.С. Структурно-семантические особенности сравнительных конструкций во французском и русском языках в их сопоставлении (на материале художественных переводов) : автореф. дисс. канд. филол. н. М., 2009. 27 с.
- 2.Назарян А. Образные сравнения французского языка. Фразеологизмы. М. : Наука, 1965. 200 с.
- 3.Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2-х томах : более 12 000 фразеологических единиц / сост. д-р филол. наук А. И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 390 с.
- 4.Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2-х томах : более 12 000 фразеологических единиц / сост. д-р филол. наук А. И. Федоров. – Москва : Цитадель, 1997. Т. 2. 395 с.
- 5.Французско-русский фразеологический словарь : около 35 000 фразеологических единиц / сост. В. Г. Гак, И. А. Кумина, И. П. Лалаев [и др.] ; под ред. Я. И. Рецкера. Москва, 1963. 1111 с.
- 6.Василенко А.П., Рыбакина В.С. Фразеологизмы с компонентом-инсектономимом «пук», «муравей», «блоха» (национально-культурный потенциал на материале французского и

русского языков) // Филологический аспект, 2022. №10 (90). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/frazeologizmy-s-komponentom-insektonimom-pauk-muravej-blokha-natsionalno-kulturnyj-potentsial-na-materiale-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov.html> (дата обращения: 08.10.2024).

7.Абракова Л.В. Лингвокультурные особенности французских и русских сравнений-фразеологизмов с зооморфными характеристиками // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2008. №3 (20). С. 84-101.

8.Степанов Ю.С. Французская стилистика : Учеб. пособие для ин-тов и фак. инстр. яз. М.: Высш. школа, 1965. 355 с.

9.Заварзина Г.А. О системе образования и факторах, влияющих на процесс продвижения образовательных услуг в Республике Конго // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 2. С. 103-107.

10.Долгополова М.В., Попова Л.А. Активные процессы в современном русском языке в аспекте формирования коммуникативной компетенции у студентов-инофонов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. №1 (48). С. 21-27.

11.Шаталова О.В. Языковые аспекты развития международных отношений на основе принципов поликультурности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. №2 (45). С. 106-113.

References

1.Ivashova M.S. Structural and semantic features of comparative constructions in French and Russian in their comparison (based on literary translations): author's abstract. diss. cand. philological sciences. M., 2009. 27 p.

2.Nazaryan A. Figurative comparisons of the French language. Phraseologisms. Moscow: Nauka, 1965. 200 p.

3.Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes: more than 12,000 phraseological units / compiled by Doctor of Philological Sciences A. I. Fedorov. - Moscow: Citadel, 1997. Vol. 1. 390 p.

4.Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes: more than 12,000 phraseological units / compiled by Doctor of Philological Sciences A. I. Fedorov. Moscow: Citadel, 1997. Vol. 2. 395 p.

5.French-Russian phraseological dictionary: about 35,000 phraseological units / compiled by V. G. Gak, I. A. Kumina, I. P. Lalaev [et al.]; edited by Ya. I. Retsker. Moscow, 1963. 1111 p.

6.Vasilenko A.P., Rybakina V.S. Phraseologisms with the insectonym component "spider", "ant", "flea" (national and cultural potential based on the French and Russian languages) // Philological aspect, 2022. No. 10 (90). Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/frazeologizmy-s-komponentom-insektonimom-pauk-muravej-blokha-natsionalno-kulturnyj-potentsial-na-materiale-frantsuzskogo-i-russkogo-yazykov.html> (access date: 08.10.2024)

7.Abrakova L.V. Linguocultural features of French and Russian comparisons-phraseologisms with zoomorphic characteristics // Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2008. No. 3 (20). Pp. 84-101.

8.Stepanov, Yu. S. French stylistics: Textbook for institutes and faculties of language instruments. Moscow: Higher school, 1965. 355 p.

9.Zavarzina G.A. On the education system and factors influencing the process of promoting educational services in the Republic of the Congo // Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. 2023. No. 2. Pp. 103-107.

10.Dolgopolova M.V., Popova L.A. Active processes in the modern Russian language in terms of the formation of communicative competence in foreign language students // Current issues of modern philology and journalism. 2023. No. 1 (48). Pp. 21-27.

11.Shatalova O.V. Language aspects of the development of international relations based on the principles of multiculturalism // Current issues of modern philology and journalism. 2022. No. 2 (45). Pp. 106-113.

УДК 81'42: 338.48

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.016

*Кубанский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
Катермина В.В.
Россия, г. Краснодар,
тел. +7 903-412-05-54
e-mail: katermina_v@mail.ru*

*Kuban State University
The chair of English language
Doctor of Philology, full professor
Katermina V.V.
Russia, Krasnodar,
tel. +7 903-412-05-54
e-mail: katermina_v@mail.ru*

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории
и практики перевода
Шершнева Н.Б.
Россия, г. Краснодар,
тел. +7 918-019-69-90
e-mail: nataliashershneva@rambler.ru*

*The chair of theory and practice of tTranslation
PhD in Philology
associate professor
Shershneva N.B.
Russia, Krasnodar,
tel. +7 918-019-69-90
e-mail: nataliashershneva@rambler.ru*

В.В. Катермина, Н.Б. Шершнева

ПРИНЦИП АНАЛОГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Актуальность исследования обеспечена непрерывным расширением корпуса англоязычной неологической лексики, постоянным интересом ученых к данной, наиболее востребованной части англоязычного неологического дискурса, необходимостью научной интерпретации отображения коллективного опыта в анализируемом пласте лексики. Цель статьи – анализ особенностей неологизмов англоязычного дискурса, образованных при помощи принципа аналогии. Методологической базой исследования послужили работы ученых, изучающих семантические и словообразовательные особенности новой лексики. Практическим материалом послужили английский неологические единицы, взятые из неографических источников. Моделирование в языке является мощным инструментом изучения и описания процесса возникновения новых единиц. Каждое слово обладает словообразовательным потенциалом, т.е. способностью создавать новые слова по существующим в языке словообразовательным моделям. Если словообразовательная активность – это существующий языковой факт, реальная способность образовывать дериваты, то словообразовательный потенциал – это не реальное, не реализованное свойство (способность) слова, которое при соответствующих обстоятельствах может быть реализовано. Внутренние законы развития языка определяют необходимость образования новых слов по тем моделям и словообразовательным типам, которые существуют в языке или возникают вновь в связи с выделением новых основ и использованием новых аффиксальных элементов, развитием и усовершенствованием системы словообразования. Анализ неологизмов в английском языке при помощи принципа аналогии позволил увидеть их присутствие в словосложении, блендинге, аббревиации как основных способах словообразования; их функционирование в разных видах дискурса, свидетельствует об их важности в жизни современного англоязычного общества, а также подчеркивает их связь с ценностными установками.

Ключевые слова: неологическая единица, принцип аналогии, словообразование, англоязычный дискурс, аксиология, номинация, неография.

V.V. Katermina, N.B. Shershneva

THE PRINCIPLE OF ANALOGY IN ENGLISH NEOLOGICAL DISCOURSE

The importance of the research is ensured by the continuous expansion of the corpus of English neological vocabulary, the permanent interest of linguists in the most demanded part of the neological English discourse, the need for scientific interpretation of the display of collective experience in the analyzed layer of vocabulary. The aim of the arti-

cle is the analysis of the characteristics of neological units of the English discourse formed using the principle of analogy. The methodological basis of the study was the works of scientists who analyzed the semantic and word-formation potential of new vocabulary. The neological units were taken from neographic dictionaries. Modeling in language is a powerful tool for studying and describing the process of emergence of new units. Each word has word-formation potential, i.e. the ability to create new words according to existing word-formation models in the language. If word-formation activity is an existing linguistic fact, a real ability to form derivatives, then word-formation potential is not a real, unrealized property (ability) of a word, which under appropriate circumstances can be realized. Internal laws of language development determine the need to form new words according to those models and word-formation types that exist in the language or arise again in connection with the allocation of new bases and the use of new affixal elements, the development and improvement of the word-formation system. The analysis of neologisms in the English language using the principle of analogy made it possible to see their presence in compounding, blending, abbreviation as the main methods of word formation; their functioning in different types of discourse, indicates their importance in the life of modern English-speaking society, as well as their connection with the axiological orientations.

Key words: neological unit, principle of analogy, word formation, English discourse, axiology, nomination, neography.

Лексика – это «очень гибкая и обширная система, которая может приходить в движение и изменяться вследствие множества факторов. Одной из самых часто встречающихся и необходимых для этого процесса причин являются общественные изменения, то есть события, происходящие в социальной среде и затрагивающие большую часть населения земли» [1; с. 57].

Согласно мнению ученых, неология «на данный момент является одним из наиболее перспективных направлений лингвистики. Предмет неологии обладает перманентной актуальностью, так как создание неологизмов происходит постоянно. Возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы следует рассматривать как механизмы познания мира, инструмент категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира» [2; с. 61].

Важность номинирования вновь возникающие понятий является существенным фактором для развития языка: «эта потребность является естественным, имманентным свойством самого языка как функционирующей системы» [3; с. 105].

Как отмечает Л.В. Новикова, «к задачам неологии относят ... установление тенденций языкового обновления, специфических для отдельного языка и общих для ряда языковых систем, обсуждение возможностей языкового планирования и прогнозирования и т. д.» [4; с. 115].

Согласимся с утверждением А.И. Дьякова: «Каждое слово обладает словообразовательным потенциалом, т. е. способностью создавать новые слова по существующим в языке словообразовательным моделям. Если словообразовательная активность – это реальный, существующий языковой факт, то словообразовательный потенциал – это нереальное, нереализованное свойство (способность) слова, которое при соответствующих обстоятельствах может быть реализовано» [5; с. 252].

«Как отмечают многие лингвисты, словарный состав языка пополняется в основном за счет образования новых слов по моделям слов, уже существующих в языке, а лексическое значение производных слов базируется на вещественном значении производящих основ» [6; с. 222].

Р.Г. Гатауллин пишет, что «словообразование - раздел языкознания, в котором изучаются формально-смысловая производность слов языка, средства и способы словообразования, а также основные понятия» [7; с. 3]. Именно в деривационной структуре «особенно четко проявляются творческие возможности языковой личности и коммуникативного акта для создания новых слов. Изучая словообразование как процесс создания новых производных слов, мы можем определить влияние творческой деятельности человека на активизация непродуктивных моделей, на создание новых деривационных элементов, на словотворчество разных видов» [7; с. 20].

Ни одно слово в языке не может появиться произвольно, без учета языковых (морфологических, семантических) норм и словообразовательных закономерностей [8; с. 475].

Цель настоящей статьи – анализ особенностей неологизмов англоязычного дискурса, образованных по принципу аналогии.

Методологической базой исследования послужили работы ученых, изучавших семантические и словообразовательные особенности новой лексики [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Практическим материалом послужили неологизмы англоязычного дискурса, отобранные из электронных словарей Cambridge Dictionaries Online [15] и Urban Dictionary [16]. Критерием отбора неологизмов послужило наличие новых словообразовательных конструкций, которые по своей формальной и смысловой структуре «воссоздают» узуальное слово, повторяют его «построение» [8; с. 476].

Как известно, то, что «важно для жизни общества, имеет в языковой картине мира высокую номинативную плотность. Кроме того, процесс осмысления действительности познающим субъектом сопровождается эмоциональным и оценивающим восприятием происходящего, при этом оценивается то, что имеет значение» [17; с. 106].

Анализ неологизмов англоязычного дискурса, которые были побразованы по аналогии, начнем с блендинга. Как считают лингвисты, «возникновение блендов обусловлено тем, что два или более слова (часто синонимы или близкие по смыслу слова) «всплывают» в сознании одновременно» [18; с. 765].

Самое большое количество неологических единиц, которые были образованы в английском языке при помощи анализируемого принципа, можно назвать слова с компонентом -exit. Первоначально появилось слово Grexit (слияние названия страны и данного компонента – Greece и exit). Тем не менее, в силу определенных политических и экономических особенностей, именно неологизм Vrexit (Britain и exit) – выход Великобритания из Евросоюза, получил наибольшую популярность и распространение: «Vrexit стал продуктивной словообразовательной моделью для образования большого количества новообразований, обозначающих всех, стремящихся к независимости и отделению» [17; с. 106].

Словообразовательная активность данной модели привела к образованию неологизмов, называющих людей и организации: *Megxit – Mehgan + exit* (данный неологизм образован по модели Vrexit и обозначает ситуацию о решении Принца Гарри, герцога Сассекский, и Меган, герцогини Сассекской отказаться от обязанностей «старших» членов» британской королевской семьи, разделить свое время между Соединенным Королевством и Северной Америкой, стать финансово независимыми и представлять монархию только на ограниченной основе); *Mexit – Mexican + Exit* (данная ситуация происходит, когда гражданин Мексики с интеллектом «выше среднего» наконец-то устаёт от общения со своими коллегами и уходит); *trexit – tourism + exit* (уход от туризма, ограничение количества посетителей, расширения туристской инфраструктуры и другие запреты).

Еще одной популярной моделью, на основе которой появилось большое количество английских неологизмов, является появившееся в английском языке понятие «глобальный английский» – *Global Englishes*.

Данная модель, состоящая из усеченного компонента названия языка, а также части слова *English (-ish)*, способна «порождать» большое количество новых слов: *Singlish – Singaporean English; Chinglish – Chinese English; Runlish – Russian English; Frenglish – French English* и др.

Исследователи считают, что «характерной чертой современного общества является стремительное развитие новых видов общения, порожденных техническим прогрессом: телефаксы, телешоу, телемосты, Интернет. В качестве орудия, формирующего язык, личность и общество в целом, Интернет имеет и функцию усиления позиций английского языка как средства международного общения и нивелирования национальных особенностей» [19; с. 33].

Также следует отметить и возможность наличия оценки в значении неологизма, что может быть объяснено экстралингвистическими факторами. Мы имеем в виду неологическую единицу,

указывающую на давнюю неприязнь между двумя государствами: Великобританией и Францией (*Frenglish*): «Лексема имеет неодобрительные коннотации и содержит намек на открытое неприятие англо-американского культурного империализма, который, по мнению французских «традиционалистов», пронизывает французское общество и франкоговорящую часть канадского общества» [20; с. 80].

Группа слов, образованная при помощи блендинга, представляет собой интересный пример, характеризующий события, которые происходят в современном обществе и отражают ценности и антиценности. По аналогии с лексической единицей *maternity leave* – *декретный отпуск*, в языке появились следующие неологизмы: *teen-ternity leave* – *a period of time when someone chooses not to have a job because they want to spend more time with their teenage children* (подростковый отпуск по уходу за ребенком – период времени, когда человек решает не работать в силу того, что они испытывают желание быть вместе со своими детьми, достигшими подросткового возраста); *graternity leave* – *when grandparents take time off of work for a new grandbaby a period in which someone is granted paid time off work in order to look after their newborn grandchild* (когда бабушки и дедушки берут отпуск по уходу за новорожденным внуком — период, в течение которого кому-то предоставляется оплачиваемый отпуск по уходу за новорожденным внуком).

Словосложение также встречается при образовании неологизмов по принципу аналогии. «Краткость, семантическая емкость, способность удовлетворить потребности общества в обозначении сложных понятий, которых возникает все больше в связи со специализацией в различных областях науки, протекающей параллельно процессу интеграции методов и средств познания, – все это обуславливает значительную интенсификацию сложных слов разного типа. Активизация данной структурной группы новой лексики есть одно из проявлений более общего процесса – лексической конденсации, выступающей как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности в языке» [21; с. 20].

По аналогии со словообразовательной моделью *glass ceiling* – *препятствия для карьерного роста, не связанные с профессиональными компетенциями* – в английском неологическом дискурсе появились следующие единицы: *brass ceiling* – *the difficulty that women face in rising to high positions in the military* (трудности, с которыми сталкиваются женщины при достижении высоких должностей в армии); *grass ceiling* – *the barrier to promotion in business that is caused by a person's inability to play golf or to join the the right golf club* (барьер для продвижения в бизнесе, вызванный неспособностью человека играть в гольф или вступить в правильный гольф-клуб); *rainbow ceiling* – *business practices and prejudices that create an unseen and unofficial barrier to personal advancement for gay employees* (деловая практика и предрассудки, которые создают невидимый и неофициальный барьер для личного продвижения сотрудников-геев); *bronze ceiling* – *the fact that most public statues represent men rather than women* (тот факт, что большинство общественных статуй изображают мужчин, а не женщин).

Ключевыми словами в данных неологизмах выступают лексемы *brass* – *медь, латунь*; *grass* – *трава*; *rainbow* – *радуга*; *bronze* – *бронза*. Обозначая профессию или должность, они указывают на то, что именно является барьером для профессионального роста или социального статуса.

Благодаря лексической единице *horse whisperer* (так говорят о человеке, который может контролировать дикую, необъезженную или плохо себя ведущую лошадь посредством тайного общения; слово произошло, возможно, от методов, используемых ирландским наездником Дэниелом Салливаном, заклинателем лошадей) в английском языке появились такие единицы, как *dog whisperer* – *a person having a lot of experience with dogs who can give good advice about their training* (человек, имеющий большой опыт общения с собаками, который может дать хороший совет по их дрессировке) и *back whisperer* – *someone who can help manage the back pain* (человек, который может помочь справиться с болью в спине).

По аналогии с неологизмом *black Friday* – *the largest sales day in the US that falls on the day after Thanksgiving and denotes the beginning of the shopping season in the country* (крупнейший день распродаж в США, который приходится на следующий день после Дня благодарения и знаменует

начало сезона распродаж в стране) в англоязычном неологическом дискурсе нами отмечен неологизм *green Friday – a term that refers to the day after Thanksgiving, the biggest shopping days of the year. It's called Green Friday because it's the day when retailers hope to turn a profit and get "in the green" for the year* (термин, который относится к дню после Дня благодарения – самого большого торгового дня в году. Этот день называется «зелёная пятница», потому что это день, когда ритейлеры надеются получить прибыль и выйти «в плюс» за год).

Та же самая «цветовая палитра», выраженная колоративами *black* и *green*, присутствует и в следующей паре неологизмов, образованных при помощи принципа аналогии: *black swan – an unpredictable event that is beyond what is normally expected of a situation and has potentially severe consequences* (непредсказуемое событие, выходящее за рамки обычных ожиданий от ситуации; данное событие может иметь ужасный исход); *green swan – a profound market shift, generally catalysed by some combination of Black or Grey Swan challenges and changing paradigms, values, mindsets, politics* (сильные изменения финансового рынка, который вызывается определенной совокупностью факторов «Черного» или «Серого лебедя» и трансформирующимися моделями, аксиологической оценкой, мировосприятием, политическими стратегиями).

Термин *noir* – кинематографический термин, применяемый к голливудским криминальным драмам 1940-х — 1950-х годов, в которых запечатлена атмосфера пессимизма, недоверия. По аналогии в англоязычном неологическом дискурсе появились следующие единицы, характерные как для кинематографического, так и литературного дискурса. Помимо семы *noir*, дополнительными семами в данных неологизмах являются компоненты, которые уточняют тот или иной вид дискурса: в неологизме выступают слова, конкретизирующие данный вид дискурса:

– в единице *chick noir* (*литературный жанр романа, автором которого выступает женщина; основной типаж – сильная героиня; целевая аудитория – женщины; отличительными свойствами данного жанра являются «тёмные» темы – предательство, убийство*) таким словом выступает *chick lit* – «чиклит», «литература для цыпочек, дамское чтиво» (от *chick* – пташка [о молодой женщине]);

– в нелогической единице *Nordic noir* или *Scandinavian noir* (*криминальный жанр, в котором нарратор – это полицейский, а действие совершается на севере Европы*) конкретизатором служат лексемы *Nordic* и *Scandinavian*, указывающие на географическое положение.

Деловой дискурс представлен неологизмом *quiet quitting – the activity of doing the work that you need to do in order to keep your job but doing it without great enthusiasm or effort, and without agreeing to do extra tasks* (выполнение работы, необходимой для сохранения работы, но без особого энтузиазма или усилий, а также без согласия на выполнение дополнительных задач) и появившейся по аналогии лексемой *conscious quitting – the act of leaving your job because you do not share the same values as the people in charge of your company* (уход с работы, вызванный неприятием ценностей людей, стоящих во главе компании). Данные неологизмы отражают тенденции, происходящие в деловом мире англоязычных стран. Особо подчеркнем ценностные установки, зафиксированные в неологизме, появившемся по аналогии.

Подобный способ образования новых слов по аналогии наблюдается и в случае аббревиации.

Аббревиация является одним из самых распространенных и продуктивных способов словообразования в английском неологическом дискурсе. Будучи «одним из способов компрессивного словообразования идеально вписывается в открытую лексическую систему языка и максимально отвечает всем потребностям общества» [7; с. 5-6]. Считается, что аббревиатуры «служат знаками – заместителями длинных по продолжительности наименований» [22; с. 262].

Анализ материала позволяет привести в качестве примеров неологические единицы, с ключевой лексемой *strax* (*fear*). Анализ данных неологизмов позволил выявить их принадлежность либо к дискурсу социальных сетей, либо к «ковидному» дискурсу, а именно последствиям пандемии Covid 19:

Fomo – the feeling of apprehension that one is either not in the know about or missing out on information, events, experiences, or life decisions that could make one's life better (чувство опасения, что

человек либо не в курсе, либо упускает информацию, события, опыт или жизненные решения, которые могли бы сделать его жизнь лучше); *FOGO* – *the fear or anxiety that someone may experience when it comes to leaving their home and going out into public spaces* (страх или беспокойство, которые человек может испытывать, выходя из дома и посещая общественные места); *FOLO* – *a slang term that refers to an individual who is obsessed with following others on social media platforms* (жаргонизм, обозначающий человека, который одержимо следит за другими в социальных сетях); *FORO* – *fear of being left without familiar products* (страх остаться без привычных продуктов); *FONO* – *a fear going back to your normal life and activities after Covid restrictions* (страх по поводу возвращения к обычной жизни и деятельности после ограничений, связанных с пандемией COVID-19).

Еще одна группа неологизмов, образованная при помощи принципа аналогии, связана с офисным дискурсом. Ограничения, связанные с пандемией, оказали влияние на характер работы офисные работники – в последнее время предпочтение отдается работе из дома. Так появился неологизм *WFH* – *working from home* (*работа из дома*). В дальнейшем стали появляться такие неологические единицы, как *WFC* – *getting work done at cafes using them as an alternative office* (выполнение работы в кафе, используя его как альтернативный офис); *WFB* – *working from boat* (выполнение работы на лодке, не добираясь до офиса и т. п. для ее выполнения); *WFA* – *an employment arrangement that allows employees to perform their job duties from any location, whether it be their home, a coffee shop, or a different country* (трудовое соглашение, позволяющее сотрудникам выполнять свои должностные обязанности из любого места, будь то их дом, кафе или другая страна).

Неологическая единица *POTUS*, номилирующая президента Соединенных Штатов Америки, относится к политическому дискурсу. По аналогии в англоязычном неологическом дискурсе появились такие неологизмы, как *PEOTUS* – *President Elect of the United States* (избранный президент Соединенных Штатов Америки, еще не вступивший в свою должность); *Flotus* – *the First Lady of the President of the United States* («первая леди»); *VPOTUS* – *Vice President of the United States* (вице-президент Соединенных Штатов Америки); *Slotus* – *the second lady of the United States* (жена вице-президента США, «вторая леди»).

Сделаем выводы. Постыжение людьми окружающего их пространства – «фактор постоянного пополнения словарного состава языка новыми словами, отражающими когнитивную активность человеческого мышления с помощью ее отображения в языке. Анализ когнитивных причин генезиса неологизмов порождает необходимость в рассмотрении прагматических особенностей введения новых слов в речь. Новая лексика должна соответствовать прагматике ее употребления – быть краткой, выразительной, соответствующей нормам языка, адекватно передающей специфику окружающего континуума» [2; с. 55].

Неологизмы, образованные по принципу аналогии, соотносятся со словосложением, блендингом, аббревиацией – основными способами образования неологических единиц англоязычного дискурса. Они функционируют в разных видах дискурса: кинематографическом, литературном, политическом, бытовом, офисном, виртуальном, ковидном, что свидетельствует об их важности для жизни современного англоязычного общества. Их появление связано с ценностными ориентирами англоязычного общества. Оказывая влияние на возникновение новых аксиологических установок в обществе, неологизмы непосредственно связаны с формированием оригинальных принципов и концепций.

Библиографический список

1. Смирнова А.С. Влияние социальных изменений на лексический состав немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2023. 201 с.
2. Катермина В.В., Липириди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. 230 с.

3. Катлинская Л.П. Проблема слова и словообразование // Филологические науки. 2003. № 3. С. 102-110.
4. Новикова Л.В. К вопросу о словообразовательном значении в рамках неологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Вып. 37. С. 115–119.
5. Дьяков А.И. Словообразовательный потенциал и словообразовательная активность англицизмов в русском языке // Вестник науки Сибири. 2012. № 4 (5). С. 252-256.
6. Рамзаева Т.Г. Методика обучения русскому языку в начальных классах. М.: Просвещение, 1979. 431 с.
7. Гатауллин Р.Г. Тенденции в развитии словообразования немецкого языка: суффиксация: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 192 с.
8. Гатауллин Р.Г. Некоторые вопросы словообразования по аналогии // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 475-479.
9. Криворучко И.С. К вопросу классификации способов образования англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2022. № 3(89). С. 63-72.
10. Несветайло Ю.Н. Основные способы образования неологизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. Ч. 2. С. 73-75.
11. Соловьева Л.Ф. Аксиологические неологизмы в английском языке конца XX века // Вестник Московского института лингвистики. 2014. № 2. С. 112-117.
12. Чибисова Е.Ю. Словообразовательные модели неологизмов в современном английском языке // Наука и современность. 2010. № 7–2. С. 123-132.
13. Cook С.Р. Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms. Toronto: University of Toronto, 2010. 154 p.
14. Ильченко Л.М. Компрессивное словообразование как один из способов реализации принципа языковой экономии (на примере современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1993. 190 с.
15. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 05.07.2024).
16. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 05.07.2024).
17. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 103-111.
18. Cannon G. Blends in English word formation // Linguistics. 1986. № 24. P. 725–775.
19. Багана Ж., Хапилиа Е.В. Глобальный английский язык // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242). Вып. 31. С. 31-35.
20. Голец В.А. Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990–2014 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2015. 192 с.
21. Катермина В.В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 134 с.
22. Волошин Ю.К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция: Лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 282 с.

References

1. Smirnova A.S. The Influence of Social Changes on the Lexical Composition of the German Language: diss. ... cand. philological sciences. Ufa, 2023. 201 p.
2. Katermina V.V., Lipiridi S.Ch. Pragmatic and axiological potential of online English neologisms of tourist discourse. Krasnodar: Kuban State University, 2021. 230 p.
3. Katlinskaya L.P. The problem of the word and word formation // Philological sciences. 2003. Vol. 3. P. 102-110.

4. Novikova L.V. On the issue of word-formation meaning within the framework of neology // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. Vol. 35 (173). Iss. 37. P. 115-119.
5. Dyakov A.I. Word-formation potential and word-formation activity of Anglicisms in the Russian language // Bulletin of Science of Siberia. 2012. Vol. 4 (5). P. 252-256.
6. Ramzaeva T.G. Methods of Teaching Russian in Primary Schools. Moscow, 1979. 431 p.
7. Gataullin R.G. Trends in the development of word formation in the German language: suffixation: monograph. Ufa, 2017. 192 p.
8. Gataullin R.G. Some issues of word formation by analogy // Bulletin of Bashkir University. 2012. Vol. 17. Iss. 1 (I). P. 475-479.
9. Krivoruchko I.S. On the issue of classification of methods of formation of English-language neologisms in the business discursive sphere // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. 2022. Vol. 3(89). P. 63-72.
10. Nesvetailo Y.N. The main methods of formation of neologisms in modern English // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2008. Vol. 1, part 2. P. 73-75.
11. Solovieva L.F. Axiological Neologisms in the English Language at the End of the Twentieth Century // Bulletin of Moscow Institute of Linguistics. 2014. Vol. 2. P. 112-117.
12. Chibisova E.Yu. Word-Formation Models of Neologisms in Modern English // Science and Modernity. 2010. Vol. 7-2. P. 123-132.
13. Cook C.P. Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms. Toronto: University of Toronto, 2010. 154 p.
14. Ilchenko L.M. Compressive word formation as one of the ways to implement the principle of linguistic economy (on the example of the modern English language): dis. ... PhD in Philology. Pyatigorsk, 1993. 190 p.
15. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (date of application: 05.07.2024).
16. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (date of application: 05.07.2024).
17. Katermina V.V., Solovieva N.S. Axiology of the neologism Brexit in the English-language mass media discourse // Current issues in philology and pedagogical linguistics. 2019. Vol. 3. P. 103-111.
18. Cannon G. Blends in English word formation // Linguistics. 1986. Vol. 24. P. 725-775.
19. Bagana Zh., Khapilia E.V. Global English // Scientific News. Series Humanitarian Sciences. 2016. Vol. 21 (242). Iss. 31. P. 31-35.
20. Goletz V.A. Neologisms in the modern English-language youth press (1990-2014): dis. ... PhD in Philology. Pyatigorsk, 2015. 192 p.
21. Katermina V.V. Word-formation potential of neologisms in the English-language mass media discourse: monograph. Krasnodar: Kuban State University, 2019. 134 p.
22. Voloshin Y.K. General American slang: composition, derivation and function: Lingvocultural aspect: dis. ... Doctor of Philology. Krasnodar, 2000. 282 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 81.139

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.017

Сибайский институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий» кандидат педагогических наук, директор института Хамитов И.С.

*Россия, республика Башкортостан, г. Сибай, тел. 8 (34775) 5-15-70
e-mail: ildar_hamitov@mail.ru*

*доктор биологических наук, профессор кафедры естественных наук Байрамгулова Г.Р.
Россия, республика Башкортостан, г. Сибай, тел. + 7 (960) 805-47-48
e-mail: gulfira-medina@mail.ru*

*кандидат биологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Кулуева Ю.А.
Россия, республика Башкортостан, г. Сибай, тел. + 7 (927) 306-46-13
e-mail: shagievayulia@mail.ru*

*студент 4 курса кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии Исхакова Г.С.
Россия, республика Башкортостан, г. Сибай, тел. + 7 (995) 948-96-48
e-mail: iskhakovags@gmail.com*

Sibay Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology" PhD in Pedagogy, Director of the Institute Khamitov I.S.

*Russia, Republic of Bashkortostan, Sibay, tel. 8 (34775) 5-15-70
e-mail: ildar_hamitov@mail.ru*

*Grand PhD in Biology, Professor of the Department of Natural Sciences Bayramgulova G.R.
Russia, Republic of Bashkortostan, Sibay, tel. + 7 (960) 805-47-48
e-mail: gulfira-medina@mail.ru*

*Ufa University of Science and Technology" PhD in Biology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Kulueva Yu.A.
Russia, Republic of Bashkortostan, Sibay, tel. + 7 (927) 306-46-13
e-mail: shagievayulia@mail.ru*

*4th year student of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology Iskhakova G.S.
Russia, Republic of Bashkortostan, Sibay, tel. + 7 (995) 948-96-48
e-mail: iskhakovags@gmail.com*

И.С. Хамитов, Г.Р. Байрамгулова, Ю.А. Кулуева, Г.С. Исхакова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «БӘХЕТ» В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА «БӘХЕТ КОШО ЮЛЫНАН» Т. КИЕКБАЕВОЙ)

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме – лингвокультурологическому анализу концепта «бәхет» в башкирском языке; лексема «бәхет» в переводе на русский язык означает «счастье». В работе раскрывается содержание эмоционального концепта «счастье» как базового концепта лингвокультуры. В каждой лингвокультуре имеются как национально-специфические концепты, отражающие самобытность этноса, так и универсальные концепты, характерные для всех или большинства народов мира. К числу таких универсальных концептов относятся, прежде всего, эмоциональные концепты, такие как любовь, ненависть, счастье, радость. Следует отметить, что эмоциональные концепты являются универсальными для всех языковых картин мира с точки зрения невербальной репрезентации, поэтому в работе рассматриваются их религиозный и психологический аспекты. Выявлен целый ряд универсальных, в том числе и национально-специфических, концептуальных линий. Актуальность данной статьи на современном этапе не вызывает сомнения, поскольку работа посвящена

бескорыстной любви к своей Родине. Это не только ассоциация с географическим положением, но и с ценной для автора культурой, традициями, менталитетом, языком соотечественников. Как передают литературные источники, особенно остроту чувств любви к Родине человек ощущает, побывав на чужбине. Подлинных верхов ремесла описания любви к месту рождения, родной культуре, языку достигли авторы произведений, посвященных ностальгии. В рамках настоящего исследования материалом для анализа послужили заметки туриста «Бәхет кошо юлынан» Т. Киекбаевой. Тема любви к своей Родине нашла отражение в каждой композиционной единице анализируемого художественного текста.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный концепт, язык и культура, менталитет, универсальные концепты, эмоциональный концепт, этнос, счастье, любовь к Родине.

I.S. Khamitov, G.R. Bayramgulova, Y.A. Kulueva, G.S. Iskhakova

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT “БӘХЕТ” IN THE BASHKIR LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF THE LITERARY TEXT “БӘХЕТ КОШО ЮЛЫНАН” BY T. KIEKBAEVA)

The present article is devoted to a topical problem – the linguocultural analysis of the concept “бәхет” in the Bashkir language which translated into Russian means “happiness”. The work reveals the content of the emotional concept “happiness” as a basic concept of linguistic culture. In every linguistic culture there are both nationally specific concepts that reflect the identity of an ethnic group, as well as universal concepts that are characteristic of all or most peoples of the world. These universal concepts include, first of all, emotional concepts such as love, hatred, happiness, joy. It should be noted that emotional concepts are universal for all linguistic pictures of the world from the point of view of non-verbal representation, therefore the work examines their religious and psychological aspects. A number of universal, including nationally specific, conceptual lines have been identified in the work. The relevance of the article at the present stage is beyond doubt since it is dedicated to selfless love for one’s Motherland. This is not only an association with the geographical location, but also with the culture, traditions, mentality and language of compatriots that is valuable to the author. As literary sources convey, a person becomes especially aware of the acuteness of feelings of love for the Motherland after visiting a foreign land. Writers of works devoted to nostalgia have reached the true heights of the craft of describing love for the place of birth, native culture and language. Within the framework of the present investigation, the material for analysis was the notes of the tourist “Бәхет кошо юлынан” by T. Kiekbaeva. The theme of love for one’s homeland is reflected in each compositional unit of the analyzed literary text.

Keywords: linguoculturology, linguocultural concept, language and culture, mentality, universal concepts, emotional concept, ethnicity, happiness, love for the Motherland.

Что такое счастье в религиозном контексте? Счастье определяется не числом наслаждений, так как удовольствие – недолговечное состояние, следовательно, не может доставить подлинного продолжительного комфорта. В большинстве случаев люди дают один и тот же ответ на этот вопрос: счастье – это когда разрешены материальные проблемы и когда отсутствуют страдания. Исламская религия повелевает достигать материальных благ дозволенными шариатом способами. Если индивид переступает законы Всевышнего, все это не сможет доставить ему счастья. «Терпение – ключ к счастью», «За тягостью последуют облегчения» – вердикт счастья согласно исламу. Арабское слово «сабр» переводится на русский язык как «терпение», «стойкость», точнее, умение выносить трудности. Душевное спокойствие достигается с помощью выдержки, терпения, что и является источником подлинного счастья. Жизненные проблемы были, есть и, надо полагать, будут всегда. Это и есть жизнь. Надо жить и стараться постепенно решать проблемы с помощью молитв и обращений к Богу, соблюдая божественные законы и признавая истины, прибегая к терпению. Согласно христианской религии, понятие «счастье» – это совпадение Божьей воли с волей человека. Для достижения этого важно, чтобы Божья и человеческие воли сошлись; необходимо уразумевать, что предполагает Бог для каждого человека [1; с. 28].

В психологическом контексте счастье – это состояние, в котором индивид испытывает чувство гармонии и благодарности за все, чем он располагает на данный момент. Благодарность за все блага и жизненные уроки определяет уровень счастья и чувство удовлетворенности. Счастье – одна из составляющих состояния благодарности у человека. К сожалению,

чувство благодарности недостаточно сформировано у некоторых людей, и для ощущения счастья им необходимо культивировать в себе собственно этот фактор.

В науке о языке немало работ, посвященных тесной взаимосвязи языка, культуры и носителя языка. Еще в XIX веке в фокусе внимания таких выдающихся ученых, как В. фон Гумбольдт, Э. Бенвенист, Г. Штейнталь, А.А. Потебня, находилась триада отношений «общество/этнос – культура – язык». Главенствующая роль отводится именно языку, потому что в языке отражается самобытность этноса – его мировоззрение, менталитет, психологическое состояние, настрой, настроение, а также его история и культура. Язык является единственным способом передачи устного культурно-исторического наследия этноса из одного поколения в другое. Как утверждает известный лингвокультуролог В.А. Маслова, «все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» [2; с. 26].

Естественно, новый подход к рассмотрению языка нуждался в научном обосновании и оформлении в виде лингвистического направления, в рамках которого изучалась бы связь языка и культуры и языка и общества. Так, в последнее десятилетие прошлого века произошло слияние языкознания с рядом других смежных наук, в том числе и с культурологией. Лингвокультурология образовалась, опираясь на результаты исследования фразеологической школы В.Н. Телия, научные концепции В.В. Воробьева, С.Г. Воркачева, В.А. Масловой, а также их предшественников, освещающих в своих трудах данную проблему в той или иной степени (И.Г. Гердер, Б.Л. Уорф, Э. Сэпир, А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев и т.д.). Все эти ученые сходятся во мнении, что язык является неотъемлемым компонентом культуры. Иными словами, культуру невозможно представить без языка. Все старинные обычаи, обряды и традиции, образцы устного и письменного творчества – культурно-историческое наследие наших предков дошли до нынешнего поколения именно благодаря языку.

Подтверждением того, что лингвокультурология вправе называться самостоятельным научным направлением, является наличие собственного терминологического аппарата, а также системы методов анализа. Базовым термином лингвокультурологии выступает «концепт». Как известно, концепт является объектом исследования и ряда других наук: философии, когнитивной лингвистики, культурологии, и т.д. В рамках настоящей работы особую актуальность представляет понятие «лингвокультурный концепт», который интерпретируется лингвистами как линза, через которую можно увидеть материальное и духовное своеобразие народа [3; с. 45]; внутренние ассоциации, связанные с тем или иным предметом [4; с. 75]; ореол вокруг слова, состоящий из эмоционального, экспрессивного и оценочного компонентов; объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [5; с. 26].

Что касается структуры концепта, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выделяют в его составе ядро и периферию. Ядро представлено ассоциациями, сформированными в результате наивного восприятия мира. Менее значимые ассоциации составляют периферию, которая является самым нестабильным слоем структуры [6; с. 75-80].

В каждой лингвокультуре имеются как национально-специфические концепты, отражающие самобытность этноса, так и универсальные концепты, характерные для всех или большинства народов мира. К числу универсальных относятся, прежде всего, эмоциональные концепты, такие, как любовь, ненависть, счастье, радость и т.д. Их универсальность заключается в том, что в процессе переработки информации, поступающей из внешнего мира, представители разных этносов одинаково переживают, например, горе или состояние счастья и удовлетворенности, одинаково страдают, одинаково радуются. Внешним проявлением этих эмоций являются жесты человека, его мимика, движения, поведение и речь. По мнению В.И. Шаховского, результат восприятия и оценки фактов действительности отражаются в языке [7; с. 13].

Эмоциональный концепт «бэхет», объект нашего исследования, является одним из базовых универсальных концептов. Американский психолог Мартин Селигман выделяет пять

основных компонентов счастья: удовлетворенность (духовная, материальная/физическая), вовлеченность в любимое занятие, смысл жизни, достижения, хорошие отношения (с людьми, самим собой) [8]. Человек испытывает чувство абсолютного счастья только при наличии всех вышеназванных компонентов. Счастье – это родина, семья, друзья, мирное небо, любимая работа, здоровье. Все это свидетельствует об универсальности и доминантности этой эмоции. С другой стороны, являясь составной частью культуры народа, эмоция обладает специфическими для каждого народа чертами [9; с. 14].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении универсальных и национально-специфических особенностей выражения концепта «бәхет» («счастье») в башкирской лингвокультуре. Материалом для лингвокультурологического анализа, основанного на классификации концептов Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, А.П. Бабушкина, Дж. Лакофф, послужили записки интуриста «Бәхет кошо юлынан» башкирского лингвиста, писателя и поэта Танзили Киекбаевой [10; с. 25].

На первом этапе анализа нам предстоит рассмотреть этимологию слова «бәхет» в башкирском языке. Р.Г. Ахметьянов в своей книге «Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья» пишет, что лексема «бәхет» произошла от персидского слова «бахт» (счастье) [11; с. 23]. Проследить путь эволюции анализируемой лексемы практически невозможно в силу отсутствия необходимых источников.

Как известно, базовые признаки концептов лучше всего раскрываются в толковых словарях. Анализ словарных дефиниций был проведен нами, опираясь на данные, представленные в «Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеге» З.Г. Ураксина и «Хәзерге башкорт теленең аңлатмалы һүзлеге» Г.Д. Зайнуллиной: бәхет – 1) йәшәйешкә һәр яклап кәнәгәтлек биргән тормош хәле; 2) эштәге, тормоштағы һәр төрлө уңыш [11; 12]; 3) башка төшкән язмыш [13]. В самом начале произведения «Бәхет кошо юлынан» Т. Киекбаевой мы находим следующую интерпретацию анализируемого концепта: *Кемдәрҙер өсөн бахет – ул байлык, бағзеләр өсөн – эш, карьера, ә кемдәрҙеләр – гаилә*. Основная идея текста – поиск счастья.

В башкирском языке концепт «бәхет» вербализуется в большинстве случаев существительным «бәхет» и прилагательным «бәхетле»: 1. *Был тормошта һәр кем бәхетле булырға теләй, һәр кем бәхеткә үзенә юл яра*. 2. *«Әй, һин тормош! Ниндәй гүзәлһең һин! аһа-һа-һай, мин ниндәй бәхетле!»* Данные лексемы представляют ядро концепта «бәхет».

Анализ словарных дефиниций дает нам также возможность выявить синонимы, которые составляют ближнюю периферию концепта «бәхет»: *уңыш, кәнәгәтлек, йән тыныслығы, ләззәт, кинәнес*. Дальняя периферия представлена лексемами *язмыш, кот, ождама, эш, карьера, гаилә*.

Следует отметить, что в своей книге автор сравнивает условия жизни простого народа в России и Италии. Размышления о счастье проходят красной нитью через все произведение. В процессе анализа структурных компонентов концепта «бәхет» мы обнаружили ряд концептуальных линий, универсальных для представителей не только двух рассматриваемых этносов, но и большинства народов мира:

Счастье – блаженство, полная удовлетворенность жизнью: *«Бәхет... – ти ул, бөхтә автобуста оло кинәнетән изерәп, ике күзен тәзрәләрҙән алмайынса, тирә-якты күзәттеп килгән ыңғайға уйланып. – Бәхет, миңсә, ошондай ләззәтле минуттарҙан коршалалыр...»*. [10; с. 87].

Счастье – счастливое детство в полноценной семье: *Әсәйең булмағас, асык яланда ышығы булмаған сәскә кеүек ел-ямғырҙа күшегеп, дауылдарҙа бәргеләнеп, бурандарҙа аҙашып үскән бала сакты бәхетле сак тип һис кенә лә әйтеп булмай* [10; с. 122].

Счастье – домашний уют, семья, родные люди: 1. *Һәр бер йорттоң балкондарында күзең яуын алырҙай кып-кызыл яран сәскәләре эленгән! Кайһылай матурҙар! Бик бәхетле кешеләр йәшәйҙер был йорттарҙа!* 2. *Йәйгеһен улы, һөйгән кызын әйәртеп, Италияға килде*.

Был мэлдәрзә Гөлсәм бик-бик бәхетле ине. 3. Һин – бәхетле, балаларың үзең менән [10; с. 113].

Счастье – благоприятные условия для жизни людей: *Озон кыш буйына кар һыуыгын тойоп йәшәгән рәсәйлеләргә караганда итальяндар күпкә бәхетлерәк гүмер кисерәләрзәр, тигән уй телеп үтте Гөлсәмдөң мейеһен [10; с. 118].*

Счастье – жизнь в окружении добрых людей: 1. *Аһ... кешегә бер йылы һүз етә шул... Гөлсәмдөң сәфәре изге кешеләрзән башлана, ишшала! Тимәк, был илдә Гөлсәмгә һис шикһез бәхет йылмаясак! 2. Бәхеткә күрә, улар бик кешелекле булып сыкты [10; с. 129].*

Счастье – взаимопонимание, взаимная любовь, страстная и искренняя: 1. *Сит ерзә, сит мөхиттә, сит донъяла үз илдәренән бик-бик алышта тыуган төйәгән һагыныузан зарыккан ике эмигрант араһында эскерһез һәм ялкынлы мөхәббәт хасил булды. ... Бындай бәхетте табыуына Гөлсәм дә, Эдуард та ихлас шат ине. 2. Бәхет – ул йән һөйгән кешең менән бергә гүмер итеү ... 3. Мөхәббәт – ул бәхет [10; с. 133].*

Счастье – исполнение заветного желания: *Укырға инеүе тураһында белдереүзәр тактаһына эленгән кагыззағы тезмәлә үз фамилияһын күргәс, ... йүкә ағасын косаклап илағайны ул. Эйе, үз гүмерендә тәүге тапкыр бәхет йылмайғайны уға [10; с. 137].*

Отличительной чертой башкирского мировоззрения можно считать следующие концептуальные линии:

Счастье заключается не в деньгах:

«Акса – бәхет түгел!» - тиен,

Мине илем үстәрзе [10; с. 56].

С одной стороны, автор согласна с таким утверждением: счастье – это не материальное благо, ибо оно не в состоянии заменить Родину, родной дом, семью. Эту мысль прививали каждому из нас с самого детства. Однако, с другой стороны, автор глубоко осознает, что в ее стране жить счастливо мешает именно отсутствие материального достатка:

Үз-үзеңде алдап булмай –

Аксаһызлык бүктерзе [10; с. 91].

Счастье – иметь Родину, жить свободно на своей родной земле: *Был бит бәхет – үз илеңдә ирекле йәшәү! [10; с. 102].*

Автор отмечает, что, в отличие от башкир, которых невозможно представить в отрыве от их родной земли, природы и свободы, европейцы лишены духа патриотизма и любви к Родине в силу принадлежности всех земель частной собственности. Соответственно, для башкирского народа счастье – это свободная жизнь на своих родных просторах. После долгих лет раздумий о смысле жизни, о счастье, после многолетнего поиска счастья в чужой стране, автор приходит к выводу, что для нее счастье – это жить в объятиях родной природы, в окружении родных и близких: *Бына ул, ниһайәт, хыял иткән тыуган иленә кайтып бара. Унда гәзиз кешеләре менән осрашасак! Ниндәй бәхет! [10; с. 199].*

Базовый концепт «бәхет» и синонимы, которые составляют его близкую и дальнюю периферию, приобретают дополнительные концептуальные значения помощью фразеологических единиц и стилистических средств: *мөлдәрәмә бәхет бизрәләре, бәхетһезлеккә тарыу, бәхет йылмайзы, бәхет даръяһы, бәхет татыу, бәхеткә юл ярыу.* Как известно, наиболее ярко национальный характер и быт отражаются в пословицах и поговорках: *Ике бәхет бер юлы килмәй [10; с. 201].*

Счастье – положительная эмоция, которая связана с ожиданием чего-то приятного [14; с. 67]. Счастье, прежде всего, является невербальной эмоцией, вызывающей радость, удовлетворенность, душевный комфорт. Данная эмоция внешне проявляется в голосе, мимике, жестах, поведении человека, тогда как ее внутреннее проявление можно считать универсальным для представителей большинства этносов.

Таким образом, лингвокультурологический анализ записок интуриста «Бәхет кошо юлынан» Т. Киекбаевой позволил нам прийти к выводу, что ядро концепта «бәхет» представлено в башкирском языке существительным «бәхет» и прилагательным «бәхетле». Пе-

риферию рассматриваемого концепта составляют синонимы и ассоциативные связи. В ходе анализа структурных компонентов концепта «бәхет» были выявлены универсальные концептуальные линии: счастье – это благоприятные условия для жизни, удовлетворенность своей жизнью; это любовь, семья, дом, родные люди. Национально-специфическим свойством концепта «бәхет» в башкирском языке является выражаемый при помощи экспликантов данного концепта дух патриотизма и любовь к Родине. Очевидно, разные языки имеют различные способы вербализации концепта «бәхет», что можно объяснить национальной спецификой языковых картин мира.

Библиографический список

1. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины (Основное богословие). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. 430 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2001. 208 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 448 с.
4. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Моск. ун-т, 1995. 320 с.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 1996. 272 с.
6. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Методологические проблемы когнитивной лингвистики Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.
8. Селигман М. 5 Компонентов Счастья. URL: <https://psyprofy.com/articles/32>
9. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах. Сопоставительный аспект, Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.
10. Кейкебаева Т.Ә. Бәхет кошо юлынан: Интурист язмалары. Сибай: «Сибай кала типографияһы» дәүләт унитар предприятиеһы, 2014. 205 бит.
11. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 143 с.
12. Суфьянова Н.Ф., Сиразитдинов З.Ә., Ураксин З.Ф. Башкорт теленең аңлатмалы һүзлеге. Өфө: Китап, 2011. 336 бит.
13. Хәзерге башкорт әзәби теленең аңлатмалы һүзлеге // Г.Д. Зәйнуллина. Өфө, 2004. 527 бит.
14. Ковыршина О.А. «Философия жизни» Анри Бергсона в дневниковой прозе Михаила Пришвина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 3.2022. 67-72 с.

References

1. Osipov A.I. The Path of Reason in the Search for Truth (Essential Theology). M.: Sretensky Monastery Publishing House, 2002. 430 p.
2. Maslova V.A. Linguoculturology: A textbook for students of higher educational institutions. M., 2001. 208 p.
3. Benveniste E. General linguistics. M., 1974. 448 p.
4. Cherneyko L.O. Linguistic and philosophical analysis of an abstract name. M.: Moscow. Univ., 1995. 320 p.
5. Vezhbitskaya A. Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics. M.: Languages of Slavic Culture, 1996. 272 p.

6. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Methodological problems of cognitive linguistics Sat. scientific tr. / Ed. I. A. Sternina. Voronezh: VSU, 2001. pp. 75-80.
7. Shakhovskiy V.I. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language. Voronezh: Voronezh Publishing House. Univ., 1987. 192 p.
8. Seligman M. 5 Components of Happiness. URL: <https://psyprofy.com/articles/32>
9. Zaikina S.V. The emotional concept of “fear” in English and Russian linguistic cultures. Comparative aspect // abstract. diss. ...cand. Philol. Sci. – Volgograd, 2004. 20 p.
10. Kiyekbayeva T.A. On the way of the bird of happiness: notes of a foreign tourist. Sibai: printing House, 2014. 205 p
11. Akhmetyanov R.G. General vocabulary of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region. M.: Nauka, 1981. 143 p.
12. Sufyanova N.F., Sirazitdinov Z.A., Uraksin Z.G. Explanatory dictionary of the Bashkir language. Ufa: Kitap, 2011. 336 p.
13. Explanatory dictionary of the modern Bashkir language // G.D. Zainullina. Ufa, 2004. 527 p.
14. Kovyreshina O.A. “Philosophy of Life” by Henri Bergson in the diary prose of Mikhail Prishvin // Actual issues of modern philology and journalism. No. 3. 2022. P. 67-72.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070:33

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.018

*Томский государственный университет
Аспирант кафедры теории
и практики журналистики
Маслова Е.С.*

*Россия, г. Томск,
тел. +79061984153*

e-mail: ec1355@mail.ru

*Tomsk State University
The chair of theory and practice of
Journalism Postgraduate student
Maslova E.S.*

Russia, Tomsk

tel. +79061984153

e-mail: ec1355@mail.ru

Е.С. Маслова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В МАССОВОМ БЕСПЛАТНОМ ИЗДАНИИ «ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА» (ТОМСК, 2009-2013)

Статья посвящена особенностям работы с экономической тематикой в массовом региональном издании. Анализируется жанрово-тематическая модель газеты, система рубрик, а также особенности графического оформления. Изучается опыт использования инфографики в городском издании. Исследование экономической тематики в региональной прессе XX-XXI веков остается одной из актуальных задач, стоящих перед исследователями. Экономическая журналистика в регионах на данный момент изучена слабо, хотя в отдельных работах рассматриваются особенности подачи деловой информации, создания рекламных текстов в интернет-СМИ и местной периодике. Однако до сих пор существует ряд спорных вопросов, связанных с периодизацией истории региональных деловых изданий, с определением типов изданий, работавших с экономической информацией, и т.д. Также исследователями не поднимался вопрос об особенностях повышения эффективности и доступности материалов экономической тематики, в том числе не для специализированной, но и для массовой аудитории, которые достигаются благодаря применению современных средств журналистики. Целью настоящей работы является изучение особенности подачи материалов экономической тематики на страницах массового регионального издания. Материалом исследования стала «Городская газета», выходявшая в Томске в 2010-х годах. Было изучено 104 номера газеты, выходявших в период с 2009 по 2013 гг., в них выявлено 109 текстов экономической тематики, написанных в различных жанрах. Методы исследования: историко-типологический анализ, методы исследования визуального материала. «Городская газета», регулярно выходявшая в 2009-2013 годах тиражом более 100 тысяч экземпляров и распространявшаяся бесплатно, позволила познакомиться с экономикой как на уровне макро (федерация, область, город), так и на микро – в рамках отдельных домохозяйств, – большое количество томичей. Особенностью «Городской газеты» было активное использование инфографики: она первой в Томске и Томской области начала на регулярной основе использовать эту форму подачи материала. Можно говорить о значимом вкладе «Городской газеты» в формирование экономической культуры и образованности среди горожан и огромную роль сыграло в этом использование инфографики на регулярной основе.

Ключевые слова: журналистика, экономическая журналистика, региональная журналистика, инфографика, массовые издания.

E.S. Maslova

ECONOMIC TOPICS IN THE FREE MASS EDITION “CITY NEWSPAPER” (TOMSK, 2009-2013)

The article is devoted to the peculiarities of working with economic topics in a mass regional edition. The article analyzes the genre-thematic model of the newspaper, the system of headings, as well as the peculiarities of graphic design. The experience of using infographics in the city edition is studied. The study of economic topics in the regional

press of the XX-XXI centuries remains one of the urgent tasks facing researchers. Economic journalism in the regions is poorly studied at the moment, although some works consider the peculiarities of presenting business information, creating advertising texts in the Internet media and local periodicals. However, there are still a number of controversial issues related to the periodization of the history of regional business publications, the definition of the types of publications that worked with economic information, etc. Also, researchers have not raised the question about the peculiarities of increasing the effectiveness and accessibility of materials on economic topics, including not for specialized, but also for mass audiences, which are achieved through the use of modern means of journalism. The purpose of this paper is to study the peculiarities of presentation of economic materials on the pages of a mass regional edition. The material of the study was "City Newspaper", published in Tomsk in the 2010s. We studied 104 issues of the newspaper published between 2009 and 2013, in them we found 109 texts of economic topics written in various genres. Research methods: historical-typological analysis, methods of visual material research. "City Newspaper", which was regularly published in 2009-2013 with a circulation of more than 100 thousand copies and distributed free of charge, made it possible to familiarize a large number of Tomsk citizens with the economy both at the macro level (federation, region, city) and at the micro level (within individual households). A special feature of City Newspaper was the active use of infographics: it was the first newspaper in Tomsk and Tomsk Oblast to use this form of presentation on a regular basis. We can talk about the significant contribution of City Newspaper to the formation of economic culture and education among the citizens, and the use of infographics on a regular basis played a huge role in this.

Keywords: journalism, economic journalism, regional journalism, infographics, mass editions.

Исследование экономической тематики в региональной прессе XX-XXI веков остается одной из актуальных задач, стоящих перед исследователями. Это связано прежде всего с общей ситуацией в российской экономике, ее переходом от социалистического к капиталистическому, рыночному периоду развития. В этой ситуации, подчеркивают исследователи, человек «стал самостоятельным субъектом хозяйственной и политической деятельности», что потребовало «коренной реформы всей системы информационного обеспечения российских граждан» [1].

Освещение экономической тематики в массовых и специализированных российских изданиях освещалось во многих работах – статьях, диссертационных исследованиях, учебниках и учебных пособиях (см. напр.: [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8; 9, 10]). Экономическая журналистика в регионах на данный момент изучена слабо, хотя в отдельных работах рассматриваются особенности подачи деловой информации, создания рекламных текстов в интернет-СМИ и местной периодике (см.: [11, 12]). Однако до сих пор существует ряд спорных вопросов, связанных с периодизацией истории региональных деловых изданий, с определением типов изданий, работавших с экономической информацией, и т.д. Также исследователями не поднимался вопрос об особенностях повышения эффективности и доступности материалов экономической тематики, в том числе не для специализированной, но и для массовой аудитории, которые достигаются благодаря применению современных средств журналистики.

Целью настоящей работы является изучение особенности подачи материалов экономической тематики на страницах массового регионального издания. Материалом исследования стала «Городская газета», выходившая в Томске в 2010-х годах. Было изучено 104 номера газеты, выходивших в период с 2009 по 2013 гг., в них выявлено 109 текстов экономической тематики, написанных в различных жанрах. Методы исследования включают историко-типологический анализ и изучение визуального материала.

Поскольку в настоящем исследовании используются термины «экономическая журналистика» и «деловая журналистика», необходимо пояснить, что изучение работ авторов, посвященных экономической тематике в прессе, позволило сделать вывод об отсутствии общепринятого разграничения этих понятий. Так, А.В. Вырковский оперирует термином «деловая журналистика», подчеркивая, что «характерные черты системы деловой журналистики находятся в прямой зависимости от положения дел в национальной экономике, финансовой системе, а также от степени технологического развития» [13] и предлагает следующую периодизацию истории современных российских деловых СМИ:

- «1) Становление российской деловой журналистики (1987-1995 годы);
- 2) развитие национальной модели деловой журналистики, рост конкуренции на рынке (1995-1999 годы);

3) окончательное формирование системы деловой прессы России как элемента национальной медиасистемы (1999-2003 год);

4) 2003 – нынешнее время. Данный временной этап характеризуется быстрым ростом числа представителей деловой прессы; развитием мультимедийных холдингов бизнес-СМИ; активным проникновением на рынок зарубежных брендов; а также быстрым развитием под-вида деловой прессы, посвященной персональным финансам. В нулевых из-за подъема российской экономики, действительно, появлялось много деловых изданий» [13].

Ю.В. Артемова отделяет деловую журналистику от экономической [8], но большинство исследователей (В.В. Ворошилов, Г.С. Мельник, Д.А. Мурзин и др.) считают, что экономическая относится к деловой журналистике [14, 15, 16].

Мы считаем, что экономическая журналистика является отдельным от деловой журналистики направлением, исходя из ее специфических целей и задач, направленных на обеспечение экономической информацией не только людей, связанных с ведением бизнеса, но и тех, кто интересуется экономикой на микроуровне – уровне домохозяйств. Таким образом, в настоящей работе мы рассматриваем именно экономическую журналистику Томска на примере одного из ее характерных представителей – «Городской газеты».

«Городская газета»: общие сведения. На рубеже XX-XXI веков в России остро стоял вопрос о формировании финансовой грамотности у населения. Новая рыночная реальность была непривычна, в обиход вошли не просто новые термины – глобально изменился подход к экономике как на макроуровне, так и на уровне домохозяйств. От журналистов работа в этой новой реальности также требовала новых подходов, достаточно глубокого понимания тем, а также способности переложить ее на язык не для профессиональной, а для массовой читательской аудитории. В связи с этим интересен феномен томского издания «Городская газета», выходящей с 2009 по 2013 годы.

Необходимо отметить, что в постперестроечное время в Томске выходило два издания под названием «Городская газета». Первое существовало в 1997-1998 годах: газета была зарегистрирована в Западно-Сибирском региональном управлении Госкомпечати РФ (Свидетельство о регистрации № Г-01394, выдано 20.11.1997 г.), сохранившиеся номера ведут отсчет с №2 (8) за январь 1998 года. Тираж составлял 100 тыс. экземпляров. Распространялась она в г. Томске и г. Северске, издателем значилось ЗАО «Городская газета». В мае 1998 года газета перестала издаваться.

Несмотря на эклектичность содержания (здесь можно было прочитать и о жизни ночных клубов, и о томской истории, познакомиться с криминальной хроникой, узнать об основах дизайна и т.д.), газета отличалась серьезным подходом к освещению экономической тематики. Так, например, журналисты газеты пристально отслеживали судьбу крупного томского налогоплательщика – Восточной нефтяной компании: перипетиям, связанным с переходом прав собственности на нее, был посвящен целый ряд заметок и статей [17, 18, 19]. Также газета писала о томских компаниях «Завод пищевых продуктов», «Стек», магазине «Пассаж» и других [20, 21, 22]. Газета внесла свой вклад в формирование финансовой грамотности, рассказывая о налогообложении у предпринимателей [23], о новых банковских продуктах [24], о правах потребителей (статья «Избегайте «штрафников!»» [25]).

Вторая «Городская газета» начала издаваться 1 февраля 2009 года. Она позиционировала себя как приложение к рекламно-информационному еженедельнику «Аукцион online», была зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Новосибирской области (свидетельство ПИ № ФС 12-1850 от 04 марта 2008 года). Тираж составлял 102010 экземпляров. В 2009 году газета выходила еженедельно, с 2010 года – 1 раз в 2 недели. Издателями газеты были: изначально – ООО «Пресса», затем – ООО «Формат Сити» и далее, до прекращения выпуска газеты, – фонд «Фонд развития города». Издание получило серебряную медаль Всероссийского конкурса «Газетный дизайн» в номинации «Лучший газетный дизайн» в 2012 году.

В «Городской газете» можно выделить несколько основных тематических блоков. Среди наиболее значимых и объемных отметим блоки: посвященные значимым городским проблемам (транспорт, школы, застройка, бюджет города и области, а также привлечение дополнительных средств из федерального бюджета и т.п); проблемам ЖКХ и организации ТСЖ; вопросам личных финансов; защите прав потребителя. Данные вопросы раскрывались в рамках соответствующих тематических блоков, как правило, публикуемых на 1-2 разворота. Они включали в себя центральный материал – статью или интервью от первого лица, опрос, несколько материалов информационных жанров (заметка, отчет, репортаж), а также инфографику. Блоки иллюстрировались фотографиями и рисунками.

Постоянными рубриками были: «Тема номера», «Путеводитель по городу», «Репутация», «Эксперт», «Идеи для жизни», «Культура», «Мнения», «Сервис». Позднее в газете появлялись рубрики «Дети нашего города», «Люди нашего города», «Реальная жизнь», «Автополоса». Система рубрикации усложнялась тем, что в рамках основной рубрики могли публиковаться подрубрики. Например, основная рубрика «Путеводитель по городу» включала три подрубрики: «Опрос», «Соседи» и «Хроника упущенных возможностей». Такая двухуровневая система рубрик сохранялась до последних номеров газеты.

Экономическая тематика в «Городской газете». Газета уделяла материалам экономической тематики много внимания, при этом можно выделить несколько основных проблемно-тематических блоков, связанных с экономическими вопросами. Это привлечение федеральных бюджетных средств в регион, проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства и ТСЖ; пропаганда сознательного подхода к управлению общедомовым имуществом, формирование финансовой грамотности населения, материалы о различных банковских продуктах: вкладах, ипотеке, кредитах.

Чаще всего журналисты рассматривали вопросы о том, как больше привлекать федеральных бюджетных средств в регион и правильно распределять их. Материалы сопровождались комментариями специалистов, опросами томичей, анализом положения в соседних регионах. Такого рода публикации обычно имели вид комплекса материалов, освещающих с разных сторон выбранную тему: на газетном развороте можно было одновременно увидеть 2-3 статьи (или статью и интервью), опрос, пару кратких заметок, фотоиллюстрации и инфографику. Такое многоуровневое построение разворота помогало представить информацию максимально объемно. При этом такая подача информации подразумевала, что читатели на разных уровнях восприятия смогут почерпнуть для себя информацию. В качестве примера рассмотрим разворот (страницы 2-3), вышедший в № 1 от 1 февраля 2009 г. «Как Томск решает проблему снега» – именно так называется центральный материал разворота. Вместе с ним опубликованы: инфографика «Как убирают снег в Томске», опрос «Как вы оцениваете состояние уборки снега в Томске?», статья «Чем мы хуже Красноярска?» и хроника «Уборка снега: как это было?» [26].

В «Городской газете» публиковались стратегические планы развития города в различных сферах. Планы предоставлялись изначально командой кандидата в мэры г. Томска Н.А. Николайчука, затем – городской администрацией. Также проводился сравнительный анализ развития различных направлений в городском хозяйстве, как в материальном выражении, так и в финансовом. Сравнение оказалось не в пользу команды предыдущего мэра г. Томска. Материалы показывали, что городской бюджет может получать значительно больше федеральных средств.

Материал «Москва слезам не верит», вышедший в № 3 от 15 февраля 2009 г. и посвященный «больной» для Томска теме – ремонту дорог, можно привести в качестве характерного примера. На данном развороте аналитическая статья проиллюстрирована двумя инфограммами. Центральная из них выполнена в виде карты со столбцами, которые сопровождаются кружочками с суммами затрат и расшифровкой этих затрат в соответствующих выносках, расположенных вокруг карты. Вторая инфографика размещена в подвале на полторы страницы и показывает затраты на дорожный ремонт по годам. Под красными кругами, де-

монстрирующими визуально объем затрат, расположены собственно цифры, обозначающие эти затраты, а еще ниже дана расшифровка, на что были израсходованы средства [27].

В газете публиковались не только планы, но и производилось подведение итогов. Например, в апреле 2013 года вышел спецвыпуск «Городской газеты» под названием «Городской отчет» (по аналогии с годовым отчетом на предприятиях), где журналисты анализировали основные городские события, оперируя цифрами. В качестве анонса на первую страницу вынесены следующие фразы «Кажется, ничего не изменилось... Одиннадцать фактов о Томске 2012 года». Отметим, что в практике городских СМИ Томска таком формате и в таких масштабах подобная публикация выходила впервые.

Отчет размещается на 8 газетных полосах, причем развернут не как обычно вертикально – 2 полосы А3, а развернут горизонтально на полосах. Вверху каждой полосы расположен опрос горожан, которые делятся своим мнением относительно Томска, его удобства, культуры, дорог и т.п. Далее идет небольшой материал на заданную тему, например: «Придут ли деньги из Москвы?» или «Внимание! В городе обнаружены парки» и т.п. Всего мы насчитали одиннадцать публикаций такого типа. Большая часть материалов сопровождается красочной позитивной фотографией, иллюстрирующей тему, а также линейной или круговой инфографикой, показывающей позитивные тенденции в описываемой сфере. Читатель видит рост введенных в эксплуатацию жилых домов и дорог, увеличение вложений в социальную сферу и т.д. Завершается выпуск интервью с мэром г. Томска Н.А. Николайчуком, где он также подводит итог, рассказывая о позитивных изменениях в городе. На фотографии, иллюстрирующей интервью, Н.А. Николайчук изображен не в официальном деловом костюме, а в белой рубашке, жилетке и без галстука, но за рабочим столом. Такой образ подчеркивает, что градоначальник не просто один из «обещающих» чиновников, а работающий на благо горожан и близкий им по духу глава города [28].

«Городская газета» была безусловным пионером и лидером в формировании финансовой грамотности населения, а также понимания прав покупателей и потребителей. На протяжении четырех лет на ее страницах регулярно выходили материалы о том, как вести себя в магазинах, кафе и т.д. Журналисты рассказывали читателям, каким образом покупатель может обменять товар, вернуть его и получить за некачественный товар (услугу) не только свои средства, но и возмещение ущерба.

В качестве примера рассмотрим публикацию «Поставьте магазин на место» с подзаголовком «Еще шесть ситуаций, в которых вы на самом деле правы». Текст расположен на последней полосе; в нем рассмотрены четыре ситуации: обыск в магазине, бой товара в магазине, возврат некачественного товара и поход в магазин с сумкой. Читателям объясняется, какие права они имеют в каждой из перечисленных ситуаций. Из текста «Обыскивать может только милиция!» мы узнаем, что сотрудники магазина, в том числе местная служба безопасности, не вправе самостоятельно проводить обыск покупателя, а обязаны вызвать представителей милиции и только могут производить досмотр [29].

Отдельное пристальное внимание авторами газеты уделялось сфере жилищно-коммунального хозяйства, созданию ТСЖ, формированию сознательного подхода к управлению общедомовым имуществом. Надо отметить, что вопрос обслуживания управляющими компаниями многоквартирных домов был в то время (и остается до сих пор) одним из самых болезненных и злободневных. Люди платили деньги и не понимали, как их расходуют управляющие компании. «Городская газета» рассказывала о том, какие права имеют жильцы многоквартирных домов, как поменять управляющую компанию или вовсе создать Товарищество собственников жилья. Публикации на данную тему выходили в «Городской газете» практически еженедельно, причем приводились в пример финансовые показатели отдельных УК и ТСЖ [30].

Время от времени «Городская газета» публиковала материалы о формировании семейного бюджета. Эта новая и очень актуальная в рыночных реалиях тема находила широкий

отклик у читателей. Периодически публиковались материалы о различных банковских продуктах: вкладах, ипотеке, кредитах.

Мы выяснили, в каких жанрах наиболее часто работали журналисты «Городской газеты», создавая материалы на экономические темы. Применяв метод количественного анализа, мы получили следующие данные, аккумулярованные в таблице. *(В исследовании учтены публикации из номеров, сохранившихся в библиотеке: 2010 - 10, 2011 - 7, 2012 - 5, 2013 - 11.)*

	Жанр материала	Годы выхода				
		2009	2010	2011	2012	2013
1.	Новость / заметка			4	1	9
2.	Комментарий			1		3
3.	Репортаж					
4.	Интервью	8			2	2
5.	Зарисовка					
6.	Обзор	1	3	2	2	6
7.	Статья	18	9	10	3	4
8.	Аналитическая статья	6	7	4	2	2
	ВСЕГО МАТЕРИАЛОВ	33	19	21	10	26

Наиболее часто в газете использовался жанр статьи и аналитической статьи. Связано это с тем, что он, с одной стороны, позволяет дать достаточно объемную информацию, с другой – вызывает у читателей подсознательное доверие к достоверности данных, т.к. ранее в советской прессе именно этот жанр использовался для публикации важной значимой информации.

Информационные жанры не пользовались большой популярностью. В 2009 году к этому жанру обращались, поскольку было важно показать возможность диалога между властью и горожанами. Прямая речь в интервью, его открытая форма позволяли это сделать. В 2012 заметно уменьшение материалов экономической тематики – всего 10 публикаций за годы. В 2013 году их количество вновь возрастает, причем заметно увеличивается число публикаций информационных жанров: заметок и комментариев, а аналитические жанры представлены в большей степени обзорами и в меньшей – статьями. Это связано со сменой коллектива редакции и информационной политики издания в целом.

Характерной особенностью «Городской газеты» было использование инфографики, которую можно рассматривать как особый жанр.

Инфографика «Городской газеты». Необходимо отметить, что в 2010-х годах использование инфографики не было характерно для печатных периодических изданий Томска и Томской области. Газеты и журналы в качестве иллюстративного материала по традиции использовали фотографии или рисунки, а статистические и экономические материалы чаще всего подавались в текстовом виде либо в виде таблиц, что затрудняло их восприятие.

«Городская газета» подошла к подаче экономических данных «инновационным» способом, «упаковав» их в инфографику (дизайн Екатерины Тихоновой). Специалисты называют инфографику синтетической формой, сочетающей в себе черты аналитической журналистики и дизайна, отмечая, что «инфографика <...> делает информацию более понятной и наглядной для читателя, а это решает одну из важнейших задач любого СМИ – эффективность подачи материала, максимально точное донесение смысла до целевой аудитории» [31]. «...Инфографика остается успешным методом концентрации и наглядного отображения большого объема данных на полосе и компонентом медиатекста» [32].

В первом же номере «Городской газеты» было опубликовано три материала, оформленных с помощью инфографики: «Как Томск решает проблему снега», «Томск-2009: что

дальше?» и «Война с супермаркетом» [33]. Это три наиболее часто встречающихся вида инфографики, которые использовались и в дальнейшем.

Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляет материал «Томск-2009: что дальше?» Здесь представлены три инфографики, оформленные как диаграммы: «Томск и Омск: почувствуйте разницу», «Как увеличивался бюджет Томска и как привлекались Федеральные деньги» и «Сами ли приходят деньги из Москвы?» Все три иллюстрации направлены на то, чтобы человек, даже не прочитавший текстовую часть материала, получил максимум информации о том, как, за счет каких средств и на сколько изменялся бюджет г. Томска.

Инфографика-диаграмма регулярно появлялась на страницах «Городской газеты» в последующих номерах. Например, так же были оформлены материалы «Деньги оказались не нужны» (про капитальный ремонт) [34], «Москва слезам не верит» (посвящен строительству и ремонту дорог в Томске) [27] и другие.

Инфографика «Как убирают снег в Томске», расположенная на второй странице первого же номера, интересна с точки зрения подачи. Дизайнер показывает количество машин через соответствующие пиктограммы, здесь же дается краткая информация о видах машин, об объеме работ, который они выполняют, и о том, кому принадлежит данная техника. Изучив данную иллюстрацию, читатель получает достаточно большой объем информации, даже если не вчитывается в тексты, расположенные в рамках тематического разворота.

Еще одна инфографика «Война с супермаркетом» была создана с использованием образов человечков из детского конструктора. Воссоздан магазин, где стоят пронумерованные объекты, от которых идут линии к соответствующим текстам, объясняющим права покупателя. Несмотря на то, что в дальнейшем от диаграмм подобного рода «Городская газета» отказалась, однако в качестве иллюстраций фигурки из конструктора продолжали применяться.

Во втором номере [35] обращает на себя внимание тщательно продуманная и грамотно исполненная инфографика «Что нового в новом трамвае». Отдельные детали модели трамвая выделены красными квадратами, от которых протянуты линии к нумерованным квадратам, рядом с которыми коротко описаны достоинства новой техники. Под основной иллюстрацией мы видим цифры, которые стилистически также являются частью инфографики. Здесь показаны: вместимость, максимальная скорость, стоимость и годовой объем трамвайных перевозок. Читатель, просмотрев этот материал, скорее всего сделает вывод, что закупка трамваев – это верное решение, которое будет способствовать развитию общественного муниципального городского транспорта.

Еще две инфографики из второго номера – «За что платит жилец томского дома» [36] и «Способы управления домом» [37] – имеют к экономике косвенное отношение. Они дают представление о структуре рынка ЖКХ для простого обывателя. Визуально они являются частью большого разворотного материала «Деньги оказались не нужны», где повествуется о том, что управляющие компании не использовали в полном объеме привлеченные городом 300 миллионов рублей. Читателя подводят к выводу, что эффективно использовать эти средства можно, если создать Товарищество собственников жилья.

В пятом номере газеты [38] применен очень интересный прием с использованием карты. На нее нанесены столбики диаграмм, обозначающих различные объекты соцсферы. Столбики различаются по высоте и соответствуют объему средств, которые выделяют на их ремонт. Информация о сумме этих средств, работах, на которые их предстоит потратить, а также фотографии объектов приводится здесь же и является неотъемлемой частью инфографики. Такой прием вызывает у читателя доверие и понимание, что средства будут расходоваться по назначению на действительно значимые объекты, в том числе близких к нему по месту проживания или работы.

В дальнейшем все перечисленные виды инфографики используются с разной степенью интенсивности. Наиболее популярны диаграммы, поскольку они наименее трудоемки и не требуют особых дизайнерских навыков при подготовке.

«Городская газета», регулярно выходившая в 2009-2013 годах тиражом более 100 тысяч экземпляров и распространявшаяся бесплатно, позволила ознакомить читателей с вопросами экономики как на макро- (федерация, область, город), так и на микроуровне (в рамках отдельных домохозяйств). Причем благодаря доступу к первым лицам и экспертам, владеющим экономической информацией, и передовой грамотной многоуровневой ее подаче, информация эта была максимально проверенной, объемной и доступной.

Особенностью «Городской газеты» было активное использование инфографики: она первой в Томске и Томской области начала на регулярной основе использовать эту форму подачи материала. Можно утверждать, что информация, в том числе на экономические темы, преподносимая подобным образом, была доступна и понятна максимально широкому кругу читателей. Таким образом, можно говорить о значимом вкладе «Городской газеты» в формирование экономической культуры и образованности среди горожан, и огромную роль сыграло в этом использование инфографики на регулярной основе.

Начавший выходить в 2010 году журнал «Ваши личные финансы» во многом продолжил традиции, заложенные «Городской газетой», а именно способность говорить с массовым читателем на доступном и понятном языке на сложные экономические темы. В этом заключается серьезный вклад «Городской газеты» в экономическую журналистику г. Томска.

Библиографический список

1. Ворошилов В.В. Теория и практика массовой информации. 2-е изд., перераб. и доп. М., КНОРУС, 2017. 464 с.
2. Амиров В.М., Смирнов И.В. Особенности аргументации в публикациях деловых изданий (на примере материалов газеты «Коммерсант») // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 51-56.
3. Демина И.Н. Цифровизация медиасреды: вызовы для экономической массовой коммуникации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 1. С. 116-125.
4. Мамиконян К. Основные типологические характеристики Российской деловой журналистики // Меди@льманах. 2012. № 5 (52). С. 29-32.
5. Коноплев Д.Э. Экономическое мышление в журналистике: парадигмальный переход: дисс. д. филол. н. Челябинск. 2023, 455 с.
6. Гуревич С.М. Экономика отечественных СМИ. М., 2009. 287 с.
7. Шевчук Д.А. Экономическая журналистика. М., 2008. 676 с.
8. Введение в профессию. Журналистика. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2020. 84 с.
9. Губина С.А. Роль региональных печатных СМИ в межкультурном диалоге: опыт Белгородской области (2016–2017) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 2(29). С. 126-132.
10. Воронова Т.А., Пузанова А.А. Районная газета «Кантемировский вестник»: исторический аспект // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 1(32). С. 81-87.
11. Скибина О.М. Деловая информация в региональных интернет-СМИ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 4 (39). С. 170-179.
12. Русскова М.В. Особенности взаимодействия рекламы и целевой аудитории в деловой прессе России и Красноярского края // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 50-54.
13. Вырковский А.В. Сравнительный анализ моделей деловых журналов США. М., 2007. URL: http://www.mirkin.ru/_docs/virkovskii.pdf (дата обращения: 27.03.2024).
14. Ворошилов В.В. Журналистика. М.: КНОРУС, 2015. 496 с.
15. Мельник Г.С., Виноградова С.М. Деловая журналистика. СПб: «Питер», 2010. 304 с.
16. Система средств массовой информации России / под ред. Я.Н. Засурского. М., 2001. 259 с.
17. Коршинков П. Столп на глиняных ногах // Городская газета. 1998. №4 (10). С. 2.

18. Родионова А. КВН или ВНК // Городская газета. 1998. №9 (15). С. 2.
19. Смирнов А. Новые нефтяные союзы // Городская газета. 1998. №13 (19). С. 2.
20. Традиции и качество // Городская газета. 1998. №9 (15). С. 12.
21. Родионова А. «Стэк» и пресса – стерпится-слюбится? // Городская газета. 1998. №11 (17). С. 5.
22. Сорокопудова В. Хороший магазин – это прежде всего идеология // Городская газета. 1998. №14 (20). С. 7.
23. Акимова Т. Как от налогов не протянуть ноги // Городская газета. 1998. №9 (15). С. 4.
24. Беляцкий П. Что мы знаем о пластиковых карточках? // Городская газета. 1998. №15 (21). С. 4.
25. Акимова Т. Избегайте «штрафников»! // Городская газета. 1998. №9 (15). С. 5.
26. Озерова А. Как Томск решает проблему снега? // Городская газета. 2009. №1. С. 2-3.
27. Фомин И. Москва слезам не верит // Городская газета. 2009. №3. С. 6-7.
28. Городская газета. Спецвыпуск «Городской отчет». 2013. С. 1-8.
29. Поставьте магазин на место // Городская газета. 2009. №2. С. 12.
30. Усачев А. Против лома нет приема, если в доме нет домкома // Городская газета. 2010. №11 (34). С. 6-7.
31. Лайкова Я.В. Инфографика в СМИ разного типа // Вестник Московского университета. Сер. 10 «Журналистика». 2014. № 4. С. 41-53.
32. Лайкова Я.В. Инфографика в российских СМИ: периодизация и тренды развития // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2015. URL: <http://www.mediascope.ru/1712> (дата обращения: 27.03.2024).
33. Городская газета. 2009. №1. С. 2-3, 6-7, 12.
34. Литвинова И. Деньги оказались не нужны // Городская газета. 2009. № 2. С. 6-7.
35. Что нового в новом трамвае // Городская газета. 2009. № 2. С. 3.
36. За что платит жилец томского дома? // Городская газета. 2009. № 2. С. 7.
37. Способы управления домом // Городская газета. 2009. № 2. С. 7.
38. Городская газета. 2009 № 5. С. 6-7.

References

1. Voroshilov V.V. Theory and practice of mass information. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2017. 464 с.
2. Amirov V.M., Smirnov I.V. Features of argumentation in the publications of business editions (on the example of materials of the newspaper “Kommersant”) // Political Linguistics. 2020. № 2 (80). P. 51-56.
3. Demina I.N. Digitalization of the media environment: challenges for economic mass communication // Vestnik of the Volga University named after V.N. Tishchev. 2020. Vol. 1. Iss. 1. P. 116-125.
4. Mamikonyan K. Main typological characteristics of Russian business journalism // Medi@lmanah. 2012. Vol. 5 (52). P. 29-32.
5. Konoplev D.E. Economic thinking in journalism: paradigmatic transition: diss. ... Doctor of Philology. Chelyabinsk, 2023. 455 p.
6. Gurevich S.M. Economic in domestic mass media. Moscow, 2009. 287 p.
7. Shevchuk D.A. Economic journalism. M., 2008. 676 с.
8. Introduction to the profession. Journalism. Elets State University named after I.A. Bunin, 2020. 84 с.
9. Gubina C.A. The role of regional print media in intercultural dialog: the experience of the Belgorod region (2016-2017) // Actual issues of modern philology and journalism. 2018. Vol. 2(29). P. 126-132.
10. Voronova T.A., Puzanova A.A. District newspaper “Kantemirovsky Vestnik”: Historical aspect // Actual issues of modern philology and journalism. 2019. Vol. 1(32). P. 81-87.

11. Skibina O.M. Business information in regional Internet media // Bulletin of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. 2022. Vol. 1. Iss. 4 (39). P. 170-179.
12. Russkova M.V. Features of interaction between advertising and target audience in the business press of Russia and Krasnoyarsk region // Business. Society. Power. 2013. Vol. 14. P. 50-54.
13. Vyrkovskiy A. V. Comparative analysis of the models of business journals in the USA. Moscow, 2007. URL: http://www.mirkin.ru/_docs/virkovskii.pdf (date of application: 27.03.2024).
14. Voroshilov, V.V. Journalism. Moscow, 2015. 496 c.
15. Melnik G.S., Vinogradova S.M. Business journalism. St.-Petersburg, 2010. 304 p.
16. System of Mass Media of Russia / ed. by Y.N. Zasursky. Moscow, 2001. 259 p.
17. Korshinkov P. Pillar on clay feet // City Newspaper. 1998. Iss. 4 (10). P. 2.
18. Rodionova A. KVN or VNK // City Newspaper. 1998. Iss. 9 (15). P. 2.
19. Smirnov A. New oil unions // City Newspaper. 1998. Iss. 13 (19). P. 2.
20. Traditions and quality // City Newspaper. 1998. Iss. 9 (15). P. 12.
21. Rodionova A. "Stack" and the press – will they get along? // City Newspaper. 1998. Iss. 11 (17). P. 5.
22. Sorokopudova V. A good store is first of all an ideology // City Newspaper. 1998. Iss. 14 (20). P. 7.
23. Akimova T. How not to die from taxes // City Newspaper. 1998. Iss.9 (15). P. 4.
24. Belyatsky P. What do we know about plastic cards? // City Newspaper. 1998. Iss. 15 (21). P. 4.
25. Akimova T. Avoid "penalized"! // City Newspaper. 1998. Iss. 9 (15). P. 5.
26. Ozerova A. How Tomsk solves the problem of snow? // City Newspaper. 2009. Iss. 1. P. 2-3.
27. Fomin I. Moscow does not trust tears // City Newspaper. 2009. Iss. 3. P. 6-7.
28. City newspaper. Special issue "City report". 2013. P. 1-8.
29. Show the store its place // City Newspaper. 2009. Iss. 2. P. 12.
30. Usachev A. There is no reception against a crowbar if there is no house committee in the house // City Newspaper. 2010. Iss. 11 (34). P. 6-7.
31. Laikova Y.V. Infographics in the media of different types // Bulletin of Moscow University. Ser. 10 "Journalism". 2014. Vol. 4. P. 41-53.
32. Laikova Y.V. Infographics in Russian media: periodization and development trends // Electronic scientific journal "Mediascope", 2015 URL: <http://www.mediascope.ru/1712> (date of application: 27.03.2024).
33. City Newspaper. 2009. Iss. 1. P. 2-3, 6-7, 12.
34. Litvinova I. Money was not needed // City Newspaper. 2009. Iss. 2. P. 6-7.
35. What's new in the new tram // City Newspaper. 2009. Iss. 2. P. 3.
36. What does the tenant of the Tomsk house pay for? // City Newspaper. 2009. Iss.2. P. 7.
37. Ways of house management // City Newspaper. 2009. Iss. 2. P. 7.
38. City Newspaper. 2009. Iss. 5. P. 6-7.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.019

*Центр консультаций по вопросам изучения
иностранных языков «Чуньвэнь»
Китай, провинция Хубэй, г. Ухань
Доктор филологических наук
Бузальская Е.В.
тел: +86 18427357895
e-mail: helve@yandex.ru*

*China, Wuhan, "Chongwen era" foreign
consultation center
China, Hubei, Wuhan
Doctor of Philology
Elena V. Buzalskaia
tel: +86 18427357895
e-mail: helve@yandex.ru*

Е.В. Бузальская

«НОВОСТНАЯ ЗАМЕТКА ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМЫ» КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

В статье автор проводит анализ жанра «новостная заметка» в интернет-пространстве для определения её принадлежности к жанрам речевым. Для этой цели был выбран наиболее спорный вариант – осевой вариант структуры новостных заметок, тематика которых ограничена передачей псевдоинформации в развлекательных или в иммерсивных целях. Такие новостные заметки функционально направлены на снижение напряженности и интенсивности новостного потока, и, в силу этого, их интенция не является типичной. По результатам проведенного исследования оказалось возможным выявить модели, состоящие из типичных повторяющихся закономерностей чередования речевых тактик и признать новостную заметку осевого формата речевым жанром. Для проведения анализа были выбраны примеры новостных заметок платформы Яндекс. Дзен. Контент-анализ и лингвокогнитивный анализ позволили определить границы речевых тактик. Статистические данные показывают, что базовая модель речевого жанра «новостная заметка» содержит 5 звеньев, при этом поле вариативности модели описывается 7 вариантами. Наиболее частотны варианты, первая речевая тактика которых содержит конверсационную импликацию (26%) и конверсационную имплицитуру (21%). На периферии жанра находятся варианты модели, первая речевая тактика которых содержит конвенциональную импликацию, так как их структура варьируется от пяти до семи речевых тактик, частотность ядерных вариантов последовательности тактик не достигает 15%. Новостные заметки, первой речевой тактикой которых является конвенциональная имплицитура, модель не формируют, так как общая слабая когерентность текста не усилена и не объединена интенцией заголовка. Результаты анализа подтверждают также предположение о том, что новостная заметка Интернет-платформы имеет конвергентную природу, так как часть речевых тактик представлена другими жанрами (такими, как прогноз, совет, обещание, интервью).

Ключевые слова: имплицитивность, имплицитность, речевой жанр, новостная заметка, иммерсивность, модель.

E.V. Buzalskaia

«A NEWS NOTE FROM INTERNET PLATFORMS» AS A SPEECH GENRE

In the article, the author analyzes the "news note" genre in the Internet space to determine its belonging to speech genres. For this purpose, the most controversial option was chosen, that is an axial version of the structure of news notes, the subject of which is limited to the transmission of pseudo-information for entertainment or immersive purposes. Such news notes are functionally aimed at reducing the tension and intensity of the news flow, and, therefore, their intention is not typical, which raises doubts about their relevance to the genre of news notes. According to the results of the study, it turned out to be possible to identify models consisting of typical repeating patterns of alternating speech tactics and recognize the news note of the axial format as a variant of the speech genre. Examples of news notes were selected for analysis from the Yandex.Zen platform. Content analysis and linguocognitive analysis made it possible to define the boundaries of speech tactics. Statistics show that the basic model of the "news note" speech genre contains 5 components, the model variability field is described by 7 variants. The most frequent ones are those, the first speech tactic of which contains conversion implication (26%) and conversion implication (21%). On the periphery of

the genre are variants of the model, the first speech tactic of which contains a conventional implicature, since their structure varies from five to seven speech tactics, the frequency of variants of the sequence of tactics does not reach 15%. News notes, the first speech tactic of which is conventional implication, do not form a model, since the overall weak coherence of the text is not enhanced and is not united by the intention of the title. The results of the analysis also confirm the assumption that the news note of the Internet platform is convergent genre, since some of the speech tactics are represented by other genres (such as forecast, advice, promise, interview).

Keywords: implicativity, implicity, speech genre, news note, immersiveness, model.

При изучении жанров периодической печати новостное сообщение традиционно принято включать в группу информационных жанров [1, с. 63], в подгруппу оперативно-новостных [2, с. 139]. По характеру события новостные сообщения бывают срочными, расширенными, аналитическими, однако эта характеристика реализуется не во всех вариантах, поскольку малоформатные жанры не могут быть ни расширенными, ни аналитическими. Новостные заметки в сети Интернет относят к поликодовым малоформатным медиатекстам [3, с. 654], направленным на передачу срочной, актуальной непродолжительное время информации. Так, например, предупреждение о магнитной буре или сезонной опасности пробуждения в лесу клещей, информация о проходящем концерте или совет относительно летнего отпуска – все эти новостные заметки будут важны только в определённое время.

Помещённые в пространство медиаплатформы, новостные заметки приобретают типичный для них формат – «продуманную медиастратегию в отношении репрезентации определённой темы» [4, с. 150]. На уровне организации подачи события (общая интенция речевого события: поделиться новостью) новостные заметки получают, как правило, один из двух вариантов: осевой или сетевой [5, с. 14]. Согласно наблюдениям, сетевой вариант представляет собой гипертекст с отсылками к дополнительной информации. Как правило, текст содержит одну главную ссылку на более полный вариант информационного сообщения (например, на статью в периодическом издании), а также несколько сопутствующих отсылок на менее детальные источники информации (интервью, прогнозы и под.). Сетевой вариант новостной заметки структурно близок к краткому изложению, слова и фразы которого становятся «клавишами», нажатие которых позволяет расширить информационное поле.

Осевой вариант предлагает краткое обобщение, раскрывающее связи лишь между основными действующими участниками события. Помимо классических вариантов, построенных по модели газетных заметок (хотя и тут исследователи отмечают изменения в структуре жанра новостной заметки, приводящие к возникновению новых моделей развёртывания текста сообщения, например: [6]), новостная заметка на платформе-агрегаторе в сети интернет часто построена из цитат. Так, например, сообщение от 18.10.2024 о хурме составлено таким образом, что ссылки на разные источники формируют определённую последовательность с условной связностью. Заголовок: *«Полезна для глаз и сердца: названа неожиданная польза хурмы»*. Текст: *«Однако следует разнообразить свой рацион продуктами, богатыми витаминами, сообщает издание Top24 News. Диетолог, доктор медицинских наук Марият Мухина советует обратить внимание на хурму. Русское Радио: Хурма является прекрасным источником минералов, которые играют ключевую роль в обеспечении нормального функционирования организма: Кальций способствует повышению уровня гемоглобина, поддерживает активность иммунной системы и помогает организму справляться с инфекциями. Infox.ru»*.

Такой текст кажется компиляцией информации из нескольких источников. Возникает закономерный вопрос: а является лингвистический объект с частично нарушенными когезией и когерентностью одним из вариантов жанра новостной заметки, является ли он жанром конвергентным [7, с. 372] и речевым. Представляется целесообразным остановиться на анализе только осевого варианта, так как он является «пограничным» и наиболее сложным для выявления типичной модели.

Выборка материала производилась из новостной ленты платформы «Яндекс. Дзен.» в 2024 году (4000 новостных заметок осевого формата). Анализ речевого жанра и выявление его модели проходил с использованием метода структурного контент-анализа и лингвокогнитивного метода

(выявлялись речевые тактики, формирующие базовую структуру сообщения, определялась возможность нахождения типичной повторяющейся модели).

При анализа первой, открывающей структуру жанра речевой тактики встретились заголовки четырёх типов: имеющие конверсационные и конвенциональные импликатуры, имеющие конверсационные и конвенциональные имплицитуры.

Конверсационные импликатуры в заголовках новостной ленты преимущественно использованы авторами для создания переносного значения. Такие лексемы в заголовках часто находятся в сильной позиции начала или конца предложения, около знака препинания, выделяются кавычками. Например: (31.05.) *Клеици «напали» на более тысячи петербуржцев за неделю с 23 по 29 мая.* Глагол «напали» взят в кавычки, так как в данном контексте действие клещей не должно содержать сем «быстро», «продуманно», «организованно», «с оружием», которые выделяют толковые словари при описании глагола «нападать». Можно сказать, что это пример конверсационной импликатуры, так как адресату предоставлено самому восстанавливать смысл, исходя из своего коммуникативного и житейского опыта (декодировать «напали» как «укусили»). Семантическое несоответствие задаёт шуточный тон, призванный скомпенсировать негативную информацию о повышенной опасности заболеть энцефалитом. К этой же группе можно отнести и следующий тип примеров: (17.06) *В Заполярье начался важный праздник.* Привлекает прилагательное «важный», которое заменяет название самого праздника; масштабность события также подчёркивается глаголом «начался». (10.04) *На пляже Малайзии нашли тушу неизвестного существа* и т.д. Поданная таким образом самая простая информация кажется сенсацией. В этих заголовках авторы применяют один и тот же приём, рассчитанный на то, чтобы заставить читателя открыть текст новостной заметки, используются прилагательные *таинственный, важный, смертельный, опасный, глобальный*, и т.п. Все эти примеры можно отнести к речевой тактике иммерсии («погружения»), поскольку они притягивают внимание читателя, погружая его в чтение информации, которая на проверку часто оказывается бесполезной, неважной и недостоверной.

Конвенциональные импликатуры в заголовках новостной ленты: (15.05.) *Готовь сани летом: в Томской области идёт подготовка энергетического комплекса к зиме*; (28.05.) *Школы, как сани, готовь к зиме летом!* В данных заголовках использована первая часть русской пословицы «готовь сани летом, а телегу зимой». В первом заголовке часть пословицы приведена целиком, во втором примере есть наложение двух выражений друг на друга за счёт параллелизма (школы готовь к зиме летом + (как) + сани готовь к зиме летом). Встречаются также в этой группе и заголовки, содержащие фразеологические обороты, например: (01.06.) *Мошенники хотели облапошить пенсионерку из Москвы, но она сама обвела их вокруг пальца*; профессиональные термины и понятия, которые созданы на основе метафор, например: (01.06) *Картина мира перевернулась: блогер Сергей Климов рассказал о проблемах Краснодара.*

Конверсационные имплицитуры активно используются для привлечения внимания читателя, так как разного рода недосказанности настораживают, пугают, заинтересовывают людей. Компоненты, призванные подменить собой истинный ответ, содержат вопросительные слова и указательные местоимения («какой», «что», «где», «почему», «вот»). (17.06) *Раскрыто, что вызывает социальную тревогу и как её преодолеть.* Краткие причастия (раскрыто, найдено, установлено), а также безличная конструкция «стало понятно» используются с целью имитации решения вопроса, который якобы давно существовал, но ответ на него либо скрывали, либо не могли найти. Здесь так же, как и в примерах с конверсационными импликатурами, автором-составителем новостной заметки включаются механизмы иммерсивного погружения адресата в процесс чтения.

Конвенциональные имплицитуры в заголовках речевого жанра «новостная заметка»: (23.04.) *Исследование: одиночество может вызвать сильную тягу к сладкому.* Автору нет необходимости использовать «доказывает, что», так как это типично для данной коммуникативной ситуации. Если взять любой день из периода выборки, можно увидеть сразу несколько вариантов таких имплицитур. Например: (16.06.) *Insider: Учёные предложили простое условие продлить жизнь; Лихачёв: проект NISA сможет привести к новым, прорывным открытиям; Учёные: слоны называют*

друг друга по имени так же, как и люди. Все они обеспечивают динамичность заголовка. В ряде случаев пропускаются средства причинно-следственной части, например: (19.06.) *Обнаружен новый «сбой»: неприятный сюрприз ждёт всех владельцев электромобилей.* Импликатура: «в связи с чем/которым».

В результате проведённого анализа можно сказать, что новостные заметки платформы «Яндекс. Дзен» в осевом варианте построены как пять речевых тактик (заголовок и текст из 4-х абзацев), исключение составляют только примеры, заголовки которых имеют конвенциональную импликацию. Тексты этой группы достигают 6-7 речевых тактик, несмотря на это, ядро модели (14,5%) также можно описать пятью тактиками (см. Табл. 1).

Табл. 1

Модели реализации речевого жанра

Речевые тактики текста новостной заметки по порядку их следования				
1 (заголовок)	2	3	4	5
Конверсационная импликация (26%)	интерпретация, иммерсия	авторитетное мнение	убеждение через детали	приведение примера
	уточнение темы	повествование о событиях	микро-рассказ	подведение итога
	общая оценка	убеждение	предостережение	совет
Конвенциональная импликация (7%)	повествование (изложение хронологии событий)	создание впечатления через вкрапление реплик из интервью	рассуждения о причинах	позитивное предположение
	описание ситуации	описание события при помощи обращения к показаниям свидетелей	восполнение недостающей части информации (предыстория)	обещание
Конверсационная импликация (21%)	иммерсивная тактика описания факта	приведение (псевдо) аргументации	убеждение	прогноз (часто угрожающий, неблагоприятный)
	повторение заголовка с отсылкой к источникам	описание процесса (часто с использованием терминологии)	манипулятивная тактика усиления доверия к информации	повторение заголовка с большим количеством деталей
Конвенциональная импликация (46%): повторяющихся типичных устойчивых последовательностей не выявлено.				

Исходя из результатов проведённого исследования, представляется возможным признать, что осевой вариант новостной заметки является речевым жанром, относится к группе информативных, к подгруппе оперативно-новостных, срочных, поликодовых, малоформатных, конвергентных (включает в модель такие речевые жанры, как предостережение, совет, обещание, прогноз, интервью, показания свидетелей) речевых жанров, средняя длина модели речевого жанра «новостная заметка интернет-платформы» составляет 5 речевых тактик, первая из которых – заголовок.

Представляется возможным именовать полученные варианты модели по имени первой речевой тактики и опорным речевым тактикам. Таким образом, поле вариативности модели речевого жанра «новостная заметка интернет-платформы» описывается семью вариантами: конверсационная импликация – иммерсия; конверсационная импликация – рассказ; конверсационная импликация – предостережение и совет; конвенциональная импликация – интервью; конвенциональная

импликатура – обещание; конверсационная имплицитура – иммерсия; конверсационная имплицитура – прогноз; конверсационная имплицитура – манипулятивное описание процесса.

Исключением являются варианты, в которых первая речевая тактика содержит конвенциональную имплицитуру. Для таких текстов не удалось выявить устойчивую повторяющуюся модель, так как первая тактика не влияет на последующий ход развёртывания информации, текст воспринимается как случайный набор цитат-ссылок на источники, по прочтении которых не возникает впечатления цельного завершённого сообщения.

Библиографический список

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2002. 315с.
2. Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб.: Общество "Знание" Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей экономики и права. 2000. С. 125-168.
3. Ремчукова Е.Н., Апостолиди А.А. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности// Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 651-668.
4. Пастухов А.Г. Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий// Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 5 (68). С. 148-153.
5. Воротникова Ю.С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.
6. Моисеенко А.В. Характеристика жанра электронных новостных заметок // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 1 (33). С. 66-73. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-66-73> (дата обращения: 28.10.2024)
7. Виноградский В.С., Куницына Н. В. Конвергентные жанры в современной периодике// Вопросы теории и практики журналистики 2016. Т.5. № 3. С. 370-381.

References

1. Tertychnyj A. A. Periodical print genres. Moscow, 2002. 315p.
2. Krojchik L.E. System of journalistic genres. Fundamentals of the creative activity of a journalist/ ed. by S.G. Korkonosenko. St.-Petersburg, Society «Znaniye» of St.-Petersburg and Leningrad Region, St.-Petersburg Institute of Foreign Economic Relations of Economics and Law. 2000. P.125-168.
3. Remchukova E.N., Apostolidi A.A. Small-format “news flow” mediatexts in the focus of linguistics: genre and language peculiarities. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. Iss. 9(3). P. 651-668.
4. Pastuhov A.G. Media genres and media formats: distinguishing concepts. Scientific notes of Orel State University. 2015. Vol.5. Iss. 68. P. 148-153.
5. Vornitnikova J.S. Implementation of news discourse in electronic English-language media. Cand. philol. sci. thesis diss]. St.-Petersburg, 2005. 24 p.
6. Moiseenko A.V. Characteristic of the digital news story genre // Speech Genres. 2022. Vol. 17. Iss. 1 (33). P. 66–73. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-66-73> (date of application: 28/10/2024).
7. Vinogradskij V.S., Kunitsyna N.V. Convergent genres in modern periodicals. Questions of the theory and practice of journalism. 2016. Vol.5. Iss. 3. P. 370-381.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'367.622.12

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.020

*Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина*

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии и
журналистики*

Селеменова О. А.

Россия, г. Елец, тел. +7 (47467) 6-08-10

e-mail: ol.semeneva2011@yandex.ru

Bunin Yelets State University

*The Chair of Russian Philology and Journalism
Doctor of Philology, Professor*

Selemenova O. A.

Russia, Yelets, tel. +7 (47467) 6-08-10

e-mail: ol.semeneva2011@yandex.ru

О.А. Селеменова

«ГОРИЗОНТЫ ОТКРЫТИЙ»: ИТЕРОНИМЫ В ТРЕВЕЛ-МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблеме языка тревел-медиадискурса. Цель работы – выявить основные модели итеронимов (наименований туристских маршрутов) в современных тревел-медиаатекстах и описать их. Актуальность темы обусловлена популяризацией в медиапространстве внутреннего туризма; интересом филологов к своеобразию вербального и невербального компонентов тревел-медиаатекстов; малоизученностью ономастикона журналов путешествий. Предмет исследования составляет структурная организация итеронимов в тревел-медиаатекстах. Фактическим материалом исследования выступает отечественный гляцевый журнал-тревеллер «Russian Traveler», аудитория которого насчитывает свыше 550 000 человек. Анализу подвергся контент 11 выпусков журнала за 2022–2024 гг. При систематизации материала использовались методы контекстуального и количественного анализа данных, описательный метод. Новизна работы связана с рассмотрением итеронимов как инструмента смыслопорождения в тревел-медиаатекстах и установлением зависимости между их моделью и функциональными возможностями. В исследуемом журнальном контенте автор выделяет однокомпонентные, двухкомпонентные и поликомпонентные модели итеронимов, дифференцирует их на продуктивные и непродуктивные. Самыми продуктивными в собранном материале являются двухкомпонентные модели «И. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ.» и «И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг.», грамматически представленные простыми словосочетаниями с управлением или согласованием компонентов. Ядром почти всех выделенных моделей итеронимов выступают топонимы, что обусловлено коммуникативным сценарием «путешествие по территории» тревел-медиаатекстов и локативностью как одной из ключевых их интенций. В структуре итеронимических единиц отмечены не только общеизвестные астионимы, гидронимы, оронимы, хоронимы, но и вернакулярные топонимы, вторые официальные имена, а также искусственно созданные единицы. Автор приходит к выводу, что при увеличении количества компонентов структурной модели итеронима расширяется и его функциональный потенциал, поскольку двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные итеронимы, помимо информативно-содержательного компонента, способны включать имплицитные смыслы, культурно-исторические, эмоционально-оценочные, этнографические и иные типы коннотаций.

Ключевые слова: тревел-медиадискурс, журнал путешествий «Russian Traveler», туристский маршрут, итероним, топоним, модель.

О.А. Selemenova

“HORIZONS OF DISCOVERY”: ITERONYMS IN TRAVEL MEDIA DISCOURSE

The article deals with the issue of the language of travel media discourse. The purpose of this work is to identify and describe the main models of iteronyms (names of tourist routes) in modern tourist media texts. The relevance of the topic is due to the combination of linguistic and extralinguistic reasons: popularization of domestic tourism in media

space; the interest of philologists in the originality of the verbal and non-verbal components of the travel media texts; the unexplored onomasticon of travel magazines. The subject of the study is the structural organization of iternonyms in the modern travel media texts. The actual material of the study is the glossy magazine “Russian Traveler” with the audience of over 550,000 people. The content of 11 magazine issues for 2022–2024 was analyzed. Descriptive and contextual methods, as well as the method of quantitative analysis were used in the systematization of the material. The novelty of the work is determined by the consideration of iternonyms as a tool of meaning generation in the travel media texts and establishing dependence between their model and functionality. In the studied magazine content, the author identifies one-component, two-component and polycomponent models of iternonyms, differentiating them to productive and unproductive. The most productive in the collected material are two component models of “Nominative case of a noun + Genitive case of the noun” and “Nominative case of a noun + Nominative case of the adjective”, grammatically represented by simple phrases with government or coordination of the components. The nucleus of almost all the studied iternonyms models are toponyms, which is due to the communicative script “Traveling through the territory” of the travel media texts and location as one of their key intentions. In the structure of iternonyms, not only well known toponyms are noted, but also vernacular toponyms, the second official names, as well as artificially created units. The author concludes that with an increase in the number of components of the structural model of iternonyms, its functional potential is expanding, since two-, three-, four- and five-component iternonyms, in addition to an informative component, can include implicit meanings, cultural and historical, emotional and value, ethnographic and other types of connotations.

Key words: travel media discourse, travel magazine “Russian Traveler”, tourist route, iternonym, toponym, model.

Глобальный тревел-медиадискурс как лингвистическое и культурологическое явление отражает сферу туристской деятельности в многообразии видов – внутренний туризм, выездной, международный и т. п. Его субдискурсом выступает медийный дискурс журналов путешествий [1; с. 142].

Под журналами путешествий понимают совокупность изданий двух видов: журналов-тревелогов, тяготеющих «к научно-популярным изданиям общего интереса», и журналов-тревеллеров, ориентированных на более узкую аудиторию и сближающихся с lifestyle-изданиями [2; с. 127]. Для лингвистов несомненный интерес представляет язык обоих типов изданий: ведь его своеобразие определяется одним коммуникативным сценарием – «путешествие по территории», а также связанными с ним интенциями – локативностью, перцептивностью, эмоциональной и рациональной оценочностью, установлением контакта с аудиторией и др. [3; с. 85].

Предметом научного лингвистического описания уже становились различные модели эллиптических предложений, метафоры, экзотизмы тематических групп «Элементы политической и социальной системы государства», «Национальные традиции», «Этносы и их языки», «Предметы быта», гастрономическая лексика текстов тревел-медиадискурса [4–7].

Поскольку тревел-медиаатексты репрезентируют топонимические концепты, значимые для определенного лингвокультурного сообщества, детализируют маршрут, выполняют организаторскую функцию, неотъемлемыми единицами их лексического уровня выступают имена собственные. Примеры анализа функционирования некоторых разрядов проприальной лексики ономастического слоя тревел-медиадискурса можно найти в научной литературе. Так, И. И. Елкина обращалась к гемеронимам типа «*Вокруг света*», «*Простак за границей*», «*Турист*», «*Городское путешествие*», образованным на базе принципов индексальности, символичности, иконичности и определяющим отправную точку странствия [8]. Топонимы, способствующие формированию медийных образов территорий и их имиджированию (например, *Гоа Багонг*, *Ситуманг*, *Урюпинск*, *Русская Осиповка*, *Уфа* и др.), рассматривались рядом отечественных и зарубежных ученых: Д. Ю. Ильин, А. Р. Ахметова, Э. Т. С. Суджатна, К. Памунгкас, Хериянто и др. [9–11]. Антропонимы высокой степени прецедентности (*Марлен Дитрих*, *Шопен*, *Коко Шанель*, *Калипсо*, *Кейт Мосс* и др.) описывались М. Ю. Илюшкиной [12].

Несмотря на интерес к ономастикону тревел-медиаатекстов, на периферии лингвистических исследований оказываются те имена собственные, которые называют сами маршруты путешествий и способны выступать смысловыми доминантами тревел-медиаатекстов. Работы,

посвященные таким словесным единицам, встречаются спорадически. Например, в статье Л.М. Гончаровой указаны некоторые тенденции нейминга туристских маршрутов: символичность, метафоричность, ироничность, аккумулятивное имплицитных смыслов [13; с. 32].

Для номинации туристских маршрутов разных типов – от рекреационных до экологических, от пешеходных до речных и морских – мы предлагаем использовать термин «итероним» от лат. *Iter* – ‘путешествие’ [14; с. 523]; а под самим «туристским маршрутом» (нем. *Marschrute*, от франц. *marche* – ‘ход, движение вперед’ и *route* – ‘дорога, путь’) понимать намеченный путь следования туристов «по конкретной территории с указанием туристских объектов, предназначенных для посещения» [15].

Материалом нашего исследования послужил отечественный журнал «Russian Traveler», который позиционирует себя в качестве лучшего путеводителя внутри страны и за рубежом с аудиторией более 550 000 человек (на 2022 г.) (Russian Traveler, Медиакит, 2022, с. 4–8). Он относится к журналам-тревеллерам, поскольку представляет собой глянцево-издательское издание «о путешествиях и для путешественников», в котором преобладает организаторская функция, побудительная интенция, а само «путешествие представлено как самоценное социокультурное и досуговое явление» [2; с. 127].

Наша цель – выявить корпус итеронимов в тревел-медиа-текстах указанного издания, описать их основные модели.

Всего из 11 выпусков журнала за 2022–2024 гг. для анализа было отобрано 65 единиц.

Итеронимы, функционирующие в тревел-медиа-текстах журнала «Russian Traveler», представлены разными моделями, среди которых выделены однокомпонентные, двухкомпонентные и поликомпонентные.

И. Однокомпонентные модели

Однокомпонентные модели итеронимов (12 % в объеме единиц авторской картотеки примеров) унифицированы и включают либо И. п. им. сущ., либо В. п. им. сущ. с предложением в: «Абакан», «Бацелак», «В Сибирь», «В Карелию» и др. Такие итеронимы называют конечную цель путешествия (определенный географический регион, республику, город, водоем и т. п.), они информативны и не содержат никаких дополнительных оттенков эмоциональности, экспрессивности.

Например: *С недавних пор столицу Хакасии можно исследовать во время необычного аудиоспектакля-променада «Абакан». Маршрут иммерсивной пешей экскурсии включает в себя главные достопримечательности городского центра* (Russian Traveler, 2024, № 4 (13), с. 38) (Здесь и далее орфография и пунктуация тревел-медиа-текстов сохранены. – О. С.); «**В Сибирь**». Москва – Казань – Тюмень – Тобольск – Пермь – Москва (Russian Traveler, 2022, № 2 (2), с. 59) и др.

II. Двухкомпонентные модели

Двухкомпонентные модели итеронимов являются наиболее частотными в собранном материале и составляют 54 % выборки. Их можно разделить на два типа: продуктивные и непродуктивные модели. Продуктивные модели лежат в основе 70 % итеронимов и грамматически представляют собой простые словосочетания, организованные на основе управления или согласования:

1) «И. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ.»: «Путь Петра», «Логово леопарда», «Энергия Ладони», «Наследие предков», «Горизонты открытий», «Дорогами Победы», «Тропа силы», «Жемчужина Кавказа», «Сказы Поволжья» и др.;

2) «И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг.»: «Медвежий угол», «Таежная грамота», «Байкальская экспедиция», «Плесецкие водопады», «Псекупская долина», «Зимняя сказка», «Серебряный маршрут», «Белорусский вояж», «Культурный Петербург» и др.

Например, ср.: «Сказы Поволжья». Москва – Йошкар-Ола – Свияжск – Москва (Russian Traveler, 2022, № 2 (2), с. 64) (первая модель). – «Сибирские каникулы». Республика Ха-

касия, Красноярский край и Республика Тыва, 8 дней (Russian Traveler, 2022, № 4 (4), с. 46) (вторая модель).

Остальные выделенные двухкомпонентные модели являются непродуктивными, и итеронимы, построенные по ним, составляют около 30 % примеров. Грамматически непродуктивные модели представляют, с одной стороны, простые словосочетания, организованные на основе присловной связи, с другой – простые двусоставные и односоставные предложения: «Д. п. им. сущ. с предлогом *по* + Т. п. им. сущ. с предлогом *с*» («По дороге с облаками»); «В. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ.» («На восток Европы»); «Д. п. им. сущ. с предлогом *по* + Р. п. им. сущ.» («По следам Пржевальского»); «мест. *весь* + И. п. им. сущ.» («Вся Карелия»); «числ. + Р. п. им. сущ.» («Две столицы»); «Т. п. им. сущ. + Т. п. им. прилаг.» («Партизанскими тропами»); «Д. п. им. сущ. с предлогом *по* + Д. п. им. прилаг.» («По государственной дороге»); «И. п. им. сущ. + спряг. гл.» («Клин звучит»); «инф. + В. п. им. сущ. с предлогом *в*» («Влюбиться в Удмуртию»); «И. п. им. сущ. + П. п. им. сущ. с предлогом *в*» («Кузбасс в сердце») и др.

Например, ср.: *На неделю можно оправиться в круиз «Две столицы» из Санкт-Петербурга в Москву или в обратном направлении* (Russian Traveler, 2022, № 1 (1), с. 18) (в основе выделенного жирным курсивом итеронима лежит двухкомпонентная модель «числ. + Р. п. им. сущ.», грамматически представляющая простое синтаксически несвободное словосочетание). – *Веломаршрут «Клин звучит». Это 11-километровое путешествие начинается с вокзала и проходит по исторической части города с его главными достопримечательностями* (Russian Traveler, 2023, № 4 (8), с. 20) (в основе итеронима – модель «И. п. им. сущ. + спряг. гл.», грамматически представляющая сочетание слов, организованное на базе предложенческой предикационной связи).

Итеронимы, построенные по двухкомпонентным продуктивным и непродуктивным моделям, кроме собственно информативного компонента (конкретная достопримечательность на маршруте, конечное место назначения, количество посещаемых знаковых мест, характеристика тура и др.), обычно содержат различные аксиологические, культурно-исторические, эмоционально-оценочные, этнографические коннотации. Так, итероним «По следам Пржевальского» благодаря включенному антропониму, референтом которого выступает известный российский путешественник Н. М. Пржевальский, сделавший ряд научных открытий, получает такое приращение смысла (этнографические коннотации), которое позволяет актуализировать русское этнокультурное пространство: *Наверное, самое интересное предложение – костюмированный верховой тур «По следам Пржевальского», обладатель гран-при Всероссийского конкурса «Маршруты России»* (Russian Traveler, 2022, № 1 (1), с. 71).

III. Поликомпонентные модели

Поликомпонентные модели (34 % картотеки итеронимов) могут быть сформированы тремя, четырьмя или пятью компонентами.

Среди трехкомпонентных моделей отмечены «И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг. + Р. п. им. сущ.» («Каменное убранство Санкт-Петербурга», «Золотое кольцо Абрау»); «В. п. им. сущ. с предлогом *в* + В. п. им. прилаг. + В. п. им. прилаг.» («В Шапсугскую аномальную зону»); «числ. *один* + И. п. им. сущ. + П. п. им. сущ. с предлогом *в*» («Один день в Серпухове»); «И. п. им. сущ. + И. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ.» («Ярославия – Страна городов»); «И. п. им. сущ. + И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг.» («Санкт-Петербург. Новая география»); «И. п. им. сущ. + спряг. гл. + нареч.» («Здесь начинается день»). Трехкомпонентные модели грамматически разнообразны: сложные словосочетания, бисубстантивные предложения, двусоставные предложения с простым глагольным сказуемым, изолированный номинатив и логически и интонационно связанная с ним конструкция.

Например, ср.: *Зато прямо сейчас во время пешеходной экскурсии «Каменное убранство Санкт-Петербурга» получится увидеть камни и ценные минералы под открытым небом* (Russian Traveler, 2023, № 4 (8), с. 49) (итероним «Каменное убранство Санкт-

Петербурга» построен по трехкомпонентной модели «И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг. + Р. п. им. сущ.», грамматически представляющей сложное словосочетание с параллельным подчинением компонентов). – «*Здесь начинается Арктика*». Архангельская область, 3 дня (Russian Traveler, 2022, № 4 (4), с. 46) (итероним «*Здесь начинается Арктика*» построен по трехкомпонентной модели «И. п. им. сущ. + спряг. гл. + нареч.», представляющей простое двусоставное предложение с обстоятельственной словоформой).

Четырехкомпонентные модели немногочисленны. Среди них можно указать

– модель «И. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ. + И. п. им. сущ. + И. п. им. сущ.», грамматически представленную бисубстантивным предложением с семантикой характеристики («*Душа Саян – озеро Позарым*»);

– модель «Т. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ. + Р. п. им. прилаг. + Р. п. им. сущ.», грамматически представленную сложным словосочетанием с последовательным и параллельным подчинением («*Тропами боевой славы Кубани*»);

– модель «числ. + Р. п. им. сущ. + инф. + В. п. им. сущ.», грамматически представленную сложным словосочетанием с последовательным подчинением («*10 причин посетить Собер-Баи*»).

Например: *Там же начинается и многодневный маршрут, рассчитанный на подготовленных туристов*, – «*Душа Саян – озеро Позарым*» длиной около сотни километров (Russian Traveler, 2024, № 1 (10), с. 49).

Пятикомпонентная модель, отмеченная в тревел-медиатекстах, – это модель «И. п. им. сущ. + И. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ. с предлогом *от* + числ. + Р. п. им. сущ. с предлогом *до*». Она представляет собой синтаксическую структуру, расчлененную на ряд интонационно-смысловых единиц: *Национальный туристский маршрут «Петербург. Пётр. От первого камня до небоскреба» разработан в 2022 году* (Russian Traveler, 2024, № 3 (12), с. 28).

К продуктивным поликомпонентным моделям относим только трехкомпонентную структуру «И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг. + Р. п. им. сущ.» (лежит в основе почти 38 % итеронимов), а остальные выделенные модели являются непродуктивными в нашем материале.

При наращении количества компонентов структурной модели итеронима растет его содержательно-информационный и, соответственно, функциональный потенциал. Так, используемый в приведенном выше примере пятикомпонентный итероним, аккумулируя природно-географические и историко-культурные знания создателя, выполняет информационно-познавательную функцию (сообщает о месте реализуемого маршрута – Петербург, о предварительной программе – от знаковых достопримечательностей Петровской эпохи до современных архитектурных шедевров) и художественную, осуществляющуюся благодаря «привлечению историко-культурных реалий и имен исторических личностей» [13; с. 30].

Структурообразующими элементами практически любой модели итеронима становятся проприальные лексемы разных семантических групп:

– антропонимы (*Пётр* (представитель династии Романовых, первый [император Всероссийский с 1721 г.](#)), *Пржевальский* (географ, натуралист, почетный член Русского географического общества) и др.);

– астионимы (*Абакан* (город республиканского значения, столица Хакасии), *Клин* (город в Московской области), *Пермь* (город в Пермском крае), *Санкт-Петербург* (город федерального значения, центр Северо-Западного федерального округа), *Серпухов* (город в Московской области) и др.);

– лимнонимы (*Ладoga* (пресноводное озеро на северо-западе Европейской части России, в Ленинградской области и Карелии), *Позарым* (реликтовое озеро на территории одноименного заказника на стыке Республик Хакасия и Тыва, Алтайя и юга Красноярского края) и др.);

– оронимы (*Саяны* (Саянские горы, общее название двух горных систем – Западный Саян и Восточный Саян – на юге Сибири), *Собер-Баи* (гора в Северском районе Краснодарского края) и др.);

– макротопоним (*Арктика* (физико-географический район Земли, примыкающий к Северному полюсу), *Европа* (часть света в Северном полушарии Земли) и др.);

– потамонимы (*Бацелак* (река, протекающая в Алтайском крае) и др.);

– природные и административные хоронимы (*Кавказ* (географическая область, расположенная к югу от Восточно-Европейской равнины), *Карелия* (субъект Российской Федерации), *Сибирь* (географический регион на севере Азии), *Удмуртия* (республика в составе Российской Федерации) и др.).

Например: «*Влюбиться в Удмуртию*» – именно так называется национальный туристический маршрут в оружейную столицу России, на родину великого композитора Петра Чайковского, в край уникальной этники и гастрономии (Russian Traveler, 2024, № 1 (10), с. 44); Путешествие по маршруту «*Энергия Ладogi*» – это брендовый проект туроператора «*Игора Тур*» – проведет вас по самым живописным местам Ленинградской области и Карелии (Russian Traveler, 2024, № 1 (10), с. 9) и др.

В составе итеронимов отмечены и вернакулярные топонимы (например, *Кубань* – обиходное имя Краснодарского края), и вторые официальные имена (например, *Кузбасс* – второе название Кемеровской области), и искусственно созданные по имеющимся словообразовательным моделям топонимические единицы. К последним относим брендированный хороним *Ярославия*, которым именуется 12 городов в Ярославской области: Гаврилов-Ям, Данилов, Любим, Молога (в 40-х гг. XX в. на его территории была построена Рыбинская ГЭС), Мышкин, Переславль-Залесский, Пошехонье, Ростов Великий, Рыбинск, Тутаев, Углич, Ярославль. Например: *Узнать Ярославскую область, пожалуй, со всех сторон и всего за три дня можно, отправившись по брендовому маршруту «Ярославия – Страна городов»* (visiyaroslavia.ru/routes/yaroslavia-strana-gorod). В него входят города как крупные, так и малые, сохранившие дух настоящей русской провинции (Russian Traveler, 2023, № 4 (8), с. 72). В приведенном примере метафорическим названием Ярославии выступает *Страна городов*, что является явной отсылкой к поэтико-метафорическому именованию Японии – *Страна* [восходящего] *солнца*. И если в метафорическом названии Японии аккумулирована национальная самоидентификация японцев, определяемая, с одной стороны, синтоистскими мифами о происхождении правящей семьи от богини солнца Аматэрасу, с другой – влиянием китайской картины мира, соотносящей Японию с востоком и солнцем [16]; то в метафорическом названии Ярославии – региональная самоидентичность, самостоятельно установленная адресантом посредством актуализации определенного набора природно-географических, исторических и культурных свойств региона (тесное расположение городов Ярославской области, расположение в сердце России, длительное историческое прошлое, сохранение аутентичной атмосферы и др.).

Обычно в тревел-медиаатекстах журнала «Russian Traveler» с итеронимами в синтагматическую связь вступают словоформы и словосочетания, указывающие на способ передвижения по маршруту, длительность, цель, содержание, время появления: *новый маршрут, веломаршрут, грант-тур, дневной маршрут, железнодорожный тур, костюмированный верховой тур, круиз, трек, экотропа, экскурсионный маршрут* и др. Например: *К примеру, можно прогуляться по полной загадок экотропе «Чёртово городище» в национальном парке «Угра» в Калужской области...* (Russian Traveler, 2022, № 4 (4), с. 18); *Весной в Петербурге появился новый экскурсионный маршрут «Путь Петра», посвященный личности первого российского императора и истории основанного им города* (Russian Traveler, 2024, № 4 (13), с. 36) и др.

Особо значима в тревел-медиадискурсе группа итеронимов, называющая брендовые или национальные туристские маршруты. К ним относится «*Ярославия – Страна городов*»,

«Горная Шория. К детям тайги», «Чудеса земли Марийской», «Петербург. Пётр. От первого камня до небоскреба», «Энергия Ладogi», «Влюбиться в Удмуртию», «Санкт-Петербург. Новая география» и «Кузбасс в сердце». Если исходить из тезиса о возможности языковых средств создавать, поддерживать территориальный имидж и воздействовать «на процессы его ментального конструирования и восприятия потребителями» [17; с. 8], то перечисленные итеронимы органично встраиваются в круг средств лингвистического имиджирования России, российских регионов и городов наряду с устойчивыми словосочетаниями с топонимическим компонентом или позиционирующими городской ландшафт топонимами. Итеронимы осуществляют имиджирование территории за счет актуализации аксиологических оснований этнокультурной, региональной идентификации и самоидентификации. Например: *Национальный туристический маршрут «Горная Шория. К детям тайги». 6 дней / 5 ночей* (Russian Traveler, 2024, № 3 (12), с. 69). В структуре итеронима топонимический компонент «Горная Шория» отсылает к горно-таежному региону в южной части Кемеровской области, получившему свое название от коренных жителей – шорцев. На знакомство с уникальным бытом и традициями этой небольшой этнографической группы тюркских народов указывает компонент «К детям тайги». Или: «Чудеса земли Марийской» – именно так называется *брендовый маршрут по Марий Эл, который включает в себя все «хиты» этой крошечной приволжской республики* (Russian Traveler, 2023, № 3 (7), с. 53). В итерониме использован перевод с марийского на русский названия Республики Марий Эл – «Марийская земля», а ее уникальность, самобытность подчеркивается лексемой «чудеса», актуализирующей адмиративное направление концептуализации чуда, связанное с восхищением, удивлением, восторгом от увиденного [18; с. 26].

Резюмируя сказанное, мы приходим к следующим выводам:

1) при нейминге туристских маршрутов в текстах журнала-тревеллера «Russian Traveler» используются однокомпонентные, двухкомпонентные и поликомпонентные модели, среди которых отмечены продуктивные и непродуктивные. Продуктивными являются двухкомпонентные модели «И. п. им. сущ. + Р. п. им. сущ.» и «И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг.», а также трехкомпонентная модель «И. п. им. сущ. + И. п. им. прилаг. + Р. п. им. сущ.»;

2) грамматически выделенные модели представляют собой простые и сложные словосочетания с разными типами связей между компонентами, простые двусоставные и односоставные предложения разных типов, сегментированные синтаксические структуры;

3) ядром практически любой модели итеронима способны выступать топонимы, среди которых отмечены вернакулярные топонимы, вторые официальные имена, искусственно созданные по имеющимся словообразовательным моделям единицы;

4) в тревел-медиатекстах журнала «Russian Traveler» итеронимы вступают в регулярную синтагматическую связь со словоформами, которые указывают на способ передвижения по маршруту, его длительность, цель, содержание и т. д.;

5) итеронимы, называющие брендовые и национальные маршруты, становятся средствами лингвистического имиджирования территорий.

Библиографический список

1. Полежаев Ю. Г. Когнитивно-ценностный аспект тревел-журналов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 142–144.
2. Калинин И. В. Трэвел-медиатекст в современной российской журналистике (на примере гляцевых журналов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 516 с.
3. Дускаева Л. П. Познавательльно-просветительская медиаречь: репрезентация коммуникативного сценария трэвел-медиатекстов // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). Вып. 24. С. 85–92.

4. Знаменская А. А. Экзотизмы как средство представления «другой страны» в трэвел-изданиях: сопоставительный аспект // Современная медиасфера: традиции, актуальные практики и тенденции. СПб.: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2019. С. 66–73.
5. Ляпун С. В. Образ Востока в трэвел-текстах российских средств массовой коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. Вып. 3 (242). С. 32–36.
6. Скрыбина Е. Ю. Метафорическое моделирование в разных жанрах трэвел-медиадискурса // Иностранные языки в контексте культуры: межвузовский сборник статей. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 66–73.
7. Седова Е. Д., Бондаренко С. В. Эллиптические предложения как грамматическая структура построения заголовка трэвел-медиатекста британских интернет-СМИ // Актуальные вопросы языкознания в контексте межкультурного взаимодействия: сб. научных статей. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2024. С. 69–74.
8. Елкина И. И. Автор и адресат трэвел-медиатекста // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2016. № 2 (6). С. 1–5.
9. Ильин Д. Ю. Региональные топонимические названия в туристическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 15 (4). С. 152–158.
10. Ахметова А. Р. Топоним «Уфа» в креолизованных интернет-отзывах // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1 (435). Филологические науки. Вып. 119. С. 15–20.
11. Sujatna E. T. S., Pamungkas K., Heriyanto. Names as Branding on Nature Tourism Destinations in Pangandaran, Jawa Barat – Indonesia: A Linguistic Perspective // *Pertanika Journal. Social Sciences & Humanities*. 2019. № 27 (2). С. 803–814.
12. Илюшкина М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
13. Гончарова Л. М. Тенденции формирования рекламных наименований экскурсионно-туристических маршрутов (на материале российских турфирм) // Коммуникация – Общество – Человек: сб. науч. трудов. Ярославль: Союз-Пресс, 2022. С. 28–33.
14. Селеменова О. А. Ономастическая страта туристического рекламного текста в российской периодике (на материале журнала-трэвеллога *Russian Traveler*) // Медиалингвистика. 2024. № 11 (4). С. 515–530.
15. Туристский маршрут // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/turistskii-marshrut-85171c> (дата обращения: 10.11.2024).
16. Мещеряков А. Н. Восток и солнце. Благодатность японской земли в культурно-географическом дискурсе // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 37–45.
17. Казяба В. В., Щипицина Л. Ю. Urban – media – verbal: теоретическая модель вербального имиджа города в социальных медиа // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9. № 4. С. 4–30.
18. Карасик В. И. Концептуализация чуда // Поволжский педагогический вестник. 2017. Т. 5. № 3 (16). С. 25–33.

References

1. Polezhaev Yu. G. The Cognitive and Axiological Aspect of Travel Magazines // *Philology. Theory & Practice*. 2016. No. 4 (58): in 3 parts. Part 2. Pp. 142–144.
2. Kalinin I. V. Travel Media Text in Modern Russian Journalism (on the Example of Glossy Magazines): Diss. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2018. 516 p.

3. Duskaeva L. P. Educational Media Speech: Representation of the Communicative Script of Travel Media Texts // *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanitarian sciences*. 2014. No. 26 (197). Iss. 24. Pp. 85–92.
4. Znamenskaya A. A. Exoticisms as the Way of Representation of “Other Country” in Travel Publications: Comparative Aspect // *The Modern Media Sphere: Traditions, Actual Practices, and Trends*. St. Petersburg: Institute of the Higher School of Journalism and Mass Communications, 2019. Pp. 66–73.
5. Lyapun S. V. The Image of the East in Travel Texts of Russian Mass Media // *Bulletin of Adyghe State University*. 2019. Iss. 3 (242). Pp. 32–36.
6. Skryabina E. Yu. Metaphor Modeling in Different Text Types of Travel Media Discourse // *Foreign Languages in the Context of Culture: Interuniversity Collection of Articles*. Perm: Perm State National Research University, 2019. Pp. 66–73.
7. Sedova E. D., Bondarenko S. V. Elliptical Sentences as a Grammatical Structure for Constructing the Headline of a Travel Media Text in British Online Media // *Current Issues in Linguistics in the Context of Intercultural Interaction: Collection of Scientific Articles*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, 2024. Pp. 69–74.
8. Elkina I. I. The Author and the Addressee of Media Text about Travelling // *Memoirs of NovSU*. 2016. No. 2 (6). Pp. 1–5.
9. Ilyin D. Yu. Regional Toponyms in Tourism Discourse // *Science Journal of Volgograd State University*. 2016. No. 15 (4). Pp. 152–158.
10. Akhmetova A. R. The Place-Name Ufa in Creolized Online Reviews // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020. No. 1 (435). *Philological Sciences*. Iss. 119. Pp. 15–20.
11. Sujatna E. T. S., Pamungkas K., Heriyanto. Names as Branding on Nature Tourism Destinations in Pangandaran, Jawa Barat – Indonesia: A Linguistic Perspective // *Pertanika Journal. Social Sciences & Humanities*. 2019. No. 27 (2). Pp. 803–814.
12. Ilyushkina M. Yu. Precedent Phenomena in Russian and British Print Advertising of Tourist Services: Abstract of Cand. Sci. (Philology). Ekaterinburg, 2008. 24 p.
13. Goncharova L. M. Trends of the Formation of Advertising Names of Excursion and Tourist Routes (based on the Material of Russian Travel Agencies) // *Communication – Society – Man: Collection of Scientific Works*. Yaroslavl: Soyuz-Press Publ., 2022. Pp. 28–33.
14. Selemeneva O. A. Onomastic Stratum of the Tourist Advertising Text in the Russian Periodicals (Based on the Material of the Travelogue Magazine “Russian Traveler”) // *Media Linguistics*. 2024. No. 11 (4). Pp. 515–530.
15. Tourist Route // *Great Russian Encyclopedia*. URL: <https://bigenc.ru/c/turistskii-marshrut-85171c> (accessed 11.10.2024).
16. Meshcheryakov A. N. East and Sun. The Gratitude of the Japanese Land in Cultural and Geographical Discourse // *Questions of Philosophy*. 2013. No. 7. Pp. 37–45.
17. Kazyaba V. V., Shchipitsina L. Yu. Urban – Media – Verbal: a Theoretical Model of the Verbal City Image in Social Media, Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2023. No. 9 (4). Pp. 4–30.
18. Karasik V. I. Conceptualization of Miracle // *Volga Region Pedagogical Bulletin*. 2017. Vol. 5. No. 3 (16). Pp. 25–33.

УДК 811.11-112'373.49:811.111'272:0709
DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.021

*Луганский государственный
педагогический университет
старший преподаватель кафедры
романо-германской филологии
Мифтахова О.В.
Россия, Луганск, тел. +79592074700
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

*Lugansk State
Pedagogical University
The chair of Romanic and Germanic philology
Senior lecturer
Miftakhova O.V.
Russia, Lugansk, tel. +79592074700
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru*

О.В. Мифтахова

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В данной статье рассмотрены основные характеристики и особенности политического дискурса Германии, приведены высказывания ведущих современных немецких политиков. Проанализированы аспекты применения политической метафоры, представлены несколько метафорических моделей на примере политической коммуникации. Тема политического дискурса является довольно актуальной, поскольку цели, тактико-стратегические механизмы политической коммуникации напрямую связаны как с индивидуальным, так и с коллективным адресатом. Манипулируя сознанием через политическую риторику, у общества формируются необходимые ценности, установки, видение картины мира. Это достигается, в первую очередь, посредством использования в речи политиков понятных реципиенту слов, символов, образов, которые должны вызывать рефлексию. В настоящее время теория политической метафоры является одним из наиболее перспективных и активно развивающихся направлений современного языкознания. Метафоризация высказываний основывается на использовании в политической риторике основных метафорических моделей. К часто встречаемым метафорическим моделям в политической коммуникации относят антропоморфную, социоморфную, природоморфную метафоры. Механизм имплементации подобных моделей осуществляется с помощью внедрения в риторику сфер-источников, которые выступают в роли понятных образов для реципиента. Сферы-источники применяются относительно сфер-мишеней, которые, в свою очередь, являются концептуальными идеями. Они не всегда понятны или недостаточно яркие, чтобы завоевать внимание целевой аудитории. Так как когнитивная метафора отражает специфику человеческого мышления и познания, ее использование в политической коммуникации реализует главную цель политического дискурса – манипулирование общественным сознанием. Поэтому когнитивная метафора активно используется политиками для достижения поставленных целей.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая метафора, когнитивная метафора, сфера-мишень, сфера-источник, манипулирование, реципиент.

O.V. Miftakhova

FEATURES OF MODERN POLITICAL DISCOURSE IN GERMANY. COGNITIVE ASPECT

This article examines the main characteristics and features of the political discourse in Germany and provides statements by leading modern German politicians. Aspects of the use of political metaphor are analyzed, several metaphorical models are presented using the example of political communication. The topic of political discourse is quite relevant, since the goals, tactical and strategic mechanisms of political communication are directly related to both the individual and the collective addressee. By manipulating consciousness through political rhetoric, society forms the necessary values, attitudes, and vision of the world. This is achieved, first of all, through the use in the speech of politicians of words, symbols, and images that are understandable to the recipient, which should evoke reflection. Currently, the theory of political metaphor is one of the most promising and actively developing areas of modern linguistics. Metaphorization of statements is based on the use of basic metaphorical models in political rhetoric. Frequently encountered metaphorical models in political communication include anthropomorphic, sociomorphic, and naturemorphic meta-

phors. The mechanism for implementing such models is carried out through the introduction of source spheres into rhetoric, which act as understandable images for the recipient. Source spheres are applied in relation to target spheres, which in turn are conceptual ideas. They are not always clear or bright enough to capture the attention of the target audience. Since a cognitive metaphor reflects the specifics of human thinking and cognition, its use in political communication realizes the main goal of political discourse - the manipulation of public consciousness. Therefore, cognitive metaphor is actively used by politicians to achieve their goals.

Key words: political discourse, political metaphor, cognitive metaphor, target sphere, source sphere, manipulation, recipient.

Термин «дискурс» в последнее время встречается во многих сферах и областях знаний: лингвистика, философия, психология, педагогика, культурология, журналистика, социология. В последнее двадцатилетие он стал чаще коррелировать с политологией и политикой. Дискурс является динамичным и многозначным термином, поскольку используется в различных областях гуманитарного знания, как следствие, указанные области знания порождают различные подходы к объяснению сущности и значения дискурса. С точки зрения функционально-коммуникативного подхода дискурс является сложным коммуникативным явлением в жизненной практике человека, включающее текст и экстралингвистические факторы: знание о мире, цели адресата, жизненные установки). С позиции лингвистики дискурс – это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи. Изучением дискурса занимались многие ученые, такие как Т.А. ван Дейк, Дж. Серль, Ю. Хабермас, Ю.С. Степанов, В.В. Петров, В.З. Демьянков.

Как утверждает Е.С. Кубрякова, в настоящее время понятие дискурса входит в новую парадигму лингвистического знания – когнитивно-дискурсивную [1; с. 40]. В связи с этим изучение особенностей политического дискурса, широко распространенного в медийном пространстве и оказывающего сильное влияние на сознание масс, является актуальным и злободневным. Политики за последние 20 лет стало существенно больше в нашей жизни. Как отмечает А.Н. Баранов, суть развитой системы политической коммуникации выражается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия. Совокупность всех речевых актов, используемых в политической риторике, освященных традицией и проверенных опытом, образует политический дискурс [2; с. 135]. Цель политического дискурса – через политические убеждения побудить к действию. Политический дискурс, продуцируемый политиками, сам по себе является живым механизмом. Он может быть донесен завуалированно, с использованием эллиптических конструкций, метафоризации, особой интонации и других приемов воздействия на сознание потенциального электората, а также оппонентов.

Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации, в которой одним из актуальных направлений является изучение политических концептов в рамках определенного языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий конкретного государства гражданами других государств. В данном вопросе важную функцию выполняет политическая метафора. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью, витиеватостью, высокой степенью абстракции, человеку необходимы более понятные, простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему знакомы. Таким образом, метафора становится не просто инструментом украшения политической мысли, средством, усиливающим эмоциональную составляющую политического дискурса, а способом мышления, реальностью языка.

В соответствии с общими принципами когнитивистики метафору дефинируют как гештальт, сетевую модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. При когнитивном подходе метафора рассматривается как способ мышления, средство постижения, рубрикация, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Метафора создает возможность использовать потенциал структурирования сферы источника при концептуализации новой сферы. Специфика такой концептуализации во многом зависит от национального, социального и личностного созна-

ния. Метафоры – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, они заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует [3; с. 28].

Согласно теории концептуальной метафоры, метафорические процессы основываются на взаимодействии двух структур знаний: сферы-источника и сферы-мишени, которые не эквивалентны друг другу. Сфера-источник представляет собой более конкретное знание, приобретаемое человеком из личного опыта, в процессе взаимодействия с окружающим миром, и оформленное в виде «схем образов», с которыми мы сталкиваемся каждый день. Сфера-мишень, напротив, являет собой некую абстракцию, невозможность осознания которой и приводит к метафоризации. В процессе метафоризации происходит однонаправленная метафорическая проекция, «приводящая к тому, что некоторые области цели структурируются по образцу источника» [4; с. 29].

Метафорическая картина мира, создаваемая человеком, во многом антропоцентрична. Поэтому антропоморфная метафора понятна подавляющему большинству адресатов, что и обуславливает ее манипулятивный потенциал. Когнитивной модели антропоморфной метафоры присущи номинации, связанные с психолого-физиологическими свойствами человека, соматические симптомы. То есть, антропоморфная метафора – это метафора, которая репрезентирует окружающую реальность в ассоциативной связи с качествами, формами и содержаниями, присущими человеку. Так, например, говоря о миграционной политике большинства стран Европы, можно встретить физиологические метафоры, затрагивающие тему болезни. Исключением не стала риторика ультраправой политической партии Германии «Альтернатива для Германии». Данная партия стремительно набирает обороты в политическом пространстве ФРГ, тем самым закрепляя за собой статус уверенного коммуниканта на европейской политической арене. Выступая против политической повестки власти относительно миграционной политики, представители партии прибегают к таким понятиям, как «симптомы», «плацебо», «побочный эффект».

Wir sollen nicht über Symptome debattieren, sondern die Krankheit heilen.

Нам следует не симптомы обсуждать, а лечить болезнь.

Dieser gefeierte Konsens ist eine Ansammlung von politischen Placebomaßnahmen, die zum Teil erhebliche Nebenwirkungen haben könnten [5; с. 56].

Этот знаменитый консенсус представляет собой совокупность политических мер плацебо, некоторые из которых могут иметь серьезные побочные эффекты.

Сфера-мишень – то, на чем мы в данный момент фокусируем наше внимание, то, что мы пытаемся понять. В данном политическом высказывании сферой-мишенью является миграционная парадигма в Германии. Сфера-источник – наш физический опыт, т.е. тот объем информации, который должен быть нам понятен и доступен. В данном контексте это обсуждение симптомов, лечение болезней, наличие плацебо и побочных эффектов, но в рамках политической ангажированности, а именно, миграционной политики.

В связи с эскалацией конфликта на Украине и проведением специальной военной операции дискурс немецких политиков, которых на постоянной основе транслируют всевозможные медиа, стал откровенно агрессивным. Лавинообразный поток агрессии, приправленный ложью и на скорую руку оформленной пропагандой, направлен, конечно, в адрес России. Политическая коммуникация приобрела четко военизированную тематику в прямом и переносном смысле. Таким образом, мы можем наблюдать применение социоморфной метафорической модели в политической риторике немецкого политика. В рамках социоморфной метафоры представлены модели, использующие в качестве сферы-источника различные явления социальной жизни, например, «война», «экономика», «театр», «криминал».

Приведем выдержку из выступления эксперта по Восточной Европе Сабины Фишер по поводу поставок оружия Украине:

Ich bin der Meinung, dass die Ukraine diese Möglichkeit haben muss, sagt Osteuropa-Expertin Sabine Fischer. Sie sei völkerrechtlich gedeckt. Dieses russische Regime sieht sich seit zehn, 15 Jahren in einem Krieg mit dem Westen. Seither nähmen die Angriffe gegen die liberalen Demokratien zu.

«Я придерживаюсь мнения, что Украина должна иметь такую возможность», - говорит эксперт по Восточной Европе Сабина Фишер. Это предусмотрено международным правом. «Этот российский режим видел себя в войне с Западом в течение десяти, 15 лет. С тех пор нападки на либеральные демократии усилились».

Die Ukraine steht in einem heißen Krieg, sagt Fischer, es handelt sich um eine systemische Bedrohung. Als "totale Illusion" bezeichnet sie die Idee, der Krieg könne eingefroren werden. Das sei 2014 bis 2022 nicht gelungen und werde nun erst recht nicht gelingen [6].

«Украина находится в состоянии горячей войны, — говорит Фишер, — это системная угроза». Она описывает идею о том, что войну можно заморозить, как «полную иллюзию». Это не принесло успеха в период с 2014 по 2022 год и, конечно же, не будет успешным сейчас.

Адресант приведенного высказывания в своей речи использует лексемы *Krieg* (война), *Regime* (режим), *die Angriffe* (атаки, нападки), *Bedrohung* (угроза). Данные слоты сферы-источника служат основой для моделирования понятийной системы сферы наведения порядка и установления мира через поставки еще большего количества вооружения и техники Украине. Автор четко дает понять, кто есть кто, тем самым снимая трудности интерпретаций. Проекция войны направлена на достижение мира. Стоит также обратить внимание, что автор активно метафоризирует компоненты сферы-источника: *mit dem Westen* (война с Западом), *russische Regime* (российский режим), *die Angriffe gegen die liberalen Demokratien* (нападки на либеральные демократии), *heißer Krieg* (горячая война), *systemische Bedrohung* (систематическая угроза). В высказывании эксперта на подтекстовом уровне прослеживается бинарная оппозиция «свой/чужой» с целью манипулирования.

Рассмотрим выдержки из интервью еще одного яркого политика современной Германии – Сары Вагенкнехт. Сара – видный политический деятель Германии, в прошлом – депутат Европейского парламента, председатель парламентской фракции Левой партии. На данном этапе она является лидером объединения «Союз Сары Вагенкнехт», а также основным конкурентом партии «Альтернатива для Германии». Политическая риторика Сары Вагенкнехт отличается четкостью, аргументированностью, выразительностью, иногда экспрессивностью.

Так, отвечая на вопрос по теме социальной и миграционной политики, Сара прибегает к использованию выразительных средств:

Ist das für Sie ein Kulturkampf? Oder sind es eher die politisch Rechten, die einen Kulturkampf gegen die liberale Demokratie führen?

Для вас это культурная война? Или это правые политические силы ведут культурную войну против либеральной демократии?

Ich halte den Begriff Kulturkampf nicht für angemessen, weil es ja nicht nur um kulturelle, sondern auch um soziale Probleme geht. Klar, jeder soll reden, wie er will – wenn jemand das Gender-Gestotter mitmachen möchte, bitte. Aber diese Sprache ist natürlich auch ein Distinktionsmerkmal, mit dem eine privilegierte Elite sich vom «dummen» Volk abgrenzt. Bei Themen wie Zuwanderung ist die soziale Dimension noch offensichtlicher. Natürlich kann Zuwanderung bereichernd sein. Aber wenn sie eine Größenordnung erreicht, die ein Land überfordert, dann sind es vor allem die ärmeren Teile der Bevölkerung, die darunter leiden [7].

Я не думаю, что термин «культурная война» уместен, поскольку речь идет не только о культурных проблемах, но и о социальных проблемах. Конечно, каждый должен говорить так, как хочет – если кто-то хочет присоединиться к гендерному заиканию, пожалуйста. Но этот язык, конечно, также является отличительной чертой, которую использует привилегированная элита, чтобы отличить себя от «глупых» людей. Когда дело доходит до

таких вопросов, как иммиграция, социальный аспект становится еще более очевидным. Конечно, иммиграция может принести пользу. Но когда он достигает уровня, который подавляет страну, страдают в первую очередь беднейшие слои населения.

Здесь мы можем наблюдать пересечение сфер-источников антропоморфной (*Gestotter* – заикание, *leiden* – страдать) и социоморфной метафорической модели (*Kulturkampf* – культурная война, *die politisch Rechten* – правые политические силы, *überfordern* – подавлять). Сара Вагенкнехт является оппозиционным политиком, критикующим власть и конкурентов. Ее речь должна быть понятной для избирателя, простого народа. В то же время выступления политика должны изобличать серьезные ошибки условного врага, которые могут привести к далеко идущим последствиям. Следовательно, формируются концептуальные бинарные оппозиции, цель которых – привлечение на свою сторону. Например, *die politisch Rechten* (правые политические силы) – *die liberale Demokratie* (либеральная демократия), *eine privilegierte Elite* (привилегированная элита) – *dummes Volk/die ärmeren Teile der Bevölkerung* (глупый народ, беднейшие слои населения). Антропоморфная метафора понятна подавляющему большинству адресатов, а социоморфная метафорическая модель является самой распространенной в политическом дискурсе. Эти факторы обуславливают манипулятивный потенциал данных метафорических моделей.

Еще одной часто встречаемой метафорической моделью в политическом дискурсе Германии является природоморфная метафора. Она достаточно широко представлена в заявлениях, коммюнике, выступлениях различных политических сил. Природоморфная метафора – это метафора, связанная с живой и неживой природой. Сферами-источниками могут быть «стихийные бедствия», «животный мир», «мир растений». Сферами-мишенями могут выступать «политика Евросоюза», «миграционная политика», «ковид», «санкции» и т.д.

Рассмотрим применение природоморфной метафорической модели в заявлении члена партии «Альтернатива для Германии» Штефана Эвальда:

Der überzeugte Europäer ist ein Einhorn, das nur regelmäßig in Brüssel gesichtet wird.

Убежденный европеец — это единорог, которого регулярно можно увидеть только в Брюсселе.

Es ist eine Sache, seine ordoliberalen Prinzipien von der Kanzel des akademischen Elfenbeinturms zu predigen und eine ganz andere Sache, als Bundestagsabgeordneter (dem Gemeinwohl verpflichtet!) den deutschen Privatsektor wegen dieser ordoliberalen Prinzipien abschmieren zu lassen [8].

Одно дело проповедовать свои ордолиберальные принципы с академической кафедры из слоновой кости, и совсем другое дело, будучи членом Бундестага (преданным общему благу!), позволить опорочить немецкий частный сектор из-за этих ордолиберальных принципов.

В приведенных выше высказываниях встречаются выражения «*Einhorn*» (единорог) и «*Elfenbeinturm*» (академическая кафедра из слоновой кости). Их можно отнести к зооморфному компоненту природоморфной метафорической модели. В первом случае речь Штефана Эвальда содержит сарказм относительно европейской валютной политики. Он критикует текущее положение дел, выступает против политики глобализации. Поэтому и метафоризирует европейца посредством единорога, а единорог – мифическое животное, то есть его высказывание сводится к тому, что убежденные европейцы находятся в меньшинстве.

Во втором случае, критикуя чрезмерно либеральные взгляды оппонентов относительно налоговой модели государства, автор прибегает к описанию академической кафедры посредством качества материала – слоновая кость. Известно, что изделия из слоновой кости достаточно дорогие. Тем самым Штефан Эвальд демонстрирует оторванность политических оппонентов от реалий жизни, социальную дистанцию между ними и простым народом.

Еще один вариант применения природоморфной метафоры рассмотрим на выдержке из интервью самого молодого депутата фракции «Альтернатива для Германии» Маркуса Фронмайера:

Ich glaube, der Bundestag muss wieder lernen, damit umzugehen, dass sich neue politische Strömungen bilden [9].

Я считаю, что Бундестаг должен снова научиться справляться с тем фактом, что формируются новые политические течения.

Здесь элементом природоморфной метафоры является слово *Strömungen – течения*. Сферы-источники «наводнения», «стихийные бедствия» нередко встречаются в политической коммуникации немецких политиков, особенно, когда описываются ситуации с беженцами (*Migrantenstrom – поток мигрантов, Integrationsdesaster – интеграционная катастрофа*).

В статье были рассмотрены политические высказывания, коррелирующие с тремя метафорическими моделями – антропоморфной, социоморфной, природоморфной. Данная тема обладает потенциалом для дальнейшего исследования на материале выступлений других политиков и политических партий. Также к анализу можно привлечь и иные метафорические модели.

Подводя итог, необходимо отметить, что когнитивная метафора играет значительную роль в политическом дискурсе, поскольку выступает действенным механизмом манипулирования сознанием реципиентов. Она способна изменить имеющиеся политические взгляды и сформировать политическую картину мира, выгодную адресанту. Благодаря разнообразным сферам-источникам когнитивная метафора делает политическую риторику более простой, понятной, выразительной и экспрессивной.

Библиографический список

1. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34 – 47.
2. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134 – 140.
3. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.
4. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
5. Медведева Т. С., Казакова В. Е. Концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе как отражение миграционных процессов (на материале текстов официальных заявлений партии «Альтернатива для Германии» // Многоязычие в образовательном пространстве. Удмуртский государственный университет, Ижевск, 2020. 172 с.
6. Gabriel für westliche Waffen gegen Russland URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/maybrit-illner-gabriel-waffenlieferung-ukraine-100.html> (дата обращения – 12.06.2024).
7. Sähra Wagenknecht: «Die Ampelkoalition befasst sich ständig mit Nebenkriegsschauplätzen» URL: <https://www.nzz.ch/international/sähra-wagenknecht-im-interview-afd-partiegruendung-und-ukraine-krieg-ld.1754898> (дата обращения – 13.06.2024).
8. Als Linker zur „Alternative für Deutschland“? Ein Interview mit @StephanEwald URL: <https://www.deliberationdaily.de/2013/05/als-linker-zur-alternative-fur-deutschland-ein-interview-mit-stephanewald/Diewald> (дата обращения – 16.06.2024).
9. Heute wird wieder mehr gestritten URL: <https://www.mitmischen.de/archiv/heute-wird-wieder-mehr-gestritten> (дата обращения – 17.06.2024).

References

1. Kubryakova E. S. Initial stages of the formation of cognitivism: Linguistics – psychology – cognitive science // Questions of linguistics. 1994. No. 4. P. 34–47.
2. Baranov A. N. Political metaphors of journalistic text: possibilities of linguistic monitoring // Media language as an object of interdisciplinary research: textbook / rep. ed. M. N. Volodina. M.: Moscow State University Publishing House, 2003. P. 134–140.
3. Chudinov A.P. Essays on modern political metaphorology: Monograph / Ural. state ped. univ. Ekaterinburg, 2013. 176 p.
4. Baranov A. N. Descriptor theory of metaphor. M.: Languages of Slavic culture, 2014. 632 p.
5. Medvedeva T. S., Kazakova V. E. Conceptual metaphor in German political discourse as a reflection of migration processes (based on the texts of official statements of the Alternative for Germany party // Multilingualism in the educational space. Udmurt State University, Izhevsk, 2020. – 172 p.
6. Gabriel für westliche Waffen gegen Russland URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/maybrit-illner-gabriel-waffenlieferung-ukraine-100.html> (access date 12.06.2024).
7. Sahara Wagenknecht: “Die Ampelkoalition befasst sich ständig mit Nebenkriegsschauplätzen” URL: <https://www.nzz.ch/international/sahra-wagenknecht-im-interview-afd-parteilgruendung-und-ukraine-krieg-ld.1754898> (date of access – 06/13/2024).
8. Als Linker zur „Alternative für Deutschland“? Ein Interview mit @StephanEwald URL: <https://www.deliberationdaily.de/2013/05/als-linker-zur-alternative-fur-deutschland-ein-interview-mit-stephanewald/Diewald> (accessed 06.16.2024).
9. Heute wird wieder mehr gestritten URL: <https://www.mitmischen.de/archiv/heute-wird-wieder-mehr-gestritten> (access date: 06.17.2024).

УДК 811.161.1'271

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.022

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Аспирант кафедры русского языка и мето-
дики его преподавания.
Цзян Линьлинь
Россия, г. Волгоград, тел. +7-988-012-1667
E-mail: 15754324043@163.com*

*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
The Russian Federation, Volgograd.
Graduate student of the Department of Russian
Language and Methods of its Teaching.
Jiang Linlin
Russia, Volgograd, tel. +7-988-012-1667
E-mail: 15754324043@163.com*

Л. Цзян

ЦИТАТЫ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

В статье рассмотрены цитаты с точки зрения их использования в заголовках газетных статей в современной российской прессе. Приведены определение и классификация цитат. Цитата – это способ передачи определённого содержания текста или какого-либо его фрагмента, способ существования этого содержания, его знаковое оформление. Цитаты постоянно используются в различных коммуникативных ситуациях. Существует широкое и узкое понимание термина *цитата*. В узком смысле это дословное воспроизведение фрагмента чужого текста. Широкое понимание термина включает в себя не только собственно цитату как дословное воспроизведение элемента чужого текста, но и аппликацию, реминисценцию, парафразу, аллюзию и т. д. Заголовок является первым сигналом, побуждающим человека начать читать газету или отложить её в сторону. Ведущим способом создания заголовка является трансформация цитируемой единицы, что делает заголовок более привлекательным для читателей. Наиболее часто используемым средством трансформации является замена слова или словосочетания в цитируемой единице. Проанализированы цитаты, активно используемые современными российскими газетами в своих заголовках, обобщены типы цитат в заголовках современных российских газет и определено, что самыми частотными в заголовках и подзаголовках являются цитаты из литературных произведений, песен и фильмов. Отмечается, что цитирование известных читателю текстов в заголовке способствует повышению интереса к статье, является формой диалогизации текста.

Ключевые слова: цитата, заголовок, трансформация, библионим, фильмоним, диалогизация.

L. Jiang

QUOTES IN THE HEADLINES OF THE MODERN RUSSIAN PRESS

The article examines quotations from the point of view of their use in the headlines of newspaper articles in the modern Russian press. The definition and classification of quotations are given. A quotation is a way of conveying a certain content of a text or any fragment of it, the way this content exists, and its iconic design. Quotes are constantly used in various communicative situations. There is a broad and narrow understanding of the term quote. In a narrow sense, this is a verbatim reproduction of a fragment of someone else's text. A broad understanding of the term quotation includes not only the quotation itself as a verbatim reproduction of an element of someone else's text, but also an application, reminiscence, paraphrase, allusion, etc. The headline is the first signal that prompts a person to start reading a newspaper or put it aside. The leading way to create a headline is to transform the quoted unit, which makes the headline more attractive to readers. The most commonly used means of transformation is the replacement of a word or phrase in the quoted unit. The quotes actively used by modern Russian newspapers in their headlines are analyzed, the types of quotations in the headlines of modern Russian newspapers are generalized and it is determined that quotations from literary works, songs and films are the most frequent in headlines and subheadings. It is noted that quoting texts known to the reader in the title helps to increase interest in the article, is a form of dialogization of the text.

Keywords: quotation, headline, transformation, biblionym, filmonym, dialogization.

Цитата является одним из эффективных механизмов усиления выразительности заголовка современной российской прессы, одним из способов реализации коммуникативной

привлекательности для читателя, нацеленной на прагматически-ориентированную интерпретацию события, о котором сообщается в заголовке.

Актуальность исследования обусловлена важной ролью современной российской прессы в распространении информации, а заголовок, будучи частью медиатекста, занимающей графически выделенную позицию, является тем знаком, который привлекает и направляет читателя в рамках медийного дискурса. Научная новизна исследования заключается в попытке рассмотрения цитат в заголовках современной российской прессы с учётом интертекстуальных и лингвокультурологических особенностей цитируемых единиц.

Целью настоящей статьи является рассмотрение способов введения цитаты в заголовки современной российской прессы, анализ цитируемых единиц, использующихся в них. В соответствии с целью ставятся следующие задачи: уточнить понятие цитаты применительно к заголовку; выделить и проанализировать различные виды цитат в составе заголовков современной российской прессы.

Исследование цитаты в заголовках российской прессы проводилось методом интертекстуального анализа, а также компонентного анализа на основе словарных дефиниций.

Материалом исследования послужили заголовки, собранные из нескольких современных популярных российских газет.

В русской лингвистической литературе по-разному номинируется использование фрагментов одного текста в другом с указанием источника: цитата, прецедентный текст, прецедентное высказывание, текстовая реминисценция, чужое слово, чужая речь, интертекст и др. При этом большинство исследователей признаёт у цитаты обязательных критериев: воспроизводимость, наличие собственной предикации, референциальность по отношению к своему источнику. «Цитата – это способ передачи определённого содержания текста или какого-либо его фрагмента, способ существования этого содержания, его знаковое оформление» [1, с. 7]. Цитаты постоянно используются в различных коммуникативных ситуациях, поскольку они обладают широкой известностью, эмоционально-оценочной и познавательной значимостью для носителей языка. Существует широкое и узкое понимание термина *цитата*. В узком смысле это дословное воспроизведение фрагмента чужого текста. Часто указывают на такой признак, как формальная маркированность (цитата должна заключаться в кавычки, сопровождаться ссылкой на автора и/или источник) [2, с. 63].

Широкое понимание термина *цитата* включает в себя не только собственно цитату как дословное воспроизведение элемента чужого текста, но и аппликацию, реминисценцию, парафразу, аллюзию и т. д. [3, с. 138]. Следовательно, цитата – это любое включение фрагмента чужого текста с возможными изменениями, преобразованиями и пр. или без них в авторский текст.

Тексты, которые содержат отсылки к другим текстам, называют *интертекстом*. По словам Р. Барта, «текст представляет собой не линейную цепочку слов, <...> но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [4, с. 388]. Таким образом, как считают современные исследователи, все тексты представляют собой интертексты, все они связаны между собой, «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [5, с. 429; 6, с. 440].

Заголовок является первым сигналом, побуждающим человека начать читать газету или отложить её в сторону. Экономное, точное выражение мысли – важнейшее требование массового печатного издания, правило журналистского творчества. Особенно важна точность и яркость для заголовка. Предваряя текст, он определяет содержание статьи. При этом заглавие должно обладать эмоциональной окраской для того, чтобы привлечь внимание читателя, возбудить в нём интерес к прочтению статьи.

Место заголовка в газете – сильная, акцентированная позиция, потому что именно на него прежде всего обращает своё внимание читатель, с него начинается знакомство со статьёй [7, с. 41]. Яркость, убедительность заголовку придают лексико-фразеологические, деривационные и морфолого-синтаксические средства выразительности. Экспрессивные заголовки создаются на основе стилистически окрашенной лексики, синонимов и антонимов, особых моделей словообразования, периферийных и факультативных форм словоизменения, преобразования синтаксических структур. В названиях статей журналисты используют языковую игру с использованием фонетических, лексико-семантических, грамматических, деривационных ресурсов языка.

Если говорить о способах маркирования цитаты в тексте заголовков современных сетевых медиатекстов, то автор заголовка либо выбирает стратегию, при которой он вербально или невербально указывает на наличие цитирования, либо цитата никак не маркируется в тексте заголовка, а адресат судит о наличии цитаты в заголовке, исходя из своих фоновых знаний [8, с. 171].

В ходе исследования материала, извлечённого из современных российских газет, мы обнаружили, что названия произведений литературы, киноиндустрии, телевизионных сериалов, популярных песен и классические фразы из них, политические лозунги различных эпох и т. д. часто цитируются в неизменённом или трансформированном виде в заголовках. Такое использование – это сознательно совершаемое автором или редактором статьи действие для достижения аттрактивной цели и получения необходимого эффекта в читательской аудитории. Автор (редактор) намекает пользователю на то, что они владеют общей лингвокультурной информацией, имеют сходную когнитивную базу и общий уровень культурных запросов. Читатель воспринимает подобный заголовок как приглашение к диалогу, знакомится со статьёй, чем повышает рейтинг и самого автора, и издания.

Рассмотрим некоторые цитатные заголовки из нескольких популярных российских газет и проанализируем способы использования и трансформации цитат в них.

Весьма часто в газетных заголовках авторы прибегают к использованию цитат из литературных произведений, цитируют названия произведений, имена персонажей, известные фразы из них. Читатель легко их угадывает, а трансформация известного ему текста заинтриговывает его, заставляет сразу отреагировать на заголовок и обратиться к тексту.

1. Дай, Джим, на лапу (МК. 2024, 24-го мая, с. 4).

Этот заголовок является преобразованием фразы из стихотворения Сергея Есенина «Собаке Качалова», известного также под названием по первой строчке «Дай, Джим, на счастье лапу мне», которое и послужило основанием для языковой игры в заголовке. История этого стихотворения многократно описана литературоведами, она основывается на воспоминаниях артиста Василия Ивановича Качалова (Шверубовича). Встреча поэта с Джимом Трефовичем Доберманом, как в шутку называл свою собаку Качалов, состоялась ранней весной 1925 года. С 31 марта С. А. Есенин находился в Баку. 7 апреля он опубликовал стихотворение «Собаке Качалова» в газете «Бакинский рабочий» (№77). В мае 1925 года состоялись гастроли МХАТ в Баку, Есенин в это время находился в больнице. Он прислал записку Качалову: «Дорогой Василий Иванович. Я здесь. Здесь и напечатал стихотворение Джиму. В воскресенье выйду из больницы (болен лёгкими). Очень бы хотелось бы увидеть Вас за 57-летним армянским. А? Жму Ваши руки. С. Есенин». Встреча состоялась в театре 20 мая 1925 года. Качалов подробно описал её в своих воспоминаниях [9]. Литературоведы спорят о том, кем была «та, что всех безмолвней и грустней», упомянутая в стихотворении; полагают, что речь идёт о Зинаиде Райх, Галине Бениславской и даже Шаганэ (Шаандухт) Тальян.

В статье рассказывается о плюсах и минусах необычной профессии – (дог)ситтер ‘няня для собаки’. В заголовке обыгрывается также просторечный фразеологизм *дать на лапу* ‘дать взятку; дать на чай, приплатить’ [11, с. 252], однако в данном контексте его семантика изменяется на ‘получить деньги за работу’. При этом в контексте обыгрывается семантика прилагательного *собачий* в сочетании *собачья работа*, в котором вместо разговорного зна-

чения ‘очень тяжёлый, невыносимый’ [12, с. 1224] слово используется в прямом значении ‘относящийся к собакам, связанный с собаками’, хотя такая валентность слова в литературном языке недопустима. Но автор в тексте намекает и на негативную семантику слова: на первый взгляд, это похоже на «работу мечты», но на самом деле работа не так приятна, как ожидается.

2. Герой нашего времени (ТП. Ком. 2024, 23-го мая, с. 4).

В качестве заголовка выбран известный библионим – название первого социально-психологического романа в русской прозе, написанного Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в 1838–1840 годах. Как считают литературоведы разных стран, опыт личностного роста Печорина, главного героя этого произведения, – это не только духовная история россиян, но и имеет универсальное значение для всего человечества. Роман «Герой нашего времени» изучается в школе, его знают все русские и русскоязычные люди.

Однако в тексте статьи рассказывается об автомобиле. В прошлом году в Москве появились незнакомые китайские марки, причем часто – не бензиновые, а электрические. Похоже, что именно китайские и именно электрические машины в силу глобальных перемен становятся героями нашего времени.

Современные журналисты при составлении заголовков ориентируются на знание читателями популярных песен, на ставшие известными в народе цитаты из художественных фильмов. Читатель сразу вспоминает эти слова и предложения, поэтому можно от него ожидать прочтения статьи, привлёкшей внимание заголовком.

3. Снова между нами города (МК. Волгоград. 2024, 1-го мая, с.17).

В качестве заголовка избрана цитата из известной песни композитора Александры Пахмутовой и поэта Николая Добронравова «Надежда». Её исполняли многие российские и зарубежные певцы. В песне поётся о разлуках, связанной с разными задачами, стоящими перед близкими людьми, но у них есть надежда – «компас земной» и удача – «награда за его смелость». Песня оптимистическая, в ней находящимся в разлуке людям советуют: «Надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым, чтоб порой от жизни получать радости скупые телеграммы...».

В статье, на первый взгляд, тоже речь идёт о том, что влюблёнными живут в разных городах, однако отмечается, что в настоящее время отношения на расстоянии стали нормой, понятие «отношения на расстоянии» уже никого не удивляет, но оптимизма и надежды, заявленных в песне, в тексте нет.

4. Подмосковные вечера в аренду (КП. 2024, 24-го мая, с. 12).

Заголовок содержит название популярной песни «Подмосковные вечера» композитора В. П. Соловьёва-Седого на слова М. Л. Матусовского, которая была написана в 1955 году для документального фильма «В дни спартакиады» (1956, режиссёры И. В. Венжер и В. Н. Бойков). О фильме давно забыли, а песня стала своеобразной визиткой Подмосковья и всей русской народной культуры. Её исполняют солисты и хоры, она постоянно звучит на телевидении, по радио, на концертах. Текст песни описывает тихий летний подмосковный вечер: влюблённые сидят рядом друг с другом, они молчат, но им хорошо друг с другом и без слов.

Заголовок не зря имеет продолжение «в аренду». В статье рассказывается о сервисах с объявлениями об аренде, на которых выставлены около 4000 домов в Подмосковье. Снять там домик на лето – хороший выбор.

5. Музыка их связала (МК. Волгоград. 2024, 1-го мая, с. 27).

В этом заголовке использовано название популярной песни группы «Мираж» композитора Андрей Литягина на слова Валерия Соколова «Музыка нас связала». Песня впервые прозвучала в 1989 году, её исполнила оперная певица Маргарита Суханкина. В песне рассказывается о том, что певица убегает от мамы к друзьям, потому что «без музыки мне оставаться надолго нельзя».

В статье рассказывается о том, что 12 мая состоится премьера музыкального шоу «ВИА Суперстар!». В съёмочных павильонах уже кипят музыкальные страсти. Жюри, зрители и «суперстар» (пожилые звёзды, языковая игра слов: англ. *star* ‘звезда’ и рус. *старый*) связаны музыкой. В заголовке местоимение 1-го лица заменено местоимением третьего лица.

6. «Бриллиантовые» секреты (МК. Волгоград. 2024, 1-го мая, с. 26).

Заголовок содержит преобразованный фильмоним «Бриллиантовая рука». Советская эксцентрическая комедия с таким названием была снята в 1968 году режиссёром Леонидом Гайдаем. Сценарий написан Морисом Слободским, Яковом Костюковским и Леонидом Гайдаем. Сюжет раскручивается вокруг настойчивых, но безуспешных попыток злоумышленников забрать бриллианты, спрятанные в гипсовой повязке.

В статье рассказывается, что недавно у этого киношедевра был юбилей. За более чем полувековую жизнь комедии на экране въедливые киноманьяки-сыщики обнаружили в ней несколько потайных «закладок», оставленных режиссером. В заголовке слово *рука* заменено на *секреты*, поэтому прилагательное поставлено в форму множественного числа.

7. В политике всё спокойно (Вед. 2024, 24-го мая, с. 1–2).

Этот заголовок построен по модели известной фразы «В Багдаде всё спокойно» из советского художественного фильма-сказки «Волшебная лампа Аладдина» режиссера Бориса Рыцарева. Фильм был снят на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького в 1966 году по мотивам сказки «Аладдин и волшебная лампа» из памятника средневековой арабской и персидской литературы «Книга тысячи и одной ночи» (Китаб альф лейла ва лейла). В фильме показано, как вечером и утром по городу ходит глашатай и неоднократно возглашает: «В Багдаде всё спокойно!». На самом деле в Багдаде было далеко не всё спокойно: там, где есть приключения, там нет места спокойствию. И тем не менее эта фраза успокаивала горожан. Это высказывание стало поговоркой, оно символизирует стабильность развития и подконтрольность ситуации.

В статье речь идёт о том, что во внутривластном блоке администрации президента не планируется кадровых перестановок, но возможна корректировка функционала отдельных управлений, что свидетельствует о стабильности в российской политике.

8. Не нефтью единой (ТП. Ком. 2024, 23-го мая, с. 9).

В данном заголовке столкнулись библионим и фильмоним. Режиссёр Станислав Говорухин в 2005 году снял кинофильм «Не хлебом единым» по мотивам одноимённого романа Владимира Дудинцева, опубликованного впервые в журнале «Новый мир» в 1956 году. В свою очередь название книги является реминисценцией текстов из Ветхого и Нового заветов. Во Второзаконии сказано: «Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живёт человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живёт человек» (стих 3-й главы 8) [17/1, с. 202]. Эти слова повторяет Иисус Христос в Евангелии от Матфея: «Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (стих 4-й главы 4) [17/2, с. 307]. Владимир Дудинцев (1918–1998) не относил себя к верующим, но он был человеком образованным, знал библейские тексты, поэтому выбрал в качестве названия эти слова, как и позже для своего второго романа избрал также название с библейским мотивом «Белые одежды». Фильм рассказывает о том, как сельский учитель физики Лопаткин изобретает революционный метод изготовления двухслойных труб для химической промышленности. Он ведёт тщетную борьбу с засильем чиновничества и бюрократией, пока с ним самим не расправляются, прибегнув к клевете. Изобретатель-самоучка попадает в закрытое конструкторское бюро № 1, где продолжает работать. К нему уходит от его главного врага – директора литейного завода Дроздова жена Надежда Сергеевна, которая становится надёжной опорой в жизни. Хлеб не единственное, что нужно в жизни, есть ещё и любовь.

Текст статьи никак не связан с романом и фильмом. В ней речь идёт о нефти: нефть не единственное, что нужно для экономического развития страны, есть ещё и потребительские товары («Магнит»), технология («Яндекс»), финансы (Сбербанк) и телекоммуникационные услуги (МТС).

9. Девятые врата в футбольный рай (МК. 2024, 24-го мая, с. 8).

Первая часть заголовка статьи перекликается с названием мистического триллера Романа Полански «Девятые врата» по мотивам романа Артуро Переса-Реверте «Клуб Дюма, или Тень Ришельё». Премьера фильма состоялась 25 августа 1999 года. В книге и фильме рассказывается о девяти гравюрах, сделанных, как гласит легенда, при участии Люцифера. Они находятся в трёх уцелевших экземплярах изданной Аристиде Торкиа в 1666 году книги под названием «Девятые врата в царство призраков», находящихся в библиотеках трёх частных коллекционеров. В гравюрах зашифрована головоломка, разгадав которую, можно пройти сквозь девять адовых врат и вызвать на Землю дьявола.

В статье рассказывается, что 26 мая состоится церемония награждения премией «Герои Российской премьер-лиги». Всего определено 9 номинаций: игрок сезона, гол сезона, ассист сезона, тренер сезона, нападающий сезона, защитник сезона, полузащитник сезона, вратарь сезона, открытие сезона. Получается, что заголовок не имеет никакого отношения к содержанию цитируемого фильма.

10. Барон умер, да здравствует барон! (ТП. Ком. 2024, 23-го мая, с. 24).

Этот заголовок построен по аналогии с известной французской фразой «Король умер. Да здравствует король!» – *Le Roi est mort, vive le Roi!* О времени её появления историки спорят. Она якобы прозвучала во время коронации Карла VII в 1422 году. Её приписывают Екатерине Медичи, якобы произнёсшей её после смерти её сына Карла IX в 1574 году. Её использовали в других монархиях при переходе трона к наследнику престола: англ. *The King is dead. Long live the King!* [18, с. 18]; дат. *Kongen leve, kongen er død*. Фраза построена с помощью эпанадиплоса (греч. *ἐπαναδίπλωσις*), когда элемент, стоящий в начале речевого отрезка, повторяется в конце [19, с. 326, 977]. Функция этого риторического приёма заключается в создании торжественности и экспрессивности речи. Встречается разное пунктуационное оформление фразы: в конце первой части ставится точка, восклицательный знак, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире. В конце фразы обычно стоит восклицательный знак.

В статье рассказывается о том, что инвестиционный банкир лорд Джейкоб Ротшильд, четвертый барон Ротшильд, скончался 26 февраля 2024 года в Лондоне. Новым главой британской ветви легендарной банковской династии стал его сын Натаниэль (Нэт) Филип Виктор Джеймс, унаследовавший титул барона. Автор заменил слово *король* на *барон*. Подобные замены популярны в современной прессе: *Книга умерла. Да здравствует книга! Газета умерла, да здравствует газета! Любовь умерла, да здравствует любовь! Театр умер. Да здравствует театр! Общество умерло – да здравствует общество! Школа умерла, да здравствует школа!*

11. Истина в цене (МК. 2024, 24-го мая, с. 1–2).

Этот заголовок является реминисценцией известного латинского выражения *In vino veritas, in aqua sanita* – «Истина – в вине, здоровье – в воде», которое обычно употребляется в сокращённом виде только с первой частью.

В заголовке осуществлена замена слова *вино* на *цена*, которое поставлено в тот же предложный падеж, чем соблюдена рифмовка с исконной фразой. В статье речь идёт о том, что цены на продовольственные товары на сельскохозяйственном рынке в мае снижаются по сравнению с апрелем, и по большинству отслеживаемых товаров динамика отпускных цен ниже инфляции. Но экономики меняются абсолютно непредсказуемо, как разноцветные стекляшки в калейдоскопе. Автор подчёркивает, что цена на продукты определяют качество жизни людей, и государственным чиновникам необходимо серьезно задуматься над этим.

12. Миру – жир ! Как спасти человечество от голода? (МК. Волгоград. 2024, 1-го мая, с.1–2).

В советские времена был популярен лозунг «Миру – мир!». Он встречался на плакатах, открытках. Лозунг утвердился в СССР с мая 1951 года.

В статье сообщается, что к 2050 году население Земли прирастет ещё на 2 миллиарда – и всех их придётся чем-то кормить. При этом уже сегодня не менее 800 миллионов человек в мире

голодают. Ученые научились делать мясо из растений и выращивать его из дрожжей, создавать сладкие белки. Автор в заголовке заменил слово *мир* на *жир*, передавая читателям мысль о том, что «еда создаёт мир во всем мире».

13. Ждите ответа (МК. 2024, 24-го мая, с. 2).

Этот заголовок является цитатой автоматического ответа справочной службы, когда сотрудники заняты и не могут сразу ответить. Фраза стала названием одной из телепередач, в которой дикторы дают ответ на самые разнообразные вопросы телезрителей.

В статье слово *ответ* используется в значении 'действие или изъявление чувств, выражающие отношение к чему-л.; реакция, отклик на что-л.' [11, с. 740]. В тексте речь идёт о том, что после начала спецоперации на Украине в конце февраля 2022 года ЕС и страны «большой семерки» заморозили почти половину российских валютных резервов на сумму около 300 миллиардов евро и заявили, что могут изъять имеющиеся у них российские активы и передать их Украине. 23 мая в ЕС вступит в силу решение об использовании доходов от замороженных российских суверенных активов. Власти России много раз говорили о том, что в случае подобных действий Москва ответит зеркально.

Итак, в современной российской прессе значительное число заголовков использует цитаты. Это стало своеобразной журналистской модой. Такого рода мода имеет глубокие социальные и культурные мотивы, которые соответствуют психологическим особенностям большинства читателей, стремящихся к инновациям, а также являются специфическим проявлением популяризации и либерализации русского языка. Такие цитаты чаще встречаются в трансформированном виде: трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны. Включение таких единиц в заголовок повышает интерес читателя к статье, способствует диалогизации текста: автор статьи (или редактор – автор заголовка) отправляют читателю посыл: «Тебе знакома эта цитата, поэтому ты с интересом прочитаешь статью».

Библиографический список

1. Лысикова Ю.А. Лексикографирование цитат: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 22 с.
2. Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1. С. 63-70.
3. Михалева И.М. Типы прецедентных текстов и их цитирование // Деятельностные аспекты языка: сб. науч. тр. М.: Наука, 1988. С. 137-141.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 2000. С. 427-457.
6. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. 1967. Т. 23. № 239. Р. 438-465.
7. Трибунская Н.В. Взаимодействие экспрессии и стандарта во фразеологических единицах (на материале газетных заголовков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. Т. 11. Серия: Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 40-43.
8. Варзапова В.Ю. Цитация в заголовке англоязычного медиатекста (на материале сетевых изданий «The Independent» и «The Telegraph») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 170-175.
9. Качалов В. И. Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2 / Сост. и коммент. А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. С. 251-257.
10. НСЗ: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М.: Сов. энцикл., 1971. 543 с.

11. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
12. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. В 2 т. Л.: Сев.-Зап. библиотечная комиссия, 1990.
13. Ryken Ph. G. King Solomon: The Temptations of Money, Sex, and Power. Wheaton, Illinois: Crossway, 2011. 256 p.
14. СИС: Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Изд-е книгопродавца В. И. Губинского, 1894. 989 с.

References

1. Lysikova Yu. A. Lexicography of quotations: abstract of the dissertation ... Candidate of Philology. sciences. Eagle, 2005. 22 p.
2. Moskvina V. P. Citation, application, paraphrase: towards the differentiation of concepts // Philological Sciences. 2002. No. 1. pp. 63-70.
3. Mikhaleva I. M. Types of precedent texts and their citation // Activity aspects of language: collection of scientific tr. Moscow: Nauka, 1988. pp. 137-141.
4. Bart R. Selected works: Semiotics: Poetics: Trans. from French / Comp., general ed. and the introductory article by G. K. Kosikova. Moscow: Progress, 1989. 616 p.
5. Kristeva Yu. Bakhtin, slovo, dialog, roman // French semiotics: From structuralism to poststructuralism / Translated from French, comp., intro. by G. K. Kosikova. Moscow: Progress, 2000. pp. 427-457.
6. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. 1967. T. 23. No. 239. P. 438-465.
7. Tribunskaya N. V. Interaction of expression and standard in phraseological units (based on the material of newspaper headlines) // Izvestiya Saratov University. A new series. 2011. Vol. 11. Series: Philology. Journalism. Issue 3. pp. 40-43.
8. Varzapova V. Yu. Citation in the title of the English-language media text (based on the material of the online publications "The Independent" and "The Telegraph") // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2020. Vol. 13. Issue 1. pp. 170-175.
9. Kachalov V. I. Meetings with Yesenin // S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries. In 2 vols. Vol. 2 / Comp. and comment. A. Kozlovsky. Moscow: Art. lit., 1986. pp. 251-257.
10. NHS: New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 60s / Edited by N. Z. Kotelova and Y. S. Sorokin. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1971. 543 p.
11. БТС: A large explanatory dictionary of the Russian language / Edited by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1536 p.
12. The Bible: The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments: canonical. In 2 vols. Leningrad: Sev.-Zap. bibl. Commission, 1990.
13. Ryken Ph. G. King Solomon: The Temptations of Money, Sex, and Power. Wheaton, Illinois: Crossway, 2011. 256 p.
14. СИС: Dictionary of foreign words included in the Russian language / Edited by A.N. Chudinov. St. Petersburg: Publishing house of the bookseller V. I. Gubinsky, 1894. 989 p.

УДК 81'42

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.023

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: elshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
PhD, associate professor*

*Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: elshka-82@yandex.ru,
tel. +7(900) 928-52-23*

*магистрант 1 курса направления
«СМИ и Интернет»
кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Сабина М.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: mariasabinina2@gmail.com
тел. +7(920)436-54-24*

*1st year Master's student
«Media and Internet»
the chair of Russian language and
cross-cultural communication
Sabinina M.A.
Russia, Voronezh
e-mail: mariasabinina2@gmail.com
tel. +7(920)436-54-24*

Е.О. Кузьминых, М.А. Сабина

ВЕРБАЛЬНЫЙ СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА РОССИЙСКИХ СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ

Статья посвящена исследованию вербального способа трансляции медиаобраза РСО. В рамках анализа медиаобраза выделены основные лексические доминанты, отражающие специфику организации и стратегию ее продвижения, формирующие отношение аудитории к РСО. Определено, что к ключевым словам и фразам, характеризующим данную организацию, относятся: «командный дух», «отряд – это семья», «больше, чем трудовая бригада», «построй свою карьеру», использование которых призвано подчеркнуть вклад РСО в воспитание и развитие молодежи, популяризацию трудовой деятельности, рост профессионализма студентов. Обнаружено, что наиболее частотными лексемами в анализируемых текстах являются «новый» и «возможности», совокупность которых дает представление об РСО, как об организации, активные члены которой могут достичь любых поставленных целей. Помимо указанных, активно употребляются лексемы, транслирующие представление о большом количестве членов организации, географическом охвате, масштабности проводимых мероприятий и их значимости в истории страны, единстве ее членов («вместе», «единомышленники», «команда», «сотрудничество», «семья») и профессионализме бойцов. Поскольку главной деятельностью РСО является труд и работа, их оценочная характеристика становится важным способом формирования вербального аспекта медиаобраза. В текстах, посвященных РСО, о работе говорят как о «вдохновляющей», «грандиозной», «успешной» и т.д. Деятельность студенческих отрядов характеризуется в исследованных текстовых материалах не только как традиционная, легендарная, основанная на историческом опыте, но и как уникальная. Кроме оценки самого движения исследуемый медиаобраз включает в себя характеристики ее членов, которым приписывают такие качества, как «ответственность», «креативность», «доброта», «неравнодушие», «профессионализм», «инициативность». РСО позиционируется как организация, членам которой всегда двадцать, об этом же свидетельствует часто используемая лексема «молодежь». В текстах об РСО используется большое количество сленговых слов («бойцовка», «слет», «путевка», «комиссар»), употребление которых направлено на формирование внутригрупповой идентичности, ощущения выполнения всеми участниками общей миссии.

Ключевые слова: медиаобраз, Российские Студенческие отряды, вербальный аспект, лексические доминанты, имидж

Е.О. Kuzminykh, M.A. Sabinina

VERBAL WAY OF FORMING THE MEDIA IMAGE OF RUSSIAN STUDENT BRIGADES

This article is devoted to the study of the verbal method of broadcasting the media image of the RSO. As part of the analysis of the media image, the main lexical dominants are identified, reflecting the specifics of the organization and its promotion strategy, forming the audience's attitude to the RSO. It is determined that the key words and phrases characterizing this organization include: "team spirit", "the squad is a family", "more than a labor brigade", "build your career", the use of which is designed to emphasize the contribution of the RSO to the upbringing and development of youth, popularization of work, and the growth of students' professionalism. It was found that the most frequent lexemes in the analyzed texts are "new" and "opportunities", the combination of which gives an idea of the RSO as an organization whose active members can achieve any set goals. In addition to these, lexemes are actively used that convey the idea of a large number of members of the organization, geographical coverage, the globality of the events held and their significance in the history of the country, the unity of its members ("together", "like-minded people", "team", "cooperation", "family") and the professionalism of the fighters. Since the main activity of the RSO is labor and work, their evaluative characteristics become an important way of forming the verbal aspect of the media image. In texts dedicated to the RSO, the work is described as "inspiring", "grandiose", "successful", etc. The activity of student groups is characterized in the studied text materials not only as traditional, legendary, based on historical experience, but also as unique. This article is devoted to the study of the verbal method of broadcasting the media image of the RSO. In addition to evaluating the movement itself, the media image under study includes characteristics of its members, who are attributed qualities such as "responsibility", "creativity", "kindness", "caring", "professionalism", "initiative". The RSO is positioned as an organization whose members are always twenty, as evidenced by the frequently used lexeme "youth". Texts about the RSO use a large number of slang words ("fight", "rally", "tour", "commissioner"), the use of which is aimed at forming an intra-group identity, a sense of fulfillment by all participants of a common mission.

Keywords: media image, Russian Student Brigades, verbal aspect, lexical dominants, image.

Одной из форм привлечения студентов к активной социальной деятельности являются общественные организации, к числу наиболее известных из которых следует отнести Российские Студенческие Отряды (далее РСО). Перед возрожденной в феврале 2004 года организацией был поставлен ряд задач: решение проблемы «нехватки рабочих рук», возникшей в период кризиса 90-х годов в различных хозяйственных отраслях, удовлетворение желания учащихся заработать деньги и получить производственный опыт во время каникул и т.д. Их масштаб потребовал расширения организации за счет привлечения новых членов.

Решение данной проблемы в современном мире невозможно без создания узнаваемого и привлекательного образа организации в медийном пространстве, что особенно актуально для РСО, позиционирующей себя как самое масштабное молодежное движение страны. Для определения совокупности представлений об объектах реальной действительности, представленных в медийных текстах, употребляется понятие медиаобраз, которое впервые в качестве термина было использовано в исследовании Е.Н. Богдан «Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики», где под ним понимался «особый образ реальности, предьявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [1; с. 124]. В современных научных исследованиях существуют различные подходы к определению данного понятия. Так, например, Л.В. Хочунская считает, что медиаобраз – это «закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее диалогический (полилогический) характер и вызывающее ценностную реакцию адресата» [2, с. 93], и полагает, что данный тип образов имеет в своей основе архетипические представления. Ф.О. Русакова предлагает рассматривать медиаобраз как «структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющий собой медийную модель объективного бытия, запечатленную в информационных носителях и общественном сознании» [Цит по: 3, с. 58].

Можно говорить о том, что медиаобраз является содержанием, заключенным в конкретную материальную форму. По мнению Л. В. Хочунской, медиаобраз «определяется языковыми, графическими, звуковыми, визуальными и другими средствами, используемыми в медиатекстах, а также субъективным восприятием информации получателем» [2, с. 93]. Это

мнение разделяет большинство исследователей, выделяющих два основных способа трансляции медиаобраза: вербальный и невербальный, включающий в себя визуальные, графические и звуковые средства его создания.

Целью данной статьи является исследование вербальной составляющей медиаобраза РСО, посредством выявления и анализа наиболее часто встречающихся лексем в текстах, посвященных деятельности данной организации. В рамках изучения вербального аспекта формирования медиаобраза РСО проанализированы официальные документы, отражающие специфику организации и функционирования РСО, такие как «Устав МООО РСО», «Корпоративный кодекс МООО РСО», «Стратегия МООО РСО», «Положение о символике и атрибутике МООО РСО» и др; статьи, размещенные на официальном сайте РСО, посты в основном и региональных сообществах социальной сети ВКонтакте. Обозначены основные темы, ключевые слова и фразы, отражающие специфику исследуемого медиаобраза, сконструированного в цифровом пространстве.

В результате анализа мы выявили лексические доминанты, создающие вербальный портрет РСО: «командный дух», «отряд это семья», «больше, чем трудовая бригада», «построй свою карьеру». Они способствуют созданию позитивного имиджа движения, подчеркивают его вклад в воспитание и развитие молодежи, популяризацию трудовой деятельности, рост профессионализма студенческой молодежи, развитие молодых специалистов.

Одной из базовых лексем, используемых в текстах об РСО и призванных охарактеризовать ее деятельность, является *новый*. Данная организация позиционируется как место, где человек может получить новые «активности», «возможности для развития», «вызовы», «реакции»; покорить новые «трудовые вершины»; погрузиться в «новое лето»; ощутить себя частью «новой истории»; достичь «новых целей» и др. [4].

Довольно часто в рамках одной фразы встречается сочетание лексем *новый* и *возможность*, совокупность которых отражает суть организации в одном из слоганов: «Вместе создаем новые возможности для молодежи всей страны» [5]. В текстах, размещенных в официальной группе, транслируется мысль о том, что для активных участников движения нет ничего невозможного. Разнообразие активностей, предлагаемых молодежи РСО, создает разноплановые возможности: «возможность не только заработать, но и увидеть красоту», «возможность получить профессиональный опыт», «возможность трудиться безопасно и интересно», «возможность представлять себя и свои умения», «возможность не думать об упущенных «возможностях» [4].

Не менее важной для конструирования медиаобраза РСО является трансляция представлений о большом количестве членов организации, географическом охвате, глобальности проводимых мероприятий и их значимости в истории страны. Для выражения указанных смыслов в текстовых материалах, представленных на сайте и в официальной группе социальной сети ВКонтакте, часто используют лексемы *грандиозный*, *крупнейший*, *масштабный* (последнее употребляется в каждом третьем посте, размещенном в сети за последний год): «грандиозные фестивали», «грандиозные цели», «масштаб реализуемых строительных проектов», «масштабное мероприятие индустрии туризма и гостеприимства», «масштаб поражает», «масштабно, ярко, по-весеннему», «самая масштабная союзная стройка», «самая масштабная экспозиция» и т.д. [4].

РСО – это прежде всего коллектив, все члены которого связаны единством целей и действий, поэтому еще одной лексической доминантой в вербальном медиаобразе РСО является *вместе*: «растем вместе», «юбилейный год плечом к плечу вместе», «совместные свершения и победы» [4]. Помимо указанной лексемы, для трансляции идеи «РСО – это слаженный коллектив» используются такие как *единомышленники*, *единство*, *сотрудничество*, *сплочение*, *команда*, *семья*, *молодежь*: «рады сотрудничать», «команда единомышленников», «сообщество профессионалов», «разные поколения сплотились ради общего дела и единой цели», «часть огромной семьи» и др [4]. Приведенные лексемы также вербализуют идею о духовном родстве.

Несмотря на то, что в большинстве постов транслируется мысль об РСО как о едином организме, не менее значимо утверждение, что функционирование целого зависит от уникального вклада каждого участника движения: РСО создает «равные условия для самореализации каждого», «каждый участник внес вклад в развитие корпоративного университета РСО», «каждый, кто стал участником этой истории, хочет вернуться» [4].

Современное движение РСО создавалось как организация, наследующая студенческим отрядам, которые осваивали целину и трудились на знаковых стройках страны, поэтому одной из ключевых тем публикаций является роль и место организации в истории. Стоит отметить, что данная тема раскрывается в двух направлениях: связь движения с прошлым и его вклад в будущее. Так, например, пост, в котором освещалось сотрудничество членов организации с представителями космической отрасли, говорится, что его члены имеют возможность «внести вклад в историю нашей страны». Возможности «изменить мир к лучшему» и «трудиться на благо страны» транслируются в качестве ключевых целей и являются важнейшими ценностями движения [4].

Деятельность студенческих отрядов характеризуется в исследованных текстовых материалах не только как традиционная, легендарная, основанная на историческом опыте, но и как *уникальная* (это одна из частотных лексем в текстах об РСО): «уникальная Всероссийская акция», «уникальный проект», «уникальный шанс» [4].

В большинстве текстов РСО позиционируется как исключительно молодежная организация, участникам которой «всегда 20». Наиболее часто встречающаяся лексема, используемая для характеристики членов движения, – *молодежь*. Помимо текстов о молодежи и от лица молодежи существует часть материалов, в которых освещаются встречи с известными людьми (политиками, экономистами, общественными и культурными деятелями), стоявшими у истоков данного движения. Как правило, их оценки РСО даются в виде воспоминаний о молодых годах и имеют позитивную эмоциональную окраску: «с гордостью вспоминали», «с приятной ностальгией», «с удовольствием» и др. [4].

Поскольку РСО – это движение молодых, основные ассоциации, связанные с ним и зафиксированные в текстах, – *успешное достижение целей, энергия, активность, интенсивность, заряженность, насыщенность событиями*. В большинстве заметок и постов говорится о том, что деятельность студентов, вступивших в РСО, наполнена «увлекательными интенсивами», «зажигательной музыкой», «заряжена энергией», «дает заряд на весь месяц» и т.д. [4]

Поскольку главным слоганом РСО является «Трудкрут», большинство текстов, в той или иной мере, транслируют оценку трудовой деятельности и приводят свидетельства профессионализма бойцов: о работе говорят, как о *вдохновляющей, грандиозной, успешной, профессиональной*. Работа – это способ выполнения миссии и реализации призвания. Интересным фактом является то, что даже время, в котором существуют бойцы РСО, измеряется трудом: «трудовое лето», «трудовые будни», «трудовые праздники» [4].

В текстах постов участие в деятельности движения оценивается как лучшее, что могло случиться со студентами, как реализация мечты, которая становится прологом к «большим делам»: «вдохновляем тысячи людей становиться лучше», «меняем мир к лучшему», «лучшее лето», «встреча с лучшими людьми страны», «попали туда, куда не могли и мечтать». Указанная составляющая медиаобраза РСО реализуется в слогане «РСО – от мечты к большим делам» [6].

Помимо характеристик РСО как целого, ее медиаобраз включает оценки членов данного движения, являющихся «лицами организации». Чаще всего ими приписывают такие качества, как *ответственность, креативность, молодость, доброту, храбрость, неравнодушие, профессионализм, инициативность*. О них говорят, что они «горят своим делом».

Кроме всего вышперечисленного медиаобраз движения формируется через описание эмоций членов организации, главные из которых характеризуются лексемами *ярко, незабы-*

ваемо, радостно, романтично и т.д., а также через описание «приобретений» студентов и школьников от вступления в нее: «работа по всей стране», «путешествия», «достойная заработная плата», «романтика», «поддержка во время неудач», «радость от победы», «личный рост», «начало карьерного пути», «счастье», ощущение себя частью семьи, «совершающей подвиги на благо страны» [4].

Медиаобраз РСО имеет положительную оценку, которая формируется, в том числе, благодаря глаголам, характеризующим степень и форму активности внутри данной организации. Наиболее частотные из них: *развить, доказать, преодолеть, обучать, строить, помогать, созидать, доказывать*. Приоритетные активности данной организации отражены на официальном сайте РСО в виде графически выделенных глаголов: «строить», «воспитывать», «создавать комфорт», «помогать», «путешествовать», «собирать», которые характеризуют основные направления деятельности данного движения [4].

Одной из особенностей РСО является то, что она, будучи масштабным молодежным проектом, воспринимается как достаточно закрытая организация, поэтому в большинстве своем контент, размещенный в сети, носит узкоспециализированный характер, рассчитан на «посвященных», что проявляется как на лексическом, так и на тематическом уровнях.

Одной из особенностей лексики, использованной на официальном сайте и других тематических ресурсах сети, является применение большого количества сленговых слов, появляющихся практически в каждом из постов. Их употребление направлено на формирование внутригрупповой идентичности, создание ощущения выполнения всеми участниками движения общей миссии. Среди наиболее частотных такие слова, как *путевка, комиссар, слет, бойцовка*, где лексема *путевка* означает документ, подтверждающий участие в работе в летний период отдельного студенческого отряда; «комиссар» – человека, отвечающего за организацию культурно-массовых мероприятий, воспитательную работу; «слёт» – мероприятие, где подводятся итоги трудовой деятельности; «бойцовка» – специальная куртка являющаяся частью форменной одежды участников РСО.

Среди основных тем, освещаемых в материалах, посвященных РСО, можно выделить такие, как *путешествия, развитие и саморазвитие, историческая память, патриотизм, интересные люди, студенческие отряды, карьера* и др. При этом каждая из перечисленных тем раскрывает ключевую, которую можно обозначить, как тему профессиональной и трудовой деятельности, освещаемую с различных сторон.

Хештег #ГрудКрут, фразы, характеризующие членов организации с профессиональной точки зрения, термины «профмастерство», «ударник», «трудовые бригады», «трудовой сезон» встречаются в каждой второй публикации [4]. Необходимость и условия их использования зафиксированы в уставе организации и корпоративном кодексе. На странице «ВКонтакте» размещены многочисленные интервью с видными общественными и политическими деятелями, имевшими в молодости опыт участия в деятельности РСО, которые говорят о ценности и значимости труда современной молодежи для процветания страны. Так, большое количество положительных комментариев получила речь президента Российской Федерации В.В. Путина, произнесенная в день Российских Студенческих Отрядов, в которой он отметил, что, «как в прежние времена, так и сейчас ребята работают практически во всех отраслях: и в промышленности, и в сельском хозяйстве, в строительстве, в сфере услуг. Работают достаточно эффективно на очень интересных, важных направлениях. Всегда студотрядовское движение подставляло плечо государству, стране, причем, частенько работали в очень сложных условиях, и, как правило, справлялись с задачами, которые перед ними ставили» [7].

Стоит отметить, что большинство текстов, посвященных РСО, имеют особую тональность: позитивную, мотивирующую, придающую уверенность. Очевидно, что цель подобных публикаций – расширение аудитории посредством привлечения новых участников, поддержание сложившегося позитивного имиджа. Эмоциональная окраска текстов может меняться, что зависит не только от контекста, но и от ориентации публикаций на разные типы аудитории. В официальных документах и отчетах, в публикациях, освещающих встречи с предста-

вителями государства или партнерами, используется нейтральный или деловой тон, а при взаимодействии со студентами более личный, неформальный. Установка на диалог реализуется благодаря обилию вопросов (в том числе и риторических), употреблению конструкций «нас часто спрашивают», «мы отвечаем на многочисленные вопросы», местоимения «мы» и глаголов в форме 1 лица множественного числа «ждем», «слушаем».

Большинство текстов, посвященных РСО, призваны заряжать, оказывать мотивирующее воздействие. Зачастую такой эффект достигается благодаря использованию глаголов в форме повелительного наклонения: «лови», «отправляй», «смотри». Помогает усилить воздействие текстовых материалов использование художественных приемов: метафор, гипербол и повторов. Они делают текст более запоминающимся. Например, в метафоре «боец – ударник РСО» присутствует скрытое историческое сравнение с человеком, показавшим повышенную производительность в период пятилеток, что подчеркивает масштаб достижений человека в трудовой деятельности и связывает современного члена РСО с предыдущими поколениями.

Таким образом, анализ медиатекстов, посвященных деятельности РСО, позволяет говорить о значимости вербальной составляющей в исследуемом медиаобразе. Лексические доминанты, выявленные в текстах об РСО, способствуют позитивной оценке деятельности данной организации. Вербальная составляющая медиаобраза РСО формируется при помощи таких лексем, как *новый, возможности, молодежный, команда, уникальный, масштабный, вместе* и т.д. Оценка деятельности организации имеет амбивалентный характер, поскольку одновременно характеризуется как основанная на традициях и как уникальная. Помимо характеристики самой организации, в ее медиаобраз включена оценка внутренних качеств ее членов: *ответственность, креативность, молодость, доброта, храбрость, равнодушие, профессионализм, инициативность*. РСО позиционируется как движение молодых, поэтому в рассматриваемых текстах частотны лексемы *энергия, активность, интенсивность, заряженность, насыщенность событиями*, характеризующие деятельность участников, а так же лексемы *ярко, незабываемо, радостно, романтично*, отражающие эмоции участников движения. РСО – это организация, чья деятельность направлена на популяризацию труда и профессионализма. Работа является базовой ценностью для участников РСО, поэтому в большинстве текстов она характеризуется как *вдохновляющая, грандиозная, успешная, профессиональная*. Большое количество сленговых слов, использованных в текстах, указывает на сплоченность внутри движения и духовное родство всех его участников.

Библиографический список

1. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2007. №4. С. 122–127.
2. Хочунская Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2013. № 2. С. 91–95.
3. Ковач О.А. Принципы конструирования медиаобраза государства // Медиасреда. № 15. 2019. С. 57-62.
4. Российские студенческие отряды /PCO URL:https://vk.com/rso_official (дата обращения: 22.12.2024).
5. Создаем новые возможности // Российские студенческие отряды /PCO URL: https://vk.com/wall-353000_100371 (дата обращения: 22.12.2024).
6. От мечты к большим делам // Российские студенческие отряды /PCO URL: https://vk.com/wall-353000_108900 (дата обращения: 22.12.2024).
7. Путин: работа в студенческих отрядах приносит удовольствие и добавляет жизненный опыт // ТАСС. 5 ноября. 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7081702> (дата обращения: 25.01.2025).

References

1. Bogdan E.N. The media image of Russia as a concept of journalism theory // Moscow Bulletin. Uni. Ser. 10: Journalism. 2007. No. 4. P. 122-127.
2. Khochunskaya L. V. The phenomenon of media image: socio-psychological aspect // Vestn. RUDN University. Ser.: Literary studies, journalism. 2013. No. 2. P. 91-95.
3. Kovach O.A. Principles of constructing the media image of the state // The media environment. No. 15. 2019. P. 57-62.
4. Russian student groups / RSO URL:https://vk.com/rso_official (date of request: 12/22/2024).
5. Creating new opportunities // Russian Student groups /RSO URL: https://vk.com/wall-353000_100371 (accessed: 12/22/2024).
6. From dreams to big things // Russian Student groups /RSO URL: https://vk.com/wall-353000_108900 (date of reference: 12/22/2024).
7. Putin: working in student groups brings pleasure and adds life experience // TASS. November 5th. 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7081702> (date of request: 01/25/2025).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.024

Самарский государственный социально-педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, культуры
речи и методики их преподавания
Моргунова А.Н.

Россия, г. Самара,

тел. +79277383772

e-mail: morgunova@sgspu.ru

Тольяттинский государственный университет

аспирант, ассистент кафедры русского
языка, литературы и лингвокриминали-
стики

Давыдова Р.С.

Россия, г. Тольятти

тел. +79372163904

e-mail: vs.rimma@bk.ru

*Samara State University of Social Sciences
and Education, Candidate of Philology,
Associate professor of the Department of
Russian Language, Standards of Speech and
Methods of its Teaching*

Morgunova A.N.

Samara, Russian Federation

tel. +79277383772

e-mail: morgunova@sgspu.ru

Togliatti State University

*Graduate student, Assistant of the Department of
the Russian language, literature and lan-
guacriminalistics*

Davydova R.S.

Russian Federation, Togliatti

tel. +79372163904

e-mail: vs.rimma@bk.ru

А.Н. Моргунова, Р.С. Давыдова

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИНХРОНИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
ПРОФЕССОРА Е.П. ИВАНЯН**

A.N. Morgunova, R.S. Davydova

**SEMANTIC AND GRAMMATICAL PROCESSES IN SYNCHRONY: REGIONAL
METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE SCIENTIFIC SCHOOL
OF PROFESSOR E.P. IVANYAN**

16 декабря 2024 года на филологическом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) состоялся региональный методологический семинар научной школы русистики «Динамические процессы в лексике и грамматике» под руководством доктора филологических наук, профессора Елены Павловны Иванян. Очередной методологический семинар был посвящен семантическим и грамматическим процессам, происходящим в русском языке в синхронии. Участниками семинара стали преподаватели и аспиранты СГСПУ, Самарского государственного технического университета (СамГТУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), филиала ФГКВОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е.

Жуковского и Ю.А. Гагарина» Минобороны России в г. Сызрани (ВУНЦ ВВС «ВВА»), а также Вольский военный орден Кутузова и Красной Звезды институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации.

Доктор филологических наук, профессор Е.П. Иванян открыла семинар докладом «Мы» в русской научной традиции и языковая личность П.А. Леканта». В выступлении Е.П. Иванян продолжила вопрос особенностей научной коммуникации, затрагиваемый ею ранее в научных изысканиях [1]. Руководитель научной школы «Динамические процессы в лексике и грамматике» отметила, что все участники научной школы продолжают традиции научной школы грамматики Павла Александровича Леканта, наследуют как сам научный подход к изучению языковых феноменов, так и дух научной школы. Исследовательница подчеркнула, что научное кредо П.А. Леканта – это лаконичность, речь только о существенном, никакой воды, никаких «удручающих подробностей». В докладе было показано, что языковая личность П.А. Леканта ориентируется на решение значимых лингвистических задач, признает юмор, шутки, воодушевляющую атмосферу, подробнее об этом см.: [2].

Региональный семинар был посвящен рассмотрению семантических и грамматических процессов, происходящих в русском языке в синхронии. Были подняты важные вопросы ономастики, семантики языковых единиц, полевой структуры русского языка, динамических процессов в словообразовании и методики преподавания русского языка.

Среди проблем ономастики были исследованы вопросы литературных онимов, коннотативных онимов, ср. ранее – [3], искусственной номинации среди эргонимов и прагматонимов. Так, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ О.Д. Паршина представила доклад «Квазитопонимы в номинировании провинциального города как средство выражения пейоративной аксиологии» в рамках нового направления исследований русской провинции – ономастической провинциологии, см. об этом: [4]. В докладе были рассмотрены особенности квазитопонимов-астионимов на примере паблика «Страдающее Средневековье» в социальной сети «ВКонтакте». Было отмечено, что в языковом сознании носителей русского языка многие репрезентанты функционально-семантического поля «Провинция» являются носителями отрицательной аксиологии, ср. с: [5]; [6]. Исследователь обнаружил квазитопонимы двух типов: образованные на базе астионимов путем фонетического обыгрывания, наложения, при котором определенный фонемный отрезок принадлежит обеим частям (Мурманск – Гламурманск), замены одного компонента (Комсомольск-на-Амуре – Страдальск на Амуре) и др. Второй тип представлен квазитопонимами, воспроизводящими модели наименований городов с компонентами *-град* (Депрессоград), формантами *-ск/-инск* (Опостылинск, Сероуныльск). Вопросы эргонимии в Самарском регионе рассмотрела старший преподаватель СамГТУ А.А., раскрыв специфику языковой игры на уровне служебных слов предлоги, частицы, междометия и союзы). В докладе значительное внимание было уделено определению частотности приёмов языковой игры, ср.: [7], [8], [9].

Вопросы прагматонимии освещались в докладе аспиранта ТГУ Р.С. Давыдовой «Особенности в номинации прагматонимов – фиктонимов разных групп пищевой промышленности», в котором были охарактеризованы номинативные тенденции вымышленных прагматонимов детского питания и прагматонимов мороженого. Вопросы литературных онимов были подняты аспирантом ТГУ Д.Р. Резниковым в докладе «Исследование прецедентных онимов в поэтическом тексте во втором десятилетии XXI века». Молодой исследователь рассмотрел вопрос влияния прецедентных онимов на структуру и смысловую наполненность поэтических текстов.

Следующий аспект изысканий, который был предложен участниками методологического семинара, - это семантика языковых единиц. Так, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ М.Г. Соколова представила исследование, посвященное метафорическому использованию дендронима ака-

ция в русской поэзии XIX–XXI веков в структурно-семантическом аспекте. Данное исследование продолжает комплексное описание образных полей дендронимов [10], [11]. В докладе особое внимание уделено метафорическим моделям формирования символических значений дендронима *акация* в контексте общепоэтической традиции.

Вопросы семантики затронула в своем докладе кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации СГСПУ А.М. Ключина. Ее исследование «Характеристика репрезентантов семантики крайности при гиперболизации страстей и страданий в художественных произведениях Ф. М. Достоевского» посвящено описанию особенностей употребления гиперболы для выражения семантики крайности в художественных произведениях Ф.М. Достоевского. Семантика крайности была рассмотрена докладчиком как особая функционально-семантическая категория русского языка со своим планом выражения, ср.: [12]. Автором было выявлено, что персонифицированной Достоевского свойственна высокая частность проявления понятийной категории крайности в разных сферах [13]. Исследователь отметила, что персонифицированной Ф.М. Достоевского свойственна высокая частность проявления понятийной категории крайности в разных сферах: в биографии; в творческом методе создания художественных произведений; в чертах характера персонажей; в крайних ситуациях жизни персонажей художественных произведений; при описании русского характера, русской лингвокультуры [14], [15], [16].

Старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ТГУ Е.В. Косс также обратилась к вопросам семантики и представила результаты исследования, направленного на изучение нелексических средств выражения категории определенности / неопределенности в выражениях с термином родства *дядя*. Было отмечено, что сочетания с термином родства *дядя* могут контекстуально передавать семантику определенности / неопределенности. При этом типичные адъективные сочетания также способны выполнять функцию средств выражения категории определенности / неопределенности русского языка, ср.: [17], [18], [19].

К семантическому аспекту обратились в своих исследованиях и аспиранты СГСПУ. П.С. Иванова в докладе «Корпоральная семантика ольфакторного модуса перцепции в рамках ассоциативного эксперимента» рассмотрела особенности абстрактных имен существительных, представленных в парфюмерном интернет-дискурсе в ассоциативном эксперименте. Семантика фразеологических единиц рассматривалась в докладе «Характеристика способов организации фразеологизмов с семантикой физического нанесения вреда», которым ассистент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ М.С. Агафонцев продолжил свой цикл исследований семантики наказания в русском дискурсе. Докладчик пришел к выводу, что образование фразеологизмов семантики нанесения физического вреда индивидууму в русском языке опирается на три способа: метафора, металепсис, антифразис, ср.: [20], [21].

Переходные явления в области частей речи осветила в своем докладе «Аспекты изучения омокомплексов в отечественной русистике» аспирант СГСПУ М.Р. Мирошниченко. Исследователь представил основные аспекты изучения омокомплексов лингвистами-«переходниками» (название предложено В.В. Бабайцевой), поставил вопрос о возможностях реализации в грамматических омонимах эвфемистической функции в понимании эвфемизации, которое распространено в научной школе профессора Е.П. Иванян [22].

Полевой подход в своих изысканиях предложили старший преподаватель ТГУ В.С. Бычкова и соискатель СГСПУ Е.Н. Полякова. В.С. Бычкова в докладе «Включение номинации "провинциал" в противопоставления на основе оппозиции «Центр – периферия»» рассмотрела вопрос интенсификации пейоративной оценки номинации. Исследовательница показала, что контекстуальное наполнение изучаемой номинации характеризует данные лица с точки зрения социальных, экономических, интеллектуальных и культурных особенностей.

В докладе Е.Н. Поляковой «Номинации микрополя «последствия внебрачных отношений» было отмечено, что номинативный состав лексико-семантической группы «последствия

внебрачных отношений» в литературе 1920-х гг. используется как инструмент формирования и закрепления в общественном сознании не только языкового портрета героев и антигероев нового времени, но и как средство социально-политической идентификации.

Вопросы словообразования освещались в докладах преподавателей СГСПУ. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дошкольного образования СГСПУ И.В. Гурова подготовила доклад «Сопоставительный анализ дериватов с компонентом *-гейт* 2021-2024 гг. в славянских языках», охарактеризовав разработанную автором исследования модель производных с компонентом *-гейт* в болгарском, польском и русском языках. Исследовательница выявила интерлингвальные и интралингвальные языковые единицы, определила тематические группы слов, проанализировала способы концептуализации денотативной ситуации скандала, провела сравнение структурных особенностей дериватов и сопоставление орфографического оформления производных, раскрыла прагматический потенциал словообразовательных окказионализмов, ср.: [23], [24].

Совместный доклад И.В. Гуровой и доцента СГСПУ Н.В. Гонновой «Языковая словообразовательная игра в интернет-фольклоре» был посвящен изучению специфики языковой словообразовательной игры в произведениях интернет-фольклора (демотиваторах, котоматрице, стихах-«пирожках» и др.), ср.: [25], [26], [27].

На методологическом семинаре поднимались вопросы преподавания русского языка. Кандидат филологических наук, доцент СГСПУ Н.Д. Осипова в докладе «Аргументирующая речь как средство формирования российской идентичности в вузе» обосновала важность подготовки аргументирующей (убеждающей) речи в вузе при изучении дисциплины «Педагогическая риторика». Докладчик отметил, что убеждающая речь имеет большое значение для развития культуры профессионального общения и коммуникативной компетенции педагога, ср.: [28]. Задания данной дисциплины должны быть, с одной стороны, лингвистичны, раскрывать те или иные аспекты семантики языковых единиц, ср. [29], с другой стороны, служить средством формирования у будущих учителей русского языка и литературы гражданской ответственности и российской идентичности, поскольку темы сформулированы преподавателем с учетом важности ценностно-смысловых и коммуникативных основ общества [30].

В докладе Н. Н. Немич «Использование электронных учебных пособий и словарей в преподавании русского языка как иностранного» были рассмотрены вопросы работы иностранных военнослужащих с электронными словарями, предложены упражнения, которые могут быть использованы на занятиях по русскому языку как иностранному для формирования коммуникативной компетенции курсантов. Н. Н. Немич отметила, что применение современных цифровых технологий способствует повышению мотивации и эффективности в освоении языка, а также помогает создать более разнообразную и увлекательную образовательную среду, ср. об этом работы: [31], [32], [33].

Аспирант СГСПУ Г.Н. Агрова представила доклад, посвященный вопросам преподавания русского языка как иностранного, продолжая свой цикл исследований [34], [35], [36].

В докладе «Проблемные вопросы изучения современного нетикета» А.Н. Моргунова раскрыла проблему использования формальных средств, компенсирующих отсутствие интонации, улыбки, мимики в интернет-общении. Особое внимание было уделено отличиям виртуального общения в сети от непосредственного диалога и полилога.

Таким образом, региональный методологический семинар раскрыл актуальные проблемы лингвистической русистики, вопросы семантических и грамматических процессов, происходящих в русском языке на современном этапе.

Библиографический список

1. Иванян Е.П., Белкина Ю.А. Научная коммуникация как способ организации и презентации региональной науки в виртуальном пространстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2-4. С. 857-860.
2. Иванян Е.П. Характеристика языковой личности П.А. Леканта // Лекантовские чтения - 2022. 18 ноября 2022. М.: Московский государственный областной университет. С. 13-17.
3. Иванян Е.П., Айтасова С.И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : Материалы шестой международной научно-практической конференции, Самара, 21–22 сентября 2011 года. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2011. С. 131-137.
4. Иванян Е.П. Характеристика традиций обозначения русской провинции проприальными единицами // Русистика без границ. 2022. Т. 6, № 2. С. 44-55.
5. Паршина О.Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3859-3868.
6. Паршина О.Д., Шадрин А. А. Средства актуализации значения лексемы «глушь» как репрезентанта семантики провинциальности // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : Материалы XIII Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года. Том Выпуск 13. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2022. С. 20-23.
7. Хохлова А.А. Приёмы языковой игры в эргонимах Самарской области с точки зрения прагматики служебных частей речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 6. С. 2071-2078.
8. Хохлова А.А. Особенности языковой игры в современных самарских эргонимах сферы «Отдых и развлечения» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 11. С. 3903-3908.
9. Хохлова А.А. Реализация фоновой информации культурного, исторического и мемориального характера в эргонимах // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Уфа, 29 апреля 2022 года / Отв. редактор Ф.Г. Фаткуллина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 266-269.
10. Соколова М.Г. Развитие семантических признаков дендронима тополь в поэтическом языке XIX-XX веков // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1(26). С. 148-152.
11. Соколова М.Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширяевца // Филология и человек. 2020. № 2. С. 19-28.
12. Ключина А.М. Категория крайности в лингвистической русистике: аналитический обзор // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 2. С. 70-80.
13. Ключина А.М. Характеристика специфики персониферы Ф.М. Достоевского // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. Т. 32, № 3. С. 580-593 (3).
14. Ключина А.М. Проявление крайности в образах персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK222.pdf> (2)
15. Ключина А.М. Проявление крайности в русской лингвокультуре: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 6. С. 1849-1855 (3).

16. Ключина А.М. Стилистические средства выражения семантики крайности в русском языке: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 10. С. 3187-3193 (4).

17. Косс Е.В. Терминосистема родства: проблемы дефиниции и номенклатуры в разных лингвокультурах // Студент и наука (гуманитарный цикл) - 2022 : материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 22–25 марта 2022 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 248-252.

18. Косс Е.В., Паршина О.Д. Репрезентация внешности мужчины номинацией "дядя" в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 10. С. 3422-3428.

19. Косс Е.В. Песни на занятиях русским языком как иностранным на начальном этапе // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков : К 80-летию профессора Л.И. Корниловой: сборник материалов, Тольятти, 11–12 октября 2018 года. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2018. С. 83-88.

20. Агафонцев М.С. Фразеологическая представленность действий, обозначающих спонтанное нанесение физического вреда индивидууму // Семантика. Функционирование. Текст : Межвузовский сборник научных трудов. Киров : ООО Издательство "Радуга-ПРЕСС", 2024. С. 49-56.

21. Агафонцев М.С. Метафора еды в составе фразеологизмов с семантикой наказания в русском дискурсе // Педагогический форум. 2024. № 1(13). С. 156-159.

22. Иванян Е.П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И.Н. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы. Москва: Флинта, 2013. 167 с.

23. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. №3(24). С. 29-31.

24. Гурова И.В. Славянские языки в цифровых коммуникациях (на примере производных с компонентом -гейт) // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 2 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. Объём электрон. дан. 7,6 Мбайт. 34,0 уч.-изд. л. Гродно: ГрГУ, 2024. С. 161-166.

25. Гурова И.В. Гейт-производные в медиадискурсе: лингвокреативный аспект // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. №2. С. 142-148.

26. Гоннова Н.В. Дериваты с компонентами чудо-, горе-, царь- как средство выражения эмоциональной оценки // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018. Сборник трудов Международной научной конференции. Москва: МГОУ, 2018. С. 92-96.

27. Гоннова Н.В. Дериваты с оценочным компонентом в аспекте языковой игры // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой. Межвузовский сборник научных трудов с международным участием. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2018. С. 50-56.

28. Осипова Н.Д. Лингвистический кружок «Язык и мир» как форма работы в рамках дисциплины «Педагогическая риторика» в вузе // Русистика без границ. 2024. Т. 8, № 1. С. 96–102.

29. Иванян Е.П. Семантика еды в лингвистических изысканиях: результаты и перспективы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1-4. С. 795-797.

30. Ерохина Е.Л., Савова М.Р. Пилотный проект в высшем образовании: судьба речеведческих дисциплин // Риторика в социокультурном пространстве современной России : Материалы XXVII Международной научно-практической конференции, Москва, 01–02 февраля 2024 года. Москва: ООО «Языки народов мира», 2024. С. 213–221.

31. Немич Н.Н. Создание электронного учебного пособия по дисциплине «Русский язык и культура речи» в военном вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 10, № S3. С. 153-156.

32. Vyshkin E.G., Nemich N.N., Khokhlova A.A. Electronic dictionaries in educational process in higher education // Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. 2021. Vol. 18, No. 3. P. 115-126.

33. Богданова Н.В., Немич Н.Н. Работа со словарями на занятиях по русскому языку с иностранными военнослужащими // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты : Сборник материалов VI Международной научной конференции, Тольятти, 16–19 апреля 2019 года / Под редакцией Г.Н. Тараносовой, И. А. Измestьевой. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2019. С. 281-285.

34. Агрова Г.Н. Обучение военной лексике в системе преподавания русского языка как иностранного. /Вестник ВВИМО. 2023. С. 3.

35. Агрова Г.Н. Изучение символики РФ на занятиях РКИ. / Вестник военного образования. 2023. С. 9.

36. Агрова Г.Н. Эффективность использования вопросно-ответной формы языковой разминки на занятиях РКИ. / Вестник ВВИМО. 2024. С.10.

References

1. Ivanyan E.P., Belkina Yu.A. Scientific communication as a way of organizing and presenting regional science in the virtual space // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013. Vol. 15, No. 2-4. pp. 857-860.

2. Ivanyan E.P. Characteristics of the linguistic personality of P.A. Lekant // Lekant readings - 2022. November 18, 2022. – Moscow: Moscow State Regional University. Pp. 13-17.

3. Ivanyan E.P. Aytasova S.I. Semantics and functions of connotative onyms in Russian discourse // Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects : Proceedings of the sixth international scientific and practical conference, Samara, September 21-22, 2011. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University, 2011. pp. 131-137.

4. Ivanyan E.P. Characteristics of the traditions of naming the Russian province with proprietary units // Russian Studies without Borders. 2022. Vol. 6, No. 2. pp. 44-55.

5. Parshina O.D. The Russian hinterland: linguistic explication of the semantics of the province // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15, No. 12. pp. 3859-3868.

6. Parshina O.D., Shadrina A. A. Means of actualizing the meaning of the lexeme "wilder-ness" as a representative of the semantics of provinciality // Capital and provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia : Proceedings of the XIII All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, March 11, 2022. Volume Issue 13. St. Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University, 2022. pp. 20-23.

7. Khokhlova A.A. Language game techniques in ergonyms of the Samara region from the point of view of pragmatics of official parts of speech // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2024. Vol. 17, No. 6. pp. 2071-2078.

8. Khokhlova A.A. Features of the language game in modern Samara ergonyms of the sphere of "Recreation and entertainment" // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16, No. 11. pp. 3903-3908.

9. Khokhlova A.A. Realization of background information of cultural, historical and memorial nature in ergonyms // Theoretical and practical problems of the development of modern humanities : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 29, 2022 / Editor-in-chief F.G. Fatkullina. Ufa: Bashkir State University, 2022. pp. 266-269.

10. Sokolova M.G. The development of semantic features of the topol dendronym in the poetic language of the XIX-XX centuries // *Baltic Humanitarian Journal*. 2019. Vol. 8, No. 1(26). pp. 148-152.
11. Sokolova M.G. Types of semantic transformations of dendronyms in the poetic texts of A.V. Shiryaevts // *Philology and man*. 2020. No. 2. pp. 19-28.
12. Klyushina A.M. The category of extremes in linguistic Russian studies: an analytical review // *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*. 2022. Vol. 26, No. 2. pp. 70-80.
13. Klyushina A.M. Characteristics of the specifics of F.M. Dostoevsky's personosphere // *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series*. 2022. Vol. 32, No. 3. pp. 580-593 (3).
14. Klyushina A.M. The manifestation of extremes in the characters of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" // *The World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 2022. Vol. 13, No. 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK222.pdf> (2)
15. Klyushina A.M. The manifestation of extremes in Russian linguoculture: an analytical review // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2022. Vol. 15, No. 6. pp. 1849-1855 (3).
16. Klyushina A.M. Stylistic means of expressing the semantics of extremes in the Russian language: a theoretical review // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2022. Vol. 15, No. 10. pp. 3187-3193 (4).
17. Koss E.V. The terminological system of kinship: problems of definition and nomenclature in different linguistic cultures // *Student and Science (humanities cycle) - 2022 : proceedings of the international student scientific and practical conference, Magnitogorsk, March 22-25, 2022. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2022. pp. 248-252.*
18. Koss E.V., Parshina O.D. Representation of a man's appearance with the "uncle" nomination in modern Russian // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2023. Vol. 16, No. 10. pp. 3422-3428.
19. Koss E.V. Songs in Russian as a foreign language at the initial stage // *Actual problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages : On the 80th anniversary of Professor L.I. Kornilova: collection of materials, Tolyatti, October 11-12, 2018. Tolyatti: Tolyatti State University, 2018. pp. 83-88.*
20. Agafontsev M.S. Phraseological representation of actions indicating spontaneous physical harm to an individual // *Semantics. Functioning. Text : Interuniversity collection of scientific papers. Kirov : Raduga-PRESS Publishing House, 2024. pp. 49-56.*
21. Agafontsev M.S. The metaphor of food as part of phraseological units with the semantics of punishment in Russian discourse // *Pedagogical Forum*. 2024. No. 1(13). pp. 156-159.
22. Ivanyan E.P., Kudlinskaya-Stempen H., Nikitina I.N. Multilingual dictionary of euphemisms of the toilet theme. Moscow: Flinta, 2013. 167 p.
23. Gurova I.V. Gate derivatives: borrowed vs. educated on Russian soil // *Baltic Humanitarian Journal*. 2018. No. 3(24). pp. 29-31.
24. Gurova I.V. Slavic languages in digital communications (on the example of derivatives with the gate component) // *The Slavic world and national speech culture in modern communication [Electronic resource] : collection of scientific articles : in 2 hours Part 2 / GrSU im. Yanka Kupala ; editor: T. A. Pivovarchik (chief editor) [and others]. – The volume of electronic data is 7.6 MB. – 34.0 academic. -ed. I. Grodno: GrSU, 2024. pp. 161-166.*
25. Gurova I.V. Gate derivatives in media discourse: linguistic and creative aspect // *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: The linguistics of creativity*. 2018. No. 2. pp. 142-148.
26. Gonnova N.V. Derivatives with components miracle, grief, tsar as a means of expressing emotional assessment // *Rational and emotional in the Russian language – 2018. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow: Moscow State University, 2018. pp. 92-96.*

27. Gonnova N.V. Derivatives with an evaluative component in the aspect of the language game // Semantics. Functioning. Text. On the 70th anniversary of S.V. Chernova's birth. Interuniversity collection of scientific papers with international participation. Kirov: Raduga-PRESS LLC, 2018. pp. 50-56.

28. Osipova N.D. Linguistic circle "Language and the world" as a form of work within the discipline "Pedagogical rhetoric" in higher education // Russian Studies without borders. 2024. Vol. 8, No. 1. pp. 96-102.

29. Ivanyan E.P. Semantics of food in linguistic research: results and prospects // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17, No. 1-4. pp. 795-797.

30. Erokhina E.L., Savova M.R. A pilot project in higher education: the fate of speech sciences // Rhetoric in the socio-cultural space of modern Russia : Proceedings of the XXVII International Scientific and Practical Conference, Moscow, February 01-02, 2024. Moscow: Languages of the Peoples of the World, LLC, 2024. pp. 213-221.

31. Nemich N.N. Creation of an electronic textbook on the discipline "Russian language and speech culture" in a military university // Actual problems of humanities and socio-economic sciences. 2016. Vol. 10, No. S3. pp. 153-156.

32. Vyshkin E.G., Nemich N.N., Khokhlova A.A. Electronic dictionaries in educational process in higher education // Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. 2021. Vol. 18, No. 3. P. 115-126.

33. Bogdanova N.V., Nemich N.N. Working with dictionaries in Russian language classes with foreign military personnel // Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects : Proceedings of the VI International Scientific Conference, Tolyatti, April 16-19, 2019 / Edited by G.N. Taranosova, I. A. Izmestyeva. Tolyatti: Tolyatti State University, 2019. pp. 281-285.

34. Agrova G.N. Teaching military vocabulary in the system of teaching Russian as a foreign language. /Bulletin of VVIMO. 2023. p. 3.

35. Agrova G.N. Studying the symbols of the Russian Federation in the classroom of the Russian Academy of Sciences. / Bulletin of Military Education. 2023. p. 9.

36. Agrova G.N. The effectiveness of using the question-answer form of language warm-up in RCT classes. / Bulletin of VVIMO. 2024. P. 10.

УДК 811.161.1 (470.324)
DOI 10.36622/2587-9510.2025.56.1.025

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, associate
professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-
cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication*
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова

**«ДУХ, ДУША И ТЕЛО В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ»:
КОНСТАНТЫ И МЕТАМОРФОЗЫ**

S.A. Skuridina, N.B. Bugakova

**«SPIRIT, SOUL AND BODY IN WORLD CULTURE»:
CONSTANTS AND METAMORPHOSES**

III Всероссийская научная конференция «Дух, душа и тело в мировой культуре», уже третий год объединяющая исследователей разных направлений – филологии, философии, истории, медицины, психологии, антропологии, культурологии и др., была проведена кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета 4 декабря 2024 года. Цель конференции – выявление специфики взаимодействия духовных, душевных и телесных аспектов человеческой жизни через призму различных культур мира, что способствует междисциплинарному диалогу ученых. Благодаря использованию современных технологий, позволивших выступать с докладами дистанционно, с каждым годом расширяется «география» участников, среди которых исследователи из разных регионов России.

В работе приняли участие четыре секции, заседания которых проходили в смешанном формате: «Дух, душа и тело в русской и мировой культуре», «Дух, душа и тело: метаморфозы времени», «Дух, душа и тело в журналистских и рекламных медиатекстах», «Дух, душа и тело в контексте философской рефлексии».

В ходе работы было представлено 77 докладов, посвященных исследованию культурных традиций: как разные культуры воспринимают понятия духа, души и тела, какие символические значения приобретают эти важные для социума категории в разных цивилизациях;

обсуждению взаимосвязей между телом и духом – каким образом физическое здоровье связано с духовным состоянием человека, как религиозные практики влияют на восприятие собственного тела и здоровья; актуальным вызовам современности – как сказывается на духовном состоянии общества влияние технологий на человеческое сознание, глобализация и ее последствия, а также в чем состоит роль науки на данном этапе развития социума; вопросам этики и морали – взаимоотношение между человеком и окружающим миром, экологическая ответственность, нравственное воспитание и отношение к телу как части целостной личности.

Преподаватели кафедры русского языка и межкультурной коммуникации представили разноплановые доклады, в связи с чем стали участниками разных секционных заседаний. В секции «Дух, душа и тело в русской и мировой культуре» прозвучали выступления Н.Б. Бугаковой, рассматривающей проблемы телесности в романе писателя-юбиляра 2024 года А. Платонова «Счастливая Москва» [1], Е.Н. Карташовой, обратившейся к анализу терминологии родства в художественных текстах В.М. Шукшина как способу выстраивания бинарной оппозиции «свой-чужой» [2], И.П. Лапинской и М.А. Денисовой, изучающих топонимику Воронежа с позиций сохранения русской национальной культуры [3], М.В. Саратовой, выявляющей особенности репрезентации прошлого через концепт телесности в романе Марселя Байера «Кальтенбург» [4].

Секция «Дух, душа и тело: метаморфозы времени» представлена докладами Т.А. Вороновой, установившей, что перевод обращения является следствием отражения духа эпохи, Л.В. Недоступовой, предложившей рассматривать головные уборы и обувь жителей села как отражение русской души [5], Ю.С. Поповой и О.В. Сулеминой, выявивших особенности включения категории телесности в русские загадки, пословицы и поговорки [6], С.А. Скуридиной и Е.О. Кузьминых, проанализировавших специфику развития новых значений у лексем *душный* и возникновение неологизмов *душить* и *душила* [7].

В секции «Дух, душа и тело в журналистских и рекламных медиатекстах» Л.В. Сычевой был прочитан доклад о прецедентных текстах и языковой игре в СМИ и Н.С. Самойленко и К.И. Суховой об адаптации цифровых церемоний к образовательному он-лайн-процессу [8].

На заседании секции «Дух, душа и тело в контексте философской рефлексии» представлены работы А.В. Вохминцевой, направленная на выявление роли термина родства «отец» в духовном коде русского народа, и К.А. Суховой и Н.С. Самойленко, исследующих репрезентацию понятия «сила духа» в современных лирических произведениях патриотической направленности [9], а также Л.В. Ковалевой, рассматривающей феномен «тело» как философско-лингвистическую категорию, маркированную в трех уровнях его вербальной экспликации [10].

Отметим, что участниками секций были не только компетентные специалисты, но и молодые ученые, которые только прокладывают свой путь в науку – студенты направления «Журналистика», работавшие под руководством преподавателей кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета. А. Попова и М. Буряк обратились к визуальной поэзии как способу отражения духовности [11], Е. Дедова выявила новые грани самовыражения и социальной трансформации [12], А. Шебалкина выяснила соотношение духовного и телесного в женских образах в романе И.А. Гончарова «Обломов», Т.А. Кудаева описала репортажный жанр с точки зрения отражения телесного и духовного [13], К. Дмитриева рассказала о рекламных стратегиях как источнике духовного воздействия на потребителя [14] (научный руководитель – Новикова М.В.). М.Д. Рыцарев представил сравнительный анализ американского и немецкого кинематографа, Н.А. Федюнина, В.А. Павличенко обратились к особенностям немецко- и русскоязычных заголовков на материале газет «Коммерсантъ» и «Bild» [15] (научный руководитель – Ковалева Л.В.). А. Зацепин выявил роль музыки в формировании духовности молодежи, И. Русявый

проанализировал соматизмы в названиях музыкальных композиций в стиле хаус [16], А.О. Беспалову заинтересовало продвижение семейных ценностей в медиапространстве, а Д. Коломыц осуществила контентный анализ сообществ с названиями, содержащими лексему «психосоматика» в социальной сети «ВКонтакте» [17], А.А. Толкачева рассмотрела дополнительное образование как способ формирования мотивированной личности (научный руководитель – Скуридина С.А.). С.Д. Борисова с помощью метода анкетирования доказала, что термины дальнего родства в восприятии современной молодежи утрачивают свою актуальность, поскольку в настоящее время большинство живет в нуклеарных семьях [18] (научный руководитель – Вохминцева А.В.). А.А. Андреева, осуществив анализ интернет-комментариев, установила духовный и ценностный потенциал экранизации романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [19], В.С. Гаврилова в духовно-нравственном аспекте рассмотрела специфику использования образа матери в рекламе, Л.А. Михнова проанализировала имя *Пьеро* в газетном дискурсе [20], А.Д. Паршикова посвятила свой доклад освещению благотворительности в интернет-издании «Такие дела» в аспекте влияния на духовные ценности общества, А.Р. Мостепанова и М.М. Бородина рассказали о субкультуре косплея с точки зрения проявления телесности [21], М.А. Сабина рассказала об использовании стереотипов при создании медиаобраза РСО как духовно-нравственного студенческого ориентира [22], Е.Д. Старцева размышляла о специфике изображения тела в логотипах фитнес-центров г. Воронежа (научный руководитель – Кузьминых Е.О.). А. Гузева, К. Балахнина указала на лингвистические особенности интернет-языка и осветила его влияние на речь молодежи (научный руководитель – Карташова Е.Н.) [23]. М.Д. Клепов затронул тему души в современных подкастах, Д. Черных рассмотрел соотношение категорий «душа» и «тело» в военных заметках А. Платонова [24] (научный руководитель – Бугакова Н.Б.). А. Козлова представила особенности журналистики сферы досуга [25], А. Титова рассказала о медиаосвещении индустрии красоты [26] (научный руководитель – Попова Ю.С.).

Студенты негуманитарных направлений также приняли участие в работе конференции, например, М.В. Евенкова на материале народной речи рассказала о духе воронежских бродовчан [27], а К.Е. Козка о духе Шолоховской долгожительницы [28] (научный руководитель – Недоступова Л.В.).

Таким образом, конференция «Дух, душа и тело в мировой культуре» становится важным событием для всех, кто интересуется вопросами человеческой сущности, межкультурного диалога и взаимодействия духовного, душевного и телесного начал в жизни людей. Итоги конференции освещаются в сборнике научных работ ее участников. IV международная научная конференция «Дух, душа и тело в мировой культуре» состоится в осень 2025 года.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. Душа и тело в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 27-30.
2. Карташова Е.Н. Терминология родства в художественных текстах В.М. Шукшина как элемент би-нарной оппозиции «свой-чужой» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 59-65.
3. Лапинская И.П., Денисова М.А. Топонимика Воронежа как хранитель русской национальной культуры // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Буга-

кова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 153-155.

4. Саратова М.В. Репрезентация прошлого через концепт телесности в романе Марселя Байера «Кальтенбург» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 237-240.

5. Недоступова Л.В. Головные уборы и обувь рубашевцев как отражение русской души // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 184-188.

6. Попова Ю.С., Сулемина О.В. Телесность в русских загадках // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 217-219.

7. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Лексемы ДУШНЫЙ, ДУШНИЛА, ДУШНИТЬ в современном молодежном сленге // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 241-243.

8. Самойленко Н.С., Сухова К.И. К вопросу об адаптации цифровых церемоний к образовательному он-лайн-процессу // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 233-236.

9. Сухова К.И., Самойленко Н.С. Репрезентация понятия «сила духа» в современных лирических произведениях патриотической направленности // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 267-269.

10. Ковалева Л.В. Феномен «тело» как философско-лингвистическая категория, маркированная в трех уровнях его вербальной экспликации // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 119-121.

11. Новикова М.В., Буряк М.П., Попова А.С. Отражение духовности через призму развития визуальной поэзии // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 189-195.

12. Дедова Е.А., Новикова М.В. Отражение духовности через призму развития визуальной поэзии // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 59-65.

13. Новикова М.В., Кудаева Т.А. Специфика репортажного жанра // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 200-207.

14. Новикова М.В., Дмитриева К.Д. Рекламные стратегии как источник духовного воздействия на потребителя // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всерос-

сийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 196-199.

15. Ковалева Л.В., Павличенко В.А., Федюнина Н.А. Сопоставительный анализ заголовков русско- и немецкоязычных изданий (на материале изданий «КОММЕРСАНТЪ» и «STERN») // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 113-118.

16. Скуридина С.А., Русявый И.А. Соматизмы в названиях некоторых музыкальных композиций разных стилей // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 244-252.

17. Коломыц Д.О., Скуридина С.А. Сообщества с наименованиями, содержащими лексему «психосоматика», в социальной сети «ВКонтакте»: контентный анализ // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 126-129.

18. Вохминцева А.В., Борисова С.Д. Термины родства в восприятии современной молодежи (по результатам социологического опроса) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 42-45.

19. Андреева А.А., Кузьминых Е.О. Духовный и ценностный потенциал экранизации романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: анализ интернет-комментариев и отзывов // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 13-17.

20. Кузьминых Е.О., Михнова Л.А. Пьеро в газетном дискурсе: прецедентное имя и его духовные коннотации // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 146-152.

21. Кузьминых Е.О., Мостепанова А.Р., Бородина М.М. Субкультура косплея: телесность и трансформация образов // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 141-145.

22. Сабина М.А., Кузьминых Е.О. Духовно-нравственные характеристики РСО: использование стерео-типов при создании медиаобраза // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 227-232.

23. Карташова Е.Н., Гузева А.С., Балахнина К.Н. Лингвистические особенности интернет-языка и его влияние на речь молодежи // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 101-103.

24. Черных Д.А., Бугакова Н.Б. Категория телесности в картине мира А. Платонова (на материале Фронтальных заметок) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б.

Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 320-322.

25. Козлова А.А., Попова Ю.С. Журналистика сферы досуга // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 122-125.

26. Титова А.Д., Попова Ю.С. Медиаосвещение индустрии красоты // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 279-283.

27. Недоступова Л.В., Евенкова М.В. Дух воронежских бродовчан (на материале народной речи) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 175-179.

28. Недоступова Л.В., Козка К.Е. Дух Шолоховской долгожительницы, отраженный в народном говоре // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс] / отв. редактор Н.Б. Бугакова. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025. С. 180-183.

References

1. Bugakova N.B. Soul and body in A. Platonov's novel "Happy Moscow" // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025, pp. 27-30.

2. Kartashova E.N. Terminology of kinship in V.M. Shukshin's literary texts as an element of the binary opposition "friend and foe" // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 59-65.

3. Lapinskaya I.P., Denisova M.A. Toponymy of Voronezh as a guardian of Russian national culture // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 153-155.

4. Saratova M.V. Representation of the past through the concept of physicality in Marcel Bayer's novel "Kaltenburg" // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 237-240.

5. Nedostupova L.V. Headdresses and shoes of Rubashevites as a reflection of the Russian soul // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 184-188.

6. Popova Yu.S., Sulemina O.V. Corporeality in Russian riddles // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 217-219.

7. Skuridina S.A., Kuzminykh E.O. Lexemes STUFFY in modern youth slang // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference

[Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 241-243.

8. Samoylenko N.S., Sukhova K.I. On the issue of adapting digital ceremonies to the educational online process // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 233-236.

9. Sukhova K.I., Samoylenko N.S. Representation of the concept of "fortitude" in modern lyrical works of patriotic orientation // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 267-269.

10. Kovaleva L.V. The phenomenon of "body" as a philosophical and linguistic category marked in three levels of its verbal explication // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 119-121.

11. Novikova M.V., Buryak M.P., Popova A.S. Reflection of spirituality through the prism of the development of visual poetry // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 189-195.

12. Dedova E.A., Novikova M.V. Reflection of spirituality through the prism of the development of visual poetry // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 59-65.

13. Novikova M.V., Kudaeva T.A. The specifics of the reportage genre // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 200-207.

14. Novikova M.V., Dmitrieva K.D. Advertising strategies as a source of spiritual influence on the consumer // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025, pp. 196-199.

15. Kovaleva L.V., Pavlichenko V.A., Fedyunina N.A. Comparative analysis of the headlines of Russian- and German-language publications (based on the material of KOMMERSANT and STERN publications) // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N. B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 113-118.

16. Skuridina S.A., Rusyavy I.A. Somatisms in the names of some musical compositions of different styles // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 244-252.

17. Kolomyts D.O., Skuridina S.A. Communities with names containing the lexeme "psychosomatics" in the social network VKontakte: content analysis // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 126-129.

18. Vokhmintseva A.V., Borisova S.D. Kinship terms in the perception of modern youth (based on the results of a sociological survey) // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 42-45.

19. Andreeva A.A., Kuzminykh E.O. The spiritual and value potential of the film adaptation of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita": an analysis of Internet comments and reviews // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Prac-

tical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025, pp. 13-17.

20. Kuzminykh E.O., Mikhnova L.A. Pierrot in newspaper discourse: a precedent name and its spiritual connotations // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 146-152.

21. Kuzminykh E.O., Mostepanova A.R., Borodina M.M. Subculture of cosplay: corporeality and transformation of images // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 141-145.

22. Sabinina M.A., Kuzminykh E.O. Spiritual and moral characteristics of the Russian Orthodox Church: the use of stereo types in creating a media image // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 227-232.

23. Kartashova E.N., Guzeva A.S., Balakhnina K.N. Linguistic features of the Internet language and its influence on the speech of youth // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 101-103.

24. Chernykh D.A., Bugakova N.B. The category of physicality in A. Platonov's worldview (based on Frontline notes) // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 320-322.

25. Kozlova A.A., Popova Yu.S. Leisure journalism // Spirit, soul and body in world culture: proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 122-125.

26. Titova A.D., Popova Yu.S. Media illumination of the beauty industry // Spirit, soul and body in World Culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 279-283.

27. Nedostupova L.V., Evenkova M.V. The Spirit of Voronezh residents of Rostov (based on the material of folk speech) // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025. pp. 175-179.

28. Nedostupova L.V., Kozka K.E. The spirit of the Sholokhov long-lived woman reflected in the vernacular // Spirit, soul and body in world culture: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference [Electronic resource] / editor-in-chief N.B. Bugakova. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2025, pp. 180-183.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1 (56) 2025

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 31.03.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 22,3. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 26 экз. Заказ № 52
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84